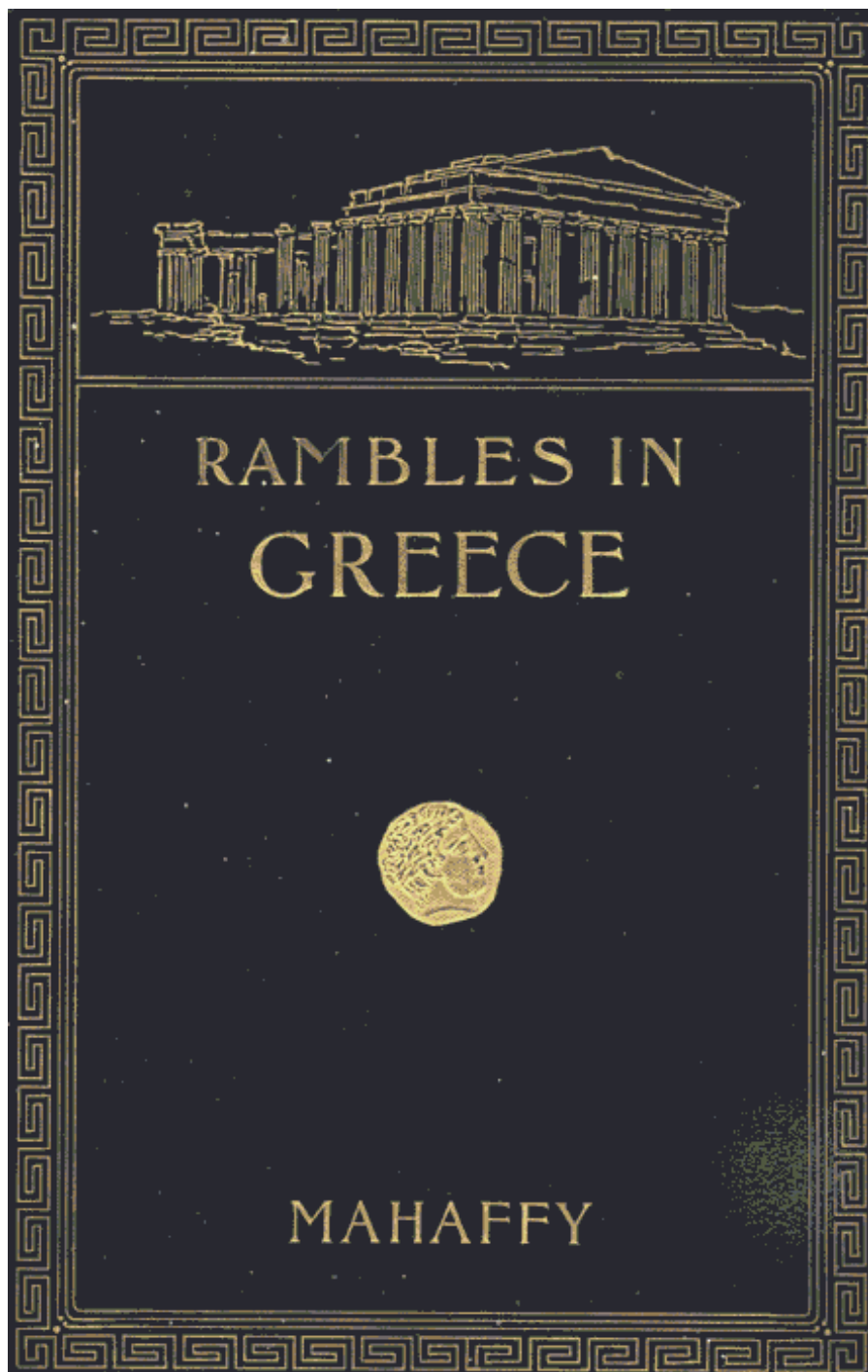

Путешествия по Греции

Дж. П. Махаффи

The Project Gutenberg eBook of Rambles and Studies in Greece.

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинстве других частей света без каких-либо затрат и почти без ограничений. Вы можете копировать ее, дарить ее или использовать повторно на условиях Лицензии Проекта Гутенберга, прилагаемой к этой электронной книге или на сайте www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, то перед использованием этой электронной книги вам придется ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь.

Название: Rambles and Studies in Greece

Автор: J. P. Mahaffy

Дата выхода: 16 февраля 2011 [eBook #35298]

Последнее обновление: 25 марта 2020 г.

Язык: Английский

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА GUTENBERG EBOOK RAMBLES AND STUDIES IN GREECE ***

ПУТЕШЕСТВИЯ ПО ГРЕЦИИ

Акрополь, Афины

ПУТЕШЕСТВИЯ И ИССЛЕДОВАНИЯ В ГРЕЦИИ

ДЖ. П. МАХАФФИ

РЫЦАРЬ ОРДЕНА СПАСИТЕЛЯ;

АВТОР КНИГ "СОЦИАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ В ГРЕЦИИ", "ИСТОРИЯ ГРЕЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ",
"ГРЕЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ И МЫСЛЬ СО СМЕРТИ ГРЕКА".

"ГРЕЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ И МЫСЛЬ ПОСЛЕ СМЕРТИ АЛЕКСАНДРА"; "ГРЕЧЕСКИЙ МИР ПОД
ВЛАСТЬЮ РИМА".

"ГРЕЧЕСКИЙ МИР ПОД ВЛАСТЬЮ РИМЛЯН" И ДР.

ИЛЛЮСТРАЦИЯ

ФИЛАДЕЛЬФИЯ

HENRY T. COATES & CO.

1900

HUNC LIBRUM

Эдмундо Уайатт Эдгелл

OB INSIGNEM

INTER CASTRA ITINERA OTIA NEGOTIA LITTERARUM AMOREM

OLIM DEDICATUM

NUNC CARISSIMI AMICI MEMORIAE

CONSECRAT AUCTOR

[pg vii]

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Мало найдется людей, которые, побывав в Греции однажды, не стремятся посетить ее снова. И все же, когда вернувшийся путешественник встречает обычного друга, который спрашивает его, где он был, следующим замечанием обычно бывает: "Дорогой мой! Разве ты не был там раньше? Почему ты так любишь ездить в Грецию?". Есть даже люди, которые представляют себе поездку в Америку гораздо более интересной, а на поездку в Испанию смотрят как на то же самое - южный климат, плохая еда, грязные гостиницы и общий дискомфорт, который неприятно переносить, хотя и приятно описывать потом в уютном английском доме.

Это очень невежественный взгляд на дело, поскольку, за исключением Южной Италии, нет страны, которая могла бы сравниться с Грецией по красоте и интересности для разумного путешественника. Это не страна удобств, хотя климат здесь великолепный, а отели в Афинах не хуже, чем в большинстве европейских городов. Это не страна для общества, хотя общество в Афинах превосходное и гораздо более доступное, чем в большинстве европейских столиц. Но если человек любит большие [pg viii] эффекты природных пейзажей,

он найдет в Южных Альпах и фьордах Греции такое разнообразие и богатство красок, какого нет ни в одной другой части Европы. Если он любит детали природных пейзажей, цветы, кустарники и деревья, он найдет дикие цветы и цветущие деревья Греции более разнообразными, чем все, что он когда-либо видел. Если он захочет изучить национальный характер, особенности нравов и обычаев, то найдет в выносливых горцах Греции одно из самых нереформированных обществ, едва ли еще затронутое великой волной единообразия, которая захватывает всю Европу в одежде, тканях и обычаях. И все же, несмотря на глупости, которые до сих пор говорят в Англии о разбойниках, он обнаружит, что без войск, или полиции, или патрулей, или любых других меланхолических гарантий, которые сейчас так навязчивы в Англии и Ирландии, жизнь и собственность в такой же безопасности, как когда-либо были в наших самых цивилизованных домах. Пусть он не знает ни слова из истории или искусства, он все равно будет вознагражден всеми этими естественными удовольствиями; возможно, если он политик, он сможет изучить неудовлетворительные результаты конституции, созданной по заказу, и системы бесплатного образования, насаждаемой в народе, не имеющем политической подготовки, но обладающем высоким интеллектом.

Нужно ли добавлять, что как для Цицерона вся земля была одной огромной святыней освященных воспоминаний - *quocunque incedis, historia est*, - так и для культурного человека это великолепие ассоциаций только возрастало с течением времени и более высокой оценкой человеческого [pg ix] совершенства. Даже если бы такая земля была мертва для всех дальнейших изменений и представляла собой лишь запись в руинах прошлого, я не знаю, чтобы любой человек, склонный к размышлениям, мог бы удовлетвориться созерцанием ее. Если бы он пересматривал Парфенон в его нынешнем виде каждый год своей жизни, он всегда был бы свежим, всегда поражал бы воображение. Но Греция - растущая страна, как в молодости, так и в старости. Стремительное развитие нации меняет облик страны, прокладывая новые дороги и улучшая коммуникации, повышая уровень знаний среди людей и делая доступными многие места, которые раньше были недоступны для коротких праздничных визитов. Небезопасность, преследовавшая турецкую границу, была оттеснена на север; новые Альпы и новые монастыри оказались в пределах досягаемости Греции. И это не считая того, что было сделано для восстановления прошлого. Каждый год проводятся новые раскопки, находят новые сокровища, поднимаются новые проблемы в археологии, решаются старые; и так при каждом посещении появляется целая масса нового материала для студента, который чувствует, что еще не постиг того, что уже было.

Путешественник, посетивший страну после четырех или пяти лет перерыва, найдет в Афинах музей Шлимана, приведенный в порядок, где перед его изумленным взором предстанут непревзойденные сокровища Микен. Он найдет египетский музей необычайного достоинства - дар патриотически настроенного александрийского купца, в котором [pg x] две фигуры - царицы из бронзы и серебра и раба, замешивающего хлеб, из дерева, - которые одни только могли бы сделать репутацию любой коллекции во всей Европе. В музее Парфенона он найдет знаменитую статуэтку, скопированную с "Афины" Фидия, и недавнее чудо - архаичные статуи, на которых яркость красок поражает не больше, чем лепка фигур.

И это только самые яркие новинки. Действительно, очевидно, что если бы не новый город на месте старого, то открытия в Афинах могли бы совершаться, возможно, каждый год, что позволило бы реформировать и расширить наши знания о жизни и истории Греции.

Но Афины быстро превращаются в великий и богатый город. В нем уже проживает 110 000 человек, не считая Пейреев; соответственно, кроме как при рытье фундаментов для новых домов, невозможно найти место для серьезных раскопок. Плата за жилье чрезвычайно высока, а строительство настолько срочно, что обычный каменщик получает от восьми до

десяти франков в день. За таким быстрым ростом должно последовать такое же увеличение богатства окружающей страны, где все мелкие собственники должны превратить свои земли в рыночные сады. Я убедился, что они либо не могут, либо (как мне сказали) не хотят идти в ногу с растущими потребностями города. Они довольствуются малым и позволяют городу плохо и дорого снабжаться из Салоник, [pg xi] Сиры, Константинополя и островов, в то время как мясо тоннами поступает из Америки. Как сильно отличаются страны вокруг Парижа и Лондона!

Но это отступление в пошлые темы, тогда как я всего лишь хотел сообщить читателю, какие интеллектуальные новинки он найдет, вновь посетив Афины. Ведь в современных путешествиях нет ничего более рабского, чем неспособность студента, из-за нехватки времени в долгих поездках или отсутствия контроля над транспортом, остановиться и изучить что-то, что поражает его рядом его пути. И это главная причина, по которой восточные - и пока еще греческие - путешествия являются самыми лучшими и поучительными из всех.

Вы можете остановить своего пони или мула, можете свернуть с пути, который называется вашей дорогой, вы не вынуждены догонять поезд или пароход в определенный момент. Когда в Греции появятся дороги и рельсы, сотни людей поедут посмотреть на ее красоты и памятники и поздравят себя с тем, что страна наконец-то стала доступной. Но настоящее очарование исчезнет. Не будет больше прогулок на рассвете по апельсиновым и лимонным садам, где сочные плоды лежат на земле, а соловьи, которые никак не закончат свою буйную мелодию, все еще доносят из темно-зеленого мрака звуки дня открытия. Больше не придется наблюдать, как сияющий восток пересекает серебристо-серый блеск росистых лугов; не придется больше бродить по травянистым склонам, где алые анемоны, все [pg xii] окунутые в ночную росу, стремятся поднять свои поникшие головки и открыть великолепные глаза, чтобы встретить восходящее солнце. Больше не придется наблюдать за змеей и черепахой, орлом и стервятником, а также за всеми живыми существами, чьи повадки и образ жизни оживляют солнечные просторы юга. Сейчас греки говорят о том, что идут в Европу, а приходят из Европы, и это справедливо, ведь Греция по-прежнему, как и всегда, остается частью Востока. Но близится день, когда просвещенные политики, такие как г-н Трикупи, будут настаивать на внедрении во все отдаленные уголки цивилизации Европы, со всеми ее благами, но и со всем ее шокирующим уродством, глупой поспешностью и рабским единообразием.

В заключение я хочу сделать предупреждение археологу, которое относится ко всем любителям, посещающим раскопки и не имеющим возможности увидеть то, что было сообщено настоящими раскопщиками. Как никто не в состоянии увидеть следы раскопок, кроме подготовленного человека, который знает не только археологию, но и архитектуру, и который изучил накопление грунта в различных местах и формах, так и наблюдатель, который приходит на место через несколько лет и ожидает найти все следы неизменными, совершает грубейшую ошибку. Как заметил мне доктор Дёрпфельд, ныне один из высочайших авторитетов в подобных вопросах, если бы вы отправились в Гиссарлык, ожидая найти там четко обозначенные различные пласты последовательных занятий, вы бы показали, что вы [pg xiii] невежественны в отношении первых элементов практического знания. Ведь в любом климате, а особенно в этих южных землях, природа быстро скрывает то, что было обнажено человеком; всевозможные растения растут вдоль и поперек линий, которые в только что сделанной вырубке были четкими и ясными. Через несколько лет все это место снова превращается в тормоз или травянистый склон, и отчет копателей остается единственным свидетельством, пока почва снова не будет вскрыта таким же образом. Я сам

видел, как в Олимпии таким образом исчезали важные линии. Доктор Пургольд показал мне, где линия, обозначающая набережную стадиона - он никогда не был окружен каменными сиденьями, - быстро исчезала, а план фундамента покрывался кустарником и травой. День посещения и проверки троянских раскопок почти прошел. Все раскопки исчезнут, если за ними не будет установлен постоянный надзор; и ожидать этого от греческого народа, который знает, что ему предстоит найти еще бесконечное количество сокровищ в новых местах, - больше, чем можно было бы ожидать. Надлежащей гарантией является то, что делает д-р Шлиман, - иметь при себе не только греческого эфоса или надзирателя - как правило, очень компетентного ученого, но иногда не очень дружелюбного свидетеля иностранных триумфов, - но и первоклассного архитектора, чье совместное наблюдение исправит любую поспешность или ошибку, [pg xiv] и таким образом в устах двух или более свидетелей каждое слово будет подтверждено.

Продолжая, я не могу не отметить, как странно, что среди множества богатых людей в мире, исповедующих интерес к археологии, не нашлось ни одного, кто взялся бы за эту работу, как это сделал доктор Шлиман, чтобы обогатить науку великолепными полями новых доказательств и проиллюстрировать искусство не только наивными усилиями его младенчества, но и забытыми образцами совершенной и несравненной формы.

Это новое издание составлено с целью удовлетворить спрос на книгу как на справочник путешественника, несколько менее дидактичный, чем официальные путеводители, но, надеюсь, более живописный. С этой целью я добавил новую главу о средневековой Греции, а также множество параграфов с новой информацией, особенно о поездке на гору Эриманф, [стр. 343](#), sqq. Я исправил многие утверждения, которые теперь устарели в результате недавних открытий, и стер следы разногласий, оставленные вторым изданием. Ибо критика на книгу мертва, а книга жива. Мне очень приятно знать, что многие посетители Греции находят в ней приятного собеседника.

Тринити-колледж, Дублин,
Февраль, 1892.

[pg xv]

СОДЕРЖАНИЕ.

ЧАП.	СТРАНИЦА
I. ВВЕДЕНИЕ - ПЕРВЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ О ПОБЕРЕЖЬЕ	1
II. ОБЩИЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ ОБ АФИНАХ И АТТИКЕ	30
III. АФИНЫ - МУЗЕИ - ГРОБНИЦЫ	55
IV. АФИНСКИЙ АКРОПОЛЬ	89
V. АФИНЫ - ТЕАТР ДИОНИСА - АРЕОПАГ	122
VI. ЭКСКУРСИИ ПО АТТИКЕ - КОЛОНУС - ГАВАНИ - ЛАУРИУМ - СУНИУМ	152
VII. ЭКСКУРСИИ ПО АТТИКЕ - ПЕНТЕЛИК - МАРАФОН - ДАФНА - ЭЛЕВСИС	184

VIII. От Афин до Фив - Парнесский и Китеронский перевалы, Элевтерия, Платея	215
IX. Орхоменская равнина, Ливадия, Херонея	248
X. Арахова-Дельфи - залив Кирра	274
XI. Элида - Олимпия и ее игры - Долина Алфея - Гора Эриманф - Патры	299
XII. Аркадия-Андрицена-Басса-Мегалополь-Триполица	351
XIII. Коринф-Тиринс-Аргос-Науплия-Гидра-Егина-Эпидавр	388
XIV. Кинурия-Спарта-Мессена	435
XV. Микены и Тиринс	456
XVI. Средневековая Греция	492
ИНДЕКС	531

[стр. xvii]

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ.

Фотогравюры от A. W. ELSON & Co.

	СТРАНИЦА
АКРОПОЛЬ, Афины	Фронтиспис
ВДОЛЬ ПОБЕРЕЖЬЯ ОТ ТРОНА КСЕРКСА	30
ЭРЕХТЕЙ С ЗАПАДА, Афины	36
ГРОБНИЦА С УЛИЦЫ САКРА, Афины	78
ЧАСТЬ ЗАПАДНОГО ФРИЗА ПАРФЕНОНА, Афины	110
ТЕАТР ДИОНИСА, Афины	122
МАРСОВ ХОЛМ, Афины	140
ПИРЕЙ	160
ЛАУРИУМ	168
ГОРА ЛИКАБЕТТУС, Афины	188
ВИД НА МОРЕ СО СТОРОНЫ СОРОСА, МАРАФОН	198
САЛАМИС, С ДРУГОЙ СТОРОНЫ ЗАЛИВА	206
ХРАМ МИСТЕРИЙ, ЭЛЕВСИС	212
ГРЕЧЕСКАЯ ПАСТУШКА, Олимпия	274
ХРАМ АПОЛЛОНА, Дельфы	284
БЕРЕГА КЛАДЕУСА	302
СТАТУЯ НИКЕ РАБОТЫ ПЭОНИЯ	306
ХОЛМ КРОНИОН, Олимпия	318
ВХОД НА СТАДИОН, Олимпия	330
ДОЛИНА АЛФЕЯ	342

ГРЕЧЕСКИЙ КРЕСТЬЯНИН В НАЦИОНАЛЬНОМ КОСТЮМЕ	380
ХРАМ В КОРИНФЕ	392
СЦЕНА В ОКРЕСТНОСТЯХ КОРИНФА, АКРОКОРИНФ ВДАЛИ	395
ГАЛЕРЕЯ В ТИРИНЕ	406
ПАЛАМЕДИ, НАУПЛИИ	424
СКУЛЬПТУРНЫЙ ЛЕВ, НАУПЛИИ	428
ПЕРЕВАЛ ЛАНГАДА	446
АРКАДИЙСКИЕ ВОРОТА, МЕССЕНА	452
АРГИВСКАЯ РАВНИНА	458
ЛЬВИНЫЕ ВОРОТА, МИКЕНЫ	472

[стр. 1]

ГРЕЦИЯ.

ГЛАВА I.

ВСТУПЛЕНИЕ - ПЕРВЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ О ПОБЕРЕЖЬЕ.

Путешествие в Грецию на первый взгляд не кажется чем-то грандиозным. Мы все ездим в Италию и обратно, как раньше во Францию. Поездка в Рим или даже в Неаполь - это теперь дело пасхального праздника. А разве Греция не находится совсем рядом с Италией на карте? Что означает узкое море, разделяющее их? Так мог бы сказать человек, который занимался только географией и не обращал внимания на преподавание истории. Ведь изучающий историю не может смотреть на эти два полуострова, не поражаясь тому факту, что они, говоря историческим языком, повернуты спиной к спине; что в то время как лицо Италии повернуто на запад и смотрит в сторону Франции и Испании, а также через нас, лицо Греции смотрит на восток, в сторону Малой Азии и Египта. Все великие города Италии, кроме Венеции, выходят к Западному морю - Дженоа, Пиза, Флоренция, Рим, Неаполь. Вся древняя история Рима, его [pg 2] развитие, его слава лежат на западе от Апеннин. Пересекая их, вы попадаете в то, что называют задней частью Италии; и вы чувствуете, что в этой плоской стране и на этой прямой береговой линии вы отделены от ее истинной красоты и очарования.¹ И наоборот, в Греции весь вес и достоинство ее истории тяготеют к восточному побережью. Все ее великие города - Афины, Фивы, Коринф, Аргос, Спарта - находятся на этой стороне. Их ближайшими соседями были города побережья Малой Азии и Кикладских островов, но западные берега были для них бесприютными и чужими. Если вы пройдете мыс Малеа, говорили они, то забудьте о своем доме.

Так и получилось, что побережья Италии и Греции, которые кажутся такими близкими, являются отдаленными и труднодоступными частями стран, к которым они принадлежат; и если вы хотите попасть из настоящей Италии в настоящую Грецию, то самый длинный путь -

это путь от Бриндизи до Корфу, потому что вам придется еще проехать через всю Италию до Бриндизи, а от Корфу до Афин. Самый короткий путь - сесть на корабль в Неаполе, и вас пронесут по Италии и по Греции, от культурных центров на западе Италии до культурных центров (таких, какие они есть) на востоке Греции. Но это [pg 3] не пустяковый переход. Когда корабль отчаливает от берегов Калабрии и выходит в открытое море, вы чувствуете, что наконец-то покинули запад Европы и отправляетесь в восточные моря. Более того, вы находитесь в открытом море - неистой Адриатике, в которой я видел штормы, сравнимые с Атлантическим океаном, и которые порой запрещали даже паровое судоходство.

Я могу на мгновение отвлечься и сказать, что даже сейчас лицо Афин обращено, как и в старину, на Восток. Ее торговля и связи осуществляются через Левант. Ее главные сношения - с Константинополем, Смирной, Сирой и Александрией.

Эта любопытная параллель между древними и современными географическими позициями в Греции, несомненно, во многом обусловлена ушедшим турецким владычеством. В дополнение к другим контрастам, магометанское правление и восточная ревность, долгое время неизвестные в Западной Европе, впервые настигали путешественника, когда он касался берегов Греции; и эта зависимая страна когда-то действительно была частью великой Азиатской империи, где все интересы и связи тяготели на восток, прочь от христианского и более цивилизованного Запада. Революция, изгнавшая турок, не смогла искоренить идеи, которые усвоили их подданные; и поэтому, несмотря на ненависть греков к турку, его влияние все еще живет в Греции тысячами способов.

[pg 4]

В течение многих часов после того, как берега Калабрии скрылись в ночи, и даже после того, как снежный купол Этны пропал из виду, наш корабль плыл по открытому морю, не видя земли; но нам сказали, что рано утром, на рассвете, будут видны берега Греции. Поэтому, пока остальные спали, я поднялся в половине третьего, стремясь как можно скорее увидеть землю, которая до сих пор занимает такое большое место в наших мыслях. Было мягкое серое утро; небо было покрыто легкими рваными облаками; палуба была мокрой от прошедшего ливня, последние капли которого еще летали в воздухе; перед нами, на расстоянии около десяти миль, берега и мысы Пелопоннеса уходили на юг в спокойное море. Эти длинные зубчатые хребты не выглядели ни возвышенными, несмотря на покрытые снегом вершины, ни негостеприимными, несмотря на грубые очертания, но все они были выдержаны в гармоничном цвете - глубоком пурпурно-синем, с отдельными пятнами чистого снега на дальних аркадских вершинах и на гребне горы Тайгет. В отличие от широких просторов итальянского побережья, его открытых морей, его длинных горных волн, здесь все было изломанным, изрезанным и разнообразным. Море было усеяно скалистыми островами, а земля изрезана глубокими, узкими заливами. Я никогда не смогу забыть сильное и необычное впечатление от этого первого вида Греции; и не перестану удивляться странному сходству, которое возникло в моем сознании и которое [pg 5] заставило меня думать о заливах и скалистых берегах на западе и юго-западе Ирландии. Здесь было такое же пасмурное, дождливое небо, которое так часто встречается в этих местах; такие же зубчатые очертания холмов, такое же обилие мысов, скалистых островов и замкнутых бухт. Нигде я не видел светло-фиолетового цвета, разве что в диких местах Керри и Коннемары; и хотя общая высота греческих гор, о чем свидетельствовал майский снег, была гораздо больше, чем ирландских, в то утро и при таком освещении они выглядели низкими и домашними, не демонстрируя своего величия, не вызывая благоговения и удивления, а скорее притягивая взгляд своим удивительным изяществом, разнообразием и богатством очертаний и цвета.

Я стоял там, не знаю, сколько времени, без путеводителя или карты, называя себе название каждой горы и мыса, и таким образом заполнял пустые названия и очертания многих книг свежей реальностью. Вот западное побережье Элиса, насколько хватало глаз, - наименее интересная часть вида, как и истории Греции; затем более богатые и разнообразные очертания Мессены с ее заливом, трижды прославленным с большими интервалами и еще долгие века празднично питавшимся этой славой; Пилос, Сфактерия, Наварино - каждое имя в эллинской истории было передовым. Над заливом виднелись те богатые склоны, которые спартанцы облюбовали [pg 6] давности и которые, как я видел, были покрыты золотой кукурузой. Три мыса, которые придают Пелопоннесу "его плосколистную форму" ², еще лежали перед нами параллельно, и их очертания были неясны; но огромное скопление высот и пересекающихся цепей, которые сразу говорили об альпийском характере полуострова, заставляли вспомнить другое замечание географа, в котором он называет его Акрополем Греции. Слова старого Геродота также воскрешают в памяти новую реальность, когда он говорит о бедной и каменистой почве страны как о "суровой кормилице свободы".

Чем ближе корабль, тем больше проявляется эта особенность; несомненно, значительно усиленная в более поздние времена депопуляцией и общим упадком, когда многие пахотные участки лежали в запустении, но все же необходимая во все времена, когда большая часть страны состоит из скалистых вершин и обрывов, где может пастись коза, но где орел строит надежную защиту от руки человека. Побережье, некогда изобиловавшее транспортом, теперь одиноко и пустынно. Одиноким парус в большом заливе Корон и несколько жалких хижин, различимых с помощью телескопа, только усиливали ощущение одиночества. Это действительно была "Греция, но живой Греции больше нет". Даже пираты, укрывавшиеся в этих бухтах и нагорьях [pg 7], покинули этот край, в котором теперь нечего [грабить](#) ³.

Но когда мы пересекли устье залива, взгляд с восторгом устремился на далекие белые домики вдоль возвышенности восточной стороны - то есть вдоль горных склонов, вдающихся в мыс Тайнарон; и телескоп вскоре сделал их отчетливыми и дал нам первую возможность обсудить современную греческую жизнь. Мы стояли у берегов Майны - родины тех майнотов, которых Байрон так прославил как пиратов, героев, любовников, убийц; и даже сейчас, когда прошли волнующие дни войны и пиратства, вся округа сохраняет вид страны, находящейся в состоянии осады или вечной опасности. Вместо деревень, окруженных мирными усадьбами, каждый дом майноте, хотя и стоял отдельно, был обнесен стеной, а в центре возвышалась высокая квадратная башня, в которой, по словам заслуживающих доверия путешественников, мужчины майноте проводили день, наблюдая за своими врагами, а только женщины и дети осмеливались обрабатывать поля. Ведь эти свирепые горцы не только постоянно бросали вызов [pg 8] турецкой власти, которая так и не смогла покорить их окончательно, но и занимались дома междоусобной враждой, о происхождении которой часто забывали, но последствия которой оставались в виде мести за жизнь родственника. Когда она была взыскана с одной стороны, обязательство переходило к другой; и так поколение за поколением они проводили свою жизнь в поисках или избегании мести. Эта более чем корсиканская [вендетта](#) ⁴ была, в силу своего рода средневекового рыцарства, запрещена женщинам и детям, которые, таким образом, находились в полной безопасности, в то время как их мужья и отцы подвергались ежедневной и смертельной опасности.

Они считаются самыми чистыми по крови из всех греков, хотя не похоже, что их диалект ближе к древнегреческому, чем диалект их соседей; но по красоте лица и независимости духа они занимают первое место среди жителей Пелопоннеса, и, несомненно, среди них должно быть много старой мессенской крови. Большая часть страны бесплодна, но есть апельсиновые леса, которые приносят самые вкусные плоды - настолько крупные и сочные,

что все остальные апельсины кажутся мелкими и безвкусными. Сейчас страна совершенно безопасна для посещения, а люди чрезвычайно гостеприимны, хотя их рацион не очень приятен для северного путешественника.

[pg 9]

Так за разговорами и анекдотами о майнотах - ведь все теперь были на палубе и осматривали достопримечательности - мы приблизились к классическому мысу Тайнарон, почти южной точке Европы, где когда-то стоял великий храм Посейдона - не сохранившийся до нас, как и его родственник на Суниуме, - и где когда-то тоже был вход в область мертвых. И, словно в напоминание о самой красивой легенде, дельфины, подружившиеся с Арионом в давние времена и доставившие его сюда на сушу, поднялись в спокойном летнем море и стали играть вокруг корабля, показывая свои причудливые формы над водой и следуя нашим курсом, как бы сопровождая нас в родные моря и острова истинной Греции. Как ни странно, во многих других путешествиях по греческим водам мы видели этих дельфинов лишь однажды; и здесь, как и в других местах, старая легенда, полагаю, основывалась на том, что именно здесь, из всех их обширных владений, находился любимый курорт этих существ, к которым поэты древности испытывали столь сильную симпатию.

Но пока дельфины занимали наше внимание, мы очистили мыс Матапан и глубокий залив Асине и Гитиум - фактически, перед нами открылся залив Спарты. Мы напрягли зрение, чтобы разглядеть черты "полого Лакедемона" и увидеть все очертания этого знаменитого залива, через который в дни своего величия проходили многие спартанцы. Спарта находится далеко от моря, вероятно, в двенадцати или пятнадцати [pg 10] милях; но это место отмечено для каждого зрителя, на всем Пелопоннесе и его побережье, зубчатой вершиной горы Тайгет, даже в июне покрытой снегом. В лесах на ее склонах молодые спартанцы целыми днями охотились со своими знаменитыми лаконскими гончими, а после грубого ужина развлекали вечер рассказами о своих опасностях и успехах. Но, как и следовало ожидать, от пяти деревень, составлявших знаменитый город, остались лишь немногие остатки. Старый порт Гитиум все еще является портом, но и здесь "мокрые пути" и море, некогда покрытое лодками, которое греческий поэт-комик назвал "морскими муравьями", опустели.

Мы были пестрой компанией на борту - русские, греки, турки, французы, англичане; и среди всех них нетрудно было найти приятных собеседников и завести увлекательную беседу. Я обратился к турецкому джентльмену, который безразлично говорил по-французски. "Не правда ли, - сказал я, - очень жаль видеть это прекрасное побережье в таком запустении?" "Действительно, очень жаль, - ответил он, - но чего можно ожидать от этих греков? Все они пираты и грабители, все они лжецы и плуты. Если бы туркам позволили владеть страной, они бы улучшили ее и развили ее ресурсы; но с тех пор как греки стали независимыми, все пришло в упадок. Дороги разрушены, коммуникации заброшены; [pg 11] народ эмигрирует и исчезает - в общем, ничего не процветает".

Вскоре я оказался рядом с греческим джентльменом, от которого старательно перенимал первые необходимые фразы и вежливости современного греческого, и, чтобы развлечься, задал ему тот же вопрос. Я получил ожидаемый ответ. "Ах! - сказал он, - турки, турки! Когда я думаю, как эти злодеи разрушили нашу прекрасную страну! Как может страна процветать или благоденствовать при такой одиозной тирании?" Я рискнул предположить, что турки уже пять и сорок лет как исчезли, и что грекам давно пора увидеть плоды восстановленной свободы. Нет, было еще слишком рано. Турки вырубили все леса и тем самым испортили климат; они разрушили города, разбили дороги, поощряли разбойников - в общем, они оставили страну в таком состоянии, что ее не вылечат столетия.

Вердикт Европы - в пользу греческого джентльмена; но можно было бы предположить, если бы мы были так настроены, что величайшее и самое безнадежное из всех этих горестей - полное обезлюдение страны - не является заслугой ни современных греков, ни турок, ни даже славянских орд Средневековья. Это бедствие обрушилось на Грецию почти внезапно, сразу после потери ею независимости, и историки и физи [pg 12] иологи до сих пор смогли объяснить его лишь частично.⁵

Об этом самом побережье, на которое мы смотрели, географ Страбон, примерно во времена Христа, говорит, что "в древности Лакедемон насчитывал сто городов, а в его время осталось только десять". Итак, сумма преступлений как греков, так и турок может быть уменьшена на единицу. Но я, понимая, что каждый из них был бы крайне возмущен таким историческим смягчением вины другого, "умолчал даже о добрых словах".

Эти диалоги завораживали нас до тех пор, пока мы почти внезапно не оказались перед мысом Малеа, справа от которого находился остров Кitera (Сериго). Этот остров мало чем знаменит в истории. По-видимому, в очень давние времена у финикийцев было здесь поселение для ловли пурпурных раковин, которыми славились берега Лаконии; и они, несомненно, основали здесь поклонение сидонской богине, которую греки превратили в Афродиту (Венеру). Во время Пелопоннесской войны мы слышим, что афиняне использовали его как станцию для своего флота, когда опустошали соседние берега. На самом деле, их военно-морская мощь использовала его в качестве такого же [pg 13] нарыва (ἐπίτεῖχος) на Спарте, каким была Декелея, когда ее занимали спартанцы в Аттике.

Мыс Малеа более известен. В былые времена он был границей родных греческих вод, преградой для любой хорошей погоды и регулярных ветров, местом штормов и кораблекрушений, порталом в негостеприимное открытое море; и мы можем представить себе восторг торговца-авантюриста, отважившегося пересечь западные моря, чтобы собрать серебро и свинец в шахтах Испании, когда он огибал страшный мыс, направляясь домой на своем тяжело груженом корабле, и оглядывался на тихое Эгейское море. Бесплодный и скалистый мыс теперь имеет свою новую особенность. На самой его оконечности есть небольшая платформа, возвышающаяся над водой, и добраться до нее с суши можно только по крутой козьей тропе. Здесь отшельник построил себе крошечную хижину, возделывал свой маленький участок кукурузы и жил в одиноком море, не имея никакого общества, кроме бродячих проходящих [кораблей](#)⁶. Когда Греция была густо заселена, он вполне мог быть вынужден искать здесь одиночества; но теперь, когда почти в любой горной цепи он мог найти достаточно уединения и безлюдья, кажется, будто поэтический инстинкт, который так часто руководит невежественным и бессознательным анкоритом, направил его в это место, которое странным образом сочетает в себе уединение и публичность и которое ex [pg 14] вызывает любопытство, но запрещает вторжение каждому неосторожному пассажиру на Восток.

Так мы вошли в Эгейское море, настоящую магистраль греков, опору их коммуникаций - море, и все же не море, а обрамление бесчисленных мысов и островов, которые всегда на виду, чтобы придать уверенности моряку на самой маленькой лодке. Самым ярким объектом нашего обзора были зубчатые очертания гор Крита, расположенных далеко на юго-востоке. Хотя день был серым и пасмурным, атмосфера была совершенно прозрачной и позволила нам увидеть эти очень далекие Альпы, на которых снег все еще лежал большими полями. Цепь Иды вернула нас к старым легендам о Миносе и его островном царстве. Невозможно представить себе более безопасное место для империи державы, пришедшей с юга, чем эта длинная полоса гор, к которой половина островов Эгейского моря могла бы подать сигнал во время войны или [пиратства](#)⁷. Сохранившиеся до нас легенды о Миносе - человеческие

жертвоприношения Минотавру, враждебность к Тесею, отождествление Ариадны с легендами о Вакхе, столь восточными и оргиастическими по своему характеру, - заставляют нас с какой-то инстинктивной уверенностью чувствовать, что власть Миноса была [pg 15] не эллинской, а финикийской империей, из которой, как впоследствии из Карфагена, они управляли далекими побережьями и островами для целей торговли. Как мы знаем, в дни своего величия они поселились в Коринфе, Фивах и, возможно, в Афинах, но, похоже, всегда были там чужаками и странниками, в то время как на Крите они сохраняли оплот своей власти. Фукидид считает, что главной целью Миноса было подавить пиратство и защитить торговлю; вероятно, так оно и было, хотя у нас нет доказательств на этот счет. Историк, очевидно, рассматривает эту старую критскую империю как более древнюю модель афинской, но расположенную в гораздо более выгодном месте и не подверженную опасностям, которые стали причиной гибели Афин.

Ближайшие острова были небольшими и не пользовались известностью, но каждый из них напоминал горную вершину, выходящую из затопленной долины, каменистую и голую. Мелос был дальше, но совершенно отчетливо виден - старая сцена афинского насилия и жестокости, для Фукидида столь впечатляющая, что он драматизирует происшествия и переходит от холодного повествования и ораторского искусства к диалогу между угнетателями и угнетенными. Мелийский голод был давно известен грекам, и здесь модный и аристократичный Алкивиад применял аргументы и проводил ту самую политику, которую кожевник Клеон не мог предложить, не подвергаясь поношению со стороны великого историка [pg 16] риана, которого он сделал своим врагом. Этот и другие острова, на которые материковые греки всегда смотрели с некоторым презрением, в последнее время привлекают особое внимание археологов. Говорят, что среди жителей островов теперь можно найти остатки древнегреческого типа - это наблюдение я нашел полностью оправданным после короткого пребывания на острове Эгина, где среди жителей можно найти самые типы фриза Парфенона, если путешественник будет старательно их искать. Самый благородный и совершенный тип греческой красоты, действительно, пришел к нам с Мелоса, но не в реальной жизни. Это знаменитая Венера Мелосская - самое чистое и совершенное изображение этой богини, которое ставит в неловкое положение низшие идеалы, которыми так восхищаются в музеях Италии.⁸

Еще одно замечание должно быть сделано в справедливости по отношению к островам: группы Феразии и Санторина, которые лежат вокруг кратера большого действующего вулкана, предоставили нам не только самые древние формы греческого алфавита в своих надписях, но и самые древние остатки жителей в любой части Греции. В них, под лавовыми склонами, образовавшимися в результате сильного извержения - извержения, более раннего, чем любая история, за исключением, возможно, египетской - были найдены жилища, орудия труда и кости людей, которые не могли жить здесь намного позже 2000 [pg 17] года до н. э. С. Искусство, а также орудия труда этих древних обитателей каменного века показали нам, насколько древними в мировой истории являются греческие формы и даже греческие украшения: и, возможно, на их основе и на основе дальнейших исследований, таких как исследования Шлимана, мы сможем восстановить положение вещей в Греции до прихода греков из их восточных домов. Особая причина, по которой эти исследования, как мне кажется, могут привести к хорошему результату, заключается в том, что то, что называют необарваризмом, здесь менее вероятно, чтобы ввести нас в заблуждение, чем в других местах. Под необарварством понимается появление в более поздние времена манер и обычаев, которые обычно характерны для очень старых и примитивных времен. Некоторые вещи такого рода сохранились повсеместно; так, на ирландском острове Арран группа известных ученых приняла каменный сарай для ослов, простоявший два года, за постройку

вымершей расы в седой древности: на самом деле постройка ничем не отличалась от древнейшего типа. Но распространение культуры и многочисленность населения в добрые времена Греции позволяют с уверенностью утверждать, что каждый уголок вблизи магистралей был благоустроен и цивилизован; и поэтому, как я уже говорил, здесь меньше шансов, чем где-либо, обмануться, приняв грубость за старину, и возвести современного дикаря в достоинство первобытного человека.

Но мы не должны позволять домыслам портить наши наблюдения и тратить драгоценные мгновения, предоставленные [pg 18] нам для того, чтобы разглядеть общий контур греческих берегов. В то время как длинная череда островов, от Мелоса до Аттики, обрамляла наш взгляд справа, слева большой залив Арголиды открывался далеко в сушу, образуя своего рода висту в Пелопоннес, так что горы Аркадии виднелись далеко на западе, выделяясь на фоне заходящего солнца; день стал яснее - облака начали разрываться и позволяли нам ощутить прикосновения солнечного тепла к вечеру. Когда мы миновали Гидру, ночь начала смыкаться вокруг нас, и мы были вынуждены определять остальную часть нашей географии с помощью богатой полной луны.

Но эти аттические воды, если их можно так назвать, еще не раз будут упоминаться в ходе нашего путешествия, и сейчас нет необходимости описывать их подробно. Я думаю, читатель получит наиболее четкое представление о размерах Греции, если вспомнит о времени, необходимом для того, чтобы обогнуть Пелопоннес на хорошем пароходе. Корабль, на котором мы совершили это путешествие, - "Доннай" французской компании "Мессажери" - развивал скорость около восьми миль в час. Приблизившись к побережью Мессены около пяти часов утра, мы обогнули все мысы и прибыли в Пирей около одиннадцати часов вечера того же дня. Итак, Пелопоннес - небольшой полуостров, но даже для стороннего взгляда "очень большой для своих размеров"; ведь фактический подъем и спуск по постоянным горам в любом сухопутном [pg 19] путешествии от места к месту делает расстояние в милях гораздо большим, чем по линии полета ворона. Если бы я сказал, что каждое обычное расстояние, измеренное на карте, удваивается в пути, то, полагаю, я не попал бы в точку.

Не лишним будет сказать несколько слов о другом пути в Грецию - через Бриндизи и Ионические острова. Он не менее живописен, а в некоторых отношениях и более, ведь нет более красивого залива, чем длинный фьорд, ведущий к Коринфу, который проходит мимо Патры, Востицы и Итеи, порта Дельф. Акрокераунские горы, которые являются первой точкой албанского побережья, увиденной путешественником, также очень поразительны, и никто не может забыть очарование и красоту Корфу. Я думаю, что рыночный день на Корфу, с этими похожими на королевских крестьян парнями, которые приходят в овечьих шкурах с побережья и проводят свой день, с особым интересом обращаясь с ножами и револьверами у прилавков, - одно из самых живописных зрелищ, которые можно увидеть в Европе. Высокие горы Итаки и ее старшей сестры, а затем богатый пояс зелени вдоль восточной стороны Занте - все это придает путешествию непревзойденную красоту и интерес. Однако, несмотря на все эти преимущества, нет того волнения, которое испытываешь, когда сначала приближаешься к полугреческим или отдаленным греческим поселениям и лишь постепенно добираешься до настоящих центров исторического интереса. По крайней мере, именно такое ощущение (его разделяли и другие наблюдатели) возникло у меня при приближении к [pg 20] Греции по этому более разнообразному маршруту. Однако ни один путешественник не пропустит ни того, ни другого, поскольку в путешествии, целью которого не является выход за пределы Греции, лучше всего въезжать одним маршрутом, а выезжать другим. Но из того, что я сказал, можно понять, что я предпочитаю въезжать прямым путем из Неаполя, а выезжать через Коринфский залив и Ионические острова. Я верю, что в скором

времени будут приняты меры, позволяющие путешественникам, пересекающим перешеек, совершать экскурсию в Акрокоринф - великую цитадель Коринфа, мимо которой они вынуждены спешить, чтобы успеть на корабль до Афин.

Современный Патрас, по-прежнему процветающий порт, теперь является главной точкой соприкосновения Греции с остальной Европой. Поскольку от Патр до Афин теперь проложена железная дорога, все пароходы из Бриндизи, Венеции и Триеста заходят туда, а оттуда поток путешественников направляется по новой линии в столицу. От старого плана плыть вверх по длинному фиорду до Коринфа отказались; еще более популярным стал некогда маршрут вокруг Мореи, который, если и был несколько медленнее, то, по крайней мере, избавлял от разгрузки в Лехейме, переезда в омнибусах через перешеек и перевалки в Ценхрее - все это делалось с большой путаницей, с потерей и повреждением багажа и нравов. Не то чтобы больше не было путаницы. Железнодорожная станция в Патрах и Афинах - это самые любопытные медвежьи сады, в которых когда-либо [pg 21] велись дела. Путешественнику (я говорю о 1889 году) сообщают, что если он не приедет за час до назначенного времени, то не получит взвешенный и отправленный багаж. И когда он спускается из своего комфортабельного отеля, чтобы выяснить, что все это значит, он встречает все население города, владеющее вокзалом. Все, кому нечем заняться, мешают тем, кто занят; кругом шум и неразбериха.

Наконец поезд отъезжает от вокзала и целеустремленно направляется вдоль побережья, через еловые леса, заросли арбута и мастики, через множество цветов, усыпавших землю. И уже здесь путешественник, глядя в окно, может составить представление о прелестях настоящего греческого путешествия, под которым он понимает посадку на мула или пони и путь по лесным тропинкам, или к тихому морю, или вверх по крутому склону скалистого дефи́ле. Каждые полчаса поезд пересекает потоки, несущиеся с гор, которые во время наводнений окрашивают море на некоторое расстояние в блестящий кирпично-красный цвет глины, которую они несут с собой с берегов. Павлинья синева открытого моря ограничивает эту красную воду четкой линией, и контраст на ярком солнце выглядит просто поразительно. Мелкие песчаные отмели во многих местах также отражают бледно-желтый цвет, так что блеск этого залива превосходит все, что я когда-либо видел в море или озере. Мы проезжаем мимо города Эгион, ныне Востица, [pg 22] некогда знаменитого как столица или центр (в политическом смысле) Ахейской лиги. Мы проезжаем Сикион, родину Аратуса, великого восстановителя и подлого разрушителя этой Лиги, о чем вы можете прочитать в захватывающей жизни этого человека у Плутарха. Но эти места, как и многие другие в Греции, некогда знаменитые, теперь не имеют никаких следов своего величия на земле. Однако, возможно, еще наступит день, когда другой Шлиман раскопает записи и фрагменты цивилизации, отличавшейся утонченностью даже в Греции. Сикион был знаменитой школой искусств. Там процветали живопись и скульптура, и была особая сикионская школа, черты которой мы все еще можем узнать в сохранившихся копиях знаменитых статуй, которые они создали. Есть статуя, известная как статуя Канона, модель человеческих пропорций, которая была работой знаменитого Поликлета из Сикиона, и о которой мы знаем по различным подражаниям, сохранившимся в Риме и других местах. Но мы еще вернемся в свое время к греческой скульптуре в целом, а сейчас не будем прерывать наше путешествие.

Все, что мы прошли до сих пор, можно отнести к категории "первых впечатлений". Дикое северное побережье показывает нам только один залив - Салонский, с маленьким портом Итея в его устье. Это была старая дорога, по которой можно было подняться к Дельфийскому оракулу на снежном Парнасе, к которому мы лучше подойдем со стороны Беотии. Но сейчас мы напрягаем наши глаза, чтобы увидеть великую скалу [pg 23] Коринфа и вторгнуться в этот

первый великий центр греческой жизни, который замыкает длинный залив на его западном конце.

Я добавлю несколько слов о форме и объеме следующей работы. Моя цель - донести до студента живые черты Греции, связав их, насколько это возможно, с фактами более древней истории, которые так хорошо знакомы большинству из нас. Мне также предстоит многое сказать о современной политике Греции и характере современного населения. Долгое и тщательное изучение сохранившейся литературы о Древней Греции убедило меня в том, что обычно рисуемые картины старых греков идеализированы и что реальные люди были совсем другого - если угодно, гораздо более низкого - типа. В качестве весьма примечательного подтверждения моих суждений я могу упомянуть, что умные люди в Афинах, прочитавшие мои мнения по этому вопросу в других [местах](#)⁹, были настолько поражены близким сходством моих изображений старых греков с нынешними жителями, что пришли к выводу, что я, должно быть, посетил страну перед написанием этих мнений и что я, в сущности, черпал своих классических людей из жизни современных людей. Если это и не является доказательством справедливости этих взглядов, то, по крайней мере, убедительно свидетельствует о том, что они могут быть истинными, и является мощной поддержкой в аргументации этого вопроса на совершенно независимом основании умозаключений из старой литературы. Ведь [pg 24] национальные особенности очень постоянны, и от них очень трудно избавиться, и было бы странно, если бы и они, и греческий язык остались почти нетронутыми, а раса либо изменилась, либо была пропитана чужой кровью. Иностранные вторжения и иностранные завоевания Греции были достаточно распространены; но здесь, как и в других местах, климат и обстоятельства, которые сформировали расу, похоже, сговорились сохранить ее и поглотить иностранные типы и черты, а не допустить исчезновения или полного изменения более старой расы.

Я чувствую себя гораздо более уверенным в своих суждениях о греческом характере, узнав, что очень умный, хотя и слишком саркастичный, обозреватель М. Э. Об в своей известной книге "Современная Греция" оценивает народ почти так же, как я склонен оценивать простых людей Древней Греции. Во второй и последующих главах своей книги он отмечает ряд особенностей, которые делают эту национальность очень заметной в Европе. Начав с вопроса о национальной красоте и справедливо полагая, что красота мужчин превосходит красоту женщин, он затрагивает вопрос, который очень глубоко отразился на всей истории греческого искусства. В настоящее время греческие мужчины гораздо больше следят за своей внешностью и более тщеславны, чем женщины. Самой яркой красотой среди них отличаются юноши, а что касается заботы о фигуре, то, как хорошо замечает О., в Греции именно мужчины подвязывают [pg 25] свои талии - мода, неизвестная греческим женщинам. Наряду с такой красивой внешностью, жители Греции, несомненно, очень умеренный народ; хотя они делают много крепкого вина, они редко пьют много, и гораздо более критичны к хорошей воде, чем к вину. Действительно, в таком теплом климате вино неприятно даже северному путешественнику, и, как давно заметил Геродот, оно может вызвать безумие, самую редкую форму болезни среди греков. На самом деле, они не страстная раса - во все времена они были одарены очень ярким интеллектом и большой разумностью; у них есть интеллектуальное понимание вещей, которое несовместимо с бурями необузданных страстей.

Они, вероятно, настолько умный народ, какой только можно найти в мире, и пригодны для любой умственной работы. Это они доказали, не только заполучив в свои руки всю торговлю Восточного Средиземноморья, но и прекрасно держась среди английских купцов в Англии. Пока они не нашли поддержки в других направлениях; но нет сомнений, что, поселившись

среди большого народа и отучившись от глупостей и ревности греческой политики, они (как и евреи) превзошли бы многих из нас как в политике, так и в науке. Как бы то ни было - а возможно, для такого развития требуются моральные качества, в которых они, похоже, испытывают недостаток, - несомненно, что их работа [pg 26] мужчины осваивают ремесла с необычайной быстротой; а их молодые коммерсанты или профессионалы овладевают языками и знаниями, необходимыми для зарабатывания денег, с необычайной способностью. Но пока их стимулирует главным образом любовь к наживе.

Кроме того, они обладают огромной национальной гордостью, и, как отмечает М. Об, не стоит отчаиваться в народе, который одновременно умен и горд. Они очень любят демонстрировать свои знания по всем пунктам - особенно я отметил их гордость при демонстрации своего знакомства с древнегреческой историей и легендами. Когда я спросил их, верят ли они в старые мифические истории, которые они повторяли, они, казалось, боялись показаться простодушными, если признаются, что верят, и нанести ущерб репутации своих предков, если заявят, что не верят. Поэтому они сохраняли сдержанный нейтралитет.

Сейчас инстинкт свободы кажется мне таким же сильным в народе, как и раньше. На самом деле, народ никогда не был по-настоящему поработан. Вечное убежище свободы, предоставляемое морем и горами, спасло их от этой участи; и даже под тяжелым игом турок значительная часть народа не была покорена, а под видом бандитов и пиратов пользовалась великой привилегией, за которую так усердно боролись их предки. Например, майноты, о которых я только что [pg 27] говорил, что они занимают побережье Мессены, никогда не терпели среди себя турецкого магистрата-резидента, а "вручали дрожащему сборщику налогов маленький кошелек с золотыми кусочками, подвешенный на конце обнаженного меча".¹⁰ Теперь весь народ более интенсивно и основательно демократичен, чем любой другой в Европе. Они не признают никакого дворянства, кроме происхождения от вождей, сражавшихся в освободительной войне; они не допускают никакого сословного различия; каждый простой мул-бой - джентльмен (*kúrios*) и полностью вам равен. Он сидит в комнате во время трапезы и участвует в разговоре за ужином. Они терпят короля только потому, что не могут вынести, чтобы кто-то из них был выше их по положению. Эта ревность, к сожалению, является главной движущей силой греческой политики, а в сочетании с неприязнью к сельскому хозяйству, как к глупому и неинтеллектуальному занятию, наполняет всю страну политиками, торговцами и журналистами. Кроме того, им не хватает духа подчинения, присущего их великим предкам, и их часто обвиняют в недостатке честности - очень серьезной черте и величайшем препятствии для прогресса во все века. Впрочем, лучше позволить чертам характера проявиться постепенно в процессе изучения, чем сводить их в официальный портрет. Невозможно бродить по стране, не видя и не понимая ее жителей; ведь путешественник [pg 28] в постоянном контакте с ними, и они не стесняются демонстрировать весь свой характер.

М. Своей картиной М. О. заслужил глубокую ненависть и презрение нации, и я не удивляюсь этому, видя, что тон, в котором он пишет, легкомысленный и недобродушный, и, кажется, свидетельствует о некоторой частной вражде, о которой греки рассказывают множество анекдотов.

У меня нет оправдания суровости и недоброжелательности, поскольку я повсюду встречал только доброту и гостеприимство, и я искренне надеюсь, что мои свободные суждения не обидят ни одного чувствительного грека, который случайно их увидит. Даже великий Финлей - один из их лучших друзей - постоянно порицается ими за свои труды о современной Греции.

Но, несомненно, любой настоящий любитель Греции должен чувствовать, что откровенный разговор о недостатках этой нации очень нужен. Поклонение, воздаваемое им Байроном и его школой, принесло пользу и теперь может только навредить. С другой стороны, я должен признать, что более длительное и близкое общение с греками внутренних районов и гор заставляет честного наблюдателя изменить свою прежнюю оценку и думать о народе более высоко, чем при первом знакомстве. К сожалению, греки, известные большинству из нас, - это моряки-злодеи из портов Леванта, имеющие очень мало общего со смелым, честным, независимым крестьянином, живущим под своей виноградной лозой и смоковницей в долинах Аркадии [pg 29] или Фокиса. Несомненно, именно близкое знакомство со здоровым ядром нации вдохновило Байрона на тот энтузиазм, который многие сейчас считают экстравагантным и неуместным. Но здесь, как и везде, в глупости великого гения больше правды, чем в мудрости его слабых критиков.

[pg 30]

ГЛАВА II.

ОБЩИЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ ОТ АФИН И АТТИКИ.

Для любого образованного человека, вероятно, нет более захватывающего путешествия, чем приближение к Афинам со стороны моря. Каждый мыс, каждый остров, каждая бухта имеют свою историю. Если он знает карту Греции, ему не нужен ни путеводитель, ни справочник, чтобы отвлечь его; если нет, ему не нужно знать греческий язык, чтобы спросить у любого человека, находящегося рядом, название того или иного объекта; и одних только названий достаточно, чтобы пробудить все его классические воспоминания. Но он должен принять решение, что его не шокирует Ægina или Phalerum, и даже если ему скажут, что он совершенно неправильно их произносит.

Нам посчастливилось попасть в Грецию ночью, при великолепной луне, освещавшей летнее море. Разнообразные очертания Суниума с одной стороны и Эгины с другой были очень четкими, но в глубоких тенях было достаточно загадок, чтобы питать жгучее нетерпение увидеть все это при свете обычного дня; и хотя мы миновали Эгину и подошли к скалистому Саламину, до сих пор не было никаких признаков Пейреуса. Затем показалась Пситалея, и нам сказали, что гавань находится прямо [pg 31] напротив. Но мы подплывали все ближе и ближе, а гавани все не было видно. Бесплодные скалы побережья, казалось, образовывали одну непрерывную линию, и нигде не было ни малейшего признака углубления или разлома в земле. Но вдруг, когда мы отвернулись от созерцания Пситалеи, где когда-то в отчаянии стоял цветок персидской знати, глядя на надвигающуюся на них судьбу, судно повернуло на восток и открыло нам переполненную огнями и толпящимися кораблями знаменитую гавань. Она выглядела маленькой, очень маленькой, но, очевидно, глубокой до самой кромки воды, потому что огромные корабли, казалось, касались берега; а устье было таким узким, что мы почти удивлялись, как они смогли войти в него в безопасности. Но мы увидели его несколько недель спустя: девять военных кораблей возвышались над всеми торговыми судами и пароходами, а среди них толпились паромы с парусами, похожими на крылья. Потом мы узнали, что, как и вся Греция, Пейреус гораздо больше, чем кажется.

Вдоль побережья от трона Ксеркса

Увы, он мало чем отличался от более вульгарных гаваней по шуму и неразберихе при высадке, по задержкам в таможне, по вымогательству и наглости лодочников. Это все еще, как и во времена Платона, "притон моряков, где хорошие манеры неизвестны". Но когда мы избежали суматохи и тихо сидели на пути в Афины, почти по самой дороге классических дней, все наши [pg 32] классические понятия, которые были отпугнуты вульгарными торгами и протестами, вновь обрели свою силу. Мы приплыли через узкий проход, где когда-то проходил почти каждый великий грек, который когда-либо жил; теперь мы шли по линии, едва ли менее определенной, по которой все эти великие ходили взад и вперед между городом и портом. Нынешняя дорога затенена огромными серебристыми тополями и платанами, а луна уже зашла, так что наше приближение к Афинам было еще более таинственным, чем приближение к Пейрею. Кроме того, мы были озадачены тем, что наша карета остановилась под большими платанами, хотя мы проехали всего две мили, и ночь была уже далеко. Наш кучер не слушал никаких советов и уговоров. Впоследствии мы узнали, что каждая карета, идущая в Пейреус и обратно, останавливается на этом полустанке, чтобы лошади могли попить, а кучер - принять "турецкое наслаждение" и воду. Для этого обычая не делается никаких исключений, и путешественник обязан подчиниться. Наконец мы въехали на непритязательные, плохо застроенные улицы на западе Афин.

Ночная тишина - явление, едва ли известное в этом городе. Не успевают люди и лошади лечь отдохнуть, как все собаки и кошки города выходят на улицы, чтобы лаять и кричать. Афины, как и вся современная Греция, изобилуют собаками. Невозможно пройти мимо парусника в Леванте, чтобы не увидеть собаку, злобно глядящую [pg 33] через поручни, и лающую на вас, когда вы проходите мимо. На борту каждого корабля в Пейреусе есть по крайней мере одна, а часто и много собак. Полагаю, в каждом доме в Афинах есть по одному. Эти существа, похоже, считают своим долгом мешать тишине и покою всю ночь напролет. Им помогали кошки и кукарекающие петухи, а также изредка бодрствующий осел; и кошки, и ослы, казалось, обладали голосами почти тропической силы.

Так ночь прошла под стремительно нарастающими негативными впечатлениями. Как может человек восхищаться искусством и почитать древность, если его лишили покоя? Греки так много спят днем, что ночные волнения кажутся им безразличными; и, возможно, после многих лет привычки даже афинские вопли не смогут разбудить спящего. Но какой шанс у проходящего мимо путника? Даже самые сильные излияния - лишь узкий выход для его чувств.

В таком настроении я поднялся на рассвете, чтобы посмотреть, не откроется ли за окном какая-нибудь перспектива, которая могла бы послужить возмещением за бессонницу. А там, прямо напротив, возвышалась скала, которая из всех скал в мировой истории сделала больше всего для литературы и искусства, - скала, которую вечно прославляли поэты, ораторы, архитекторы и историки, не переставая восхвалять, которая вечно новая и вечно старая, вечно свежая в своем упадке, вечно [pg 34] совершенная в своем разрушении, вечно живая в своей смерти, - Афинский Акрополь.

Когда я увидел, как исполнилась моя многолетняя мечта и желание, первые лучи восходящего солнца только что коснулись высот, а город внизу был еще скрыт во мраке. Скалы, валы, разрушенные фанзы - все было окрашено в однородные тона; свет был насыщенного оранжевого цвета, а тени - темно-малиновые, с более глубокими линиями пурпура. Не было никакого разнообразия в цвете между тем, что создала природа, и тем, что создал человек. Ни белизны мрамора, ни гладкости тесаных и полированных блоков, но вся масса оранжевого и пунцового цвета вместе выделялась в бледном, чистом аттическом воздухе. Он стоял, окруженный переулками и лачугами, все еще увековечивая великий старый контраст греческой истории: великолепие и подлость, возвышенность и низость - как во внешней жизни, так и во внутренних побуждениях. И, как бы иллюстрируя то искусство, в котором он был самым совершенным расцветом и которое длилось в совершенстве всего один день истории, я видел его снова и снова, при солнечном свете и в тени, днем и ночью, но никогда больше в этой совершенной и неповторимой красоте.

Если не считать Акрополя, то в пределах современного города Афины есть только два поразительных здания классической древности - храм Тесея и несколько стоящих колонн великого храма Зевса, построенного Адрианом. Последний, действительно, очень примечателен. [pg 35] Колонны стоят на пустой платформе, которая когда-то была местом гигантского храма; Акрополь образует благородный фон; в сторону Фалерума тянутся волнистые холмы, скрывающие море; слева (если смотреть из города) гора Гиметтус поднимает свои бесплодные склоны; а в долине, сразу под колоннами, течет знаменитый малый [Илис](#)¹¹, навеки прославленный поэзией Платона, а в его пересохшем летом русле - фонтан Каллиррхоэ, из которого афинские девы до сих пор черпают воду, как в старину, - воду самую чистую и лучшую в городе. Он бьет из-под огромной известняковой скалы, увитой богатым капиллом Венерис, который, кажется, узнает и обрамляет своей нежной зеленью каждый природный источник в Греции.

Но колонны храма Зевса, хотя и очень величественные и массивные, с вершинами, скрепленными огромными блоками наличников, все же не афинские, не аттические, не (если можно так выразиться) подлинно греческие работы; ведь коринфские капители, которые здесь можно увидеть, пожалуй, в их наибольшем совершенстве, нельзя назвать чисто греческим вкусом. Как известно, они почти никогда не использовались, и никогда не использовались заметно, до греко-римского этапа [pg 36] искусства. Древние греки, похоже, категорически возражали против сложных орнаментов в своих больших храмах. Все крупные храмы Греции и греческой Италии построены в дорическом ордере, с совершенно простым капиталом. Группы фигур допускались на фронтонах и метопах, потому что эти группы

образовывали четкие и массивные конструкции, видимые издалека. Но такие сложности, как коринфская столица, не одобрялись, за исключением небольших памятников, которые предназначались только для внимательного осмотра, и когда тонкий орнамент придавал изящество зданию, которое не могло претендовать на грандиозность. Таков, очевидно, единственный чисто греческий (в отличие от греко-римского) памятник коринфского ордена, который до сих пор стоит - хорагический памятник Лисикрата в Афинах.¹² Так было и с тем прекрасным маленьким храмом или группой храмов, известных как Эрехтей, который, стоя рядом с великим массивным Парфеноном на афинском Акрополе, представляет [pg 37] те самые контрасты, на которых я настаиваю. Он небольшой и по сути изящный, построен в ионическом стиле, с богатым орнаментом; в то время как Парфенон массивный и, несмотря на множество украшений, очень суровый в своем более простом дорическом стиле.

Эрехтей с запада, Афины

Но вернемся к колоннам храма Адриана. Их высота составляет около пятидесяти пяти футов, диаметр - шесть с половиной футов, и ни одна коринфская колонна такого колоссального размера не была бы установлена греками в их лучшие времена. Итак, несмотря на величие этих изолированных останков - величие, не разрушенное, возможно, даже не уменьшенное кофейными столиками, любознательными официантами, военными оркестрами и вульгарной толпой у их основания, - для изучающего истинно греческое искусство они не представляют особого интереса; более того, они даже наводят его на мысль о том, что сделали бы периклийские греки, если бы, имея такие средства, завершили великий храм благодаря щедрости римского императора.

Обратимся к храму Тесея, расположенному на противоположном конце города, который тоже стоит на чистой платформе и поражает путешественника своей симметрией и завершенностью, когда он приближается со стороны Пейреуса. Он во всех отношениях контрастирует с храмом, о котором мы только что говорили. Он очень мал - фактически настолько мал по сравнению с Парфеноном или великим храмом в Пестуме, что мы

разочарованы им; и все же он построен не в богато украшенном ионическом стиле [pg 38] Эрехтеума, а в суровом дорическом; и хотя он мал и прост, он очень совершенен - совершеннее всех подобных реликвий, которые мы имеем. Он на много веков старше великого храма Адриана. Его можно было бы разрушить с одной десятой частью проблем, и все же он по-прежнему стоит почти в своем совершенстве. Причина в следующем. До Средневековья мало кто из великих классических храмов пострадал от бессмысленного разрушения. А в Средние века этот храм, как и Парфенон, был узурпирован греческой церковью и превращен в место христианского поклонения. Таким образом, маленький храм Тесея избежал разрушений, которые последние несколько веков - хуже, чем все предыдущие - нанесли останкам благородной древности. Для тех, кто хочет изучить влияние дорического ордера, этот храм представляется мне восхитительным образцом. Благодаря небольшому размеру и четкому расположению, все его моменты очень легко уловить. "Такова, - говорит епископ Вордсворт, - целостность его структуры и четкость деталей, что он не нуждается в описании, кроме того, которое может дать несколько взглядов. Его красота бросает вызов всему: его твердая, но изящная форма, действительно, восхитительна; а прелесть его окраски такова, что, судя по насыщенному плавному оттенку, который мрамор приобрел сейчас, он выглядит так, как будто его добыли не из подножия скалистой горы, а из золотого света афинского заката". И в таких же выражениях высказывались многие другие.

[pg 39]

Я хочу сделать только одну оговорку. Дорический ордер по своей сути массивен, но мне кажется, что этому прекрасному храму не хватает одной существенной черты этого ордера, и поэтому после первого осмотра, после одной прогулки по нему, он теряет для путешественника, который видел Пестум и который впоследствии не сможет не увидеть Парфенон, тот особый эффект массивности, почти египетской солидности, который всегда присутствует и всегда впечатляет в этих огромных дорических храмах. Кажется, будто сами афиняне чувствовали это - что простая простота стиля не может быть эффективной без размера - и, соответственно, украсили это сооружение красками более богато, чем другие свои храмы. Все рельефы и рельефные орнаменты, похоже, были расписаны; другие украшения были добавлены в цвете на плоские поверхности, так что весь храм, должно быть, представлял собой массу богатых пестрых оттенков, из которых синий, зеленый и красный все еще различимы - или были различимы во времена Стюарта - и в которых бронза и позолота, безусловно, играли важную роль.

Таким образом, мы естественным образом сталкиваемся с одной из особенностей древнегреческого искусства, которую труднее всего осознать и еще труднее оценить.¹³ Мы можем признать в египетском и ассирийском искусстве [pg 40] богатство и уместность многих цветов. Современные художники настолько хорошо понимают это, что среди наиболее ярких картин в нашей Королевской академии в Лондоне уже несколько лет можно увидеть сцены из старой египетской и ассирийской жизни, в которых богатый колорит архитектуры был довольно заметной чертой.

Но в греческом искусстве - в совершенной симметрии греческого храма, в совершенном изяществе греческой статуи - мы считаем форму настолько первостепенной, что рассматриваем прекрасные парианские и пентелийские мраморы как специально предназначенные для выражения формы, а не цвета. Даже в единстве тона есть что-то, что радует современный глаз. Так, хотя мы чувствуем, что старые греческие храмы утратили всю свою первоначальную яркость, тем не менее, как я уже говорил, и как я цитировал епископа Вордсворта, насыщенный мягкий оттенок, который окрашивает все эти руины, имеет для нас свое особое очарование. Тот же насыщенный желто-коричневый цвет, почти цвет римского

травертина, является одной из самых ярких черт в великолепных останках, которые сделали Пестум уникальным во всей Италии. Этот цвет прекрасно контрастирует с голубым небом южной Европы; он необычайно насыщенно светится в лучах восходящего или заходящего солнца. Мы легко можем представить, что если бы было предложено восстановить первозданную белизну аттических храмов, мы бы испытали сильный шок и попросили оставить эти почтенные здания в трезвости их [pg 41] приобретенного цвета. Еще больше нас шокирует, когда нам говорят, что великие скульпторы, имея под рукой парианский мрамор, предпочитали устанавливать изображения богов из золота и слоновой кости, или, что еще хуже, из частей золота и слоновой кости; и что они считали правильным заполнять глаза драгоценными камнями, а на цветные волосы надевать позолоченные венки.

Когда мы впервые осознаем эти вещи, мы, скорее всего, воскликнем против такого нагромождения, как бы мы его ни называли, живописи и архитектуры, а еще хуже - живописи и скульптуры. Невозможно и неразумно, чтобы мы сразу же подчинились такому перевороту в наших художественных представлениях и без критики склонились перед этими шокирующими чертами греческого искусства. Но если слепое повиновение этим нашим великим мастерам в законах красоты не заслуживает одобрения, то и абсолютное сопротивление всем аргументам по этому вопросу не заслуживает уважения; я не признаю ни здравого смысла, ни хорошего вкуса того критика, который настаивает, что ничто не может сравниться с цветом и фактурой белого мрамора, и что любая окраска такого вещества - это просто остатки варварства. Ибо, что бы мы ни говорили, греки, безусловно, как нация, были лучшими ценителями красоты, которых когда-либо видел мир. И это еще не все. Красота, которую они, очевидно, любили больше всего, была красотой формы - гармонией пропорций, симметрией дизайна. Они всегда ненавидели безвкусицу и экстравагантность. Что касается их литературы, то нет ни поэзии, ни ораторского искусства, ни [pg 42] истории, которая была бы менее украшена цветами риторики: все чисто по замыслу, целомудренно в деталях. Так же и с их одеждой, так же и с их жилищами. Мы не можем не чувствовать, что, если бы эффект от расписных храмов и статуй был безвкусным, нет на земле народа, который бы так остро ощущал его и так сильно его не любил. Значит, должны были существовать веские причины, по которым эта яркая раскраска не поражала их глаз так, как поражает глаз трезвого современного человека.

Любому, кто видел эту страну и задумывался над вопросом, представляется множество таких причин. Во-первых, во всей Южной Европе, и особенно в Греции, в природе существует такое количество ярких цветов, которое не позволяет почти никакой искусственной окраске производить поразительный эффект. Там, где все пейзажи, море и воздух очень яркие, мы видим, что жители увеличивают яркость своих платьев и домов, чтобы соответствовать природе. Так, в Италии они красят свои дома в зеленый, розовый и желтый цвета и тем самым придают своим городам и виллам тот богатый и теплый эффект, которого нам так не хватает среди серых и грязных улиц Северной Европы. Так же и в одежде: эти люди носят алый, белый и насыщенный синий, причем не столько узорами, сколько большими пятнами, а праздник на Сицилии или в Греции наполняет улицы интенсивным цветом. Мы знаем, что расцветка старого греческого платья была совершенно такой же, как и современного, [pg 43] хотя по дизайну оно полностью изменилось. Поэтому мы должны представить себе древнегреческую толпу перед храмами или на рынках очень белой, с вкраплениями алого и различных синих цветов; возможно, в процессиях она была полностью белой, если не считать алых ремешков на обуви и других подобных незначительных деталей. Невозможно не почувствовать, что богато раскрашенный храм - колонны синего и красного цвета, фриз

с позолотой и другими украшениями - на белом мраморном основании и в белом мраморном обрамлении должен был быть великолепным и уместным фоном, гениальной чертой на таком небе и с такими костюмами. Мы должны привыкнуть к подобным сочетаниям - мы должны жить на них в воображении или попросить наших добрых художников восстановить их для нас, и пусть мы смотрим на них постоянно и спокойно.

Но я не буду убеждать; давайте просто честно изложим суть дела и предоставим читателю возможность судить самому. Вот и все о расписной архитектуре. Остается добавить, что самый замечательный образец богато расписанного фасада, к которому мы можем сейчас апеллировать, на самом деле является одним из самых красивых в Европе - это фасад собора Святого Марка в Венеции. Богатые фрески и обильная позолота на этом великолепном фасаде, о котором фотографии дают весьма неверное представление, должны быть изучены всеми, кто хочет справедливо судить об этой стороне греческого вкуса.

Но прежде чем продолжить, я должен сказать несколько слов о статуях. Несомненно, роспись [pg 44] статуй, а также использование золота и слоновой кости на них, пришли из грубой эпохи, когда не существовало никаких изображений, кроме грубой деревянной работы - сначала просто блок, затем грубо измененная и уменьшенная форма, вероятно, требующая некоторого окрашивания, чтобы произвести какой-либо эффект. Публике, привыкшей с детства к таким раскрашенным, а зачастую и богато одетым изображениям, статуя из чистого белого мрамора должна казаться совершенно холодной и безжизненной. Так и для нас, привыкших к мягким оттенкам старых и даже покрытых погодными пятнами греческих статуй; и здесь следует заметить, что эта мягкая кожа на античных статуях - не просто результат возраста, а искусственный процесс, при котором в поверхность вжигали состав из воска и масла, придававший мрамору желтоватый оттенок, а также ту особую поверхность, которая так точно передает текстуру человеческой кожи. Но если представить, что все мраморные поверхности и рельефы в храме раскрашены ради архитектурного богатства, то можно еще сильнее почувствовать, насколько холодно и неуместно выглядела бы совершенно бесцветная статуя в центре всего этого узора.

Я пойду дальше и скажу, что мы можем указать на случаи, когда окраска значительно усиливает эффект и красоту скульптуры. Первый - это бронзовые статуи, найденные в Геркулануме и хранящиеся сейчас в музее Неаполя. Хотя это не мрамор, они подходят для нашей цели, будучи от природы одного [pg 45] темно-коричневого оттенка, который на самом деле еще более неблагоприятен (как нам кажется) для такой обработки. На некоторых из лучших бронзовых работ - особенно на двух юношах, пускающихся в бега, - глазные яблоки вставлены в белую рамку, а радужка и зрачок окрашены. Невозможно придумать ничего более поразительного и реалистичного, чем созданный эффект. В Варвакионе в Афинах хранится мраморная маска, найденная в храме Эскулапия под южной стороной Акрополя, вероятно, ex voto, предложенная за выздоровление от какой-то болезни глаз. У этого мраморного лица глаза также раскрашены самым поразительным и реалистичным образом, и это один из самых любопытных предметов, найденных при поздних раскопках.

Я добавлю один замечательный современный пример - памятник во Флоренции молодому индийскому принцу, который посетил Англию и эту страну несколько лет назад и умер от лихорадки во время своего путешествия на родину. Ему поставили богато раскрашенный и позолоченный балдахин под открытым небом, в тихом лесистом парке. Под этим покрывалом находится бюст принца в натуральную величину, в его богатейшем государственном одеянии. Весь бюст - тюрбан, лицо, драпировка - все раскрашено под старину, а платье, конечно, самого великолепного разнообразия. Тюрбан в основном белый, полосатый с золотом, сильно контрастирующий с цветом красного дерева и вороньими волосами головы;

халат золотой и зеленый, покрытый орнаментом. Общий эффект с самого первого [pg 46] момента поразителен и прекрасен. Чем дольше его изучают, тем лучше он выглядит; и вряд ли найдется здравомыслящий зритель, который не признает, что, если бы мы заменили настоящий бюст его копией из белого мрамора, красота и гармония памятника были бы полностью испорчены. Тем, у кого есть возможность посетить Грецию или Италию, я настоятельно рекомендую эти образцы цветных зданий и скульптуры. Увидев их, они, не колеблясь, осудят то, что мы до сих пор слышим, как называют дурным вкусом старых греков в использовании цвета в пластических искусствах.

Но эти археологические дискуссии - действительно ἑκβολαὶ λόγου, отступления, сами по себе необходимые, но терпимые, если они не слишком длинные. Я возвращаюсь к общему состоянию древностей в Афинах, всегда оставляя Акрополь для отдельной главы. Как я уже сказал, изолированные колонны храма Зевса, построенного Адрианом, и так называемый храм Тесея - единственные очень яркие объекты. ¹⁴ Есть, [pg 47] конечно, много других зданий или остатков зданий. Здесь находится памятник Лисикрату - небольшая и очень изящная круглая камера, украшенная коринфскими колоннами и фризами школы Скопаса и призванная нести на своей вершине треножник, который Лисикрат получил на музыкально-драматическом конкурсе (334 год до н. э.) в Афинах. Здесь находится более поздний Храм Ветров, как его называют, - своего рода общественные часы, с солнечными часами и прекрасными рельефами богов ветра на внешних поверхностях, а также приспособлениями для водяных часов внутри. Есть два портала, или шлюза: один ведет в старую агору, или рыночную площадь, другой - из старых Афин в Афины Адриана.

Но все эти здания либо жалко изуродованы, либо имеют столь позднюю дату и упадок вкуса, что делают их недостойными образцами чисто греческого искусства. Еще столетие назад здесь можно было увидеть и полюбоваться многим, что с тех пор исчезло; и даже сегодня большинство населения небрежно относится к древним памятникам, а иногда даже озорничает, желая их испортить. Так, я видел мраморные гробницы Оттфрида Мюллера и Шарля Ленорманта - гробницы, которые, хотя и были современными, все же воздвигнуты на средства нации людям, которые были выдающимися любителями и учениками греческого искусства. Я видел, как эти гробницы использовались как обычные мишени [pg 48] окрестностях, и все они были испещрены следами от выстрелов и пуль. Я также видел, как они были полностью разнесены рабочими, которые взрывали строительные камни рядом с ними. ¹⁵ Я также видел с Акрополя молодого джентльмена, который упражнялся с пистолетом на куске старого резного мрамора в театре Диониса. Его цель, похоже, заключалась в том, чтобы при каждом выстреле отколоть кусочек от края. К счастью, в этом случае наше выгодное положение позволило нам взять закон в свои руки; и после тщетных призывов к хранителю вмешаться, мы приняли тактику Аполлона в Дельфах и, оторвав камни с вершины нашего обрыва, обратили в бегство несчастного варвара, который пришел опустошить сокровища этого священного места.

Эти несчастные примеры порчи архитектурных памятников, ¹⁶ которые едва ли можно удалить, естественно, наводят путешественника по Греции на мысль о том, как следует распределить все найденные мелкие и движимые предметы старины, чтобы наилучшим образом способствовать любви и познанию искусства.

В этом вопросе мне кажется, что мы впали в одну крайность, а греки - в другую, и [pg 49] что никто из нас не сделал все возможное, чтобы сделать известным то, что, по нашему мнению, должно быть известно как можно шире. Тенденция в Англии, по крайней мере в последние годы, заключалась в том, чтобы поглотить все меньшие и все частные коллекции в великом национальном музее в Лондоне, который, соответственно, стал таким огромным и таким

обескураживающим, что никто не может извлечь из него пользу, кроме подготовленного специалиста, который входит туда с закрытыми глазами и не открывает их, пока не дойдет до особого класса предметов, которые он намерен изучить. Но для обычной и даже просвещенной публики (если такое выражение не является противоречием в терминах) нет ничего столь обескураживающего и, следовательно, столь невыгодного, как посещение бесчисленных сокровищ этого великого мира курьезов.

В прошлом веке многие частные лица - многие богатые и культурные дворяне - обладали замечательными коллекциями древностей. В основном они были поглощены тем, что называется "нацией", и новые частные коллекции - большая редкость.

В Греции сейчас проводится совершенно противоположный курс. Специальным законом запрещено продавать из страны или даже вывозить из района любые древности; и в результате в каждой деревне Греции - а иногда и там, где нет деревни, - были созданы маленькие музеи, чтобы каждый район мог [pg 50] свои богатства и стал достоин посещения путешественников и антикваров. Я видел такие музеи в Элевсисе, в пятнадцати милях от Афин, в Фивах, ныне малозначительном городе, в Ливадии, в Херонее, в Аргосе, в Олимпии и даже на диких равнинах Орхомена, в маленькой часовне, без единого города в радиусе нескольких миль.¹⁷ Если я добавлю к этому, что большинство этих музеев были просто темными пристройками, освещенными только через дверь, читатель получит некоторое представление о том, какой трудной задачей было бы посетить и раскритиковать, с любой попыткой полноты, постоянно увеличивающиеся остатки классической Греции.

Поначалу путешественник готов пожаловаться на то, что даже переносные предметы старины, найденные в разных частях Греции, не привезены в Афины и не собраны в один огромный национальный музей. Дальнейшие размышления показывают, что такая мера не только невозможна, но и крайне нецелесообразна. Я не буду говорить о том, что предметы, представляющие интерес, пропадают зря, когда их собирают в такие огромные массы, что посетитель скорее угнетен, чем просвещен. Любой, кто побывал в Британском музее, поймет, что я имею в виду. Я также не придаю ни малейшего значения эгоистичному местному аргументу, что принуждение посетителей [pg 51] бродить с места на место приносит движение и деньги в страну. Пока не появятся нормальные дороги и чистые трактиры, такой аргумент и несправедлив, и вряд ли даст результаты, достойные внимания. Но, к счастью, большинство знаменитых вещей в Греции - это достопримечательности, разрушенные здания, крепости, которые нельзя снять с места, если вообще можно, без разрушения, и детали которых невозможно понять, не увидев места, для которого они предназначались. Даже скульптуры Парфенона в Лондоне потеряли бы большую часть своего интереса, если бы само здание в Афинах не показывало нам их применение и не прославляло их своим величием. Тот, кто видит золото Микен в Афинах, мало что знает о его значении, если не посетил гигантские крепости, где когда-то жили его владельцы и осуществляли свою власть; и если бы, как это было сделано в Олимпии, какой-нибудь патристичный грек построил в Микенах безопасный музей для их хранения, они были бы более глубоко интересны и поучительны, чем сейчас.

Напротив, в таком городе, как Афины, мне кажется, что истинное решение проблемы уже достигнуто, хотя, вероятно, вскоре от него придется отказаться в пользу центрального музея. В Афинах существует (или существовало) по меньшей мере шесть отдельных музеев древностей - один в университете, один под названием Варвакион, один в Тесеуме, один, или скорее два, на Акрополе, один в Министерстве народного просвещения, и, наконец, новый Национальный музей, [pg 52], как он называется, на улице Патисия, - посвященный его особым сокровищам. Если бы эти несколько хранилищ тщательно содержались, если бы

предметы были тщательно пронумерованы и каталогизированы, я не могу представить себе ничего лучшего для раздельного и детального изучения различных памятников, которые всегда должны вызывать недоумение и усталость, когда они собраны вместе в одной огромной выставке. Если бы Британский музей был таким образом разделен на множество отделений, а различные классы предметов, которые он содержит, были размещены в отдельных зданиях и в разных частях Лондона, я полагаю, большинство из нас приобрели бы гораздо больше знаний о том, что он содержит, и, следовательно, он достиг бы большей пользы в просвещении нации. Посещение любого из афинских музеев - сравнительно короткая и легкая задача, когда человек видит перед собой цель своего труда, а значит, не будет долго задерживаться над теми вещами, которые стоят тщательного изучения.

Можно сказать, что все эти отступления о простом размещении памятников слишком отвлекают читателя от того, что он хочет узнать - что-то о самих памятниках. Но эта небольшая книга, по выражению Геродота, особенно страдает от отступлений. Я хочу пройти по теме именно тем путем, который сам собой напрашивается. В конце концов, размышления о путешествии должны быть более ценными, чем его простое описание.

[pg 53]

Прежде чем въехать в Аттику и покинуть Афины, необходимо, конечно, рассказать о музеях, затем о новых раскопках, и особенно о великолепных гробницах, найденных в Керамейкусе. Затем мы поднимемся на Акрополь и неторопливо побродим по его чудесным руинам. Отсюда мы сможем увидеть общую форму и расположение Аттики и спланировать наши более короткие экскурсии.

Поскольку некоторые из предложений моего первого издания нашли поддержку в Афинах, я осмелюсь указать здесь на огромную пользу, которую греческие археологи принесут всей Европе, если опубликуют официальный путеводитель по Афинам с умеренно полным описанием огромных богатств их музеев. Такая книга, которая могла бы появиться с санкции М. Русопулоса или профессора Куманудиса, могла бы быть поддержана либо греческим парламентом, либо Афинским университетом. Если бы она даже была опубликована на современном греческом языке, ее продажи должны были бы быть большими и уверенными; а с помощью приложений или новых изданий ее можно было бы поддерживать на уровне новых открытий. Каталоги Кекуле и Гейдемана уже совершенно недостаточны, и если не иметь привилегии лично знать одного из вышеупомянутых джентльменов, то очень трудно получить какое-либо правильное представление об истории или первоначальных местах расположения различных объектов, которые на каждом шагу вызывают любопытство или восхищение. Такая книга, как я предлагаю, была бы воспринята каждым эллинистом в [pg 54] Европе как неоценимое благо. Но в стране, где способные люди постоянно заняты совершением новых открытий или наблюдением за ними, они, естественно, будут презирать задачу каталогизации того, что им известно. Поэтому я предлагаю, чтобы какой-нибудь многообещающий молодой ученый взялся за эту книгу, а его труд был бы проверен его мастерами в трезвой и практичной афинской [школе](#)¹⁸.

[pg 55]

ГЛАВА III.

АФИНЫ - МУЗЕИ - ГРОБНИЦЫ.

Нет ничего более меланхоличного и более разочаровывающего, чем первый взгляд на афинские музеи. Почти каждый путешественник видит их, проехав через Италию, где было сделано все - на самом деле слишком много - чтобы сделать реликвии древности совершенными и законченными. Отсутствующие носы, руки и ноги были восстановлены; вероятные или возможные имена были присвоены каждой статуе; они установлены, как правило, в красивых галереях, с соответствующим оформлением; посетителю предоставляются полные описательные каталоги. Ничего подобного нет в Греции. Фрагменты просто рассортированы: многие из изувеченных статуй лежат на земле и, конечно, никак не восстанавливаются. Однако все находится в процессе упорядочивания. Но есть основания предполагать, что и через пятьдесят лет вещи будут меняться местами и все еще находиться в процессе упорядочивания. Несправедливо жаловаться на эти вещи в стране, которая полностью занята своим политическим и торговым развитием, и где новые классические останки постоянно пополняют музеи. Греки напрягают все нервы, чтобы добиться [pg 56] своих прав при возможном распаде Османской империи. Кроме того, прилагаются большие усилия для развития не только портов, но и мануфактур страны. Строительство новых дорог более важно для нации, чем сохранение и упорядочение художественных останков. Таким образом, в решении этих вопросов мы должны полагаться на частную предприимчивость и щедрость, а в них греки до сих пор не испытывали недостатка. Но их ресурсы невелики, и им требуется помощь как деньгами, так и сочувствием. Поэтому, если иностранное влияние не будет оказываться постоянно, если все иностранные школы не будут действовать бескорыстно за свой счет, боюсь, что все мы, посещающие Афины, будем обречены на первое чувство разочарования.

Но я обязан добавить, что каждый терпеливый наблюдатель, который, несмотря на свое разочарование, приступит к работе и с честным вниманием изучит эти "disiecta membra" аттического искусства - любой, кто заменит в воображении кончики носов, любой, кто склонится над лежащими статуями, и угадывать контекст сломанных конечностей - такой наблюдатель обнаружит, что его досада постепенно сменяется удивлением, и в конце концов придет к пониманию того, что все гладко отреставрированные греческие работы в итальянских музеях не стоят и десятой доли разбитых фрагментов в настоящем доме и цитадели чистого искусства. Особенно это касается музея на Акрополе. Впрочем, это справедливо и для других музеев, и еще более очевидно для рельефов [pg 57] на гробницах. Необходима также помощь опытного афинского антиквара, который знает толк во всех фрагментах и может рассказать историю открытия и теорию о назначении каждого из них. С Афинским университетом связано немало способных и образованных людей, которые описывают каждый предмет в антикварных газетах по мере его обнаружения. Но когда я спросил, могу ли я купить или подписаться на какой-нибудь признанный орган для получения подобной информации, мне ответили (как я и ожидал), что ни одна газета или периодическое издание не является таким признанным. Противоречивые интересы и личные дружеские отношения определяют, куда сообщать о каждом открытии; так что часто в журналах, исповедующих археологию, нет никаких упоминаний о подобных вещах, а информация поступает в обычные ежедневные газеты.

Здесь мы снова ощущаем потребность в более сильном правительстве - в деспотичном утверждении закона притяжения к общему центру, чтобы противостоять мощным

центробежным силам, действующим во всем греческом обществе. Старая автономия греков - это старое утверждение местной независимости, которое было одновременно их величием и гибелью - этот сильный инстинкт сохранился до сегодняшнего дня. Они и сейчас, кажется, ненавидят объединяться, как мы говорим. Они, кажется, всегда готовы отстаивать свои индивидуальные права и претензии против прав и претензий общины или общества. Старые греки в качестве защиты [pg 58] делились на маленькие города и территории; таким образом, их страсть к автономии расходовалась на городские интересы, в которых человек мог забыть о себе. Но как старые греки часто были слишком эгоистичны для этого и отстаивали свою личную автономию против своего города, так и современному греку, у которого нет этого предохранительного клапана, трудно подняться до высоты действия в интересах всей нации; и хотя он много и блестяще говорит об эллинском единстве, он обычно позволяет мелким интересам перевесить эту великолепную общую концепцию. Здесь я приведу самый раздражающий пример этого партикуляристского чувства, которое навязывается каждому посетителю Афин. Самое неприятное на улицах - это отсутствие тени и, как следствие, блики от домов и проезжей части. Однако вдоль каждой улицы высажены изящные перечные деревья с восхитительным ароматом. Но почему они все такие жалкие, маленькие и голые? Потому что каждый житель предпочитает обрубать растущие ветви перед своей дверью. Премьер-министр, выразив сожаление по поводу этого диковинного вандализма, заявил, что бессилён что-либо предпринять. Однако пока афиняне не научатся контролировать себя и не позволят своим деревьям расти, Афины будут уродливым и неприятным городом.

Итак, греки даже не соглашаются сообщить нам, где можно найти полный список недавно обнаруженных древностей. Да и афинская [pg 59] публика не очень-то интересуется подобными вещами, помимо некоторой смутной гордости, если не считать одного особого вида, который занял среди них место старого фарфора у нас. На многих греческих кладбищах - в Мегаре, в Киринее, а в последнее время в Танагре, в Беотии, - были найдены маленькие фигурки из терракоты, часто тонко смоделированные и богато раскрашенные как в одежде, так и в конечностях. Высота этих фигурок обычно составляет от восьми до двенадцати дюймов, они изображают сидящих и стоящих дам в изящных позах, молодых людей в пасторальной жизни и другие подобные сюжеты. Мне сообщили, что некоторые из них были найдены в разных местах Греции, но главным источником их - и очень богатым - является некрополь в Танагре. В частных домах в Афинах есть несколько коллекций этих фигурок на сервантах и в шкафах, и все они отличаются удивительной современностью своего облика. Изящные драпировки дам особенно напоминают современную одежду, а на головах у многих плоские круглые шляпы, по дизайну напоминающие цыганские шляпы, которые часто носят дамы последних лет. Но прежде всего волосы убраны назад со лба, причем не в греческом стиле, а скорее à l' Eugénie, как говорили мы в молодости. Многие держат в руках большие веера, похожие на те, что мы делаем из павлиньих перьев. Насколько мне известно, до сих пор не было выдвинуто никакой убедительной теории относительно [pg 60] объекта или намерения этих фигур. Среди них так много женских фигур, что кажется маловероятным, что это портреты покойных; а частое появление двух фигур вместе, особенно одной женщины, которую несет другая, кажется, почти разубеждает нас в такой теории. Похоже, что это фигурки, называемые многими древними греками Κόραι, которые использовались детьми в качестве игрушек и, возможно, украшений. Большой класс ремесленников, которые их делали, назывался Κορόπλατοι, и настоящие скульпторы относились к ним с презрением. Большинство из них, действительно, плохо смоделированы и, очевидно, являются работой невежественных ремесленников. Если бы можно было доказать, что их находят только в могилах детей, это было бы трогательным признаком того всемирного чувства, которое присуще человечеству: хоронить вместе с умершим другом все, что он любил и чем наслаждался в своей земной жизни, чтобы он не чувствовал себя

одиноким в своей холодной и мрачной могиле.¹⁹ Но представляется маловероятным, что это ограничение может быть когда-либо доказано.

Не меньшую сложность представляет и вопрос об их возрасте. Греки [pg 61] утверждают, что гробницы, в которых они найдены, относятся не позднее второго века до нашей эры, и действительно, трудно представить, в какой более поздний период было достаточно богатства и искусства для создания таких часто элегантных и часто дорогостоящих результатов. Танагра и Феспия были, действительно, во времена Страбона (lib. ix. 2) единственными оставшимися городами Беотии; остальные, по его словам, были лишь руинами и названиями. Но мы можем быть уверены, что в то время всеобщего упадка оставшиеся города должны были быть такими же бедными и незначительными, как и сейчас. Таким образом, мы, кажется, отброшены назад в классические или александрийские времена для происхождения этих фигур, которые в своей яркой раскраске - розовые и голубые платья, часто позолоченная бахрома, волосы всегда светлые, насколько я смог найти - действительно, похожи на то, что мы знаем о древнегреческой статуе, но в других отношениях удивительно современны.²⁰ Если их древность и можно строго доказать, то это лишь покажет еще один пример разносторонности греков во всем, что касается искусства: как, используя самый простой материал и находясь на большом расстоянии от великих художественных центров, они создали тип, отличающийся изяществом и утонченностью, совершенно чуждый их великим старым образцам, отличающийся в одежде, в отношении - в каждом пункте стиля - от обычной греческой скульптуры и предвосхищающий многие из современных идеалов красоты и элегантности".

[pg 62]

Но необходимо отложить наше суждение и подождать дальнейшего и более тщательного исследования. Мастерам в Танагре теперь запрещено продавать эти предметы частным любителям, и, как следствие, их цена выросла так сильно, что те, что есть на рынке, если они действительно элегантны и обладают художественными достоинствами, не могут быть приобретены дешевле, чем за 40-60 фунтов стерлингов. Когда они были менее распространены, за один экземпляр платили до 2000 франков. Начиная с этой цены и ниже, их все еще можно купить в Афинах, причем грубые и плохо отделанные экземпляры стоят достаточно дешево. Единственный другой способ приобрести их или получить их дешевле - это навести справки во время путешествия по внутренним районам, где их часто можно купить у бедных людей в Мегаре, Танагре или в других местах, которые случайно нашли их и готовы расстаться с ними после некоторого торга.

Удобно, что здесь речь идет об особом виде греческих древностей, поскольку они кажутся чуждыми остальным и не могут быть отнесены ни к какому другому виду. Сейчас эти статуэтки попали в большинство европейских [музеев](#)²¹.

Я перехожу к публичным коллекциям в Афинах, в которых мы находим мало таких фигурок, и которые [pg 63] скорее содержат обычные продукты греческого пластического искусства - статуи, рельефы, а также керамику и надписи. Как я уже говорил, статуи находятся в самом плачевном состоянии, разбиты на фрагменты, без каких-либо попыток восстановить даже те потери, которые можно с уверенностью восполнить. Какой вред могла бы принести такая массовая реставрация, как это практиковалось в Италии около пятидесяти лет назад, трудно сказать. Но, возможно, реакция против этой ошибки подтолкнула нас к противоположной крайности.

Есть, правда, один - обнаженный атлет, с плащом, свисающим через левое плечо и обмотанным вокруг левого предплечья, - который кажется почти таким же хорошим, как

любая сильная мужская фигура, которой мы сейчас располагаем. Хотя плащ на левой руке почти точно такой же, как на знаменитом Гермесе из [Ватикана](#)²², пропорции фигуры ближе к знаменитому Дискоболу (номер 126, Braccio Nuovo). Есть еще две копии во Флоренции и одна в Неаполе. Эти повторения указывают на какой-то очень знаменитый оригинал, который критики относят к более древней школе Поликлета и даже предполагают, что он может быть копией его Дорифора, который назывался статуей Канона, или моделью совершенной мужской формы. Гермес имеет слишком сильное сходство с Апоксиоменом Лисиппа, чтобы не быть признанным представителем более новой школы. Таким образом, в этой аттической статуе мы имеем [pg 64] промежуточный тип между более ранней и сильной школой Поликлета и более элегантной и новой школой Лисиппа во времена Александра.

Однако нет никаких сомнений в том, что она не относится к более древней и суровой эпохе скульптуры, высшими представителями которой были Фидий и Поликлет. Любой, кто изучает греческое искусство, понимает, как удивительно меняется не только стиль одежды и орнамента, но даже пропорции фигуры, по мере того как мы спускаемся из поколения в поколение в длинной череде греческих скульпторов. Фриз Селинуса (ныне в Палермо) и фриз Эгины (ныне в Мюнхене), которые являются одними из самых ранних классических образцов, отличаются короткими, плотными формами. Рост мужчин составляет пять футов семь или, самое большее, восемь дюймов, а их фигуры приземисты даже для такого роста. В образцах, которыми мы располагаем во времена Фидия и Поликлета, эти пропорции изменены. Голова Дорифора, если мы можем полагаться на наши предполагаемые копии, по-прежнему тяжелая, а фигура громоздкая, хотя и более высокая в пропорциях. Он выглядит человеком ростом не менее пяти футов десяти дюймов. Статуя, которую мы сейчас рассматриваем, еще выше и похожа на имеющиеся у нас копии работы Лисиппа, фигура, очевидно, человека шести футов высотой; но его голова не такая маленькая, а сам он не такой стройный и легкий, как обычно бывает у этого типа".

[pg 65]

Нелегко дать полный отчет об этих изменениях. Есть, конечно, одна общая причина, хорошо известная: искусство греков, как и почти все подобные разработки, прошло через скованность и неуклюжесть к достоинству и силе, к которым впоследствии добавилась та грация, которая возвышает силу до величия. Но со временем стремление к изяществу становится слишком заметным, и сила, а вместе с ней, разумеется, и величие, требующее силы и изящества, постепенно утрачиваются. Так мы приходим к периоду, когда формы становятся просто элегантными или сладострастными, без какого-либо утверждения силы. Я расскажу о подобном развитии женских фигур в связи с другой темой, которая сама собой напрашивается.

Это может быть понятно только с помощью серии иллюстраций. Конечно, получить действительно архаичные статуи было очень сложно.²³ В основном это были священные изображения богов, которые греки считали почтенными и интересными, но редко копировали. К счастью, у римлян, когда они задавались целью восхищаться греческими статуями и приобретать их, случались приступы того, что мы сейчас называем прерафаэлитизмом - восхищения архаичными и благочестивыми, пусть и некрасивыми, формами, которые предпочитались более совершенным формам более позднего искусства. Так, в Италии мы находим множество [pg 66] статуй, которые, если и не являются действительно архаичными, то, по крайней мере, архаичны, как это называют критики - имитации или копии архаичных статуй. Этим нам больше не нужно довольствоваться. И мы можем сделать небольшую паузу в вопросе об архаическом греческом искусстве, потому что, помимо подражаний времен Августа и Адриана, в маленьком музее на Акрополе уже есть

несколько подлинных фрагментов, сохранившихся не от нынешнего Парфенона, а скорее от развалин более древнего Парфенона. Этот храм был разрушен персами, а материалы были встроены в окружающую стену Акрополя афинянами, когда они начали укреплять и украшать его в начале своего пути к господству и богатству. Пятна от огня, как говорят, все еще видны на этих барабанах столбов, ныне встроенных в укрепления, и не может быть никаких сомнений в их принадлежности к старому храму, поскольку это хорошо засвидетельствовано.²⁴ Но я не согласен с утверждением, что эти старые материалы были использованы для того, чтобы питать вечную ненависть к персам в умах людей, которые ежедневно видели перед собой доказательства древнего зла, причиненного их храмам.²⁵ Я считаю эту сентиментальную чепуху [pg 67] совершенно чуждой всем греческим чувствам. Эти материалы были использованы в стене, потому что они не подходили для новых храмов, и потому что в противном случае они должны были сильно мешать на ограниченной поверхности Акрополя.

В качестве образца старых скульптур впервые была найдена очень жесткая и, на наш взгляд, комичная фигура, которая потеряла ноги, но в остальном сохранилась достаточно хорошо, и которая изображает мужскую фигуру с любопытными обычными волосами и еще более обычной бородой, держащую за четыре ноги быка или теленка, которого он несет на своих плечах. Глаза теперь впалые, а когда-то, очевидно, были заполнены чем-то другим, нежели мрамор, из которого сделана статуя. Вся поза и стиль работы жесткие и невыразительные, и это один из самых характерных остатков древнего аттического искусства, сохранившихся до наших дней.

К счастью, почти нет сомнений в том, что означает эта статуя. Это votive подношение марафонцев, которое Павсаний видел в Акрополе и которое ознаменовало легенду о том, что Тесей прогнал дикого [pg 68] быка, посланного против них Миносом, из Марафона в Акрополь, где принес его в жертву. Павсаний не говорит, как был изображен Тесей с быком, но это точно не была группа - такое явно выходило за рамки узких и робких представлений художников того времени. Поскольку трудно представить этого героя и быка вместе, кроме как изобразив человека, несущего быка, художник сделал животное в полный рост, но маленьким, как теленок, и, конечно, не пытался выразить враждебность между ними. Спокойный взгляд, который возникает просто из-за неспособности художника передать экспрессию, заставил многих хороших искусствоведов назвать его не Тесеем, а Гермесом. Такова неясная история статуи, но несложно отметить ее характерные черты. Мы видим традиционную обработку волос, дикий прозрачные одежды, плотно прилегающие к коже, и очень тяжелые мускулистые формы рук и тела. Вся фигура жесткая и невыразительная, строго выдержанная в так называемом иератическом или старом религиозном стиле, в отличие от идеального или художественного замысла.

Есть два рельефа в полный рост - один, который я впервые увидел в маленькой церкви близ Орхомена, и еще несколько в Афинах в Тезеоне - которые явно относятся к той же эпохе и стилю искусства. Самая полная из афинских стел приписывается Аристиону и считается работой Аристокла,²⁶ [pg 69] несомненно, художника, известного как современника тех, кто сражался в битве при Марафоне. Таким образом, мы получаем очень хороший ключ к дате расцвета этого искусства. Есть также голова похожей фигуры, с длинными волосами, завязанными в узел сзади, и с диском, поднятым над плечом, чтобы выглядеть как нимб вокруг головы, которая является одним из самых интересных объектов в Варвакионе. Из остального сохранился только постамент. Любой беспристрастный наблюдатель увидит в этих фигурах сильные следы влияния азиатского стиля. Это влияние кажется столь же несомненным и почти столь же спорным, как и египетское влияние на дорический стиль

архитектуры. Для непредвзятого наблюдателя эти влияния говорят так ясно, что, в отсутствие строгих доказательств обратного, человек чувствует себя обязанным признать их, тем более что мы знаем, что греки, как и все другие гениальные люди, всегда были готовы и стремились заимствовать у других. Следует часто повторять, потому что обычно это игнорируется, что уметь заимствовать - это самый оригинальный дар; и только те, кто чувствует недостаток в оригинальности, стремятся это утверждать. Так, римляне, которые заимствовали, не ассимилируя, всегда утверждают свою оригинальность; греки, которые заимствовали больше и лучше, потому что делали заимствованное своим, никогда не заботятся об этом. Избитая параллель с Шекспиром придет в голову каждому.

К сожалению, афинские музеи показывают нам [pg 70] лишь несколько примеров переходного состояния искусства между этим и совершенными работами школы Фидия. Игинетские мраморы менее развиты, чем работы Фидия; но от рельефа Аристиона и Тесея с Акрополя до них - широкая пропасть в художественном чувстве. Первые - это работа детей, скованных своим материалом и еще более условными правилами; вторые - работа мужчин. Есть также хорошо известный Аполлон из Феры; похожий Аполлон, найденный в Афинах, с очень условными кудрями, который сейчас находится в Национальном музее; и две или три небольшие сидящие статуи Афины, которые, хотя и очень архаичны, начинают приближаться к изяществу художественной скульптуры. Но Италия достаточно богата подражаниями именно этого периода. В небольшой комнате виллы Альбани, недалеко от Рима, находятся четыре очень примечательные статуи, которые не фотографируются, потому что публика, несомненно, сочтет их плохим искусством, но которые, если бы я мог раздобыть их копии и воспроизвести их, ясно проиллюстрировали бы то, что я хочу. Среди бронзовых статуй, найденных в Помпеях, мы также имеем статуи именно в этом стиле, явно скопированные со старых греческих оригиналов и сделанные в угоду прерафаэлитизму (как я его уже называл) итальянских любителей. Я выбираю бронзовую Артемиду как интересный пример этого антикварного вкуса в более позднюю эпоху. Статуэтка сохраняет в лице те самые черты, которые кажутся нам столь комичными при взгляде на рельеф Аристиона или женщин [pg 71] Акрополя. Они, конечно, смягчены и менее преувеличены, но все же они есть. Так называемый греческий профиль еще не достигнут. Общими чертами древнегреческого лица на памятниках были отступающий лоб, пикообразный нос, слегка вздернутый на конце, втянутый рот и поднятые уголки, плоские удлиненные глаза (особенно полные в профилях рельефов), выдающийся угловатый подбородок, впалые щеки и высокие уши. Эти прекрасные черты можно найти на сотнях ваз, потому что изготовление ваз было скорее ремеслом, чем искусством, и люди придерживались старых моделей еще долго после того, как великие скульпторы и художники, подобно Полигноту, начали отходить от античной жесткости лика.²⁷ Артемида, о которой идет речь, имеет именно эти черты, которые очень хорошо видны, когда мы видим ее в профиль. Но головной убор и драпировка тщательно продуманы и, хотя формальны и несколько жестковаты, не лишены изящества. Поза рук жесткая, а положение женщины - шагающее вперед, что очень характерно для архаических фигур - полагаю, потому, что это увеличило основание статуи и позволило ей более прочно стоять на своем месте. Отсутствие какого-либо пояса или оттягивающей складки в одежде - один из самых заметных контрастов с более поздними драпировками подобных фигур.

Но теперь, наконец, мы можем показать читателю, насколько антиквары более поздних времен были способны имитировать [pg 72] архаическую скульптуру. Еще одна характерная архаическая статуя - одна из семнадцати, найденных в 1885-86 годах на [Акрополе](#)²⁸, где они были свалены вместе с частями колонн и других камней, чтобы расширить платформу для новых зданий. Стиль и изуродованность всех этих статуй, которые, судя по их единообразному виду, скорее всего, являются вотивными подношениями, а не священными

изображениями, указывают на то, что это настоящие статуи, которые персы свергли, разоряя Акрополь (480 г. до н. э.). Они были настолько разбиты и испорчены, что афиняне, восстанавливая и перестраивая свои храмы, решили использовать их для мусора. Таким образом, мы имеем совершенно аутентичную группу работ, демонстрирующих нам искусство древних Афин до Персидских войн. Каждая из них сделана из нескольких кусков мрамора, по-видимому, парийского, скрепленных между собой, как деревянная заготовка, а у воспроизведенной здесь фигуры из головы торчит бронзовый штырь, очевидно, для удержания нимба или покрытия из металла. Все они были богато раскрашены, о чем свидетельствуют многочисленные следы на них.²⁹

[pg 73]

Теперь оставим это архаичное искусство и перейдем на улицу гробниц, где можно найти такие образцы, равных которым в мире нет, и в таком состоянии [pg 74], чтобы их можно было легко разобрать. Многие из этих гробниц, и некоторые из них очень красивые, недавно были перевезены в Национальный музей, где они, несомненно, в большей безопасности, и их легче изучать и сравнивать, хотя есть что-то потерянное в том, что они не находятся на своем прежнем месте, по крайней мере, с некоторыми из их первоначального окружения. То, что я сказал о музеях, даже в этом случае разочаровывает, как и должно быть, если мы хотим, чтобы чувства посетителя были точно воспроизведены. Но я не могу не добавить, прежде чем перейти к другим местам, что эти музеи очень богаты надписями, а также аттическими вазами, лампами и другими предметами, имеющими большое значение для нашей оценки старой греческой жизни. Профессора университета особенно усердны в расшифровке и объяснении надписей, и с помощью немцев, которые собрали и продолжают собирать эти разрозненные документы в полное издание, мы ежедневно получаем новый свет на греческую историю. Так, Колеру удалось на основе найденных аттических податных списков составить карту Афинской морской империи с ее зависимостями, которая за пять минут рассказывает студенту больше, чем часы кропотливого чтения. Изучение ваз и ламп выходит за пределы моих возможностей, а первая настолько обширная и сложная тема, что ее невозможно освоить без долгого изучения и труда.³⁰

[pg 75]

Поэтому от музеев я перехожу к улице гробниц, которую Фукидид советует нам найти в самом красивом предместье города, когда мы выходим на запад к рощам Академа и перед тем, как повернуть немного к югу по пути к Пейрею. Фукидид с особой тщательностью описал погребальные церемонии, проводимые в этом знаменитом месте, и сочинил для нас очень благородную погребальную речь, которую он вложил в уста Перикла.³¹ Именно с этой речью, возможно, самым прекрасным отрывком в великой истории Фукидида, мы приближаемся к аллее, где афиняне возлагали своих мертвых. Нам предстоит пройти через самую бедную часть современных Афин, через убогие базары и грязные рынки, которые примыкают к главной улице. Среди всего этого убожества и нищеты, среди полного отказа от искусства и досуга, есть [pg 76] еще черты, которые слабо напоминают старую греческую жизнь. Яркий цвет платьев - преобладание белого, красного и синего цветов, которые так любили старые афиняне; и среди низших классов много той поразительной красоты, которая напоминает нам о старых статуях. Особенно в форме головы и выражении лица детей мы видим типы, которых нет нигде в Европе, и которые, если и не происходят из классической Греции, то, во всяком случае, очень красивы.

Далее мы попадаем на железнодорожный вокзал, который, как и везде, очень неприятен. С его мрачным дымом, пронзительными звуками и прочей тяжелой некрасивостью он не

является подходящим соседом для гробниц старых греков, которые находятся рядом с ним со всех сторон.

Они лежат, как и почти все старые руины, гораздо ниже уровня земли, и поэтому их приходится извлекать путем тщательного раскапывания. Когда это было сделано, их накрыли грубой дверью, чтобы защитить их скульптурные лица; и когда я впервые увидел их, они стояли без всякого порядка или регулярности, недалеко от мест, где их нашли.

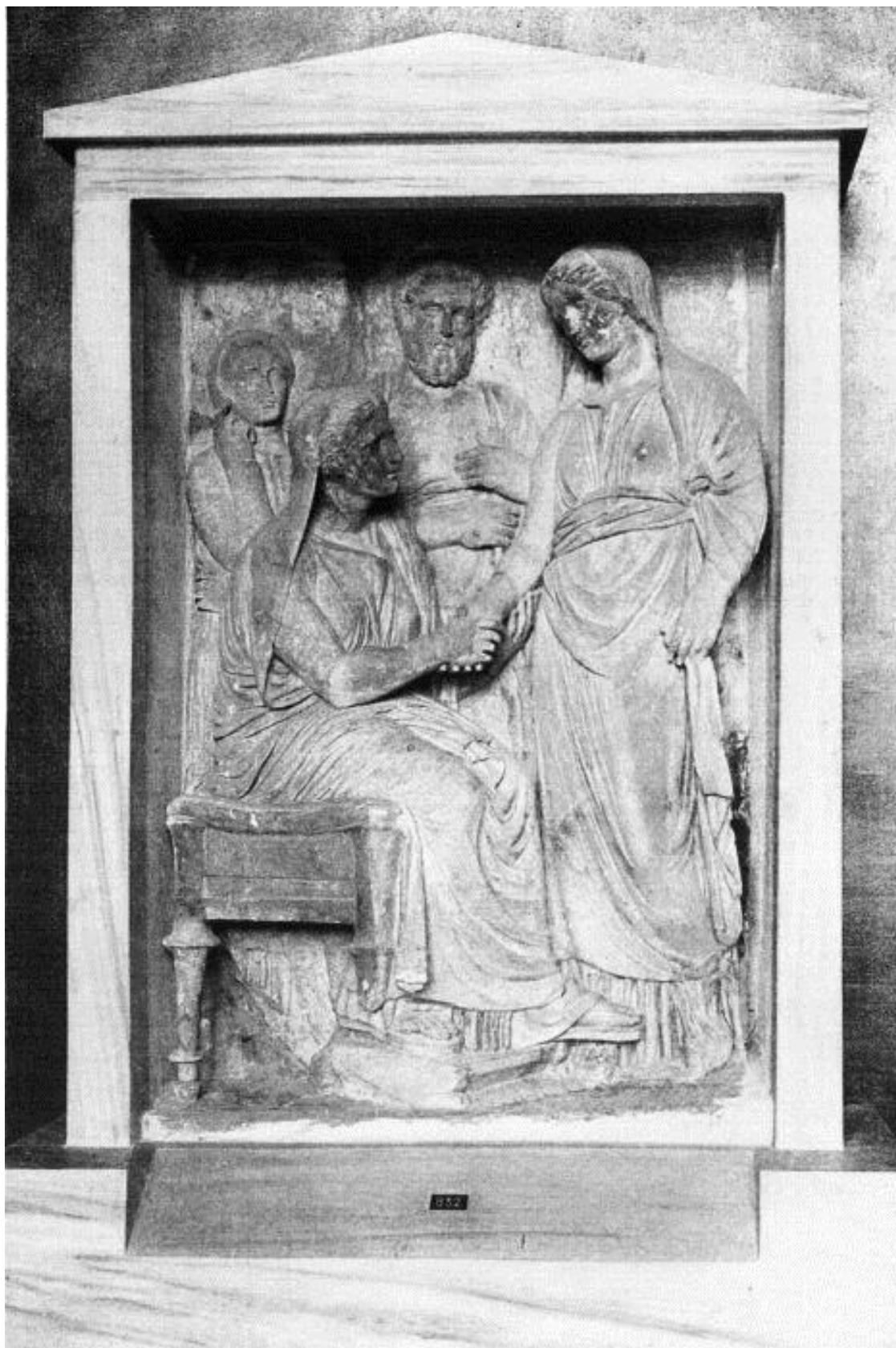
Правильная оценка этих гробниц не может быть достигнута без оценки чувств, с которыми их устанавливали оставшиеся в живых. И мы должны учитывать не только общее отношение греческой литературы к важнейшему вопросу о состоянии человека после смерти, но и тысячи надписей на [pg 77] гробницах, как со скульптурными рельефами, так и без них, если хотим составить уверенное мнение о чувствах покойных в эти ушедшие дни.

Из Гомера и Мимнермуса мы знаем, что в прежние времена греки, хотя и не могли избавиться от веры в жизнь после смерти, не представляли себе это состояние ничем иным, как теневым и жалким отголоском реальной земной жизни. Это было мрачное существование, отягощенное воспоминаниями о потерянном счастье и тоской по утраченным наслаждениям. Для гомеровских греков смерть была мрачной неизбежной участью, без надежды и награды. Правда, у Пиндара мы находим мысли и чаяния совсем иного рода. Во фрагментах его поэзии мы находим не один отрывок, утверждающий награды праведников и великолепие будущей жизни, гораздо более счастливой, чем та, которой мы наслаждаемся сейчас. Но, несмотря на эти благородные видения, столь высокие ожидания не завладели воображением греческого мира. Поэмы Пиндара, как нам говорят, вскоре перестали быть популярными, а его видения стали лишь полоской света среди всеобщего мрака. Царство мертвых у Эсхила, как и у Гомера, очевидно, является лишь усталым отголоском этой жизни, где почестей можно достичь только благочестивым служением любящим родственникам, чей долг, отданный мертвому, влияет на него в его более мрачном состоянии и поднимает его в почтении его менее памятливых собратьев. Софокл не говорит ничего, чтобы прогнать ночь; нет, [pg 78] скорее его самые глубокие и зрелые размышления рассматривают смерть как худшее из зол для счастливого человека - печальное убежище для несчастного. Еврипид жаждет, чтобы не было будущего состояния; а Платон обеспечивает бессмертие души, только отделив ее от личности - человека и всех его интересов.

Из этих свидетельств ясно, что греки должны были смотреть на смерть тех, кого они любили, с неизменной печалью. Это было окончательное расставание, когда вспоминается все хорошее и приятное; когда люди стремятся как бы усилить боль, облачая умершего во все самое милое и дорогое. Но это не делалось с помощью помпезных надписей или пустого перечисления всех заслуг покойного - надписей, которые, как мы знаем, говорят скорее о тщеславии, чем о горе оставшихся в живых. Самой распространенной эпитафией было простое χαῖρε, или прощание; и именно это единственное слово, столь полное и глубокое по своему значению для любящих людей, изображается на надгробных рельефах. Это простые сцены прощания, выражающие скорбь оставшихся в живых и великую печаль страдальца, уходящего в свой долгий дом.

Тем не менее, что нас сильно поражает в этих замечательных памятниках, так это сдержанное выражение скорби, которое они демонстрируют. В них нет ни жестокости, ни отчаяния, ни экстравагантности - все просто и благородно; таким образом, чистота искусства сочетается с гораздо более глубоким пафосом - гораздо более благородным горем, чем в [pg 79] преувеличенных картинах и скульптурах, которые пытаются выразить скорбь в более поздние и менее культурные века.³² Мы можем бросить вызов любому

искусству, чтобы создать более правдивые или более пронзительные картины реальной скорби - скорби, как я уже объяснял, гораздо более глубокой и безнадежной, чем любая христианская скорбь; и все же здесь нет ни сжимания рук, ни обморока, ни осквернения мешковиной и пеплом.³³ Иногда, действительно, как в знаменитой гробнице Декселея, на его могиле был помещен просто портрет умершего в активной жизни, и частная скорбь не проявлялась в присутствии записей о его общественных заслугах.

Гробница с улицы Сакра в Афинах

Я не знаю, чтобы какие-либо другие остатки греческого искусства более ясно доносили до нас одну из его вечных и божественных черт - или, скорее, я должен сказать, одну из его вечных и человеческих черт, - величайшую, если не главную черту, которая сделала его вечно новым и вечным законодателем для людей в их попытках изобразить идеал.

Если я позволю себе любое отступление, мы не сможем сделать ничего лучшего, чем завершить эту главу некоторыми размышлениями на эту тему, и мы можем [pg 80] fore обратиться, по предложению афинских гробниц, к нескольким общим замечаниям о резерве греческого искусства - я имею в виду резерв в проявлении эмоций, в изображении яростных вспышек радости или горя; и снова, более широко, резерв в изображении особых или личных черт, мимолетных интересов или сиюминутных эмоций.

В философии, ныне скорее забытой, чем исчезнувшей, но когда-то привлекавшей к себе немалое внимание, Адам Смит был вынужден анализировать косвенные эффекты симпатии, из которых, как из единого принципа, он хотел вывести все правила этики. Хотя многие моменты были излишне натянуты, следует признать, что он с большой справедливостью объяснил происхождение хорошего вкуса или такта в обычной жизни, который, по его мнению, заключается в тщательном наблюдении за интересами других людей в наших собственных делах и в чувстве, что мы не должны навязывать им то, что касается нас самих, если только не уверены в их активном сочувствии. Хорошее воспитание, по его словам, заключается в тонком восприятии того, как далеко это зайдет, и в подавлении тех наших чувств, которые, хотя и сильно влияют на нас, но нельзя ожидать, что они так же повлияют на нашего ближнего, чье сочувствие должно быть мерой и пределом нашей откровенности. Нет никаких сомнений в том, что, какими бы ни были другие элементы, этот анализ верен в той мере, в какой он верен, и сразу же рекомендует себя для убеждения любого образованного человека. Тот же принцип еще более [pg 81] сильно и универсально действует в искусстве. Как трагедия обязана изображать идеальные горести и радости столь большого и широкого рода, что каждый зритель может слить в них свои мелкие неприятности, так и идеальная скульптура и живопись идеальны лишь постольку, поскольку они изображают те большие и вечные черты человеческой природы, которые всегда должны вызывать симпатию каждого чистого человеческого сердца.

Сразу же отметим явное исключение - средневековые картины Страстей Христовых и скорбей Девы Марии. Здесь художник позволил себе самые крайние меры, потому что объекты неизбежно оказывались в центре самого высокого сочувствия. В Средние века ни одно выражение скорби Христа не могло показаться преувеличенным, потому что именно в этом преувеличении заключалась суть религии людей. Но когда такого объекта всеобщей и всепоглощающей симпатии найти невозможно (а в языческой жизни его не было), тогда греческий художник должен своим отношением к объекту достичь того же, чего христианский художник добился от самого объекта. Предполагая, таким образом, мастерское владение материалом и достаточную силу исполнения, следующей чертой, которую следует искать в греческом искусстве, и особенно в греческой скульптуре, является определенная скромность и сдержанность в выражении, которые не изображают незначительные недостатки в изображении человека, но представляют тот вечный или идеальный характер, который остается в нашей памяти, когда его уже нет. Таков, например, знаменитый портрет-статуя Софокла.

[pg 82]

Таковы и все те великие серии идеальных фигур, которые встречаются нам в галереях античного искусства. Они редко показывают нам какие-либо бурные эмоции; они даже редко находятся в такой особой позе, что критики не могут интерпретировать ее несколькими различными способами или как подходящую для нескольких мифов. Греческая скульптура стремится отобразить не преходящие состояния чувств, а вечную и идеальную красоту человеческой природы, и именно поэтому она сохранила свою силу на протяжении всех прошедших веков. Это было спокойное искусство Фидия, Поликлета и Полигнота, по

настроению не отличавшееся от жесткой неуклюжести их предшественников, но в мастерстве пропорций и трудностей достигшее того изящества, в котором не преуспели другие. В этом общем законе, несомненно, есть исключения, и, возможно, очень яркие; но это исключения, и даже в них, если внимательно присмотреться, можно увидеть универсальные черты и точки соприкосновения для всего человечества. Но если призыв к сочувствию действительно перегружен, то, каким бы успешным ни было произведение искусства в своем обществе и в своей социальной атмосфере, оно теряет силу, когда предлагается другому поколению. Так, Еврипид, хотя и справедливо считавшийся в своем обществе самым трагическим из поэтов, именно по этой причине перестал вызывать к нам так, как до сих пор вызывает Эсхил. Ибо Эсхил держался в рамках, продиктованных заповедью искусства; Еврипид часто делал [pg 83] не так, и его творчество, хотя и великое и полное гения, страдало соответственно.

Мне кажется, что представленные перед нами гробницы примечательны тем, что с тактом гения демонстрируют эту истинную и совершенную сдержанность. Это простые картины печали расставания, воспоминаний о приятных днях любви и дружбы, мрака неизвестного будущего. Но в них нет ни преувеличения, ни особенности, ни индивидуальности, как я уже почти сказал, в картине. Я не испытываю никакого любопытства, чтобы узнать, кто эти люди, как их звали, даже в каких отношениях состояли покойные.³⁴ Ибо меня вполне устраивает идеальный портрет горя расставания - горя, которое приходит к нам всем и горько охватывает нас в определенный период жизни; и именно это всеобщее горе - этот великий общий недостаток в нашей жизни - греческий художник представил перед нами и вызывает наше глубочайшее сочувствие. В будущем будет повод вернуться к этой важной черте в связи с действием в греческой скульптуре и даже с драпировкой их статуй - во всех этих случаях спокойная и целомудренная сдержанность лучшего греческого искусства странно контрастирует с Михаилом Ангелосом и Бернини, [pg 84] и Кановасом других дней; нет, даже с греческой скульптурой не менее блестящего, но менее утонченного века.

Но, завершая это отступление, я обращаю внимание на современную параллель в изображении горя и скорби при окончательном расставании. Эта параллель - не скульптура, а поэма, возможно, самая замечательная поэма нашего поколения - "In Memoriam" лорда Теннисона. Хотя она написана из личных чувств и в память об особом человеке - Артуре Халламе, которого некоторые из нас даже знали, - завладела ли эта поэма воображением людей надолго и прочно благодаря особой утрате поэта? Конечно же, нет. Я даже не думаю, что этот великий дир - эта великолепная похоронная поэма - вызвала у большинства из нас какой-либо сильный интерес к Артуру Халламу. На самом деле, любой другой друг поэта подошел бы широкому читателю одинаково хорошо в качестве волнующей причины поэмы, которой мы восхищаемся, потому что она выражает великими словами постоянно повторяющиеся и постоянные черты такого горя - эти мрачные тоски о будущем; эти предложения отчаяния, недовольства провидением мира, дикие спекуляции о его законах; эти попытки примирить нашу собственную потерю и потерю человеческой расы с каким-то большим законом мудрости и благожелательности. Для поэта, конечно же, его собственный друг был главным центром всего этого. Но для нас, читающих это произведение, существует широкое [pg 85] различие между личными отрывками - то есть теми, где описываются семейные подробности, особые обстоятельства жизни Халлама или его близость с поэтом, - и чисто поэтическими или художественными отрывками, которые уходят в область, намного превышающую все особые детали, и поют о великом мраке, нависшем над будущим, и о том, как сильно бьется человеческая душа о решетку своей тюрьмы, когда одного забирают, а другого оставляют, причем не просто наугад, а с явной несправедливостью и ущербом для человечества. Поэтому каждый человек, скорбящий о потерянном друге, прочтет эту поэму к

своему большому утешению и только тогда ясно увидит, что она означает; и он найдет, что она говорит с ним особо и особенно, не в ее личных отрывках, а в ее общих чертах; в ее жесткой метафизике; в ее мистической теологии; в ее гневной и неопределенной этике. Ибо даже самый обычный ум вынужден в горе выходить из своей обыденности и нападать на мировые проблемы, к которым в другое время у него нет ни сил, ни вкуса подступиться.

Таким образом, на этой иллюстрации можно ясно увидеть различие между универсальными и личными чертами горя; И читатель признает, что, хотя было бы неразумно диктовать поэту или представлять, что он должен был опустить строфы, которые относятся к его другу и которые были для него жизненно важны, для нас не будет потерей забыть это имя и эти обстоятельства [pg 86] stances, и держаться за действительно вечные (а поскольку вечные, то и действительно художественные) черты в этой благородной симфонии - не сказать ли о полуразрешенных диссонансах или о приостановленных гармониях, которые может примирить вера, но которые разум с трудом может проанализировать или понять?³⁵

В нескольких минутах ходьбы от этих великолепных записей о мертвых путешественник, возвращающийся в город через Обсерваторный холм, найдет совсем другое кладбище. Ведь здесь он внезапно упирается в длинную расщелину в скале, идущую параллельно проходящей внизу дороге и потому совершенно невидимую с нее. Возвышающаяся по направлению к городу земля скрывает ее в равной степени от Акрополя и, соответственно, от всех Афин. Это ущелье длиной около двухсот ярдов, шириной шестьдесят и глубиной более тридцати футов - пресловутый Баратрум, место казни в старые времена; место, куда изгоняли преступников и где жил общественный палач. Старые схолиасты ошибочно полагали, что афиняне бросали людей в эту яму живыми. Сейчас она не настолько глубока, чтобы вызвать смерть таким образом, и нет никаких причин, по которым ее первоначальная глубина должна была уменьшиться из-за скопления мусора, как это часто бывает в населенных пунктах. "Бросать [pg 87] в Баратрум" относилось скорее к отказу в праве на погребение казненным преступникам - дополнительный позор, а для греков - тяжкое дополнительное наказание. Считалось, что почести, воздаваемые мертвым, точно пропорциональны почестям, оказываемым оставшимися в живых друзьями.

Здесь, вдали от всех храмов и священных мест города, обитал общественный раб со своими орудиями смерти, возможно, в пещере или гроте, который до сих пор можно увидеть в высокой стене ущелья, расположенной недалеко от того места, где старая тропа ведет через холм к городу. Платон рассказывает, как молодые люди, выходя из Пирея, оборачивались в сторону, чтобы посмотреть на мертвецов, лежащих у этого чиновника; должно быть, в древней истории Афин были времена, когда эта расщелина в скале была местом резни и ужаса. Более мягкий закон более поздних времен, похоже, почувствовал это оскорбление человеческих чувств, и вместо того, чтобы сбрасывать мертвых в Баратрум, к приговору просто добавили, что тело не должно быть похоронено в границах Аттики. И все же, хотя Баратрум, возможно, больше не использовался, проклятые ворота (ἱερὰ πύλη) по-прежнему вели к нему из города, и старые ассоциации были связаны с его мрачным уединением. Даже в прошлом веке турки, то ли действуя инстинктивно, то ли руководствуясь старыми традициями, по-прежнему использовали его как место казни.

В наши дни все следы этой отвратительной [pg 88] истории давно исчезли, и я нашел небольшое поле кукурузы, колышущееся на ровной земле под ним, которое когда-то было афинской Акелдамой. Но и сейчас в этом месте чувствовалось какое-то одиночество и странность - тихое и пустынное посреди улиц, скрытое от людских глаз и укрытое от посторонних глаз массивными стенами. И, словно воскрешая мрачные воспоминания о прошлом, огромные алые маки пятнами усеивали землю, а ястребы и вороны все еще

кружили над головой, как их предки в кровавые времена; я полагаю, они были привязаны наследственным инстинктом к этому роковому месту, "ибо где туша, там и орлы соберутся".

[стр. 89]

ГЛАВА IV.

АФИНСКИЙ АКРОПОЛЬ.

Думаю, нет никаких сомнений в том, что руины афинского Акрополя - самые выдающиеся в мире. Есть руины гораздо более крупные, такие как пирамиды и остатки Карнака. Есть руины, сохранившиеся гораздо лучше, например, великий храм в Пестуме. Есть руины более живописные, такие как увитые плющом стены средневековых аббатств у рек в богатых долинах Англии. Но во всем мире не найдется руин, в которых сочетались бы столь поразительная красота, столь отчетливый тип, столь обширный объем истории, столь великая панорама бессмертных воспоминаний. На самом деле, на земле нет ни одного здания, которое могло бы выдержать бремя такого величия, и поэтому первое посещение Акрополя должно быть разочаровывающим. Когда путешественник размышляет о том, как вся культура Старого Света достигла кульминации в Греции - вся Греция в Афинах - все Афины в своем Акрополе - весь Акрополь в Парфеноне - так много всего наваливается на разум, что мы ищем какой-нибудь вечный памятник, на котором мы могли бы остановить свои мысли и от которого мы могли бы пройти, как от видимой отправной точки [pg 90] во всю эту историю и все это величие. И поначалу мы ищем напрасно. Разбитые колонны и разорванные фронтоны не выдержат такого напряжения, и путешественник вынужден признать чувство разочарования, против своей воли. Он проделал долгий путь в отдаленные уголки Европы; он достиг, наконец, того, к чему его душа тщетно стремилась долгие годы: и, как это обычно бывает со всеми великими человеческими желаниями, истина не исполняет его желания. Разочарование становится еще сильнее, когда он видит, что зуб времени и толчок землетрясения не причинили ему особого вреда. Это рука человека - безрассудного врага и безжалостного любовника - лишила его надежды. Это чувство, я уверен, испытывали не все, кто признавался в этом, когда впервые пробирались через поля голубого алоэ и проходили через Пропилеи к Парфенону. Но к тем, кто не поддался этим чувствам, кто снова и снова приходил на скалу и смотрел на руины в любое время дня и лунной ночи, к тем, кто жил среди них и размышлял о них с любовью и благоговением, впервые возвращаются воспоминания о славе афинского величия, когда олимпийский Перикл стоял на этой скале вместе с утомленным Фидием, а безрассудный Алкивиад - с благочестивым Никием, а пылкий Демосфен - с язвительным Фокионом, когда такие люди населяли храмы [pg 91] в своем поклонении, а все рифленые колонны и скульптурные фризы были ярко-алыми, синими и золотыми. А затем слава истории накладывает свой оттенок на запятнанные войной остатки. Каждое прикосновение человеческой руки, каждая рифленка, капля, триглиф и карниз напоминают о мастерах, создавших это великолепие; и вот, наконец, мы отрываемся от него, как от предмета красоты, который даже сейчас мы никогда не сможем узнать, полюбить и поразмышлять над ним вдоволь.

Нет ничего более неприятного, чем размышления о том, как недавно эти великолепные останки были приведены в нынешнее состояние. Парфенон, использовавшийся в качестве греческой церкви, оставался нетронутым и совершенным на протяжении всего Средневековья. Затем он стал мечетью, а Эрехтей - сералем, и в таком виде просуществовал с небольшими повреждениями до 1687 года, когда во время бомбардировки венецианцами под командованием Морозини в Парфенон, где турки хранили свой порох, попал снаряд и разнес всю центральную часть здания. Восемь или девять колонн с каждой стороны были повалены и оставили большой зазор, который так разделяет переднюю и заднюю части храма, что из города внизу они выглядят как остатки двух разных зданий. Огромные барабаны этих колонн все еще лежат там, в своем порядке, точно так же, как они упали, и некоторые деньги и забота могли бы установить их все снова на свои места; но в Греции нет патриотизма или даже общего [pg 92] смысла, чтобы обогатить страну этим восстановлением, несравненным по своей уверенности, так же как и по своему великолепию.

Но венецианцы не были удовлетворены своим подвигом. В это время, когда они владели большей частью Греции, они подражали пизанскому вкусу к греческим скульптурам; и четыре прекрасных льва, стоящие у ворот арсенала в Венеции, до сих пор свидетельствуют об их рвении привезти домой греческие трофеи, чтобы украсить свою столицу. Морозини хотел снять скульптуры Фидия с восточного фронтона, но его рабочие попытались сделать это так неуклюже, что фигуры упали со своего места и разбились вдребезги о землю. Итальянцы также оставили свой неизгладимый след на этом месте, построив справа от входных ворот высокую квадратную башню из жалкой заплатанной кладки, которая в последние годы стала таким бельмом на глазу у более образованной публики, когда я впервые был в Афинах, была организована подписка на ее снос - не только для того, чтобы убрать навязчивое напоминание о захватчиках, но и в надежде извлечь на свет некоторые столбы Пропилеи, встроенные в нее, а также множество камней с надписями, отколотых и унесенных со своих мест в качестве строительного материала. Эти ожидания не оправдались. Башня была разобрана благодаря либеральности М. Шлимана, и в ней почти не было обнаружено надписей и скульптур.

Один писатель в "Saturday Review" (№ 1134) [pg 93] нападает на этот демонтаж венецианской башни и на мое одобрение его, как на кусок невежественного и варварского педантизма, который из любви к старой греческой работе и ее святости желает уничтожить позднюю историю этого места и стереть памятники его судьбы в последующие века³⁶. Этот писатель, чья личность не вызывает сомнений, считает, что даже турецкие дополнения к Парфенону следовало бы оставить нетронутыми, чтобы современный студент мог поразмышлять над всеми этими несоответствиями и извлечь из них исторические уроки. И, несомненно, из всех переданных уроков победа над турками была бы для этого писателя самым важным и самым восхитительным.

Если этот великий человек не заставит нас молчать своим авторитетом, а позволит нам поспорить с ним, мы могли бы предположить, что, несомненно, существуют случаи, когда интересы искусства и истории противоречат друг другу, и когда восстановление первозданной красоты должно отвлечься от свидетельств более поздней истории. Вопрос в том, насколько выигрыш в искусстве превышает потери в истории. В случае с Парфеноном я думаю, что да, особенно сейчас, когда можно получить записи и рисунки более слабых дополнений. [pg 94] Может быть, исторически важно отметить особые работы и характер каждого поколения людей; но, конечно, для воспитания человеческой расы в законах

красоты и общей культуры одни эпохи не стоят ничего, а другие стоят всего; и я не признаю, что такого рода воспитание ни на йоту не менее важно, чем воспитание на фактах истории.

Конечно, художественная реставрация часто заходит слишком далеко; определенная эпоха может быть произвольно принята за канон совершенства, а все остальное уничтожено, чтобы освободить для нее место. Немного найдется эпох, которые могут претендовать на такое превосходство, как эпоха Перикла; но даже в этом случае, если бы средневековые дополнения были действительно прекрасны, мы бы, конечно, не решались их нарушать. Но венецианская башня, хотя и является живописным дополнением к скале, если смотреть на нее издалека, настолько, что я почувствовал ее потерю, когда снова увидел Акрополь, не претендовала на архитектурную красоту; она была установлена в месте, священном для более великих ассоциаций, и, кроме того, были все основания полагать, что ее удаление послужит историческим целям гораздо большей важности, чем венецианская оккупация Акрополя. Несколько надписей времен Перикла, содержащих договоры или другие подобные государственные дела, по моему мнению, вполне оправдали бы его демонтаж, даже если бы он означал победу христиан над турками".

[pg 95]

В любом случае, мне кажется несправедливым, что если каждое поколение должно выражать свои знания материальными результатами, то нам не должно быть позволено зафиксировать наше убеждение, что старое греческое искусство или старая греческая история намного больше и благороднее, чем турецкая или венецианская история, и подтвердить это мнение, заставив их памятники уступить ему место. Таков след нашего поколения на земле". Таким образом, восемнадцатый век был, несомненно, самым важным временем в истории даже искусства, но там, где благородные церкви тринадцатого века были наряжены и нагружены дополнениями восемнадцатого века, я не могу думать, что историческая ценность этих дополнений, как свидетельство вкуса или истории их эпохи, уравнивает их художественное зло, и я сочувствую народам, которые их убирают. Конечно, этот принцип может быть перегружен, и им часто злоупотребляют. Против таких злоупотреблений замечания великого критика, на которого я ссылаюсь, являются очень полезным протестом. Но то, что любое варварское или неприглядное уродование великих художественных памятников должно быть защищено на исторических основаниях, - это принцип, в котором меня не убедят ни его гений, ни его насмешки. Что касается обвинения в педантизме, то нет более легкого обвинения, но нет и более легкого ответа на него.

Как ни странно, его теория абсолютной святости старого кирпича и раствора почти совпадает по результатам с абсолютной беспечностью в отношении таких [pg 96] вещей, которая является особенностью его особых врагов, турок. Турки, по словам Додвелла, который является самым надежным свидетелем, никогда не разрушали старые здания, если они не были нужны им для кладки. Он советует нам не верить, что фигуры оставшегося фронтона использовались турецкими солдатами в качестве мишеней - такое утверждение часто звучало в его время. Как бы то ни было, я не сомневаюсь, что греческие солдаты в наши дни могли бы использовать их в качестве мишеней. Но во время пребывания Додвелла турки свалили несколько колонн Пропилеи для строительных целей, что дало этому прекрасному наблюдателю возможность заметить старый греческий способ крепления барабанов колонн друг к другу. Он даже получил в свое распоряжение один из кусков кипарисового дерева, использовавшихся в качестве пробок между каменными массами, и в своей замечательной книге привел его рисунок и объяснил метод его использования.³⁷

Но этот же путешественник присутствовал и при гораздо более решительном и систематическом нападении на оставшиеся руины Парфенона. Пока он путешествовал по внутренним районам страны, лорд Элгин получил от султана знаменитое разрешение на демонтаж и вывоз любых предметов старины или скульптурных камней, которые ему могут понадобиться, и разгневанный Додуэлл [pg 97] увидел, как множество невежественных рабочих под руководством столь же невежественных надсмотрщиков пустили в ход великолепные руины эпохи Перикла. Он с большим чувством и здравым смыслом отзывается об этих действиях. Он прекрасно понимает, что мир получит неоценимую пользу от переноса этих великолепных фрагментов в более доступное место, но он не может найти достаточно сильных выражений, чтобы выразить свое отвращение к тому, как это было сделано. Как бы невероятно это ни казалось, но лорд Элгин, похоже, сам не руководил работами, а поручил их оплачиваемым подрядчикам, которые взялись за дело за определенную сумму. Как бы мало турки или греки ни заботились о руинах, Додвелл говорит, что все Афины были охвачены горем из-за осквернения, и что подрядчики были вынуждены подкупать рабочих дополнительным жалованьем, чтобы те взялись за неблагодарное дело. Он даже не упоминает лорда Элгина по имени, но говорит о нем с отвращением, как о "человеке", который осквернил Парфенон. Он считает, что если бы этот человек сам находился в Афинах, его подчиненные вряд ли могли бы вести себя так безрассудно, снеся больше, чем хотели, и не позаботившись о том, чтобы поддержать и спасти работу, с которой они взяли опоры.

Особенно он отмечает их скандальный поступок, когда они подняли один из огромных блоков белого мрамора, образующих пол или стилобат храма. Они хотели посмотреть, что находится под ним, и Дод [pg 98] well, который был там, увидел фундамент - подконструкцию из пирейского песчаника. Но когда они закончили осмотр, то фактически оставили снятый блок, не поставив его на место. Так эта прекрасная мостовая, сложенная из плотно пригнанных друг к другу блоков, без каких-либо искусственных или чужеродных соединений, была вырвана, и началась работа по ее разрушению. Я рад добавить, что, несмотря на значительную разруху, большая ее часть до сих пор цела, и современный путешественник может ходить по тем самым камням, по которым ступал каждый великий афинянин.

Часто обсуждался вопрос, был ли лорд Элгин оправдан, когда снес этот фронтон, метопы и фризы с их места; и современные греки с уверенностью надеются, что придет день, когда Англия вернет эти сокровища на их место. Это, конечно, абсурд, и можно справедливо утверждать, что люди, которые будут бомбить свои древности во время революции, не являются подходящими хранителями их в периоды домашнего спокойствия. Таков был мой ответ одному старому греческому джентльмену, который обрушился с упреками на память лорда Элгина. Я сказал ему, что, по моим достоверным сведениям, греки сами обстреливали турок в Акрополе во время освободительной войны, о чем свидетельствуют несколько больших осколков, выбитых и засыпанных звездами на западном фронте. К моему удовольствию, он признался, что сам был одним из [pg 99] нападавших, и оправдал свой поступок военными обстоятельствами. Я ответил, что, поскольку страна тогда (1875 год) казалась на грани революции, скульптуры могли бы, по крайней мере, остаться в Британском музее до установления надежного правительства. Таков общий вердикт ученых людей по этому вопросу. Они согласны с тем, что удаление фигур в целом было благом для науки, но все клеймят позором и варварством тот безрассудный способ, которым была проведена эта работа.

Признаюсь, я одобрял это удаление до тех пор, пока не вернулся из Греции домой и не отправился снова посмотреть на это разрушение в нашем великом музее. Хотя там с ними обращались со всей тщательностью, хотя они были показаны с наилучшей стороны и

объяснены превосходными моделями всего здания и четкими описаниями их места на нем - несмотря на все это, потеря, которую понесли эти замечательные фрагменты, будучи оторванными от своего места, была так ужасно очевидна - они выглядели так бессмысленно в английской комнате, вдали от своего храма, своей страны и своей прекрасной атмосферы, - что искренне хотелось, чтобы их никогда не снимали с их места, даже с риском стать мишенью для греков или турок. Я также убежден, что те немногие, кто увидел бы их, как умные путешественники, на их знаменитой скале, получили бы в качестве преимущества, которое сейчас распространено среди многих, но ослаблено и почти уничтожено ключом ассоциаций, когда [pg 100] орнамент отделяется от поверхности, а украшение храма выставляется отдельно от самого храма. Поэтому можно признать, что было бы лучше, если бы лорд Элгин никогда не забирал эти мраморные скульптуры. Тем не менее, было бы абсурдно возвращать их обратно, как за это недавно (в 1890 году) выступали некоторые невежественные английские сентименталисты. Но я считаю, что музей на Акрополе должен быть снабжен лучшим набором слепков с фигур, чем те, которые можно увидеть там сейчас. Они выглядят очень жалкими и небрежно подготовленными.

Действительно, в маленьком музее на Акрополе сохранились разбитые остатки фигур восточного фронтона, которые Морозини и его венецианцы пытались снять, как я уже рассказывал. Это не более чем куски драпировок, которые могут быть полезны для реконструкции композиции, но не помогут оценить эффект этой знаменитой группы.

Но мы не должны пока входить в этот маленький музей, который правильнее всего убрать с глаз долой, в самый низкий или восточный угол скалы, и до которого мы не дойдем, пока не пройдем через все руины. Когда путешественник стоит у внутренних ворот Пропилеи, он сразу же замечает все совершенные черты зданий. Над его головой возвышаются огромные архитравы Пропилеи - блоки из белого мрамора длиной более двадцати двух футов, которые перекинуты через ворота от колонны до колонны. Напротив, над ним [pg 101] и немного правее, возвышается могучий Парфенон, не совпадающий по ориентации, как заметили архитекторы, с воротами, но слегка отклоняющийся от них, чтобы солнце и тень играли на нем в моменты, отличные от остальных, и таким образом создавали вечное разнообразие освещения. Этот принцип соблюден и в декорации Эрехтеума. Слева, прямо над городом, возвышается прекрасно украшенный ионический храм или сочетание храмов, с величественными кариатидами, смотрящими внутрь и в сторону Парфенона. Эти два здания - самые совершенные образцы соответствующих стилей. С первого взгляда мы видим цель художников, которые их построили. Один из них - воплощение величия, другой - изящества. Сами орнаменты Парфенона крупные и массивные; орнаменты Эрехтеума по большей части замысловатые и тонкие. Соответственно, Парфенон выполнен в дорическом стиле, или, скорее, в дорическом стиле, настолько изысканном и украшенном, что его правильно называть аттическим.

Чем больше мы изучаем старое афинское искусство - да и вообще старый афинский характер, - тем больше убеждаемся, что его величие заключается в сочетании дорической суровости и ионического изящества. Это вряд ли можно назвать посредничеством между ними; это принятие лучших элементов обоих и объединение их в высшую гармонию. Самой наглядной иллюстрацией этого является драма, где сочетались [pg 102] ионический элемент декламации и дорический хоровой гимн - и позвольте заметить, что ионический элемент был более модифицирован, чем дорический. Точно так же аттическая архитектура использовала силу и величие более древнего стиля, который мы видим в Коринфе и Пестуме; но облегчила его, частично облегчив пропорции, частично богато украсив, что давало наблюдателю вблизи дополнительный и иной восторг, в то время как издали крупные черты были похожи

на старое дорическое величие. Даже в отдельных украшениях, таких как метопы и фриз, грациозные женщины и длинные струящиеся драпировки ионической школы сочетались с мускулистой наготой дорического атлета, как его изображали дорические мастера. Отдельные аттические мастера полностью прорабатывали эти контрастные типы, как мы можем видеть на примере Дискобола Мирона, современника Фидия, и Аполлона Мусагета Скопаса, жившего несколько [позже](#)³⁸.

В действительности, весь афинский характер в свои лучшие дни сочетал в себе разносторонность, роскошь и любовь к удовольствиям, которые отличали ионийцев, с энергией, общественным духом и простотой, которые, как говорят, были характерны для лучших дорических государств. Парфенон и Эрехтей выражают все это с видимой ясностью. Афиняне чувствовали, что ионическая элегантность и роскошь стиля лучше всего подходит для небольшого [pg 103] здания; и поэтому они щедро украсили и раскрасили этот прекрасный маленький дом, но сделали дорический храм главным объектом всей священной высоты.

Стоит обратиться к профессиональным архитекторам, таким как [Реветт](#)³⁹, которые изучили эти здания критическим взглядом. Старые афинские архитекторы не только были совершенными мастерами своих материалов, точных измерений, точного соответствия, всех расчетов деформации и давления - они даже в художественных, равно как и в практических целях, систематически отклонялись от точности, чтобы гармония здания могла выиграть от этого незаметного разлада. Они отдавали и забирали, подобно настройщику, темперирующему аккорды музыкального инструмента. Стилобат не совсем ровный, а изогнут так, что поднимается на четыре дюйма в центре; колонны, которые сами слегка вздуваются в середине, установлены не перпендикулярно, а с небольшим наклоном внутрь: и этот эффект достигается в Кариатидах тем, что они опираются на [pg 104] внешнюю ногу в каждом углу, как восхитительно объяснил Виолле-ле-Дюк. Опять же, расстояние между колоннами меньше на углах и постепенно увеличивается по мере приближения к центру здания. Основание фронтона не является прямой линией, а изогнуто вниз. Не в моей компетенции вдаваться в мельчайшие подробности подобных моментов, которые могут адекватно обсуждать только архитекторы. Я хочу отметить, что древнегреческие строители не ограничивались простой математической точностью и правильностью. Они знали более высокий закон, чем рабское повторение точных расстояний или интервалов; они научились рассчитывать эффекты, допускать оптические иллюзии; они знали, как пожертвовать реальной ради идеальной симметрии.

Скульптуры Парфенона породили очень значительную литературу - настолько значительную, что книги и трактаты по ним сегодня составляют целую приличную библиотеку. Пример подал сам архитектор здания, Иктин, написавший специальный трактат о своем шедевре. Как известно, он был нарисован мелом французским художником Жаком Карреем за несколько лет до взрыва 1687 года; и хотя он имел весьма несовершенные представления о греческом искусстве и привнес много стиля XVII века в целомудренные проекты Фидия, все же эти рисунки, копии которых хранятся в Британском музее, имеют огромное [pg 105] значение, помогая нам собрать воедино оставшиеся разбитые и несовершенные фрагменты.⁴⁰

Скульптурные украшения здания имеют три вида, или применяются в трех разных местах. Во-первых, два треугольных фронтона над восточным и западным фасадами были заполнены группой статуй в натуральную величину: одна изображает рождение Афины, другая - ее

состязание с Посейдоном за покровительство Афинам. Некоторые из фигур одной из них - это большие задрапированные безголовые женщины в центре зала Парфенона Британского музея: другие фрагменты разбитых венецианцами статуй хранятся в Афинах. Во-вторых, это метопы, или каменные плиты, вставленные во фриз между триглифами и рельефно украшенные одной небольшой группой на каждой. Высота этих поверхностей не превышает четырех футов. В-третьих, по всей внешней стене в верхней части целлы, внутри окружающих колонн и напротив них, проходила полоса рельефов, известная как фриз целлы. Он состоит из большой панафинейской процессии, начинающейся с западного фасада и идущей двумя частями вдоль параллельных северной и южной стен, пока они не встретятся на восточном фронте, который был собственно фронтом храма. Среди элгинских мраморов много метоп, а также [pg 106] сохранившихся фрагментов фриза целлы. Несколько других фрагментов фриза сохранились в Афинах, и в целом мы можем реконструировать три четверти этой великолепной композиции.

Мне кажется, что между метопами и двумя другими частями орнамента существует наибольшая разница в достоинствах. Большинство метоп, которые я видел, изображают либо грека и амазонку, либо кентавра и лапиту в жестоком конфликте. Мне показалось, что главная цель этих искаженных групп - нарушить квадратность и прямолинейность всех остальных элементов дорического фриза и архитрава. Это сделано великолепно, так как нет ни одной мыслимой конструкции, которая бы более полно нарушала строгие прямоугольники антаблемента, чем разнообразные и жестокие изгибы фигур борцов. Но в остальном эти группы не кажутся мне очень интересными, за исключением того, что все в таком месте и работа таких рук должна быть интересной.

Совсем иначе обстоит дело с остальными. Скульптуры фронтона, которые, конечно, были самыми важными и, вероятно, самыми прекрасными из когда-либо созданных групп, настолько разрушены или изуродованы, что эффект композиции полностью утрачен, и мы можем только восхищаться несравненной силой и грацией торсов, которые остались. Группировка фигур была ограничена, на что указывала треугольная форма поверхности, которую предстояло деко [pg 107] рировать: стоящие фигуры занимали центр, а лежащие или наклонившиеся - края. Но, как в поэзии, где оковы рифмы и метра, обременяющие мысли обычных писателей, являются тем самым источником, который производит в истинном поэте самые высокие и драгоценные красоты выражения; так и в скульптуре и живописи, фиксированные условия, кажется, не вредят, а усиливают и совершенствуют красоту и симметрию, достижимую в высшем искусстве. В знаменитой группе Ниобы, хранящейся во Флоренции, мы видим элементы подобной композиции, возможно, предназначенной для заполнения треугольного тимпана храма; и даже в этих слабых римских копиях греческого шедевра мы видим, как прекрасно ограниченное пространство, отведенное скульптуре, определило красоту и разнообразие фигур, а также их позы. Именно в этом гении группировки, как мне кажется, Фидий превосходил всех своих современников: одиночные статуи Поликлета, как говорят, предпочитались на соревнованиях. Искусство Дискобола Мирона кажется нам столь же великим, как и искусство любой из фигур Парфенона; но ни один другой художник, кажется, не обладал такой архитектурной способностью приспособливать большие предметы и процессии фигур к их местам, как Фидий.⁴¹ Насколько ему помогал или [pg 108] советовал Иктин или даже Перикл, сказать нелегко. Но я не думаю, что греческие государственные деятели в те времена изучали все остальное в мире, кроме государственного строительства, и были известны как антиквары, и лингвисты, и знатоки фарфора и живописи, и теологи, и романисты - в общем, все под солнцем. Эта многогранность, как ее называют сейчас, которую греки называли *πολυπραγμοσύνη* и считали суетливостью, вряд ли могла заразить Перикла. Он был очень близок с Фидием и,

как говорят, постоянно наблюдал за его работой - вряд ли в качестве советника, но скорее как скромный и восторженный поклонник искусства, которое воплотило свой идеал, в то время как сам он тщетно пытался с помощью мятежных сил достичь своей цели в политике.

Необыкновенная сила группировки в проектах Фидия, однако, очень полно показана нам в лучше сохранившейся части фриза целлы, вдоль которого великолепная панафинейская процессия проделявает свой триумфальный путь. Над восточным дверным проемом были изображены двенадцать благородных сидящих фигур по обе стороны от священника, подающего государственную мантию, или пеплос, для облачения Афины. Критики объясняют эти фигуры как богов; но они не превосходят ни по красоте, ни по достоинству [pg 109] многих афинян, составлявших процессию. Очень красивая плита, содержащая три таких фигуры, сейчас находится в маленьком музее на Акрополе. Эта группа над главным входом является завершением и итогом всей процессии и соответствует ежегодной церемонии таким образом: поскольку государственный вход, или Пропилеи, вел в Акрополь с западной стороны, или сзади Парфенона, процессия, по всей вероятности, разделялась на две, которые шли вдоль обеих сторон колоннады и снова встречались у восточной двери. Соответственно, над западным концом, или задней частью, делаются первые приготовления к процессии, которая затем начинается вдоль северной и южной стен; южная часть занята главным образом кавалькадой афинских рыцарей, а северная - переноской священных сосудов и ведением жертв для жертвоприношения. Фриз над западной дверью все еще на своем месте, но, потеряв свою яркую окраску, и в любом случае находясь на большой высоте и видимый только снизу, из-за колонн и архитрава впереди, он не производит никакого эффекта и едва различим. И действительно, несмотря на всю свою художественную красоту, она, очевидно, никогда не была более чем архитектурным украшением.

Больше всего экспонатов, увезенных лордом Элгином, кажется, взято из конной части, в которой группы скачущих и изгибающихся лошадей, и людей в процессе посадки на лошадь, и стремящихся обуздать беспокойных коней, собраны вместе с дополнительным [pg 110] обычным эффектом. Мы ясно видим, насколько важная часть афинского великолепия зависела от их рыцарей, и насколько верны намеки Аристофана на их социальное положение и аристократический тон. Поводья и доспехи, или, по крайней мере, их части, были сделаны из металла и, соответственно, давно разграблены; не осталось и явных следов от богатых красок, которыми все это было расписано. Нет никакой систематической униформы: некоторые всадники одеты в шлемы и кирасы, другие - в войлочные широкополые накидки и короткие развевающиеся плащи. Остается неясным, не стремился ли художник добиться разнообразия этим отступлением от установленной формы одежды. Несомненно, греческое искусство было очень смелым и свободным в таких вопросах. С другой стороны, тип лиц не отличается большим разнообразием. При той высоте над зрителем, которую занимал этот фриз, индивидуальная выразительность была бы отброшена на фигурах высотой в три фута: общая одежда и позы, возможно, были бы легко различимы, если бы были раскрашены.

Но я признаюсь, что эта конная процессия не кажется мне такой красивой, как ряды пеших фигур (несущих кувшины и другую утварь, ведущих жертвы и играющих на трубах), которые, кажется, идут от северной стены, и из которых самые красивые плиты сохранились в Афинах. Здесь мы лучше всего видим тот особый отпечаток, который показывает, что эпоха Фидия была самой совершенной во всей [pg 111] греческой скульптуре. Это утверждение не будет легко воспринято широкой публикой. Аполлон Бельведерский, Капитолийская Венера, Умиравший гладиатор - это то, что мы привыкли считать величайшими чудесами греческого пластического искусства; и тем, кто привык к этой реалистичной и чувственной красоте,

будет нелегко увидеть величие и совершенство торжественного и целомудренного искусства Фидия.

Часть западного фриза Парфенона, Афины

Тем не менее, люди, которые достаточно долго размышляли на эту тему, всегда будут считать, что эпоха, когда Мирон и Фидий, Поликлет и Полигнот вырвались из архаичной скованности в плавное изящество, была действительно кульминацией искусств. Кажется, существует некий естественный закон медленного и болезненного зарождения, растущего развития, внезапного расцвета и совершенства, роскоши и женоподобности, постепенной деградации и упадка, который затрагивает почти все искусства, так же как и большинство природных явлений. В частности, в греческом искусстве это явление постоянно повторяется. Не подлежит сомнению, что "Илиада" Гомера была первым и самым ранним длинным творением в поэзии, первой попыткой, возможно, с помощью письменности, подняться от коротких бессвязных строк к величию формального эпоса. И несмотря на все свои недостатки плана, отсутствие твердой последовательности и очевидные несоответствия, эта величайшая из всех поэм заняла свое место в сравнении с более законченной и интересной "Одиссеей", более разработанными [pg 112] циклическими поэмами, более учеными александрийскими эпосами - фактически, первый полный расцвет искусства был, безусловно, самым совершенным. То же самое происходит и с греческой трагедией. Не успело искусство вырваться из грубой повозки, или сцены, или чего бы то ни было, Фесписа, как мы видим Эсхила, с несовершенными приспособлениями, с недостатком опыта, со многими грубостями и недостатками, трагического поэта, равного которому больше не было в истории Греции. Конечно, современные критики его собственной страны предпочитали сначала Софокла, а затем Еврипида - великих поэтов, как Пракситель и Лисипп были великими скульпторами, и, как и они, возможно, более великими мастерами человеческих страстей и душераздирающего пафоса. Но, несмотря на все это, Эсхил - трагический поэт греков, поэт, который вышел за пределы своей эпохи и нации и очаровал величайших людей даже нашего века, которые стремятся не оборачиваться на его великих, но не равных

соперников. Шелли и Суинберн сделали Эсхила своим учителем и обязаны его вдохновению самыми великолепными из своих произведений.

Я не буду продолжать эти рассуждения, хотя в истории искусства можно найти и другие примеры. Но вот что я скажу о психологических причинах столь странного явления. Конечно, можно предположить, что человек, который прорывается сквозь старый, жесткий условный стиль, сковавший своими оковами его предшественников, обязательно является человеком сильного и оригинального гения. Так, когда нам отчетливо говорят о Полигноте, что [pg 113] он впервые начал изменять черты человеческого лица от их архаичной жесткости, перед нами предстает человек смелой оригинальности, который поссорился с традицией веков и, вероятно, настроил против себя все предрассудки и совесть более серьезной публики. Но нам кажутся заметными совсем другие черты. Ведь несмотря на всю его смелость, когда мы сравниваем его с предшественниками, мы поражаемся его скромности и благочестию по сравнению с его преемниками. Во-первых, в нем есть преданность своему делу, старомодная набожность, которой не было у них; а поскольку искусство в такой форме почти всегда является служанкой религии, эта преданность - выдающаяся черта. Далее, в таком человеке есть определенная сдержанность и скромность, которая частично проистекает из прежнего чувства, но еще больше из консервативного страха перед резкими переменами и здорового желания сделать свою работу не просто контрастом, а развитием старых традиций. Тогда старая задрапированная богиня религиозных дней, такая как Венера Генитрикс во Флоренции, уступила место великолепной, но более человеческой работе, которую мы можем видеть в Венере Мелосской, хранящейся сейчас в Лувре. Эта полузакрытая, но совершенно новая и целомудренная концепция естественным образом приводит к типу, на который, как говорят, впервые отважился Пракситель, не скрывавший использования весьма недостойных человеческих моделей для создания своего знаменитого или, возможно, печально известного идеала, который наиболее известен в Венере Медичи, но, возможно, более прекрасно [pg 114] отражен в Венере Капитолийской. В творчестве раннего художника также присутствует то ограниченное владение материалами, которое, подобно законам языка поэта, лишь сгущает и усиливает красоту его работ.

Такая сдержанность, по сравнению с более поздними фазами искусства, нигде не проявляется так сильно, как в вопросах выражения. Это, действительно, та скала, о которую в конечном итоге разбивается большинство искусств. Когда власть над материалами и эффектами становится полной, так что художник может как бы совершать подвиги завоевания; когда в то же время угасает ощущение, что он ступает на святую землю, мы имеем великолепные достижения на пути интенсивного выражения, физического или психического, силы, мгновенного действия, горя или радости, которые хороши и велики, но которые ведут подражателей по ложному следу и таким образом разрушают искусство, которое они считали совершенным. Пересиливая себя, искусство превращается в тревожное стремление к показухе и, подобно аффектированной и скупой женщине, отталкивает от себя более чистые натуры, которые еще недавно были привлечены ее красотой. В греческом искусстве, как я уже заметил, обсуждая рельефы аттических гробниц, этой чрезмерной экспрессии давно и успешно избегали, и нет более сильной и более заметной черты в его лучших эпохах, чем сдержанность, о которой я говорил. Это главное качество, которое делает школу Фидия неповторимой. В ней есть красота формы, есть много действия, есть во фризе [pg 115] почти бесконечное разнообразие; но при этом есть строжайшая симметрия, строжайшее следование фиксированным типам, отсутствие всякой попытки выразить мимолетную эмоцию. В лицах, складках одеяний, повадках лошадей еще чувствуется привкус старой чопорной простоты, но чувство художника просвечивает сквозь эту архаическую простоту гораздо яснее, чем в более амбициозных попытках поздней

школы. Величайшие работы Фидия - статуя Зевса в Элисе и Афина в Парфеноне - для нас потеряны; но древние единодушны в том, что в отношении простого и устойчивого величия ни один последующий скульптор, каким бы блестящим он ни был, не приблизился к его идеалу.⁴²

Почти то же самое мы можем сказать и о великом храме, который он украсил своим гением. Это именно то совершенство дорического храма, которое избежало несколько громоздкой массивности и простоты более древней архитектуры, не пожертвовав при этом ни одним элементом величия в пользу той грации и деликатности, которыми отличается более поздняя и более развитая греческая архитектура. На этом Акрополе афиняне решили показать, чего архитектура может достичь в величии, а чего - в изысканности. Поэтому они возвели [pg 116] Парфенон в том абсолютном совершенстве, когда сила и массивность усиливаются, но ни в коем случае не перекрываются орнаментом. Они также построили Эрехтей, где переняли ионический ордер и покрыли антаблемент полосами мелкой и тонкой вязи, которая, с ее позолотой и раскраской, была предметом для детального изучения с близкого расстояния. Хотя внутренние колонны Пропилеев были ионическими (и очень большими), похоже, что большие храмы этого ордера не были известны в Аттике. Но для небольших и изящных зданий он использовался часто, и Эрехтей был самым совершенным из них.

В дни своего расцвета и даже в том виде, в котором его видел Павсаний, Акрополь был покрыт статуями, а также святилищами. Это была не только святая святых религии, но и дворец, и музей искусства. На каждом шагу и повороте путешественник встречал новые объекты, представляющие интерес. Здесь были архаичные образцы, интересные в первую очередь антикварам и верующим; были и великие шедевры, вызывавшие восхищение художников и обывателей. Даже все стороны и склоны великой скалы были усеяны священными гротами со своими алтарями и богами или усыпаны вотивными памятниками. Все эти меньшие вещи исчезли; священные пещеры завалены мусором и осквернены хуже, чем пренебрежением. Грот Пана и Аполлона труднодоступен, и, когда я впервые [pg 117] его увидел, он вызвал у меня скорее отвращение, чем интерес. Остались только остатки окружающей стены и руины трех главных зданий, которые были предметом зависти и удивления всего цивилизованного мира.

Стены заслуживают особого внимания, поскольку в них можно найти образцы всех видов строительства, начиная с доисторических времен. Есть даже очевидное доказательство того, что строители эпохи Перикла были отнюдь не лучшими строителями стен; ведь кладка стены, называемой Стеной Фемистокла, которая хорошо сохранилась в самой нижней части хода вдоль северного склона, является, безусловно, самой прекрасно выполненной работой такого рода, которую можно где-либо увидеть: и она, похоже, точно соответствует нижним слоям фундамента, на котором был построен Парфенон. Строители времен Перикла добавили несколько слоев камня, чтобы поднять площадку храма, и их работа любопытно контрастирует по своей грубости с более старой платформой. Любой, кто заметит явное восхищение Фукидида стенами, построенными вокруг Пирея людьми предыдущего поколения, увидит веские основания для этого чувства, когда рассмотрит эти детали.

Прекрасный маленький храм Афины Никии, хотя и находится за пределами Пропилеи - он высится на своего рода большом бастионе справа от входа, - все же можно назвать частью, и очень яркой [pg 118] частью, Акрополя. Только в последние годы место было очищено от мусора и современной каменной кладки, и храм был перестроен из оригинальных материалов, уничтожив, без сомнения, некоторые ценные следы турецкой оккупации, о которых привередливый историк может сожалеть, но предоставив нам прекрасный греческий храм ионического ордера в некоторой полноте. Особенность этого здания,

возвышающегося на каменной платформе и открывающего великолепный вид, заключается в том, что его крошечный периболус, или священное ограждение, был окружен парапетом из каменных плит, покрытых изящными рельефами крылатых Побед в различных позах. Некоторые из этих плит сейчас находятся в Музее Акрополя и представляют большой интерес - очевидно, менее строгие, чем в школе Фидия, и, следовательно, более поздние по дате, но все же относящиеся к лучшей эпохе и отличающиеся удивительным изяществом. Этот храм также расположен не параллельно Пропилеям, а слегка повернут наружу, так что свет падает на него в те моменты, когда другое здание не освещено. На противоположной стороне находится очень хорошо сохранившаяся камера и прекрасная колоннада под прямым углом к воротам, которая выглядит как караульное помещение. Эту камеру обычно называют Пинакотекой, где Павсаний видел изображения фресок Полигнота.

Из двух музеев на Акрополе главный не требует комментариев, его легко увидеть и оценить. В передней комнате находятся [pg 119] архаические фигуры, о которых я уже говорил, с остатками, взятыми из Парфенона, вместе со слепками с Эльгинских мраморов, и множество маленьких и красивых рельефов, очевидно, принадлежащих к вотивным памятникам. Здесь также находятся две фигуры молодых людей с потерянными головами и ногами, выполненные из особенно красивого парианского мрамора и очень тонкой работы. Но посетитель, скорее всего, пройдет мимо маленького турецкого дома, который стоит посетить, потому что здесь находятся кипарисовые пробки от колонн Парфенона или Пропилеи; здесь также есть великолепные образцы архаических ваз, такие, которые очень трудно найти в любой другой коллекции. Большие кувшины из Мелоса, которые можно увидеть здесь, имеют самое поразительное сходство по своему декору с фрагментом подобного сосуда с рядом вооруженных фигур вокруг него, который был найден в Микенах и сейчас находится в Министерстве народного просвещения. Наконец, в окне стоит очень тонко выполненный маленький сатир, как показывают заостренные уши и хвост, но сладострастной формы - скорее гермафродита: вряд ли где-нибудь в Афинах найдется статуэтка лучше сохранившаяся, чем эта. Жаль, что такая жемчужина должна быть спрятана в таком неизвестном месте; и я надеюсь, что к этому времени она уже попала в более крупный и официальный музей.

В заключение этой главы я позволю себе привести любопытное сравнение. Мне посчастливилось через несколько [pg 120] месяцев после того, как я увидел Акрополь, посетить скалу в Ирландии, которая, к моему большому удивлению, имела много любопытных аналогий с ним - я имею в виду Кашельскую скалу. Обе они были оплотами религии, почитаемыми и освященными превыше всех других мест в своих странах, обе были покрыты зданиями различных дат, каждое из которых представляло особые эпохи и стили в искусстве. И как греки, полагаю, ради эффекта, меняли положение своих храмов, чтобы солнце освещало их в разные моменты, так и старые ирландцы меняли ориентацию своих церквей, чтобы в годовщину святого покровителя солнце вставало прямо напротив восточного окна. В Кашеле есть большой собор - возвышенный и величественный Парфенон; есть меньшая и более красивая часовня Кормака, самая святая из всех, подобно Эрехтеуму в Афинах. Кроме того, великое святилище на скале Кашел было окружено целым рядом аббатств, которые были основаны благочестивыми людьми в связи с величием и святостью архиепископской резиденции. Один из них, подобно Тесею в Афинах, до сих пор затмевает великолепие Акрополя.

Перспектива, открывающаяся из ирландского святилища, действительно, бесконечно контрастирует с той, что открывается из языческой твердыни, но это контрасты, наводящие на размышления, и такие, которые не лишены определенной гармонии. Равнины вокруг

обеих святынь обрамлены горами, из которых ирландские [pg 121] , вероятно, более живописны; и если свет на греческих холмах самый яркий, то родной цвет ирландских бесконечно богаче. И, опять же, почва Аттики легкая и пыльная, в то время как золотые долины Типперэри - одни из самых богатых и зеленых в мире. И все же оба места были благороднейшими домами, каждый в своей стране, религий, которые цивилизовали, гуманизировали и возвысили человеческий род; и если ирландский Акрополь остается в тусклой безвестности перед историческим величием Парфенона, то, с другой стороны, боги афинской твердыни померкли перед нравственным величием веры, проповедуемой с Кашельской скалы.

[pg 122]

ГЛАВА V.

АФИНЫ - ТЕАТР ДИОНИСА - АРЕОПАГ.

Немногие недавние раскопки в Афинах были столь плодотворны, как те, что проводились на южном склоне Акрополя. В ходе вековых конфликтов и износа огромное количество земли, стен и фрагментов зданий было либо сброшено, либо скатилось вниз по этому крутому спуску, так что Афинское археологическое общество, будучи уверенным в хороших результатах, взялось очистить эту сторону скалы от всего накопившегося хлама. Было найдено несколько драгоценных надписей, сброшенных со скалы, а в апреле 1884 года был раскрыт весь план храма Эскулапия и сделан еще один шаг к исправлению спорной топографии этой части Афин.

И все же вряд ли это можно назвать началом. Около двадцати пяти лет назад на соседнем участке были проведены очень обширные и великолепно успешные раскопки, когда группа немецких археологов открыла Театр Диониса - великий театр, в котором Эсхил, Софокл и Еврипид приносили [pg 123] свои бессмертные пьесы перед бессмертной аудиторией. Нет ничего более восхитительного, чем спуститься с Акрополя и немного отдохнуть в удобных мраморных креслах, которыми занят первый ряд круга. Они сделаны по образцу сидящих портретных статуй греков - очень глубокие, с изогнутой спинкой, что превосходит по удобству и изяществу любые кресла, созданные современными мастерами.⁴³ На каждом кресле написано имя священника, показывая, как театр у греков соответствовал нашему собору, а этот первый ряд - каморкам каноников и пребендариев.

Театр Диониса, Афины

Но, к сожалению, все это выделение священнослужителей, вероятно, дело рук более поздних реставраторов театра. Ведь после того, как Ликург (во времена Демосфена) впервые благоустроил и украсил его статуями, он был вновь восстановлен и украшен Геродом Аттиком или примерно в его время, так что театр, каким мы его видим сейчас, можно назвать зданием только второго или третьего века после Рождества Христова. Передняя стена сцены, поднятая на несколько футов над уровнем пустой ямы, украшена рядом очень изящных скульптур, среди которых особенно поражает одна - лохматый старик в скорчившейся позе, [pg 124] представленный выходящим изнутри и держащим камень над собой. Говорят, что какой-то грек в качестве развлечения отрубил головы большинству этих фигур с тех пор, как они были обнаружены, но я не знаю об этом ничего более достоверного, чем обычные сообщения. Яма, или центр театра, пуста, и в греческие времена никогда не была занята сиденьями, но перед сценой была установлена деревянная конструкция, на которой хор исполнял свои танцы и пел оды. Но сейчас рядом с передними сиденьями находится цепь из вертикальных каменных плит, которые вряд ли могли быть устроены в древнегреческом театре. Предполагается, что они были добавлены, когда здание стало использоваться для состязаний гладиаторов, которых, по словам Диона Хризостома, в свое время привозили из Коринфа.

Все эти позднейшие дополнения и детали, боюсь, призваны ослабить интерес читателя к этому театру, о чем я, собственно, и сожалею, ибо ничто не может быть более уверенным, чем то, что это настоящий каменный театр, который был построен, когда деревянный сломался, во время великого соревнования Эсхила и Пратинаса; и хотя передние сиденья могли быть добавлены, и были внесены небольшие изменения, общая структура никогда не требовала переделок. Основная часть изогнутых рядов сидений не имеет спинок, но они настолько глубоки, что оставляют достаточно места для ног сидящих выше; и я [pg 125] предполагаю, что в старые времена право сидеть в первых рядах предоставлялось не жрецам, а иностранным посольствам, наряду с главными магистратами Афин. Вход стоил два обола на все места в доме, которые не были специально зарезервированы, и такая резервация делалась только для лиц официального ранга, ни в коем случае не для более

богатых людей или за более высокую входную плату - вещь, которую, я полагаю, афинская демократия не потерпела бы ни на мгновение⁴⁴. Когда государственная казна наполнялась данью с подвластных городов, граждане распределяли между собой эту сумму, а иногда и больше, чтобы никто не был исключен из ежегодного праздника, и таким образом все свободное население Афин собиралось вместе без затрат, чтобы поклониться богам, развлекаясь в этом большом театре.

Он действительно очень велик, хотя о его размерах делаются преувеличенные заявления. Обычно утверждается, что в нем может поместиться тридцать тысяч человек - я считаю это невероятным;⁴⁵ и он не такой большой, как другие [pg 126] театры, которые я видел, в Сиракузах, в Мегалополе или даже в Аргосе. Несомненно и то, что любого, кто говорит на сцене, как сейчас, легко и отчетливо слышат люди, сидящие на самом высоком ряду сидений, которые сейчас видны, и которые, как я полагаю, не могли быть далеки от первоначального верха дома. Такое невозможно там, где сидят тридцать тысяч человек или толпа, приближающаяся к этому числу. Однако мы слышали, что старые актеры прибегали к различным искусственным средствам увеличения диапазона голоса, что показывает, что в некоторых театрах эта трудность ощущалась; а в дошедших до нас пьесах отступления настолько редки⁴⁶, что, должно быть, было трудно произнести их с эффектом.

В одном отношении, однако, голос, должно быть, было легче услышать в старом доме, чем сейчас в его руинах. Задняя часть сцены была застроена высокой деревянной конструкцией для представления неподвижных сцен и даже чем-то вроде верхнего этажа, на котором иногда появлялись боги и летающие фигуры, что, конечно, выводило голос вперед в театр. Раньше существовало старое представление, возможно, еще не исчезнувшее, что греческие зрители использовали прекрасные природные пейзажи своей страны для оформления сцены, и что они охватывали одним взглядом персонажей на сцене, а также побережья [pg 127] и острова на многие мили позади них. Ничто не может быть более абсурдным или более противоречащим греческим представлениям о подобных вещах. Во-первых, как известно, чувство красоты пейзажа как такового было почти чуждо грекам, которые никогда не говорили о живописном в своей литературе без особого отношения к звукам природы или к интеллектам, которые, как считалось, пронизывают и одушевляют ее: прекрасный вид как таковой не имел для них особой привлекательности. Во-вторых, они приходили в театр, чтобы насладиться поэзией, поэзией характера, страсти, отношения человека и его судьбы к ходу Божественного провидения и Божественной справедливости - словом, чтобы принять образ мыслей, совершенно несовместимый с отвлеченными пейзажами. Для этого, как мы теперь знаем, они заполняли сцену сзади высокими живописными сценами, которые в прежние времена делались из легкого дерева и холста, чтобы их можно было легко снимать или менять, но которые в большинстве греко-римских театров, таких как очень совершенный театр в Аспенде или близкий к нему театр Герода Аттика в Афинах, представляли собой прочную конструкцию высотой не менее двух этажей, что совершенно исключало всякую перспективу.

Но даже если бы афиняне не были защищены таким устройством от внешних помех, я обнаружил в результате личного расследования, что никакого вида для них не существовало! Кроме как с самых высоких ярусов, и, следовательно, с самых плохих мест, море и острова [pg 128] не видны, и единственный вид, который можно было бы получить, если предположить, что дома не загораживали его, был бы тусклым, несколько мрачным, волнистые холмы, которые простираются между театром и Фалерумом.

Задние сцены греческих театров рисовались так же, как и наши, и поначалу, я полагаю, очень грубо, поскольку мы слышим, в частности, о некоем Агатархе, который развил

искусство рисования сцен, приняв перспективу.⁴⁷ Другие принадлежности греческого театра были столь же грубы, или, возможно, я должен сказать, столь же чопорны и условны, и далеки от любой попытки воспроизвести обычную жизнь - по крайней мере, так было в их трагедиях, сатирических драмах и более древних комедиях, которые имели дело с масками, фиксированными сценическими платьями, в трагических набивках и набивке до неестественных размеров, в комических искажениях и непристойных эмблемах - во всех видах условного уродства, которое, надо сказать, передалось от первых религиозных истоков этих представлений и поддерживалось с тем строгим консерватизмом, который отличает все великое греческое искусство. Сцена была длинной и узкой, средства смены сцен громоздкими и нечасто используемыми; число актеров в трагедии строго ограничено - четыре человека, необычное число, в исключительном порядке использованное во втором "Эдипе" Софокла. На самом деле, мы не можем [pg 129] сказать, что греческая драма когда-либо становилась внешне похожей на нашу, пока не появились комедии Менандра и его школы. Эти поэты, жившие в эпоху, когда серьезные интересы пришли в упадок, когда трагедия перестала быть религиозной, а комедия - политической, когда ни на одну из них уже не смотрели как на великий общественный двигатель наставления или порицания, обратились к картинам социальной жизни, не похожим на нашу благопристойную комедию; и в этом виде драмы мы можем утверждать, что греки, за исключением, возможно, масок, подражали течению обычной жизни.

О Еврипиде, настоящем отце этой новой комедии, действительно говорят, что он низвел трагическую сцену с идеального героизма до страстей и подлостей обычных людей; а Софокл, его соперник, предполагаемое совершенство аттического трагика, как говорят, заметил, что он сам представлял людей такими, какими они должны быть, а Еврипид - такими, какими они были. Но любой честный читатель Еврипида сразу же увидит, как далеко он ушел от обыденных реалий жизни. Он действительно видел, что человеческие страсти - это та тема, которая из всех других будет постоянно интересовать человеческую мысль; он чувствовал, что неразрешимые проблемы свободной воли и судьбы, милосердия и жестокости Провидения, с одной стороны, слишком абстрактны, а с другой - слишком специфически греческие; что, в конце концов, человеческая природа как таковая - это великое универсальное поле, на котором любая эпоха может достичь симпатии и интереса своих самых отдаленных преемников. [pg 130] Но страсти, нарисованные Еврипидом, не были обычными страстями - это были великие и противоестественные преступления, навязанные страдающим смертным действиями враждебных божеств; добродетели Еврипида не были обычными добродетелями - они были великим героическим самопожертвованием и показывали Божественный элемент в нашей природе, который никакая тирания обстоятельств не может изгладить. Его Федра и Медея, с одной стороны, его Алкестида и Ифигения - с другой, были строго такими персонажами, какими они должны быть в трагедии, а не такими, какими они обычно бывают в жизни; и во внешнем исполнении Еврипид не отступал от условной чопорности, от регулярного развития, от несколько напыщенной и искусственной одежды, в которой трагедия была передана ему его мастерами.

Они тоже не презирали человеческую природу - да и как они могли презирать? И Эсхил, и Софокл были великими живописцами человеческого характера, как в его страстях, так и в его рассуждениях. Но первый сделал его, так сказать, принадлежностью великих религиозных уроков, которые он преподавал; второй, по крайней мере, пытался это сделать или воображал, что делает, в то время как на самом деле лабиринты человеческого характера манили и удерживали его в своих бесконечных дебрях. Таким образом, во всей греческой трагедии, с одной стороны, присутствовал сильный элемент условной жесткости,

приверженности фиксированным сюжетам, сценам, маскам и платьям, приверженности фиксированным метрам и регулярным диалогам, где вопросы и ответы уравнивались строка за строкой, а [pg 131] состав персонажей был столь же единообразен, как и в обычных итальянских операх наших дней. Но, с другой стороны, эти трагические поэты были великими мастерами выражения, глубокими исследователями не только великих мировых проблем, но и проблем человеческой природы, изысканными мастерами своего языка, не только в его драматической силе, но и в его лирической сладости; они подытожили в свое время все, что было великого и прекрасного в греческой поэзии, и стали самым полным и спелым плодом того чудесного древа познания добра и зла, которое и сейчас заставляет вкусивших его быть как боги.

Таковы общие черты трагедии, свидетелями которой среди бела дня под аттическим небом собрались афинская публика и замужние женщины, включая многих незнакомцев. Они не жалели своего времени. Перед приходом они плотно позавтракали. В театре они ели сладости, когда игра была плохой. Каждая пьеса была короткой, и в ней, несомненно, был перерыв для отдыха. Но несомненно, что каждый поэт, как правило, играл четыре пьесы против своих конкурентов; а так как их было трое, то должно было быть сыграно двенадцать пьес; это, кажется, превышает выносливость любой публики, даже если оставить два дня на представление. Мы не располагаем полной информацией по этим вопросам. Мы даже не знаем, как Софоклу, претендовавшему на одиночные пьесы, удалось побороться с Еврипидом, который [pg 132] тяготел к наборам из четырех пьес. Но мы знаем, что судьи выбирались по жребию, и, судя по записям их решений, мы сильно подозреваем, что они часто принимали неверные решения. Мы также знаем, что поэты стремились порадовать зрителей политическими и патриотическими аллюзиями и передать свою неприязнь к противоборствующим городам или партиям, рисуя их представителей на сцене в одиозных красках. Так, Еврипид не устает поносить спартанцев в образе Менелая. Эсхил в своих "Эвменидах" сражается с битвой в Ареопаге.

Но помимо всего прочего, трагические поэты, похоже, считались достойными учителями нравственности, а сцена у греков занимала в некотором роде место современной кафедры. Именно такой позиции придерживается Расин в предисловии к своему "Федру". Он предлагает считать ее лучшей из своих пьес, потому что ни в одной из них он так строго не вознаграждал добродетель и не наказывал порок.⁴⁸ Он [pg 133] изменяет в своей "Ифигении" греческий аргумент, с которого он копировал, потому что, как он говорит нам (снова в Предисловии), никогда не следует приносить в жертву столь добродетельного человека, как Ифигения. Однако это не стало бы камнем преткновения для греческого поэта, чьи капризные и злобные боги или глубокая убежденность в том, что на них лежит пятно родового проклятия, оправдывали катастрофы, которые христианский поэт, уповая на благосклонное Провидение, не мог допустить. Но, действительно, в большинстве других моментов так называемое подражание греческой драме со стороны Расина и его школы - не что иное, как подражание. Главные герои и общая схема сюжета, несомненно, заимствованы. Изящество и сила диалога скопированы более или менее удачно. Но естественные и привычные сцены, которые могли бы шокировать двор Людовика XIV - "ces scenes entremêlées de basse comique, et ces fréquents exemples de mauvais ton et d'une [pg 134] familiarité choquante", как говорит Бартеlemi - такие персонажи, как стражник в "Антигоне", кормилица в "Хоэфоре", фригиец в "Оресте", - были тщательно вычеркнуты. Кроме того, повсеместно вводились любовные интриги и придворные интриги, а язык не сходил с пышности и величия. Большинство французских драматургов действительно были плохими знатоками греческого языка⁴⁹ и знали пьесы, с которых они копировали, либо по очень плохим переводам, либо по риторическим пародиям, сохранившимся под именем

Сенеки, которые долгое время считались полностью равными великим и простым оригиналам.

Так французы XVII века, отталкиваясь от этих полупонятных моделей и жестко применяя законы трагедии, которые они с сомнительной логикой вывели из этого весьма ненадежного руководства, нашего текста "Поэтики" Аристотеля, создали драму, которая стала настолько непохожей на то, чему она пыталась подражать, что большинство современных хороших французских критиков заняты тем, что показывают контрасты старой греческой трагедии с современной сценой. Они всегда превозносят наивность, фамильярность, нерегулярность старых драматургов; они всегда отмечают штрихи обыденной жизни и обыденных мотивов, совершенно чуждые достоинству Расина, Вольтера и Альфьери.⁵⁰ Они считают, что настоящую [pg 135] параллель можно найти не у них, а у Шекспира. Таким образом, их образование заставляет их подчеркивать те самые качества, которые мы признаем, но не должны приводить в качестве особенностей греческой трагедии. Нас скорее поражают ее условности, строгое следование установленной форме, несколько скованная дикция, и мы удивляемся, как в этих рамках она стала такой великой и естественной.

К счастью, тенденция наших дней к точному воспроизведению античности, а не к современной переделке, привела к переводу и даже к представлению греческих трагедий в их чистоте, и не требуется знания греческого языка, чтобы получить некоторое реальное знакомство с этими великими шедеврами. Мистер и миссис Браунинг, Дин Милман, мистер Фитцджеральд, мистер Уайтлоу и многие другие создали верные и элегантные версии, доступные нам. Но поскольку я предостерег читателя, не сведущего в греческом, от принятия пьес Расина или Альфьери в качестве адекватной замены, я осмелюсь дать тот же совет относительно более греческих и античных пьес мистера Суинберна, которые, несмотря на их великолепие, все же не являются по-настоящему греческими пьесами, а современными пьесами, основанными на греческих образцах. Облегчение, создаваемое обычным [pg 136] разговором обычных персонажей, которое уже было замечено, очень не хватает в его очень возвышенных и, возможно, даже напряженных диалогах. Его хоры - это не голос вульгарной публики, сочетающей высокие чувства с практической подлостью, а тщательно продуманные и очень сложные рассуждения, метафизически комментирующие общие проблемы пьесы. Нет ничего более достойного прочтения, чем "Аталанта в Калидоне". Ученый-грековед везде видит, насколько глубоко автор проникся греческими образцами. Но простому английскому читателю она не даст точного представления о настоящей греческой трагедии. Он должен обратиться к "Приключению Балаустиона", "Апологии Аристофана" или какому-нибудь другому признанному переводу и проследить за ним строчку за строчкой, добавив к ним такие общие обзоры, как "Этюды" М. Патена.

Что касается возрождения греческих пьес, то мне кажется маловероятным, что они когда-либо будут иметь успех. Французские подражания Расину завладели публикой, потому что они не были подражаниями. А что касается нас, более знакомых с оригиналами, то неверное воспроизведение нас шокирует, а дословное - утомит. По крайней мере, именно такой эффект производит "Антигона", даже с современными хорами Мендельсона, смягчающими медлительность действия. Но, конечно, воспроизведение старого хора было бы просто невозможно. Вся яма в театре Диониса, похоже, осталась пустой. Часть, несколько большая, чем наш оркестр [pg 137], была покрыта возвышенным помостом, хотя и более низким, чем сцена.⁵¹ На нем хор танцевал, пел и смотрел на актеров, как в пьесе внутри пьесы в Гамлете. Кроме того, они постоянно молились своим богам, и эта религиозная сторона представления, конечно, не имеет для нас никакого значения.⁵²

Что касается старой аттической комедии, то восстановить ее для современной публики было бы еще более невозможно. Местные и политические аллюзии, широкий и грубый юмор, фантастические наряды - все это делало ее не просто древней и греческой, но афинской, причем афинской определенной эпохи. Без александрийских схолиастов, которые со временем восстановили и записали большинство аллюзий, эти комедии были бы едва ли понятны современному греческому ученому. Новая аттическая комедия, копией которой является "Теренций", действительно построена на современной основе и может быть точно воспроизведена, если не восхищена, в наши дни. Но, увы, великие оригиналы Менандра, Филемона и Дифила для нас потеряны, и мы должны довольствоваться латинскими адаптациями.

Но я слишком долго задержался на этих греческих [pg 138] пьесах и должен извиниться за то, что отвлек читателя от реального театра, в котором он сидит. И все же вряд ли найдется в Афинах место, которое так сильно напоминало бы о былых временах, когда вся толпа входила сюда и рассаживалась по своим местам, чтобы послушать великие новинки года от Софокла или Еврипида. Несомненно, здесь были клики, кабалы и клакеры, шумные поклонники и холодные критики, сторонники старого и любители нового, почитатели и скептики, диковинные иностранцы и самодовольные горожане. Они мало задумывались о том, что нам предстоит не только сесть на те места, которые они занимали, но и отменить вынесенные ими суждения, с трезвым рассудком исправить ошибки предрассудков, страстей и гордыни.

Платон заставляет Сократа сказать в своей "Апологии" (*pro vita sua*), что экземпляр "Анаксагора" можно было купить в оркестре, когда он был очень дорог, за драхму, то есть примерно за 9 д. наших денег, которые тогда могли представлять собой полкроны или три шиллинга.⁵³ Комментаторы предпринимают отчаянные попытки объяснить это. Одни говорят, что оркестр использовался в качестве книжного киоска, когда спектакли не шли - предположение, обоснованное ни одним [pg 139] другим намеком в греческой литературе. Другие, куда более абсурдные, воображают, что Платон действительно имел в виду, что вы можете заплатить драхму за лучшее место в театре и читать труды Анаксагора в модной пьесе Еврипида, который был его другом и последователем. Поистине чудесная интерпретация!

Если читатель пройдет со мной от театра Диониса мимо недавно раскопанного храма Эскулапия и мимо римско-греческого театра, возведенного Адрианом или Геродом Аттиком, я покажу ему, что имел в виду Платон. Конечно, этот более поздний театр, с его прочными римскими задниками из каменной кладки, не менее интересен, чем театр Диониса, для сторонников единства истории! Но для нас, которые довольствуются изучением греческих Афин, он не должен представлять собой ничего не значащую задержку. Обойдя подступы к Акрополю, мы попадаем на меньший холм, отделенный от него очень короткой седловиной, так что он выглядит как своего рода форпост или отрог, выдвинутый из скалы Акрополя. Это Ареопаг - холм Марса, на который мы можем подняться за несколько минут. В скале вырублены следы старых лестниц. Под ним, слева и справа от нас, по мере того как мы поднимаемся, находятся глубокие черные пещеры, которые когда-то были местом обитания эвменид. На плоской вершине сохранились следы грубого выравнивания камня для сидений. Под нами, на северо-западе, находится место старой агоры, когда-то окруженной колоннадами, многолюдной рыночной площади всех тех [pg 140], которые покупали, продавали и разговаривали. Но на спуске от Ареопага и, по крайней мере, сейчас, не намного выше уровня рыночной площади под ним, есть небольшая полукруглая площадка, упирающаяся в возвышающуюся скалу. На этой или близкой к ней площадке, которая сейчас, возможно, скрыта скопившейся почвой, находилась старая орхестра, возможно,

место древнейшего театра, но в исторические времена это была своего рода заповедная площадка, где афиняне, город которых изобилует статуями, не позволяли возводить никаких памятников, кроме фигур Гармония и Аристогитона, которые были увезены в Персию, заменены другими, впоследствии восстановленными, и с которых мы можем иметь копию в двух боевых фигурах архаического характера, хранящихся сейчас в Неаполитанском музее. Несомненно, именно на этой орхестре, прямо над суетой и проезжей частью агоры, держали свои лавки книготорговцы, и именно здесь за драхму можно было купить книгу Анаксагора.

Здесь же распространялась физическая философия, которая вначале привлекла нескольких передовых мыслителей; затем, через Еврипида, просочилась в драму, некогда бывшую выразителем античного благочестия; Затем, через сцену, афинскую публику, пока мы не дошли до стоиков и эпикурейцев, которые пришли к преподаванию философии и религии не как веры, а как системы, и проводили свое время вместе с остальной публикой в поисках новинок вероучения и мнений как простых мод, которыми люди выбирают [pg 141] для одевания своих умов. И именно на этом Ареопаге, где мы сейчас стоим, эти модные философы столкнулись с глубокой серьезностью, глубокими убеждениями, раскаленным рвением апостола Павла. Память о той великой сцене все еще жива в этом месте, и любой гид покажет вам точное место, где стоял апостол, и в каком направлении он обращался к своей аудитории. Есть, я полагаю, даже некоторые уважаемые комментаторы, которые переносят свою собственную оценку важности С. Павла на афинскую публику и считают, что именно перед судом Ареопага его попросили изложить свои взгляды.⁵⁴ Это [pg 142] более чем сомнительно. Блаженные философы, которые, вероятно, зевали на собственных лекциях, услышав о новом светском проповеднике, жаждущем учить и, очевидно, убежденном в истинности своих слов, сочли новинку слишком восхитительной, чтобы ею пренебречь, и немедленно вывели его из толпы, вероятно, мимо той самой орхестры, где до него прозелитизировали книги Анаксагора и где стояли чопорные герои афинской истории, памятник избавления от политического рабства. Возможно даже, что любопытный узел бездельников не поднял его выше этой платформы, которую вполне можно назвать частью Марсова холма. Но если бы они решили поднять его на вершину, то не было бы никаких препятствий, так как почтенный суд проводил свои заседания под открытым небом, на каменных сиденьях; а когда они не были заняты, вершина скалы вполне могла быть удобным местом отдыха для людей, которые не хотели быть потревоженными новыми знакомыми и постоянными вихрями новых сплетен на рыночной площади.

Холм Марса, Афины

Однако гораздо менее важно знать, на каком месте Ареопага стоял Павел, чем понять, что он говорил и как пытался примирить и опровергнуть философов, которые, несомненно, смотрели на него свысока, как на интеллектуально [pg 143] низшего. Он начинает, естественно, с необычайного скопления вотивных статуй и подношений, которыми Афины выделялись среди других городов Греции. Он говорит, с легкой иронией, что находит их очень религиозными,⁵⁵ настолько религиозными, что даже нашел алтарь Богу, который, как утверждается, неизвестен, а может быть, и непознаваем.⁵⁶ Вероятно, С. Павел хотел перейти от второго значения слова ἄνωτος, которое, как я полагаю, имела в виду надпись, к первому, которое давало ему прекрасное вступление к аргументу. Даже использование единственного числа могло быть намеренным отклонением от строгого текста, поскольку Павсаний дважды говорит об алтарях богам, которые называются ἄνωτοι (или таинственными), но я не могу найти ни одной цитаты из надписи в единственном числе. Как бы то ни было, наша версия не сохраняет аккуратность изложения С. Павла: "Я нахожу жертвенник, - говорит он, - неизвестному Богу. Кому же вы не знаете, кому поклоняетесь, [pg 144] Его я возвещаю вам". Но затем он развивает концепцию великого Единого Бога, причем вовсе не с особой еврейской, а со стоической точки зрения. Он проповедовал эпикурейцам и стоикам - сторонникам благоразумия как средства и удовольствия как цели счастливой жизни, с одной стороны; с другой стороны, сторонникам долга и жизни в согласии с Провидением, которое управляет миром во благо. Не было никаких сомнений, к какой стороне должен склониться человек из Тарса. Хотя стоики на афинском рынке могли быть просто дилетантами, просто болтунами о ὁράβον и великой душе мира, мы знаем, что эта философская система породила в Тарсе, как и в Риме, самое великолепное постоянство, самую героическую стойкость - я бы даже сказал, самую христианскую доброжелательность. Именно эта суровая и серьезная теория привлекала все серьезные умы в период разложения язычества.

Соответственно, С. Павел не скрывает своей симпатии к ее более благородным чертам. Он описывает Бога, которого проповедует, как благосклонного Автора красоты и плодотворности природы, великого Благодетеля человечества по Своему провидению, и не

без постоянных и навязчивых свидетельств Его величия и благости. Но он идет гораздо дальше и вплотную приближается к стоическому пантеизму, когда не только утверждает, говоря словами Аратуса, что мы - Его потомство, но и что "в Нем мы живем, и движемся, и имеем свое бытие".

[pg 145]

Его первый вывод, что Божеству не следует поклоняться или даже изображать его в камне или бронзе, несомненно, вполне соответствовал более просвещенной афинской философии. Но когда он перешел к проповеди о воскресении мертвых, даже те, кто был привлечен им и сочувствовал ему, отвернулись с презрением. Эпикурейцы считали смерть концом всего сущего. Стоики полагали, что человеческая душа, отпрыск - или, скорее, отросток божественной мировой души, - будет поглощена своей родительской сущностью. Ни те, ни другие не могли поверить в утверждение святого Павла. Когда они впервые услышали, как он говорит об Иисусе и Анастасисе, то подумали, что это какая-то новая пара восточных божеств. Но когда они узнали, что Иисус был человеком, назначенным Богом судить мир, а Анастасис был всего лишь Анастасисом мертвых, они были сильно разочарованы; некоторые насмехались, а некоторые отстранились от дальнейшего прослушивания.

Так бесславно закончилось первое провозглашение веры, которая должна была вытеснить все храмы, алтари и статуи, которыми Афины прославились как прекрасный город, которая должна была низвергнуть школы насмешливых философов и даже переделать все общество и политику мира. И все же, несмотря на этот великий и решительный триумф христианства, в презрительном отвержении его апостола в Афинах было что-то пророческое. Не было ли это [pg 146] первым выражением чувства, которое все еще владеет посетителем, бродящим по его руинам, и которое все еще господствует в образованном мире, - чувства, что в то время как другие города обязаны триумфу христианства всей своей красотой и интересом, Афины до сих пор сопротивляются этому влиянию; и что в то время как христианские памятники Афин в других местах вызвали бы не мало внимания, здесь они проходят мимо как не имеющие значения по сравнению с языческим великолепием.⁵⁷ [pg 147] В Афинах есть очень старые и очень красивые маленькие церкви, "*délicieuses petites églises byzantines*", [pg 148] как называет их М. Ренан. Они очень своеобразны и не похожи на те, что обычно можно увидеть в Европе. [pg 149] Они поражают наблюдателя своей причудливостью и малостью, и ему кажется, что он видит здесь крошечную модель [pg 150] того уникального и великолепного здания, собора Святого Марка в Венеции. Но удивительно, как мало мы замечаем их в Афинах. Мне даже сказали - я искренне надеюсь, что это неправда, - что общественное мнение в Афинах тяготеет к полному удалению одной, самой совершенной из этих церквей, которая стоит посреди главной улицы и нарушает регулярность современного бульвара! Будем надеяться, что человек, приходящий в ярость от разрушения венецианской башни, сможет со временем противостоять этому настоящему образцу варварства, если он, конечно, когда-нибудь решится заявить о себе в [действии](#)⁵⁸.

На этом я закончил обзор наиболее значимых древнегреческих зданий, которые можно увидеть в Афинах. Для их исчерпывающего описания потребовалось бы гораздо больше времени или специальные знания, которыми я не обладаю; кроме того, есть и менее значительные здания, такие как так называемый Фонарь Демосфена, который на самом деле является хорагическим памятником Лисикрата, и Храм Ветров, которые вполне заслуживают [pg 151] посещения, но которые путешественник может найти без гида и изучить без труда. Но неполнота должна быть неизбежным недостатком при описании любого города, в котором новые открытия совершаются, можно сказать, ежемесячно, и когда музеи и

раскопки сегодняшнего дня могут быть в любой день полностью затмлены материалами, которые сейчас неизвестны или рассеяны по стране. Так, во время моего второго визита в Афины я обнаружил в Национальном банке замечательные сокровища, найденные доктором Шлиманом в Микене, которых самих по себе достаточно, чтобы побудить любого изучающего греческую древность вновь посетить этот город, как бы хорошо он ни изучил его в прежние годы. Во время моего третьего визита они были упорядочены и каталогизированы, но мы еще не достигли никакой уверенности в том, какая раса оставила их там, и насколько древними являются гробницы. Эти соображения не только оправдывают недостаточность данного обзора, но, возможно, даже оправдывают его в глазах взыскательного читателя, который, возможно, ожидал более тщательного исследования.

[pg 152]

ГЛАВА VI.

ЭКСКУРСИИ ПО АТТИКЕ - КОЛОНИЯ - ГАВАНИ - ЛАУРИУМ - СУНИУМ.

Есть два современных города, которые по своим природным особенностям напоминают Афины. Неровная гряда Большого Акрополя и Малого Ареопага напоминает замок и Мёнхсберг Зальцбурга, одного из немногих городов Европы, расположенных более красиво, чем Афины. Отношение Акрополя к более возвышенному Ликабетту напоминает Эдинбургский замок и Артурс Сит. Но здесь преимущество значительно на стороне Афин.

Когда вы стоите на Акрополе и оглядываете Аттику, большая часть ее истории сразу становится понятной и разгаданной. Вы сразу видите, что находитесь на главной равнине страны, окруженной цепями гор таким образом, что легко понять старые истории о войнах с Элевсисом, Марафоном или любой из отдаленных долин. Если посмотреть вглубь острова с северной стороны, то, стоя у Эрехтея, вы увидите прямо перед собой, на расстоянии около десяти миль, гору Пентеликус, с которой весь великолепный мрамор был когда-то перенесен на скалу [pg 153] вокруг вас. Этот Пентеликус является своего рода промежуточной перекрестной цепью между двумя главными линиями, которые расходятся от него по обе стороны и постепенно расширяются, образуя Афинскую равнину. Левая или северо-западная цепь - это гора Парнес, а правая или восточная - гора Гиметтус. Однако эта последняя - лишь внутренний край большого горного массива, который простирается по всей Южной Аттике вплоть до мыса Суниум. Здесь, конечно, есть небольшие долины и две-три деревни, одна из которых - старый дем Браурон, который теперь называют Враврон. Есть город Торикос, расположенный рядом с рудниками Лауриума; есть две современные деревни под названием Маркопулос; но в целом, как в древние, так и в современные времена, эта юго-восточная часть Аттики, к югу от Гиметта, была, за исключением Лауриума, малозначительной. Между Пентеликом и Гиметтом, почти на севере, есть промежуток, через который проходит дорога к Марафону; вы можете увидеть место, где в 1870 году бандиты застали врасплох несчастных джентльменов, ставших жертвами нерешительности и некомпетентности людей, стоявших у власти в то время.

С левой стороны Пентелика видна цепь Парнов, которая почти смыкается с ним на большом расстоянии, и которая тянется по всей северо-западной стороне Аттики, пока не впадает в

море в виде горы Коридалл, напротив острова Саламис. В этой длинной цепи Парнов (которую можно [pg 154] избежать, только поднявшись на северное побережье в Оропус и пройдя в Беотию поближе к морю) есть три прохода или нижних пункта, один далеко на севере - у Декелеи, где нынешний царь имеет свой загородный дворец, но где старый Алкивиад посадил спартанский гарнизон, который мучил и разорял крестьян Аттики. Этот перевал выведет вас к Танагре в Беотии. Далее к югу, в нескольких милях, находится еще более знаменитый перевал Филы, с которого Фрасибул и его храбрые товарищи отвоевали Афины и их свободу. С этого перевала, когда вы достигаете его вершины, открывается вид на северную точку Фриазийской равнины, а также на дикие области Китерона, граничащие с Беотией. Третий перевал, самый низкий, но находится в нескольких милях от рощ Академии - это перевал Дафни, который был главной дорогой в Элевсис, по которой во времена мистерий проходили священные процессии; на этом перевале до сих пор можно увидеть многочисленные ниши, в которые были вмонтированы родные таблички, сделанные поклонниками знаменитого храма Афродиты.

По эту сторону Аттики, за исключением Триасийской равнины и Элевсиса, за горой Парнес простирается дикий горный район, совершенно альпийский по характеру, который отделяет Аттику от Беотии не одним рядом гор или одним перевалом, а чередой лощин и дефиле, которые сразу же объясняют классическому студенту, когда он их видит, насколько необходимым и фундаментальным было [pg 155] разделение Греции на ее отдельные районы и насколько совершенно разными по характеру должны были быть жители каждого из них. Путь из Аттики в Беотию не был обычной большой дорогой или даже перевалом через одну гору, а пролегал через ряд просек, долин и дефиле, в любой из которых могла быть остановлена вражеская армия и каждая из которых разрывала страну с обеих сторон сложным препятствием. Эта поистине альпийская природа Греции ощущается только при виде ее, и все же ее необходимо постоянно держать в уме, оценивая характер и энергию расы. Но вернемся к нашему виду с Акрополя.

Если мы повернемся и посмотрим на юг, то увидим разорванную страну с несколькими невысокими холмами между нами и морем - холмами, довольно хорошо возделанными, и когда я видел их в мае, все они были окрашены золотистыми жнивьями, так как кукурузу только что собрали. Но вся равнина во всех направлениях кажется сухой и пыльной; засушливой, а не богатой аллювиальной почвой, как равнины Беотии". Тогда к нам возвращаются слова Фукидида, когда он говорит, что Аттика была "нетронута из-за легкости своей почвы" (*ἁστασίατος οὖσα διὰ τὸ λεπτόγεων*), поскольку первые захватчики скорее искали более богатые пастбища. Это рассуждение Фукидида в равной степени относится и к горам Аттики вокруг Афин, которые не покрыты сочной травой и густым кустарником, как Геликон, как Парнас, как поляны Аркадии, а кажутся настолько голыми, что мы удивляемся, где пчелы [pg 156] Гиметта могут найти пищу для своего знаменитого меда. Только поднявшись на скалистые склоны горы, путешественник обнаруживает, что ее изрезанная поверхность покрыта множеством мелких полевых цветов, слишком незначительных, чтобы придать горе хоть малейший оттенок, но достаточных для пчел, которые по-прежнему делают свой мед, как в старые времена. Гиметтусский мед, который был нашей повседневной пищей в Афинах, сейчас не отличается ни цветом, ни вкусом. Он очень темный и ни в коем случае не такой вкусный, как мед, производимый в других частях Греции, не говоря уже о вересковых холмах Шотландии и Ирландии. Я пробовал мед в Фивах и в Коринфе, который был намного лучше, особенно коринфский, сделанный на холмах по направлению к Клеоне, где вся страна благоухает тимьяном и где тысячи пчел жадно жужжат в летнем воздухе. Но когда старые афиняне так много говорят о меде, мы не должны забывать, что сахар был им неизвестен, и все их сладости зависели исключительно от меда. Поэтому его выращивание и

использование приобретало значение, которое нелегко понять современным людям, владеющим сахарным тростником.

Но среди всего этого пыльного и голого пейзажа взгляд с восторгом останавливается на одной широкой полосе темно-зеленого цвета, которая, начинаясь с западной стороны Пентелика, близ горы Парнес на севере, проносится прямо по долине, проходит около [pg 157] двух миль к западу от Афин и доходит до Пейреуса. Это равнина Кефисса, и это знаменитые оливковые леса, в которых находится дема Колонус, так прославленная Софоклом, и рощи Академа в ближайшей к городу точке. Афинская пыль и безлюдность равнины делают неприятными все прогулки по городу, кроме подъема на Ликабеттус или прогулки в эти оливковые леса. Река Кефисс, орошающая их, - приличная, хотя и узкая река, даже летом часто дающая много воды, но сильно разделенная на каналы и рукава, которые очень удобны для [орошения](#)⁵⁹. Таким образом, есть полоса страны, длиной около десяти миль и шириной в среднем две, которая предлагает восхитительную тень, зелень и пение птиц вместо жаркого солнечного света, пыли и пронзительного крика теттикса.

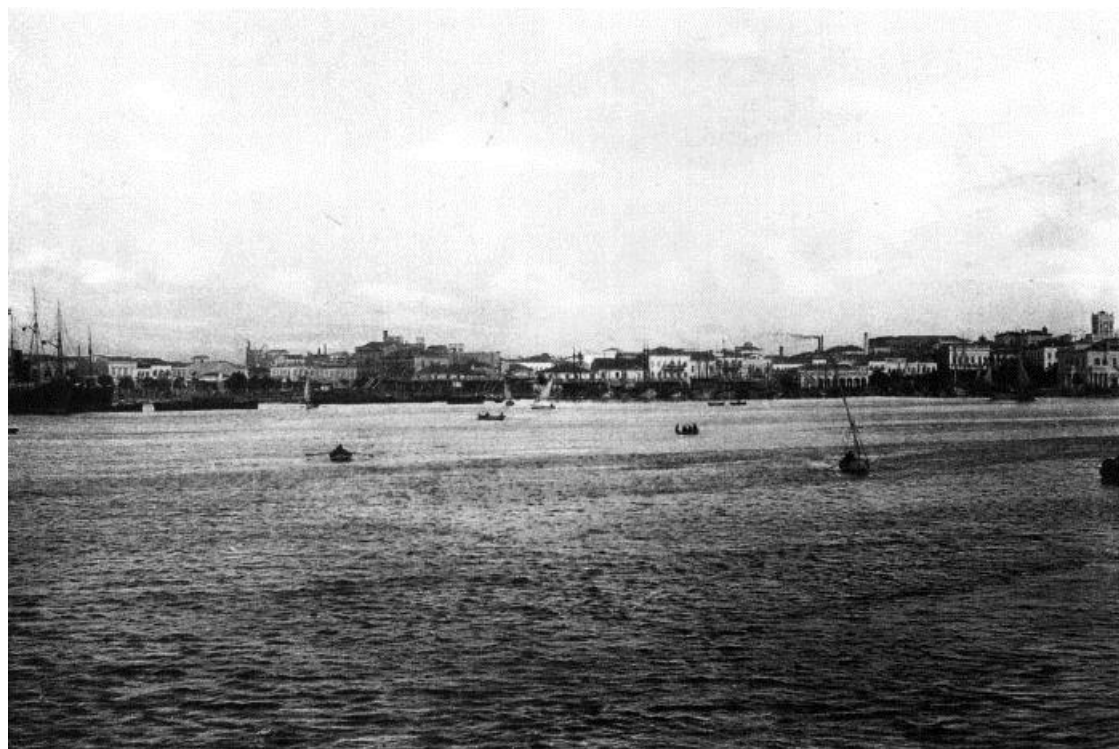
Я много часов бродил по этим восхитительным лесам, слушая соловьев, которые поют весь день в глубокой тени и одиночестве, как в затяжных сумерках, и слыша, как платан шепчется с [вязом](#)⁶⁰, как говорит Аристофан, и [pg 158] видеть, как белый тополь распускает на ветру свои серебристые листья, и гадать, не могут ли огромные стебли старых олив, так похожие на старые обглоданные пни в Виндзорском лесу, быть настоящими священными деревьями, *μυρία*, под которыми афинская молодежь бегала наперегонки. Берега Кефисса также усажены огромными тростниками и сидячими болотными растениями, которые опускаются на песчаные мелководья и лениво покачиваются в потоке. Узелки и зимородки появляются из-под ног, а яркие рыбки лениво выплывают из своего солнечного залива в более глубокий бассейн. То и дело сквозь просвет в зеленой листве показывается Акрополь, и я не знаю более чарующего вида на эту великую руину.

Вся земля под густыми оливковыми деревьями была покрыта стоящей кукурузой, ибо здесь, как и в Южной Италии, тень деревьев не мешает созреванию колоса. Но лес здесь был гуще, чем на итальянских кукурузных полях; с другой стороны, здесь не было того богатого убранства из виноградных лоз, которое перекидывается с дерева на дерево и придает неаполитанскому летнему пейзажу такое своеобразное очарование. Вдоль дорог стояло несколько усадеб, а у одного из мостов - детская школа, полная тех прекрасных детей, чьи головы так напоминают древнегреческие статуи. Но все дома были обнесены стенами, и многие из них казались одинокими и заброшенными. Воспоминания о насилии и жестокости все еще были здесь. Мне, правда, говорили, что [pg 159] ни одна страна в Европе не была столь безопасной, и, признаюсь, я и сам убедился в этом во время своих странствий; но когда мы видим, как каждое волнение или война на границе возрождают слухи о разбойничьих набегах, я не могу не чувствовать, что пустынное состояние земли и общее чувство незащищенности, пусть иррациональное в мирные периоды, не удивительны.

В непосредственной близости от Афин нет другой экскурсии, которая была бы столь же красива и интересна. Старые здания в Пейреусе полностью исчезли. От доков и дейгмы не осталось и следа, а великолепные стены, построенные, как рассказывает Фукидид, из тесаного камня, без раствора и грязи, скрепленные железными хомутами, скрепленными свинцом, - это великолепное сооружение было почти полностью разрушено. Мы можем найти, правда, в других местах Аттики - в Филе и еще лучше в Элевтере - образцы такого рода зданий, но в Пейреусе остался только фундамент. Однако нельзя сказать, что великая стена, окружавшая Пирей, полностью исчезла. Даже в устье гавани можно увидеть отдельные камни, лежащие вдоль скалистой кромки воды, размер и квадратная огранка которых

доказывают, для чего они изначально предназначались. Но если посетитель Пейреуса найдет в себе силы перебраться через холм и обойти гавань Мунихии, он обнаружит на восточной точке мыса маленькое кафе, с удобными сиденьями и прекрасным видом. На морском побережье вокруг мыса виднеется вырубленное в живом камне дно окружающей морской стены. В западной части гавани, где берег очень крутой, сохранились отдельные участки; но в том месте, о котором я говорю, мы можем проследить весь ход стены на высоте нескольких футов над водой, вырубленной в твердой скале. Я не знаю ни одного скудного образца афинской работы, который давал бы большее представление о колоссальном богатстве и энергии города. В порту Мунихия был свой театр и храмы, и именно здесь Павсаний видел алтарь богам, называемый Неведомым. Следы морской стены исчезают, как только она достигает собственно узкого устья маленькой гавани. Я не знаю, как далеко в сторону Фалерума ее можно проследить, но при посещении гавани под названием [Зея61](#) в другой раз я ее не заметил. Читатель найдет в любом древнем атласе или в любой истории Греции карту афинских гаваней, так что я считаю излишним прилагать ее здесь.

Поразительной особенностью нынешнего Пейреуса, который со стороны входа в гавань очень живописен, несомненно, является быстрый рост и расширение [pg 161] фабрик, с английскими машинами и надсмотрщиками. Когда я был здесь в последний раз, я обнаружил четырнадцать таких предприятий, и их дымовые трубы стали вполне нормальной чертой греческого пейзажа. На тех фабриках, которые я посетил, перерабатывали хлопок и шерсть из страны в бязь и другие ткани, которые, к сожалению, входят в моду среди низших классов и вытесняют старые костюмы. Мне сообщили, что мальчикам фактически запрещено посещать школу в греческой одежде, и это положение удивляет любого, кто знает красоту и достоинство национального костюма.

Пейрей

Поездка к открытому рейду Фалерума приносит больше пользы. Здесь интересно наблюдать, как афиняне миновали ближайшее море и даже открытый и чистый берег, чтобы

присоединить свой город к лучшей гавани и более защищенному мысу Пейрею. Фаллум, как его теперь называют, хотя пишут через η, - любимое место купания современных Афин, с театром под открытым небом, и находится примерно в полутора милях от города, чем Пейреус. Вода здесь неглубокая, а пляж из мелкого песка, так что для древних кораблей, которые, как я полагаю, забирали мало воды, это было удобное место для высадки, особенно для высадки войск, которые могли выбрать себе место в любом месте вокруг большого полумесяца и, при необходимости, высадиться с боем. Но стены Афин, длинные стены Пейреуса и его возвышенные укрепления делали этот плацдарм бесполезным для [pg 162] врага, пока Афины владели морем и могли отправлять корабли из маленьких безопасных гаваней Зеи и Мунихии, которые находятся на восточной стороне и в центре мыса Пейреуса. Изначально существовала и третья стена на восточной стороне Фалерийского залива, но, похоже, она была заброшена, когда была завершена вторая длинная стена, или средняя стена, как она первоначально называлась.

В начале Пелопоннесской войны выяснилось, что афиняне защищали от лакедемонян не две длинные стены, которые шли близко друг к другу и параллельно Пейрею, а северную из них и далекую Фалерийскую стену. Любому наблюдателю может показаться необычным, что афиняне взялись за такую грандиозную задачу. Если бы враг напал где-нибудь внезапно и энергично, трудно понять, как они смогли бы его удержать. Согласно точным деталям Фукидида⁶², стена до Фалерума составляла почти четыре мили, до Пейреуса - четыре с половиной. Кроме того, городская стена составляла пять миль, а стена Пейреуса - почти три. Иными словами, нужно было защитить около семнадцати миль стены. Но это еще не все. Цепь была не замкнута, а разделена примерно милей берега между Пейреем и Фалерумом, так что защитники двух оконечностей никак не могли оперативно помочь друг другу. Фукидид говорит нам, что для выполнения этой работы было достаточно гарнизона из 16 000 неполноценных солдат, стариков, мальчиков и метисов. Мы вынуждены заключить, что не только средства для атаки стен были крайне несовершенны, но даже лихость и предприимчивость современной войны не были понятны грекам. Ведь мы никогда не слышали даже о смелых попытках нападения на это нелепое разрозненное укрепление, а тем более об успешной попытке его форсировать.

Но нам пора покинуть окрестности Афин⁶³ и отправиться за пределы Афинской равнины в более дикие уголки страны. Аттика, в конце концов, большая страна, если не применять к ней железнодорожных мер. Мы считаем, что тридцать миль по железной дороге - это очень мало, но тридцать миль по дороге - это большое расстояние, и оно подразумевает достаточно земли, чтобы содержать большое население и множество процветающих городов. Мы можем проехать тридцать миль от Афин через Аттику в нескольких направлениях - к Элевтерии, на западной границе Беотии; к Оропусу, на севере; и к Суниуму, на [pg 164] юге. Таким образом, только когда пытаешься узнать Аттику досконально, понимаешь, как много здесь интересного и как много времени нужно для этого. И, к счастью, есть экспедиция, и не самая важная, где мы можем избежать грубых дорог и грубых седел страны и прокатиться на парохе по району, который во все времена был неясен в истории и редко был известен чем-либо, кроме дороги в Суниум. Страбон приводит список владений, расположенных вдоль этого побережья⁶⁴, и, кажется, в состоянии написать о них только один факт - строчку из старого оракула времен Персидской войны, который предсказал, что "женщины Колиаса будут жарить кукурузу на веслах"⁶⁵, ссылаясь на обломки, выброшенные на берег северо-западным ветром из Саламиса. Даже многочисленные островки вдоль этого побережья были в его время, как и сейчас, совершенно бесплодными. Однако при всем своем запустении оно чрезвычайно живописно и разнообразно по очертаниям.

Мы отплыли на маленьком [пароходе66](#), принадлежащем Сунийской горной компании, которая построила поселок Эргастерия между Торикосом и мысом и была достаточно любезна, чтобы позволить нам плыть на лодке, предназначенной для их частных перевозок. Мы покинули Пейреус в одно из тех специфически греческих утр, с голубым небом и очень [pg 165] ярким солнцем, но с восточным ветром, таким сильным и ясным, таким λαμπρός, как сказали бы старые греки, что море вздымало длинные белые гребни, а рыбацкие лодки лежали под парусами. Эти свежие и сильные ветры, которые постоянно дуют в Греции, очень спасают жителей от вредных последствий очень жаркого южного климата. Даже при высокой температуре погода редко бывает знойной, а на море, которое проникает повсюду, всегда можно найти прохладную и освежающую атмосферу. Греки, кажется, ничуть не боятся этих сильных ветров, которые обычно устойчивы и редко переходят в шквалы. Самые маленькие лодки можно увидеть во время больших путешествий от одного острова к другому - часто с одним человеком, который сидит, держась одной рукой за штурвал, а другой - за кормовой лист. Все паромные суда в Пейреусе управляются подобным образом, и вы можете видеть, как их огромные паруса, похожие на крылья морской чайки, наклоняются в шторм, а брызги летят с носа судна. Мы встретили несколько более крупных судов, идущих из Сиры, но в целом море было почти таким же пустынным, как и берег; настолько, что верный пес, который был на борту каждой из этих лодок, счел своим серьезным долгом встать на поручни и лаять на нас как на странную и сомнительную компанию.

Так, миновав множество естественных гаваней и просторных бухт, множество скалистых мысов и отвесных островов - но все пустынные и покинутые следами человека, мы [pg 166] приблизились к знаменитому мысу, с которого сверкали на солнце белые колонны возвышенного старого храма. Это были первые и единственные белые мраморные колонны, которые я видел в Греции. В других местах пыль и возраст, если не рука человека, окрасили этот великолепный материал в тусклый золотистый оттенок; но здесь морской бриз, хотя и вымыл большую часть поверхности, не испачкал их своим свежим рассолом, и поэтому они все еще остаются того цвета, который имели, когда их устанавливали. Хотелось бы предположить, что здесь греки не использовали обычные синий и красный цвета для украшения этого чудесного храма, что для удовольствия и пользы моряков, которые издавна приветствовали его как первый признак Аттики, его блестящий белый цвет был оставлен, чтобы сделать его более ярким маяком и более четким объектом в сумерках и в тумане. Я не буду описывать его, поскольку мы посетили его специально и должны рассказать о нем более подробно; но даже сейчас, когда мы обогнули мыс и посмотрели на его сияющие столбы, уходящие далеко в небо, он поразил нас самым сильным интересом. Легко было понять, как поэтический ум Байрона вдохновлялся здесь некоторыми из его самых благородных строк.

Когда мы повернули от него к морю, мы увидели вытянутую в эшелон цепь Киклад, которые являются лишь продолжением мыса - Кеос, Кифнос, Серифос, Сифнос, а вдалеке - Мелос - место насилия и [pg 167] жестокости Афин, когда она, по мысли старого историка, восполнила всю меру своего беззакония. А когда мы повернули на север, длинный остров, или островок, Елены, который тянется вдоль острия, как Гидра от Аргониды, не мог скрыть от нас горные хребты Эвбеи, все еще покрытые снегом. Короткая перебежка против ветра привела нас в порт Эргастерия, очень странно выделяющийся на фоне пейзажа дымом своих труб - порт, в котором готовят и отправляют в Шотландию продукцию рудников Лауриума.

Здесь, наконец, мы снова оказались среди людей; три тысячи рабочих, многие из которых с семьями, составляют довольно оживленный город Эргастерию. И я не мог не сравнить их смелый и независимый вид, грубый и дикий, каким он казался, с тем, как, должно быть,

выглядели толпы рабов, трудившихся на рудниках в былые времена. Нас высадили на берег из парохода двое мужчин по имени Аристид и Эпаминондас, но я не могу сказать, что их внешность свидетельствовала о справедливости одного или культуре другого.

Высадившись на берег, мы оказались в затруднительном положении. Последний английский инженер, оставшийся в Горной компании, по приглашению которого мы отправились в этот дикий район, внезапно уехал в то утро в Афины. Его дом был закрыт, и мы остались без друзей и одни, среди [pg 168] трех тысяч этих Аристидов и Эпаминондасов, чей вид, как я уже говорил, был не слишком обнадеживающим. Мы сделали все, что было в наших силах, чтобы справиться с трудностями, и что было не только лучшим, но и единственным выходом, и все вышло очень хорошо. Мы отправились к временному директору рудников, очень воспитанному джентльмену с очаровательной женой, оба они прекрасно говорили по-французски. Мы изложили наше дело и попросили оказать нам гостеприимство на ночь. Ничто не могло быть более дружелюбным, чем наш прием. Этот благожелательный человек и его жена приняли нас в своем доме, приготовили для нас комнаты и обещали дать нам возможность увидеть все диковинки страны. Так наше несчастье превратилось, по сути, в очень хорошую удачу. Ночь, однако, надо признаться, прошла в неравной борьбе с комарами - неудобство, которое наша добрая хозяйка тщетно пыталась устранить, дав нам сильно пахнущий порошок для сжигания в нашей комнате и закрыв все окна. Но если бы это средство даже и было успешным, очень сомнительно, что оно не оказалось хуже болезни.

Утром мы отправились на специальном поезде - у компании есть частная линия от побережья до рудников, - чтобы подняться по лесистой и холмистой местности в район, столь прославленный в древности как один из главных источников афинского богатства. По мере того как поезд преодолевал несколько крутой подъем, открывавшаяся перед нами перспектива моря и его островов [pg 169] становилась все шире и разнообразнее. Дикие скалы и леса южной Эвбеи - одного из немногих районов Греции, которые, похоже, были такими же дикими и пустынными в старые времена, как и сейчас, - отделялись от промежуточного острова Елена. Нам сказали, что в Эвбее до сих пор можно встретить диких кабанов. На холмах вокруг Лауриума зайцы, на которых так любил охотиться Ксенофонт в своем элевсинском убежище, и голуби-черепахи казались единственной доступной дичью. Все холмы были покрыты чахлым подлеском.

Лауриум

Рудники Лаврии появляются в истории Аттики очень неожиданно, но с этого времени они составляют значительную часть богатства афинян. Мы знаем, что во времена Солона была большая нехватка денег, и он был вынужден обесценить стоимость монеты - очень жестокая и беспрецедентная мера, которая никогда больше не повторялась; ведь на протяжении всей последующей истории аттическое серебро было настолько хорошим, что обращалось в чужих краях так же дорого, как сейчас обращаются английские деньги. Соответственно, во времена Солона мы не слышим никаких упоминаний об этом великом и почти неисчерпаемом источнике национального богатства. На протяжении всего царствования Писистратидов царит тишина. И вдруг, после освобождения Афин, мы слышим о том, как Фемистокл убеждает народ направить очень большие доходы от этих рудников на строительство флота для войны с Эгиной.⁶⁷ [pg 170] Так называемый "Ксенофонт об аттических доходах" - трактат, который почти полностью посвящен этим рудникам - действительно утверждает, что они разрабатывались с далекой древности; и не приходится сомневаться, что здесь, как и в других местах Греции, финикийцы были предшественниками местных жителей в искусстве добычи полезных ископаемых. Здесь, как и на Тасосе, я полагаю, у финикийцев были свои поселения; и, возможно, более тщательное исследование больших подземных ходов, которые все еще там находятся, может дать нам некоторые доказательства в виде надписей или иным способом.

Но что произошло после того, как семитские торговцы были изгнаны из греческих вод, - ведь они были изгнаны, хотя, возможно, гораздо позже из некоторых отдаленных и неисследованных точек, чем мы обычно себе представляем. Полагаю, что когда это произошло, Афины были не в том состоянии, чтобы думать о продолжении торговли в Суниуме. Саламин, который находился гораздо ближе и был более очевидным владением, был завоеван только во времена Солона, после долгой и [pg 171] утомительной борьбы; и я совершенно уверен, что у афинян не было сил удерживать отдаленную зависимость, отделенную тридцатью милями самой грубой горной местности, когда они не покорили

остров, расположенный всего в миле от Триасской равнины и не в десяти милях от Афин. Итак, я полагаю, что так называемый *συνοικισμός*, или объединение Афин, в доисторические времена, осуществленное Тесеем или кем бы то ни было, не было скреплением всей Аттики, включая эти отдаленные уголки, а только поселений на равнинах Аттики, Марафона и Элевсиса; и что южный конец полуострова не был включен в Афины ранних времен. На самом деле, туда можно было добраться только по тщательно проложенной искусственной дороге, о которой мы узнаем позже, или по морю. В столь ранний период у афинян не было ни одного из этих способов доступа. И не мало примечательно, что первое упоминание об их владении серебряными рудниками связано с постройкой флота для борьбы с Эгиной. Я не сомневаюсь, что совет Фемистокла сохранился без его обоснования. Он убеждал афинян отдать излишки доходов от Лаврии, чтобы построить корабли против эгинетян, просто потому, что они обнаружили, что без кораблей эгинетяне будут практически единоличными хозяевами рудников. Они были гораздо ближе к Лавру по морю, чем Афины по суше, ближе во всех отношениях, и я подозреваю, что во времена до Солона рудники [pg 172] могли тайно разрабатываться Эгиной, а не Афинами. Я не могу здесь привести все свои доводы, но мне кажется, что Писистрат и его сыновья - не путем завоевания, а по какому-то соглашению - получили практическое владение рудниками и, возможно, первыми сделали всю Аттику действительно подвластной Афинам.⁶⁸ Но едва они были изгнаны, как эгинеты возобновили свои нападения или претензии на Лауриум; и только афинский флот закрепил за Афинами их владение. Мы слышим о решениях Гиппия по поводу чеканки [монет](#)⁶⁹, которые приводятся Аристотелем как примеры несправедливости или резкой практики, и которые, возможно, имеют какое-то отношение к приобретению серебряных рудников его династией. Но я должен прервать эту серьезную диссертацию.

Наш специальный поезд медленно вез нас, огибая лесистые возвышенности и пробираясь сквозь сочные зеленые тормоза, в одинокую страну, из которой, однако, еще виднелись отблески моря и голубые острова между холмами. И вот мы приехали в поселения современных шахтеров. Большая компания, гостями которой мы были, была основана около [pg 173] лет назад французскими и итальянскими спекулянтами, и профессор Анстед был там геологом в течение нескольких лет. Но ревность греков, когда они узнали, что прибыль приносит иностранное предприятие, вызвала законодательство против компании; последовали различные осложнения, так что в конце концов они с радостью продали свою долю местной компании. В 1887 году эта компания все еще процветала, и я видел в гавани большое судно из Глазго, которое прибыло, чтобы перевезти свинец в Шотландию, когда он будет подготовлен в блоках - вся продукция по-прежнему покупалась одной английской фирмой.

Когда греки обсуждают эти переговоры о рудниках, они придают делу совсем другую окраску. Они говорят, что французы и итальянцы хотели уклониться от справедливой оплаты земельной ренты за рудники, полагаясь на силу своих правительств и слабость Греции. Политика компании описывается в Греции как чрезмерная, беспринципная попытка получить большую прибыль за счет резких сделок с туземцами, которые не знали ценности своей собственности. В пользу своих аргументов приводится множество неясных деталей, и мне показалось, что греки действительно убеждены в их истинности. В таком вопросе было бы несправедливо принимать решение, не изложив обе стороны; и я вполне готов изменить свое нынешнее убеждение, что греки были больше всего виноваты, если будут приведены соответствующие причины. Но законодательные акты, принятые в их парламенте, на первый взгляд выглядят очень уродливо.

Главная Лаврская [компания70](#) вообще не заходит в шахты, а собирает огромную массу scorіæ, которую старые афиняне выбрасывали после плавки в более несовершенных печах и с меньшим жаром, чем у нас. Эти скории, похожие на каменную гарь, пролежали там так долго, что на них наконец-то выросла растительность, и путешественник не подозревает, что вся почва вокруг была поднята и изменена рукой человека. Благодаря силе пара и железной дороге нынешние шахтеры спускают скории на грузовиках к морскому побережью, в Эргастерию, и там переплавляют их. Древние афиняне располагали свои печи в середине гор, где многие из них можно увидеть и сейчас. Они искали главным образом серебро, в то время как современная компания охотится в основном за свинцом и получает мало серебра из scorіæ.

Во многих местах вы натываетесь на отверстия старых карьеров, которые уходили далеко в недра гор, через мили подземных галерей и ходов. Наш машинист - интеллигентный француз - остановил поезд, чтобы показать нам один из таких входов, который спускался почти прямо, с сохранившимися ступенями, в землю. Он заверил нас, что другая крайняя точка, которая была известна, [pg 175] весь проход был открыт, находилась на расстоянии двух или трех миль, в месте, которое он показал нам с холма. Услышав, что в этих ямах были найдены надписи, и особенно то, что там было обнаружено имя Никия, мы очень хотели спуститься и осмотреть их. Это нам было обещано, так как на самом деле ямы находились в руках другой греческой компании, которая искала новые жилы серебра. Но когда мы прибыли на место, офицеры компании не захотели пускать нас в шурф. Надсмотрщик отсутствовал - разумеется, намеренно. Не было и свечей; не было и средств, чтобы получить допуск, так что нас не пустили. Но мы зашли достаточно далеко в устье одной из них, чтобы увидеть, что эти ямы были колоссального масштаба, хорошо выгнутые дугой; и, я полагаю, если бы мы зашли достаточно далеко, мы бы нашли старые опоры, о которых так заботился афинский закон.

Количество выброшенной скорлупы, которое сейчас кажется совершенно неисчерпаемым, само по себе является достаточным доказательством огромных масштабов, в которых велась старая добыча. Так, мы ничуть не удивляемся, когда слышим, что у Никия была тысяча рабов, работавших на рудниках, и что прибыль, приносимая государству от штрафов и головной ренты с рудников, была очень велика - по умеренной оценке, 8000 фунтов стерлингов в год на наши деньги, что в те дни значило гораздо больше.

[pg 176]

Автор трактата "Афинские доходы" утверждает, что богатство рудников совершенно беспредельно; что выработана лишь малая часть серебряного района, хотя копанье ведется с незапамятных времен; что после привлечения бесчисленного количества рабочих рудники всегда оказываются одинаково богатыми, так что нет необходимости ограничивать использование капитала. Тем не менее он говорит об открытии новой шахты как о наиболее рискованной спекуляции. Однако его общая оценка кажется несколько преувеличенной. Писатель признает, что в его время число рабочих сокращалось, а большинство владельцев были начинающими, так что во время Пелопоннесской войны, должно быть, были большие перерывы в работе. В эпоху Филиппа раздавались громкие жалобы на то, что спекуляции в горнодобывающей промышленности не увенчались успехом, а для получения серебра, во всяком случае, не оставалось никаких разумных перспектив. В первом веке нашей эры Страбон (ix. i. 23) говорит, что некогда знаменитые рудники [исчерпаны71](#), что новая добыча не приносит дохода, и поэтому люди переплавляют более бедную руду и scorіæ, из которой древние несовершенным образом отделяли металл. Он добавляет, что главным продуктом горного района был в его время мед, который был особенно известен как бездымный (ἀκάπνιστος), по ак [pg 177] счет его хорошего приготовления. Это само по себе свидетельствует о том, что

добыча пришла в упадок, так как теперь все цветы в окрестностях плавильни погибают от черного дыма.

Последнее упоминание об этом месте в древности - у Павсания (в конце II века н. э.), который говорит о Лауриуме, добавляя, что когда-то здесь находились афинские серебряные рудники!

Есть еще один момент, связанный с этими рудниками, который не стоит упускать из виду, когда мы рассматриваем их работу в древние времена. Нет ничего более ядовитого, чем дым от свинцовых шахт, и поэтому жители Эргастерии построили трубу длиной более мили на вершине соседнего холма, куда дым выходит. Но даже в этом случае, когда ветер задувает дым обратно, вся растительность вокруг деревни сразу же погибает, и нет ничего труднее, чем сохранить сад в двух или трех милях от этой трубы. Поскольку афиняне не принимали таких мер предосторожности, мы не удивляемся, что от них часто слышим сообщения о нездоровом состоянии района, ведь когда в городе было много печей, а дым не отводился высокими трубами, мы вряд ли можем представить себе жизнь терпимой. Что же тогда должно было быть с рабами, которых Никий и другие уважаемые и благочестивые афиняне держали в этих шахтах? Два или три упоминания дают нам отвратительное [pg 178] представление об этой великой социальной язве, которая не была обнажена, потому что дикий район Лауриума и глубокие шахты под его поверхностью скрывали факты от обычного наблюдателя. Никий, как нам рассказывают, отдал в аренду фракийцу Сосию тысячу рабов по одному оболу в день за каждого - арендатор должен был вернуть ему такое же количество.

Смысл этого страшного договора совершенно очевиден. Годовая рента, выплачиваемая за каждого раба, составляла примерно половину полной цены, которую за него платили на рынке. Из этого следует, что если раб проживет три года, то Никий получит прибыль в размере 50 процентов от потраченных средств. Несомненно, часть этой необычной сделки должна быть объяснена большой прибылью, которую мог получить опытный рудокоп - этот факт подтверждается трактатом о доходах, который не может датироваться более чем поколением позже сделки Никия. Кроме того, арендатор подвергался дополнительному риску побега рабов во время войны, когда враждебная армия могла специально вторгнуться в горный район, чтобы нанести удар по этой важной части афинских доходов. В таких случаях можно предположить, что рабы предпринимали отчаянные попытки бежать, ведь хотя с афинскими рабами в целом обращались лучше всех в Греции и устраивали им множество праздников, с бандами, нанятыми фракийским хозяином, дело обстояло совсем иначе. Нам говорят, что у них было [pg 179] триста шестьдесят рабочих дней в году. Это, вместе с ядовитой атмосферой, говорит о многом.

И все же Никий, капиталист, занимавшийся этим отвратительным ремеслом, был самым благочестивым и богобоязненным человеком в Афинах. Так высока была его репутация честного и религиозного человека, что народ настаивал на том, чтобы снова и снова назначать его на должности, для которых он был совершенно непригоден; и когда, наконец, он погубил большую афинскую армию перед Сиракузами и лишился собственной жизни из-за своей крайней набожности и веры в угрозы и предупреждения богов - даже тогда великий скептический историк, которому нет дела до всего этого, оправдывает все его промахи ради его благочестия и респектабельности.

Конечно, экскурсия в Лауриум, какой бы интересной она ни была, была нелепой без посещения куда более знаменитого Суниума - мыса, который уже так поразил нас во время морского путешествия вокруг точки, - храма, который Байрон вновь освятил своими бессмертными стихами, а Тернер - своим едва ли менее бессмертным карандашом. Поэтому

по возвращении с рудников мы наняли лошадей и в прекрасный полдень отправились в путь, чтобы проехать семь или восемь миль от Эргастерии до знаменитого мыса. Наш путь лежал через холмы, поросшие арбутом и чахлыми елями; по долинам, заросшим густой травой; по [pg 180] берегу моря, по узкому уступу из обломанных скал. Нигде не было ни дороги, ни следов человеческого жилья, только там, где телеграфный провод уходил в море, указывая путь к далекой Сире. Был уже поздний вечер, солнце садилось все ниже, поэтому мы пустили лошадей в галоп, где только позволяла земля. Но ни жара, ни темп не могли покорить неутомимого эскавйра, который шел с нами пешком, указывая дорогу и придерживая лошадей, когда мы останавливались. Его скорость и выносливость заставили меня вспомнить Фидиппида и его бег в Спарту; да и вообще все подвиги древних греков в плавании или беге кажутся невероятными, когда мы видим, какие подвиги почти каждый день совершают современные мускулы и выносливость. Наконец, после восхитительных двух часов блуждания в домашнем уединении, мы оказались у подножия последнего холма, и над нами на фоне неба возвышались сияющие колонны разрушенного храма.

Несомненно, храм Нептуна на горе Тæнарум должен был быть столь же прекрасен по своему расположению, но землетрясения в Лаконии разрушили его сокровища, а в Суниуме, хотя некоторые барабаны в стволах колонн были фактически смещены на несколько дюймов относительно своих собратьев сверху и снизу, так что совершенное сооружение старых афинян стало похоже на шатающуюся работу гигантского ребенка с мраморными [pg 181] кирпичами, - несмотря на это, сохранились тринадцать колонн⁷², кусок архитрава и огромная платформа из цельных блоков; А главное, это место, не оскверненное современной застройкой, где можно посидеть и подумать о великих старых временах и о людях, поставивших этот благородный памятник в самом отдаленном уголке своей земли. Греки говорили нам, что этот храм, храм в Игине и Парфенон расположены точно на углах большого равностороннего треугольника, каждая сторона которого имеет длину около двадцати пяти или тридцати миль. Наши карты не подтверждают это мнение. Расстояние от Афин до Суниума гораздо длиннее, чем по любой из других линий, и мы не находим в древности ни намек на то, что такой принцип соблюдался или что ему придавалось какое-либо особое значение.

Мы обнаружили почти полную платформу, сложенную из больших квадратных блоков камня rogos, в некоторых местах очень высокую, хотя в других едва ли приподнятую, в соответствии с требованиями земли. На ней был построен храм, не из огромных блоков, которые мы видим в Коринфе и Парфеноне, но все еще из идеально белого мрамора, и с тем прекрасным плотным прилеганием, без раствора, щебня или цемента, которое характеризует лучшую и самую совершенную эпоху греческой архитектуры.⁷³ Камень также представляет собой тончайший [pg 182] белый мрамор, и, не подвергаясь воздействию пыли на своем возвышенном месте, он один из всех храмов сохранил свой первоначальный цвет - если, конечно, он изначально был белым, а не обогащенным различными цветами. Землетрясение, сместившее камни в середине колонн, обрушило на них множество крупных кусков, которые можно увидеть сверху, разбросанными по склону, куда они скатились. Но все же осталось достаточно, чтобы мы могли увидеть план и представить себе эффект от всего сооружения. Он выполнен в обычном простом, величественном дорическом стиле, но по пропорциям легче, чем более древние аттические храмы; и, будучи предназначенным для отстраненного эффекта, он, вероятно, не был сильно украшен. Само его местоположение дает ему все украшения, которые могли бы потребоваться любому зданию.

Нам посчастливилось увидеть его в лучах великолепного заката: море было цвета расплавленного золота, а все мысы и острова окрасились в туманный пурпур. Горы Эвбеи с

мысом Герестус закрывали вид на северо-восток, но далеко внизу в Эгейском море тянулись остров за островом, словно стремясь продлить путь к священному Делосу. Древние Андрос, Тенос, Миконос были там, но глаз тщетно искал дом святилища Аполлона - самого маленького и в то же время самого большого из всей группы. Параллельная цепь, тянувшаяся вниз от самого Сунiums, сбилась в единую массу, но был [pg 183] позе для обзора далекого Мелоса. Затем на юге простиралось открытое море, которое не позволяло нам представить себя на каком-нибудь тихом и спокойном внутреннем озере; а дальше на юго-западе виднелась Гидра, единственное место во всей Элладе, чья недавняя слава превосходит сообщения о древних днях. Горы Арголиды лежали за Эгиной и составляли вместе со своими аркадскими соседями сплошной фон, пока взор не устремлялся к Акрополю Коринфа, едва различимому в жгучей яркости заходящего солнца. И весь этот великолепный простор моря и гор, бухт и скал казался таким же совершенно пустынным, как самое дикое западное побережье Шотландии или Ирландии. Один или два маленьких белых паруса, под которыми проплывал в своей лодке одинокий рыбак, делали одиночество, если это возможно, более говорящим и более интенсивным. Есть виды более прекрасные, более обширные и, возможно, даже более разнообразные, но нет более изысканно интересных и более меланхоличных для изучающего Древнюю Грецию.

[pg 184]

ГЛАВА VII.

ЭКСКУРСИИ ПО АТТИКЕ-ПЕНТЕЛИКЕ-МАРАФОНУ-ДАФНЕ-ЭЛЕУСИСУ.

Это великое одиночество поражает путешественника почти повсюду по стране. Многие века неуверенности и насилия сделали деревенскую жизнь почти невозможной; и теперь, когда наступили лучшие времена, любовь и знание о ней исчезли. Городской афинянин больше не ворчит, как во времена Аристофана, что нашествие вытеснило его из грубого изобилия и простой роскоши его крестьянской жизни, где с инжиром и оливками, изюмом и пьянящим вином он устраивал праздники перед своими богами, жарил дрозда и каштаны с соседом на костре. Все это ушло в прошлое. Остался, правда, старый политический бездельник, бездельник с рыночной площади, вечно стремящийся получить какое-нибудь жалкое содержание путем подхалимства или издевательств. Такой тип несложно найти и в современных Афинах, но старый крепкий ахарниец, как и богатый коневод Алкмеонид, остались в прошлом. Даже большие прибыли, которые можно получить от рыночного садоводства, не склоняют их к этой отрасли, и великий город Афины - [pg 185] одна из самых плохо снабжаемых и дешевых столиц, большая часть ее ежедневных потребностей в овощах, птице, яйцах и т. д. поступает на пароходах с островов на побережье Фессалии. Ни одна часть страны Аттики не может считаться даже умеренно возделываемой, за исключением Триасийской равнины и долины Кефисса, простирающейся от Декелеи до моря. Эта последняя равнина с прекрасными оливковыми лесами, простирающимися через Академ до района старых длинных стен, достаточно покрыта кукурузой и пасущимся скотом, платанами и тополями. Но и здесь многие усадьбы заброшены, а загородные резиденции афинян часто оставались пустыми годами, когда в соседних горах появлялись разбойники, угрожавшие

жилым домам шантажом, а то и более кровавым насилием. В последнее время ситуация неуклонно улучшается.

Ничто не может быть более верным, чем восхитительное описание Северной Аттики, приведенное в книге М. Перро об аттических ораторах. Он описывает Рамнус, родину Антифона, но его картина имеет более широкое [применение](#)⁷⁴.

[pg 186].

Все эти замечания еще сильнее подтверждает прекрасная местность, которая лежит между [pg 187] Пентеликом и Гиметтом и которая сейчас покрыта лесом и кустарником. Мы проезжали через эту [pg 188] долину одним солнечным утром по пути в Марафон. На протяжении нескольких миль здесь действительно есть дорога - дорога к каменоломням Пентелика, - но она совсем не похожа на ту, что была у афинян. Теперь это просто широкая колея, прорезанная колесами и [pg 189] копытами в болоте; и там, где колея становится слишком глубокой, водитель сворачивает в сторону и прокладывает параллельную дорожку для собственного удобства. В летние дни пыль, поднимаемая такой дорогой, не поддается описанию, а почва очень красная, поэтому в атмосфере в некоторой степени сохраняется удивительный цвет старых зданий Афин. После поворота на крутой Ликабеттус, с которого, как с Артурова места в Эдинбурге, открывается вид на город, дорога идет по правой стороне волнистой равнины Аттики, с каменистыми, но пестрыми склонами Гиметтуса справа и Пентеликусом почти прямо перед нами. Как только мы проезжаем предместья, нам встречаются лишь одна-две деревенские усадьбы, окруженные темными кипарисами и перечными деревьями; но за пределами мрачной зелени возвышается высокая, ослепительно белая стена, придающая пейзажу особый восточный характер. Если посмотреть на запад, где находится деревня Кефисия, среди рощ, которые сопровождают Кефисс на его пути, можно заметить возделывание земли; но вверх к Пентеликусу, вдоль дороги, которая, должно быть, когда-то была переполнена телегами, тяжелыми упряжками и кричащими водителями, когда все блоки Парфенона спешили из каменоломен, чтобы украсить Акрополь, - вдоль этой знаменитой дороги нет почти никаких признаков культуры. Изредка попадались неровные поля, свидетельствующие о том, что было скошено немного кукурузы, да случайная станция с парой солдат, [pg 190] показывающая, почему не было посеяно больше. Страх перед разбойниками парализовал промышленность и даже изгнал скудное сельское население.

Гора Ликабеттус, Афины

Когда я говорю об этой дороге, мне кажется, что греческие дороги не могли быть так хорошо построены, как римские, многие из которых до сих пор можно увидеть в Англии. Хотя я прошел по многим из них, я лишь однажды заметил остатки старой греческой дороги. То тут, то там встречаются жалкие остатки турецких дорог - грубые угловатые камни, уложенные по холмам в тесную неровную мостовую; но от великих строителей Парфенона и Фил, Элевтера и Элевсиса, насколько я знаю, не осталось и следа дорожных работ.

Правда, в этом районе есть одно исключение, на котором мы, естественно, остановимся. Путешественник, который удивлялся огромным блокам Пропилеи и Парфенона, отмечал изысканное качество камня и идеальную гладкость, которую он сохранил до наших дней, естественно, захочет посетить карьер на Пентеликусе, откуда он был привезен. Мрамор Пароса, пожалуй, единственный камень, превосходящий его по качеству для скульптурных целей. Однако он более твердый и крупнозернистый, поэтому его, должно быть, труднее обрабатывать. Эксперты могут определить разницу между этими двумя мраморами, но я признаюсь, что, хотя М. Русопулос и пытался научить [pg 191] этому меня по образцам в Музее Акрополя, я не смог добиться четкого понимания этого различия. Большие глыбы пентеликанского мрамора, несмотря на красоту и тонкость зерен, нередко содержали дефекты, и, возможно, установление этого дефекта издревле было одной из самых сложных обязанностей архитектора. Предполагается, что это делалось путем простукивания блока молотком, процесс, который греки называли бы $\kappa\omega\delta\omega\nu\acute{\iota}\zeta\epsilon\iota\nu$. В настоящее время рядом с восточным фасадом Парфенона находится несколько таких бракованных блоков, и с течением веков дефект стал заметен, поскольку влага успела проникнуть в камень и окрасить его чистую белизну в темный цвет. Но когда он только что был извлечен из родного ложа и был чисто белым, я полагаю, что трудности должны были быть значительными. Возможно, эти блоки Парфенона пострадали во время транспортировки и вышли из каменоломен в хорошем состоянии. Ведь если подняться по крутой дороге к этим каменоломням, то не в одном месте можно найти такой же огромный блок, отброшенный в сторону и лежащий на том самом месте, где, как мы можем предположить, произошел несчастный случай,

расколовший его. Эта дорога, которая в своих самых высоких частях никогда не подвергалась изменениям, представляет собой крутой спуск, грубо вымощенный поперечными каменными плитами, похожими на ступени, и, возможно, по ней были проложены деревянные горки, чтобы спускать продукты из каменоломен в долину. Стоит остановиться на ночь в прекрасном монастыре [pg 192] неподалеку, где много тени от разросшихся деревьев и много падающей воды, посреди крутых склонов, поросших пихтой, - прохладное и тихое место для отдыха в летнюю жару.⁷⁵ От этого места до каменоломен меньше часа ходьбы. Современные люди все еще добывают в них камень, но гораздо реже, чем в местах, выбранных древними; и, конечно, остатки старой промышленности бесконечно более масштабны.

Это трудоемкий подъем по дороге, усыпанной мелкими осколками камня. Но наконец под огромной мраморной плитой, испещренной следами работы древних рук, открывается большая прохладная пещера с водой, капающей с крыши в ледяные бассейны внизу, и причудливый грот-часовня, в которой до сих пор горит свет, а вокруг - каменные сиденья, где путник может отдохнуть. Это место, похоже, было главным источником старых афинских зданий. Высокая грань скалы над ним, как я уже говорил, изрезана мелкими и тонкими обломками и нависает, как будто ее убрали, чтобы легче было спускать более высокие куски. Конечно, они не могли, а если бы и могли, то, вероятно, не стали бы взрывать камень; и, насколько я знаю, нам не сообщают, каким способом им [pg 193] удалось расшатать и спустить вниз большие блоки с их мест. Поверхность камня свидетельствует об использовании какого-то маленького и тонкого зубила. Но каков бы ни был процесс, у них должно было быть оборудование, о котором мы потеряли все сведения, потому что никакая ручная работа не смогла бы сделать то, что они сделали за несколько лет, и сделать это с деликатностью, которая показывает полный контроль над материалами. Прекрасно отделанные стены камеры внутри левого крыла Пропилеи сохранили интересную деталь на лицевой стороне каждого квадратного блока, который идеально подогнан к своим собратьям; в центре все еще остается грубый выступ, очевидно, ручка, используемая для подъема камня, которую обычно убрали, когда все строительство было полностью завершено. Из-за расходов на войну и тягот долгой осады Пропилеи остались недостроенными, поэтому этот фрагмент сооружения сохранился до наших дней.

Вид с вершины Пентелика, конечно, очень поразителен, и те, у кого нет времени или желания провести день в самом Марафоне, обычно довольствуются прекрасным видом на залив и противоположные горы Эвбеи, которые можно увидеть отсюда. Но очень жаль, что теперь, когда страна в целом вполне безопасна, после такого долгого путешествия, как из Англии в Афины, люди должны повернуть назад, не проехав и пятнадцати миль [pg 194], которые приводят их к месту самой великой битвы.

Как только мы покидаем тропинку, ведущую к упомянутому монастырю, местность постепенно покрывается кустарником, а затем чахлыми деревьями - в основном старыми елями, срубленными, вырезанными и израненными ради своей смолы, которая так болезненно навязчива в греческом вине. Но в одном месте есть живописный мост через быструю реку с каменистым дном, полностью скрытый цветущими олеандрами, в котором мы увидели аттических женщин из бедных слоев населения, стирающих свою одежду. Леса в этом месте были удивительно богаты и ароматны, а по земле разносилось пение голубей-черепашек. Вскоре мы наткнулись на густой лесной уголок, на который нам указали как на место, где наши несчастные соотечественники были схвачены в 1870 году и понесены вверх по склонам Пентелика, чтобы быть принесенными в жертву оплошности английского или греческого министра - я не мог решить, какого именно, - и, более того, их собственному

рыцарству; поскольку, хотя все пленные греки сбежали во время погони, наши английские джентльмены не нарушили своего условного освобождения. Этих людей лучшие греки теперь считают мучениками за благо Греции; ведь это возмущение впервые заставило правительство принять действительно энергичные меры для безопасности страны. Постепенно вся банда была схвачена и казнена, пока [pg 195] последний Такос, их глава, не был пойман в Пелопоннесе, три или четыре года назад, и повешен в Афинах. Так получилось, что я нашел эту страну (во время всех моих посещений - 75, 77, 84, 89 гг.) безопасной, как Ирландия для путешественника, и нам не требовалось ни эскорта, ни оружия, ни каких-либо предосторожностей.

У нас, правда, была депеша от греческого премьер-министра, которую мы вручили главному полицейскому каждого города - джентльмену в обычной алой шапочке и белых панталонах, но с большим собачьим хлыстом в качестве знака его должности. Этот обычай, как ни странно, восходит к временам Аристофана. Но премьер-министр предупредил нас, что, хотя сейчас все в безопасности, постоянной безопасности нет. Любая революция по соседству (например, революция в Герцеговине, которая в то время еще не разразилась) может, по его словам, перебросить через турецкую границу несколько преступников или других беглецов, которые будут содержать себя, взимая шантаж с крестьян, а затем и с путешественников. Нас заверили, что Морея, откуда не так-то просто сбежать в Турцию, в течение многих лет была совершенно безопасной, и я убедился в этом во время нескольких последующих поездок. Итак, любой путешественник, желающий увидеть Пелопоннес - Спарту, Олимпию, Мантинею, Аргос или даже Центральную Грецию, - может рассчитывать на безопасность. А вот посетитель Темпе и горы Пинд - нет.⁷⁶ Профессора университета [pg 196], с которыми я беседовал, действительно придерживались более оптимистичного мнения. Они не ожидали повторения опасности: они считали Грецию одной из самых безопасных и спокойных стран. Более того, в одном они были согласны. Было совершенно точно, что о присутствии разбойников сразу же узнают в Афинах. Почему это так, мне не сообщили, равно как и то, будут ли сразу же оповещены путешественники. В любом случае, в этом вопросе можно полностью положиться на совет либо мсье Трикупи, либо британского министра.

Вот и все, что касается безопасности путешествий по Греции, на что наводит меланхоличная судьба мистера Вайнера и его друзей, хотя это событие уже так давно в прошлом. Но еще один момент. Глупо и глупо полагать, что револьверы и кинжалы - лучшая защита от греческих бандитов, если они снова появятся. Они никогда не нападают там, где их видно. Первое, о чем узнает путник, - это двадцать или тридцать дул, направленных на него из укрытия, с призывом сдаться. Поэтому, если только группа не слишком многочисленна, чтобы ее можно было так окружить и замаскировать, чтобы одни могли сражаться, даже если других застрелят, - в этом случае оружие будет лишь дополнительным [pg 197] призом, причем весьма заманчивым, для клефтов. Действительно, очень редко кому из путешественников в какой-либо стране рекомендуют носить оружие.

Поднявшись на длинную седловину между Пентеликом и Гиметтом, мы наткнулись на прекрасное оливковое дерево с такими же огромными стеблями, которые уже вызвали наше удивление в рощах Академа. Действительно, некоторые из стеблей в этом лесу были самыми большими из всех, что мы видели, и заставили нас подумать, что они, возможно, были здесь еще в те времена, когда оливковое масло Аттики было одним из самых известных ее продуктов, а его экспорт был даже запрещен. Уже тогда существовали древние пни - *μυρία*, как их называли, - которые были священными и которые не мог убрать ни один человек, арендующий или покупающий землю; это ограничение кажется нам жестким, но в Греции, где кукуруза свободно растет в тени деревьев и даже обычно высаживается в садах, это не

так. Но, как бы то ни было, эти старые, сросшиеся, полые пни, с пучками ветвей, отходящих от обглоданного ствола, являются поистине классической особенностью страны и заслуживают, таким образом, мимолетного упоминания.

Когда мы оказались между горами, перед нами открылась новая картина. Мы начали видеть знаменитого старого Эврипа с горами Эвбеи; а к югу, за Гиметтом, до самого Суниума, простирался длинный участок гористой и бесплодной страны, которая никогда не играла заметной роли в [pg 198] истории, но где нам указали на конический холм как на место старого дема Браурон. Действительно, удивительно, как мало Аттики было прославлено. Рядом с самым известным городом мира находятся районы, которые для нас так же неизвестны, как дикие земли Аркадии; и мы можем подозревать, что пастухи, населявшие *φελλῆα*, или скалистые пастбища на аттических холмах, были не намного лучше тех, кого мы сейчас встречаем пасущими своих коз в том же регионе.

Марафонская равнина, как всем известно, представляет собой длинную полосу земли в форме полумесяца у берега, окруженную амфитеатром холмов, которую можно удобно пересечь в трех местах, но удобнее всего на юго-западе, по дороге, по которой мы ехали и которая ведет прямо в Афины. Когда афиняне прошли через этот широкий и удобный проход, они обнаружили, что персы высадились на северной оконечности равнины - полагаю, потому, что вода там была достаточно глубокой, чтобы они могли удобно высадиться. Большая часть берега, по мере продвижения на юг, покрыта болотами. Греческая армия, должно быть, двинулась на север вдоль отрогов Пентелика и заняла позицию у северной части равнины. Очевидно, существовала большая опасность, что персы прорвутся через деревню Марафон, расположенную дальше на северо-западе. Если бы они это сделали, то могли бы обогнуть Пентелик и спуститься [pg 199] главную равнину Аттики из долины под Декелеей. Однако, возможно, этот проход тогда охранялся внешним фортом или какими-то оборонительными сооружениями в самом Марафоне. Место битвы абсолютно точно определено большим курганом, на котором был установлен лев, унесенный неизвестно когда и куда. Курган находится ровно в английской миле от крутого склона одного из холмов и примерно в полумиле от моря; когда я его видел, не было никаких трудностей с тем, чтобы пройти прямо к берегу, хотя там протекает река, которая своими заросшими осокой берегами и высокими камышами показывает тенденцию к образованию болотистой местности в дождливую погоду. Но курган расположен так, что если он обозначает центр битвы, то афиняне должны были стоять почти на севере; а если они стояли лицом к морю на востоке, как принято считать, то этот курган должен обозначать место конфликта на их левом фланге. Курган очень большой - предположительно, тридцать футов в высоту - и весь состоит из земли, насколько мы могли видеть, и несет на себе следы того, что его часто разгребали в поисках древностей. Доктор Шлиман, последний исследователь этого места, не смог найти там ничего, кроме доисторических кремневых орудий.

Вид на море с Сороса, Марафон

Как и почти все виды в Греции, вид с этого кургана полон красоты и разнообразия - везде изломанные очертания, везде пятна синего моря, везде тишина и одиночество. Байрон сейчас настолько вышел из моды, о нем больше говорят, чем читают - хотя даже та заметка о нем [pg 200] быстро исчезает, - что я рискну напомнить читателю, какие великолепные вещи он говорил о Греции, и особенно об этой самой равнине Марафона. Он был увлечен своим энтузиазмом, воображая великое будущее, возможное для страны, и полагая, что ее запустение и низкое состояние жителей были просто результатом турецкой тирании, а не многих естественных причин, сговорившихся в течение двадцати веков. Он рисует греческого разбойника или пирата так же, как многие другие рисовали "благородного дикаря", опуская все его низменные пороки. Но, несмотря на все эти недостатки, есть ли на свете человек, который так же, как и он, ощущал трогательные стороны этой прекрасной земли - гробницы древней славы, дома античной мудрости, матери науки, искусства, философии, политики, поборника свободы, предмета зависти персов и римлян, учителя современной Европы? Конечно, это большая потеря для нашего поколения и плохой знак его культуры, что любовь к более современным поэтам отучила их от изучения одного, не менее великого в большинстве отношений, но гораздо более великого, по крайней мере, в одном - в том горячем энтузиазме к национальному делу, в той раскаленной страсти к свободе, которая, даже когда неправильно применяется или тратится на недостойные объекты, всегда является одним из самых благородных и самых волнующих инстинктов высшего человека.

Но Байрону вполне можно простить его бредни о свободе греков, ибо действительно их старый конфликт при Марафоне, где несколько тысяч плохо дисциплинированных мужчин [pg 201] отбили большее число еще хуже дисциплинированных восточных людей, без какой-либо необычной тактики - возможно, даже без какого-либо экстраординарного героизма - как получилось, что этот конфликт сохранил славу, которой не сравнится ни одно из великих сражений мира с того дня и до наших дней? Мужество греков, как я уже [показывал⁷⁷](#), не было на высоте. Геродот хвалит афинян в этой самой битве за то, что они были первыми греками, которые осмелились посмотреть персам в лицо. Их генералы на протяжении всей истории, похоже, никогда не были уверены в победе и всегда старались довести своих

солдат до ярости. Вместо того чтобы советовать хладнокровие, они особенно подстрекают к ярости - ὀργῇ προσιζόμεν, говорит один из них у Фукидида, - как будто любой человек, не находящийся в таком состоянии, обязательно оценит опасность в полной мере и убежит. Действительно, древние сражения были рукопашными и, следовательно, параллельными нашим штыковым атакам, которые, как говорят, очень редко проводятся двумя противоборствующими линиями, поскольку одна из них почти всегда уступает до того, как произойдет столкновение. Это, должно быть, часто происходило в греческих сражениях, ведь в одном из сражений при Амфиполе Брасидас потерял семь человек; в битве при Коринфе, о которой упоминает Ксенофонт - тоже важной битве, - убитых было восемь человек⁷⁸; [pg 202] и эти сражения происходили до тех дней, когда целые армии состояли из наемников, которые щадили друг друга, как говорит Ордерикус Виталис, "из любви к Богу и из доброго чувства к братству по оружию". Таким образом, потеря 192 афинян, включая некоторых выдающихся людей, была довольно тяжелой. Что касается потерь персов, то я настолько не верю греческим рассказам о таких вещах, что лучше обойти это молчанием.

Возможно, большинство читателей удивится, узнав, что в те времена афинская армия была недисциплинированной, а военная наука - неразвитой. Однако я твердо убежден, что так оно и было. Рассказы о сражениях почти всех историков настолько туманны и по-детски условны, что очевидно, что эти господа не только не знали военной науки, но и не могли легко найти того, кто бы им ее объяснил. Мы знаем, что спартанцы - самые восхитительные из всех греческих воинов - были восхищены главным образом тем, что разработали систему подчинения офицеров друг другу в пределах одного отряда, подобно нашей градации от полковника до капрала. Приказы передавались от офицера к офицеру, а не оглашались глашатаем на всю армию. Но это превосходство спартанцев, которые были действительно дисциплинированы и шли в бой [pg 203] хладнокровно, как храбрые мужчины, конечно, не распространялось на стратегию, а было просто вопросом лучшей тренировки. Как только им встречался настоящий стратег, они оказывались беспомощными. Так, Ификрат, разработав план Веллингтона по встрече атакующей колонны в линию и использованию ракет, преуспел против них, даже без огнестрельного оружия: так, Эпаминондас, разработав план Наполеона по сосредоточению войск в одной точке, удерживая линию противника занятой, победил их без значительной борьбы. Что касается великой битвы этого полководца при Мантинее, древнем Россбахе, которая, похоже, действительно была введена в действие сложными стратегическими ходами, мы обязаны нашим частичным знаниям благодаря недоброжелательной помощи солдата Ксенофонта. Но оба полководца были в далеком будущем, когда происходила Марафонская битва.

И все же, что означает вся эта критика? Несмотря на весь скептицизм, несмотря на все презрение, Марафонская битва, плохо или хорошо проведенная, и войска при Марафоне, хорошо или плохо обученные, всегда будут более знамениты, чем любое другое сражение или армия, какими бы значительными или гигантскими они ни были. Даже в этой войне сражения при Саламине и Платее были гораздо важнее и проходили в более жаркой борьбе. Потери были больше, результаты - продолжительнее, и все же о Марафоне слышали тысячи людей, которым другие имена неизвестны. Так много значит литературное мастерство - так много значит способность говорить [pg 204] о своих делах. При Марафоне сражались афиняне; афиняне затмили остальных греков настолько, насколько другие греки затмили весь остальной мир, по литературной мощи. Эта битва стала литературным достоянием города, ее воспевал поэт, цитировал оратор, рассказывала престарелая сиделка, пересказывал заикающийся младенец; и так она заняла свое место, выше всякой критики, как одно из великих решающих сражений, обеспечивших свободу Запада против восточного деспотизма.

Равнина в наши дни совсем без деревьев, и, как заметил полковник Лик, судя по смутному описанию ее эволюции, такой она была и во время битвы. Вокруг большого кургана росло немного кукурузы и других культур, а вдоль берега моря, куда мы отправились купаться, стояло большое стадо коров и волов - зрелище не очень обычное для Греции. Когда мы бросились в мелкую голубую воду, пытаясь доплыть до глубины, мы не могли не вспомнить сцену, когда Кинэгирус и его спутники бросились в воду, чтобы остановить высадку персов. На берегу, который тогда кишел военными кораблями, транспортами, сражающимися и летающими людьми, теперь не было никаких признаков жизни, кроме нас самих в воде и ленивого скота и их молчаливых пастухов, удивленно взирающих на нас; ведь, хотя было очень жарко, стоял только май, а современный грек не считает безопасным купаться по крайней мере до конца июня - как и его итальянский [pg 205] сосед. В проливе не было ни одного корабля или лодки; на побережье Эвбеи не было никаких признаков жизни или населения. Повсюду царило то одиночество, которое так поразило Байрона и которое поражает каждого путешественника в современной Греции. Не было даже ребенка или нищего с монетами и осколками керамики, которые так досаждают на итальянских развалинах и которые в последнее время появились у Парфенона, театра в Аргосе и в некоторых других местах Греции. Мы попросили у пастуха остатки оружия или куски денег: он видел, как подбирают такие вещи, но ничего не знал об их ценности. Лорд Байрон рассказывает, что ему предлагали купить всю равнину (шесть миль на две) примерно за 900 фунтов стерлингов. Это была бы прекрасная спекуляция для антиквара: но я, как и он, удивлен скорее величием, чем малостью цены. Греческое правительство вполне могло бы и сейчас предоставить fee-simple любому, кто заплатит обычные налоги на имущество, которые, как мне сказали, не очень велики. Но все же ревность нации не потерпит иностранного спекулянта.

Я уже говорил (стр. 154) о расположении Дафнийского перевала и о том, как он ведет путешественника через хребет, отделяющий Кефисскую равнину от Триасской. Я также подробно рассказывал о стране около Кефисса, с ее оливковыми лесами и соловьями. Когда мы [pg 206] проезжаем через перевал Дафни, о монастыре которого я расскажу в другой главе, перед нами открывается совершенно новый вид. Мы видим под собой фригийскую равнину, хорошо покрытую созревающей кукурузой и другими культурами; мы видим на дальнем краю залива в форме полумесяца остатки Элевсиса. Позади него и по всему периметру справа до того места, где мы стоим, находится амфитеатр холмов - отроги горы Парнес, которые от Филе тянутся на юг до того места, где мы стоим, и на запад вглубь Фриасийской равнины, пока не встретятся и не спутаются со склонами Китерона, которые простираются на многие мили за Элевсисом. На берегу моря, слева от нас, лежит остров Саламис, расположенный так близко к побережью, что море кажется спокойным внутренним озером, извилисто лежащим между холмами.

Этот вид открывает перед нами многие моменты греческой истории. Мы видим, насколько верным был эпитет "скалистый Саламин", ведь остров, хотя и выглядит очень незначительным на наших картах, содержит высокие горы с очень голыми и скалистыми сторонами. Изучающий греческую географию по картам должен отметить эту особенность. Таким образом, Итака на карте не соответствует реальной Итаке, которая с большинства точек выглядит как высокая и крутая гора, выступающая из моря. Мы также начинаем видеть, как Саламис был одинаково удобен (как говорят ирландцы) и для Мегары, и для Аттики, если учесть, что Элевсис был строго частью Аттики. Гавань Пирея, например, была бы [pg 207] совершенно бесполезной, если бы враг наблюдал за ней из Саламины. Но мы также понимаем смысл старой легенды о том, что в Элевсисе изначально был свой царь или правительство, отличное от афинского, и что эти два города когда-то вели войну друг против

друга. Города находятся всего в нескольких милях друг от друга, но их соответствующие равнины так четко и полностью разделены проходом Дафни, что ни один акр территории Элевсиса не виден из Афин, а Афины - из Элевсиса. И, наконец, мы понимаем, насколько естественным является замечание Фукидида о том, что население Афин, когда лакедемоняне вторглись в Аттику и дошли не дальше Триасийской равнины, не почувствовало ужаса вражеского вторжения, поскольку врага не было видно; Но когда он пересек перевал и начал опустошать Ахарны и Кефисскую долину, тогда, действительно, хотя Элевсис был так же близок и так же принадлежал им, они почувствовали реальность вторжения и впервые были глубоко удручены. Это хороший пример того сочетания отдаленности и близости, которое так характерно для большинства соседних городов Греции.

Саламис с другой стороны залива

Убогая современная деревня Элевсис живописно расположена у моря, на старом месте, и здесь все еще можно увидеть руины не только знаменитого храма Деметры, но и Пропилеи, построенной, очевидно, в подражание храму Мнесикла на Акрополе в Афинах, хотя место расположения как [pg 208] храма, так и Пропилеи в Элевсисе низкое, и ничем не примечательное.

Эти знаменитые руины ужасно изуродованы. Ни одной колонны, ни одной стены не сохранилось, и мы не видим ничего, кроме огромных фрагментов колонн и капителей, а также большой мостовой, все из белого мрамора, вдоль которой отчетливо видны древние колесные колеи. Здесь также есть подземные своды небольших размеров, которые, как рассказывают жители, предназначались для мистерий. Мы, знающие, какие огромные толпы людей там присутствуют, не стали бы доверять этому невежественному предположению; и действительно, мы знали из явных свидетельств, что великая церемония проходила в большом здании, специально построенном для этой цели. Необходимая темнота достигалась путем совершения более торжественных обрядов ночью, а не путем спуска под поверхность земли.

Греческие ученые наконец-то открыли и объяснили весь план храма, который был построен Иктином во времена Перикла, но, очевидно, восстановлен после разрушительного пожара римскими архитекторами, точно копировавшими античный стиль. Раскопки показали, что святилище имело странные особенности. Именно этого и следовало ожидать. Ведь хотя ни один народ не придерживался более строго традиционных форм в своей архитектуре, ни один народ не был более готов модифицировать эти формы с учетом практических требований. Так, как правило, целла, или внутренняя камера храма, вмещала только статую бога и была, соответственно, маленькой и узкой. В храме в Элевсисе была обнаружена большая внутренняя камера размером 59 ярдов на 54, вырубленная в скале в задней части здания и способная вместить большое собрание.⁷⁹ Здесь, как кажется, посвященные - вероятно, высшей степени, *εορτᾱε*, как их называли, - были свидетелями тех служб, "которые приносили им мир в этом мире и блаженную надежду на мир грядущий".

Путь в храм украшали две Пропилеи - одна классического периода, написанная Филоном (311 г. до н. э.), другая, установленная римлянином Аппием Клавдием Пульхером в 48 году. Клавдием Пульхером в 48 году до н. э., после того как вы прошли через первую. Большой храм, возвышающийся на естественной платформе, смотрит в сторону Саламиса и узкой лазурной линии, отделяющей его от суши. Повернувшись налево, когда вы стоите у входа в храм, взгляд блуждает по богатой равнине Элевсиса, которая сейчас усеяна деревьями и окрашена (в апреле) в насыщенный коричневый цвет пахоты и великолепную зелень прорастающей пшеницы. С тех пор как я впервые увидел эту равнину, она многократно преумножила свои богатства, и мы надеялись, что крестьяне пробуждаются к великому рынку, который находится рядом с ними в Афинах. Колея старого священного пути по Триасийской равнине часто видна, так как большая часть морского побережья [pg 210] болотистая, поэтому дорога во многих местах была вырублена вдоль отрогов скалистого холма Дафни. Нынешняя дорога проходит между любопытными солеными озерами (*Rheitoi*) и прибрежными солеными озерами, полными морской рыбы и, очевидно, питаемыми большими природными источниками, так как здесь постоянно имеется сильный отток в безбрежное море. Не знаю, объясняли ли ученые этот природный курьез.

Конечно же, именно знаменитые мистерии - Большая Элевсиния, как их называли, - придают жалкой деревушке Элевсис с ее безнадежными руинами столь глубокий интерес. Этот чудесный праздник, передававшийся из глубокой древности, сохранял свое величественное великолепие на протяжении всех эпох греческой истории, вплоть до времен упадка и ничтожества, когда все остальное в стране стало убогим и презренным. Даже Цицерон, который сам был из посвященных, человек широкой культуры и скептического склада ума, говорит о ней как о великом продукте афинской культуры. "Много прекрасного и божественного, - говорит он⁸⁰, - Афины, как мне кажется, создали и добавили к нашей жизни, но ничего лучше этих Мистерий, с помощью которых мы формируемся и преобразуемся из грубой и дикой жизни в человечность; и действительно, в Мистериях мы постигаем истинные принципы жизни и учимся не только жить счастливо, но и умирать с более справедливой надеждой". Это слова [pg 211] человека, писавшего, как я уже говорил, в дни разорения и прозябания Греции. Можем ли мы тогда удивляться восторженному языку гомеровских гимнов⁸¹, Пиндара⁸², Софокла⁸³, Аристофана⁸⁴, Платона⁸⁵, Исократы⁸⁶, Хрисиппа⁸⁷? Все писатели - религиозный поэт, мирской поэт, скептический философ, оратор - единодушны в отношении этого, величайшего из всех религиозных праздников Греции.

Чем он обязан такому трансцендентному характеру? Не потому, что здесь поклонялись исключительным богам, ведь поклонение Деметре и Коре было старым и широко

распространенным культом по всей Греции, и в разных местах существовали другие Элевсинии. И не потому, что церемония состояла из тайн, скрытых действий и слов, раскрывать которые было нечестиво и которые могли знать только посвященные. Ведь привычка к тайному поклонению практиковалась в каждом государстве, где особым кланам поручались особые тайные службы, о которых не должен был знать никто другой. Даже в обычных домах греков существовали эти мистерии. Это не было связано и с великолепием храма и его убранства, которое никогда не сравнится ни с Панафинеей в Парфеноне, ни с богатством Дельф, ни с Олимпией. Есть только одна разумная [pg 212] причина, и это та, на которой сходятся все наши серьезные авторитеты. Учение, которому учили в Мистериях, было верой, которая открывала надежду на грядущий мир; и которая - не столько как условие, сколько как следствие этого более ясного света, этой высшей веры - делала их лучшими гражданами и лучшими людьми. Этой вере их учили в Мистериях с помощью [символов88](#), молитв и постов, бурных ликований; но, как прямо говорит нам Аристотель, она достигалась не интеллектуальным убеждением, а переходом в новое моральное состояние - фактически, духовным возрождением.

Здесь, таким образом, мы имеем самую странную и поразительную аналогию с нашей религией в греческой мифологии; ведь здесь мы имеем высшую веру, которую публично преподают, - любой человек может представить себя для посвящения, - и преподают не в противовес народному вероучению, а просто углубляя его и демонстрируя обычному мирскому человеку его духовную силу. Вера в богиню Деметру и ее дочь, царицу нижнего мира, была, как я уже говорил, распространена по всей Греции; но даже в наши дни нам говорят, что может быть два вида веры в одни и те же истины - одна головой, другая сердцем - точно [pg 213] так же, как самый прекрасный человек в мире, который верит во все вероучения Церкви, называется неверующим, в высшем смысле, нашими евангельскими христианами; Так и обычный грек, хотя он молился и приносил жертвы в храме Деметры, считался посвященными в мистерии погрязшим в трясине невежества и спотыкающимся в ночи мрака - считалось, что он живет без настоящего света и умирает без надежды, в жалком отчаянии.[89](#)

Храм мистерий, Элевсис

Тот факт, что разглашать тайну было запрещено, не позволил многим писателям, знавшим ее, дать нам какое-либо описание, по которому мы могли бы получить четкое представление об этом удивительном обряде. У нас есть намеки на различные священные сосуды, на различных жрецов, известных под специальными техническими именами; на драматические представления изнасилования Кору и горя ее матери; на ее жалобы перед Зевсом и окончательное примирение. Мы слышим о сценах [pg 214] тьмы и страха, в которых изображалось безнадежное состояние неверующих; о свете и славе, которых достигал обращенный, когда ему наконец открывались глаза на познание добра и зла.

Но все это лишь фрагментарные проблески, как и намеки на доктрины о единстве Бога и об искуплении жертвоприношением. Не осталось ничего ясного и определенного, кроме единодушного вердикта о величии, величии и благоговении этих служб, а также о великом духовном знании и утешении, которые они несли. Сознание вины не было, конечно, впервые преподано в них, но ощущалось в целом, и ощущалось очень остро греческим умом. Эти мистерии были для него Евангелием примирения с оскорбленными богами.

ГЛАВА VIII.

ОТ АФИН ДО ФИВ - ПЕРЕВАЛЫ ПАРНЕС И КИТЕРОН, ЭЛЕВТЕРА, ПЛАТЕЯ.

Ни один студент, глядя на карту Аттики и Беотии, не может осознать глубокого и полного разделения между этими двумя странами. За исключением самой северной оконечности, где укрепленный город Ороп охраняет удобную границу, вся граница состоит не просто из крутых гор, а из параллельных и пересекающихся хребтов и ущелий, в которых действительно есть несколько высокогорных долин, таких как СЕное, но которые, как правило, дикие и бесплодные, легко обороняемые немногими против многих, и совершенно непригодные для размещения любого значительного города или любой развитой культуры. Как я уже говорил, путешественник может проехать через Декелею, а может пройти напрямую через Филею, крепость, которую захватил Фрасибул, когда хотел вновь завоевать Афины со своими демократическими изгнанниками. Историки обычно говорят нам, "что он захватил и укрепил Филе"; это утверждение, которое, судя по всему, вызывает большие сомнения. Совершенно невозможно, чтобы великое городище самой лучшей аттической постройки, которое до сих пор сохранилось и вызывает всеобщее восхищение, могло быть [pg 216] "разгромлено" Фрасибулом и его изгнанниками. Тщательная постройка и огромные размеры здания заставляют нас предположить, что это дело рук богатого государства и продуманный план фортификации. По этим причинам очень маловероятно, что она была построена после времен Фрасибула или что столь важный пункт нападения должен был остаться без охраны во времена великих Афин. Поэтому я убежден, что форт, построенный задолго до этого и являющийся, по сути, одним из известных укрепленных дефов Аттики, был в какой-то степени разобран или пришел в упадок в конце Пелопоннесской войны, но его прочная структура позволила изгнанникам без особого труда сделать его крепким и легко обороняемым.

Это один из тех многочисленных случаев, когда один взгляд на местность устанавливает правильность исторического утверждения, которое веками ускользало от подозрений. Крепость Филе, как и крепость Элевтера, о которой я еще буду говорить, как и крепости Мессены и Орхомена, построена из квадратных каменных блоков, тщательно обтесанных и сложенных вместе без единой частицы щебня или цемента, но так хорошо подогнанных, что они способны противостоять износу веков лучше, чем почти любое другое здание. Месье Эмиль Бурнуф сообщил мне, что в форте в Мегаре, которого я не видел, есть даже многоугольные блоки, неровные и изменяющиеся углы которых подогнаны с такой точностью, что трудно, как в случае с Парфеноном, обнаружить [pg 217] соединения камней. Блоки в этих зданиях отнюдь не такие колоссальные, как в великих руинах в Микене; но подгонка более тщательная, а места, на которых мы их находим, очень возвышенные и с обрывистыми подъемами. Этот стиль строительства особо упоминается Фукидидом (I. 93) как использовавшийся при строительстве стен Пейреуса во времена Фемистокла, очевидно, в противовес грубому и поспешному строительству городских стен. Но он говорит о том, что большие камни были не только обтесаны, но и скреплены хомутами из железа, спаянного со свинцом. Мне неизвестно, чтобы какие-либо следы этого были найдены в оставшихся городищах. Стены Пирея, к сожалению, уже давно почти полностью исчезли.

Путь из Афин в Филе ведет на северо-запад через богатые поля старого дема Ахарне, и мы поначалу удивляемся, почему они так известны как угольщики. Но когда мы приближаемся к

горе Парнес, то обнаруживаем, что долина ограничена участками холмов, не пригодными ни для чего, кроме соснового леса. Огромное количество лесных массивов все еще сохранилось; очевидно, что эти леса были самыми большими и удобными для снабжения Афин дровами или древесным углем. Как обычно, через пересеченную местность, по которой мы поднимаемся, протекает множество лесов и рек, то тут, то там встречаются деревни, а в одном укромном уголке - маленький монастырь, скрытый от мира, если не от его забот. Рядом с тропинкой - обычная греческая растительность [pg 218] tation; не слишком пышная для наших северных глаз, но полная своих собственных цветов - светящиеся анемоны, кроваво-красные маки, нежные цистусы на скалистой поверхности, с листвой скорее серой и серебристой, чем зеленой. Сосны шумят, когда ветерок проносится по долинам, и разносят по воздуху свой энергичный аромат.

Есть что-то невыразимо бодрящее в этом уединении, если это можно назвать уединением, где лес говорит с глазом и ухом и наполняет воображение тайной своих мириад форм. То и дело раздается особый звон колокольчиков, который почти не меняется во всех южных землях, и сообщает о приближении стада коз или козлоподобных овец, сопровождаемых торжественными, молчаливыми детьми, чьи глаза, кажется, не выражают ничего, кроме смутного удивления во взгляде. Это стада какой-то деревни внизу, а не кочевников-влахов, которые берут с собой палатки и собак и разбивают цыганские лагеря в неоккупированной стране.

Наконец мы видим над собой гигантский форт Филе, расположенный на естественном обрыве, который надежно защищает его на протяжении половины пути. Место было выбрано удачно, так как, несмотря на то, что крепость находилась в пределах видимости от Афин и достаточно близко, чтобы стать надежным убежищем для тех, кто мог ночью сбежать и улететь на гору, ее удаленность (около 15 миль) и крутой и изрезанный подъем не позволяли слабым и пожилым людям толпиться в ней и нарушать эффективность гарнизона. [pg 219] С увеличением своих сил Фрасибул начал успешные набеги на равнину, затем стремительно двинулся к Пейрею; в конце концов, как можно прочесть во всех историях, он добился освобождения родного города.

Мы не стали въезжать в Беотию через Филы, предпочтя более длинный путь через Элевсис. Но не успели мы покинуть Элевсис, как начали подниматься по пересеченной местности, которая является предисловием к диким горным перевалам Китерона. В Греции очень трудно найти место, где начинается одна горная цепь и заканчивается другая. Обычно есть одна высокая вершина, которая обозначает целую цепь или систему гор, и в честь которой эта система называется; но все более близкое определение кажется потерянным из-за огромного количества хребтов и точек, которые нагромождаются на вид во всех направлениях. Так, цепь Парнеса, оттолкнувшись от юга, разделяет Афинскую и Фриазийскую равнины, огибает последнюю в виде амфитеатра и соединяется с системой Китерона (Китерона), которая тянется почти параллельно Парнесу. Простой взгляд на хорошую карту объясняет эти вещи, дополняя простое описание. Единственное, на что следует обратить особое внимание, - это то, что вся область, где равнина не названа прямо, состоит из изломанных горных хребтов и скалистых дефиле, так что ее можно с полным основанием назвать [pg 220] альпийской страной. Попутчик, недавно побывавший в Норвегии, постоянно поражался ее сходству с норвежскими нагорьями.

Я упомяну еще только один факт, который иллюстрирует последующую изоляцию. На Афинской равнине есть река Кефисс. Как только мы пересекаем Дафнийский перевал, у нас есть еще одна Кифисса на Триасийской равнине. В одном дне пути, или почти в одном, есть еще один Кефисс, теряющийся в озере Копайс, неподалеку от Орхомена. Это повторение

одного и того же названия показывает, как мало общаются люди в этой стране, как мало они путешествуют и как нет никакой опасности спутать эти одинаковые названия. Такой пустяковый факт очень ярко иллюстрирует изоляцию, которую создают греческие горы.

Из Афин в Фивы ведет хорошая дорога - необычное явление для Греции, - и мы смогли ехать на четырех лошадях, что в былые времена показалось бы великолепным. Но, как ни странно, старая греческая мода ездить на четырех лошадях в ряд, две из которых были привязаны к столбу, а две - к аутригерам, или *παράσειροι*, как их называли, исчезла из Греции, в то время как в Южной Италии она все еще сохранилась. С другой стороны, греки - более смелые водители, чем итальянцы, они действительно храбрее во всех отношениях, и, когда есть дорога, обычно поддерживают очень быстрый темп.

Как обычно, местность была покрыта кустарником [pg 221] деревья и множеством старых сплетенных елей, на стволах которых повсюду виднелись большие раны от топора, которым добывали смолу для ароматизации вина. Редкие стада коз с их своеобразными, тускло звенящими колокольчиками - колокольчиками, которые одинаково звучат по всей Калабрии, на Сицилии и в Греции, - были единственным признаком человеческой оккупации или населения. Но когда ищешь дома, то не видишь ничего похожего на стены или крыши, кроме случайной станции, где всего несколько лет назад жили солдаты, чтобы охранять дорогу от разбойников. Наконец мы наткнулись на лагерь влахских пастухов, напоминающий скорее цыганский табор, чем что-либо другое: несколько темно-коричневых шкур, наброшенных на два вертикальных шеста, образуют палатку в форме крыши, вход в которую выглядит абсолютно черным и выделяется на фоне пейзажа. Ночью в этих палатках можно только лежать, и, полагаю, в летнюю погоду большинство этих диких пастухов не снисходят даже до такого укрытия.⁹⁰

Через несколько часов езды мы достигли травянистой ложины, затененной большими платанами, где одинокий маленький публичный дом - если можно так назвать это строение [pg 222] - пригласил нас остановиться, чтобы напоить лошадей и поближе рассмотреть хозяина. Здесь было все, как обычно в таких местах: красное и белое вино в маленьких бочонках, отличная пресная вода и лукумия, или турецкое лакомство. На поясе хозяина висели не только ножи и пистолеты, но и живописнейшая коллекция мечей и пистолетов, сделанных по турецкой моде, с украшенными рукоятками и рукоятками, выглядевших так, будто они могут быть опаснее для спортсмена, чем для его дичи. Пока нас обслуживал этот дикий человек, в этом подозрительном месте - на самом деле оно выглядело как место ежедневного пребывания разбойников - его жена, симпатичная молодая женщина, одетая в обычные тусклые синие, красные и белые одежды, исчезла через черный ход и спряталась среди деревьев. Этот страх быть замеченным незнакомцами - несомненно, вызванный ревностью мужчин и, возможно, восточным колоритом страны - является яркой чертой большинства районов Греции. Говорят, что это пережиток турецкого влияния, но мне кажется, что оно лежит глубже и является даже отголоском старых греческих времен. Такое же чувство преобладает в большинстве районов Сицилии. В городах редко можно увидеть дам на улицах, а по вечерам, за исключением тех случаев, когда публика возвращается из театра, можно увидеть только мужчин.

Покинув это место отдыха около одиннадцати утра, мы не встретили ни деревни, ни даже [pg 223] одинокого дома, пока не пересекли Ситерон после шести вечера и не увидели современную деревушку Платея на склоне слева от нас. Но раз или два в течение дня по извилистой дороге пробирались вереницы из четырех или пяти мулов с яркими, богато украшенными коврами на деревянных седлах, на которых сидели мужчины в еще более яркой одежде. Звон колокольчиков мулов и дикие турецкие напевы мужчин были приятным

дополнением к однообразной тишине путешествия. Постепенно дорога становится все более дикой и крутой, хотя часто спускается вниз, чтобы пересечь тенистую долину, которая открывается направо и налево, в длинном, узком проходе, и показывает голубые далекие холмы других горных цепей. В одной из этих долин мы увидели СЕное, окраинный дем Аттики, укрепленный в периклийские времена, на который, как рассказывает Фукидид, напала пелопоннесская армия и не смогла его взять при вторжении в Аттику в начале войны. В этой долине, недалеко от дороги, есть две или три крепкие квадратные башни, но они ничуть не похожи на старые греческие форты и совершенно не способны удержать гарнизон. Место совершенно неподходящее, и, похоже, здесь нет никаких остатков города, обнесенного стеной.

Эти факты заставили меня задуматься над повествованием Фукидида, который, очевидно, говорит о СЕное как о пограничном форте Аттики, но ни слова не говорит об Eleutheræ, который на самом деле является границей, большим фортом и ключом к перевалам Китерона. [pg 224] Первое решение, которое напрашивается само собой, заключается в том, что современные греки дали неправильные названия этим местам, и что под СЕное Фукидид действительно имел в виду место, известное сейчас как Eleutheræ.⁹¹ И самое главное, если форт, который сейчас там находится, существовал в начале Пелопоннесской войны, он не мог упустить его в своей военной истории кампании. И все же кажется несомненным, что мы должны отнести строительство этого форта к эпохе величия Афин, когда аттическое влияние было главным в Беотии и когда афиняне могли в свое удовольствие и без помех построить этот форт, который контролирует проходы в Аттику, прежде чем они расходятся по различным долинам, примерно в районе так называемого СЕное.

Ибо, начиная от Фив, склон Китерона представляет собой один непрерывный подъем до хребта, через который, почти над деревней Платея, проходит просека, естественно указывающая на перевал. Но когда путешественник поднимается от Фив до этой точки, он находит крутой спуск в гористую и изломанную местность, где он должен выбирать между ущельем справа или слева, и должен блуждать зигзагами среди гор, чтобы найти свой путь [pg 225] в сторону Афин. И хотя я не исследовал точно все проходы, было совершенно очевидно, что, как только первое ущелье осталось позади, захватчик мог найти различные способы ускользнуть от защитников Аттики и проникнуть на Триасскую равнину или, через Филе, в Афины. Соответственно, афиняне выбирают необычайно прочную позицию, как раз внутри последнего венчающего подъема, где сходятся все пути, чтобы пройти по гребню горы в Платею. Здесь огромная скала, расположенная между горами с каждой стороны, стремится как бы преградить путь, который, соответственно, разделяется, как русло потока, и проходит по обе стороны, вплотную под стенами форта, занимающего вершину скалы. С этой точки вершина перевала находится на расстоянии примерно двух-трех миль и хорошо видна, так что стоящий там форпост, с которого открывается вид на всю Фиванскую равнину, мог бы с достаточным уведомлением сообщить о любом приближении к форту.

Положение форта в Филе, описанное выше, очень похоже. Он находится в миле от вершины перевала, на аттической стороне, в пределах видимости Афин, и при этом достаточно близко, чтобы принимать разведчиков с вершины и противостоять любому внезапному нападению. Ни одна сила не могла вторгнуться в Аттику, не оставив больших сил для ее осады.

Если смотреть назад в Аттику, то видна вся гористая местность СЕное; и, хотя сейчас мы не можем сказать, какие именно точки были выбраны, [pg 226] нетрудно найти несколько, которые могли бы легко передать сигнал из Элевтерии в Дафну, а оттуда в Афины. Мы знаем, что огненные сигналы широко использовались греками, и здесь мы видим случай, когда

новости могли быть переданы по телеграфу за несколько мгновений на расстояние около тридцати миль по очень труднопроходимой местности. Между тем, поскольку помощь могла прибыть нескоро, форт был такого размера и прочности, чтобы вместить большой гарнизон и остановить любую армию, которая не могла позволить себе замаскировать его, оставив там значительные [силы](#)⁹².

Место, конечно, было старым, и название Eleutheræ, если оно правильно применено к этому форту, указывает на время, когда какое-то горное племя поддерживало здесь свою независимость от правительств по обе стороны равнины, откуда это место называлось "Свободным", или Либертис (как мы имеем термин в Дублине). Еще одним доказательством этого является небольшой форт неправильной формы, который был возведен почти в центре более крупного и позднего ограждения. Этот старый форт многоугольной кладки, очень уступающий другим, превратился в руины, в то время как более поздние стены и башни во многих местах совершенны. Внешняя стена соответствует характеру позиции, принцип заключается в том, чтобы везде найти крутой спуск от укрепления, чтобы штурм был очень трудным. С северной стороны, где скала пре [pg 227] ципитная, стена идет по прямой линии; в то время как с южной стороны, над современной дорогой, она опускается вниз по склону и делает полукруглый взмах, чтобы увенчать самую крутую часть более пологого подъема. Таким образом, вся ограда имеет форму полумесяца. Но если прямая стена почти цела, то изогнутая сторона во многих местах развалилась на куски. Здание - самое совершенное из всех, что я когда-либо видел, построено из квадратных тесаных камней, очевидно, добытых на самой скале. Сохранившаяся стена имеет около 200 ярдов в длину, шесть с половиной футов в ширину и, по-видимому, не более десяти или двенадцати футов в высоту; но с интервалом в двадцать пять или тридцать ярдов расположены семь башен, вдвое превышающих глубину стены, а путь вдоль крепостной стены проходит прямо через них. В каждой башне есть дверной проем с внешней стороны, а рядом с ним - дверной проем в стене, несколько больший по размеру. Эти дверные проемы, сделанные с помощью огромной перемычки длиной около семи с половиной футов, уложенной на проем в здании, края которой очень гладко и аккуратно обрезаны, по большей части абсолютно безупречны. Поскольку я не увидел никаких признаков дверных косяков или засовов - эта особенность до сих пор заметна на всех храмовых воротах, - очевидно, что в этих дверных проемах были установлены деревянные двери и дверные косяки - опасная форма защиты, если бы входы не были сильно защищены башнями, расположенными рядом с ними и над ними. Рядом с некоторыми из башен [pg 228] находились лестницы, ведущие от вершины стены наружу. Вся крепость такого размера, чтобы в ней мог поместиться не только гарнизон, но и стада и отары окрестных пастухов в случае внезапного и опасного вторжения; и это, несомненно, было главным намерением всех старых крепостей в Греции и других странах.⁹³

День был, как обычно, очень жарким и прекрасным, а холмы - того прекрасного пурпурно-голубого цвета, который сэр Ф. Лейтон так хорошо передал на заднем плане своих греческих картин; но легкий ветерок время от времени нагонял облака на солнце, и пейзаж менялся, приобретая более глубокие оттенки. Над нами с каждой стороны возвышались благородные скалы Ситерона с их серыми камнями и разлапистыми елями. Далеко внизу яркий горный поток мчался через проход в Аттику; вокруг нас возвышались великие стены старых греков, сложенные с той симметрией, красотой и силой, которая отличает все их работы. Массивные башни теперь защищают бесплодную скалу; заграждение, видевшее столько дней войны и грабежей, лежало открытым и пустынным; все население исчезло много веков назад. Здесь по-прежнему царит свобода и покой - но свобода и покой одиночества.

Немного проехав от Элевтеры, мы оказались на вершине [перевала94](#), и перед нами внезапно открылся один из тех видов Греции, которые, когда мы думаем о них, заставляют нас сомневаться в том, чего в них больше - поучительности или восторга. Перед нами расстилась вся равнина Фив, а за промежуточным хребтом - равнина Орхомена с его сверкающим озером. Места всех знаменитых городов были легко узнаваемы. Только Платея находилась прямо под нами, на склонах горы, и пока была скрыта ими. План всей Беотии открывался с большой отчетливостью - две значительные равнины, разделенные невысоким хребтом и окруженные со всех сторон цепями гор. На севере - скалистые холмы, вдающиеся в Копайское озеро со стороны Эвбейского пролива, которые природа пробила еще до начала истории при помощи минийских инженеров, чьи катаβότρα, как их называли, были прорытыми стоками, отводящими воду с тысяч акров богатейшей земли. На востоке, где мы стояли, находился мрачный Ситерон - место ужасных мифических преступлений и диких шанальских оргий, тема многих великолепных поэм и многих поразительных трагедий. На юге возвышались остроконечные вершины Геликона - горы (или горной цепи), полной сладости и света, с множеством серебряных потоков, стекающих по ее склонам, чтобы оросить беотийские равнины, и с ее долинами, домом Муз с тех пор, как они вдохновляли бардов Аскры, и домом Эроса, который долгое время после того, как реальность веры угасла, почитался в Феспии толпами посетителей, поднимавшихся посмотреть на знаменитую статую бога работы Праксителя. Этот Геликон отделяет Беотию от южного моря, но не смыкается полностью с Китероном, оставляя путь для армии, идущей с перешейка, где стояла Лектра, чтобы охранять вход. Напротив нас, на западе, лежали, нагромождаясь друг на друга, темные дикие горы Фокисы с гигантом Парнасом, возвышавшимся над остальными своими покрытыми снегом плечами. Но вдалеке возвышался снежный Коракс из Этолии и показывал нам, что Парнас - это лишь передовой отряд дикой альпийской страны, которая даже в Греции оказалась слишком суровой кормилицей для культуры.

Мы спустились на полном скаку по извилистой дороге - очень рискованная поездка; но кучер был смел и нетерпелив, и мы, несмотря на опасность, ощущали тот особый восторг, который сопровождает волнение от стремительной езды. Еще более опасный [pg 231] опыт мы испытали, спускаясь в поезде по крутому и извилистому спуску с Лаврийских рудников в Эргастерию, где резкие повороты, очевидно, были сопряжены с серьезным риском. Над нашими головами кружили грифы - огромные птицы, почти черные, с худыми, лишенными перьев головами, что еще больше усиливало дикость происходящего. После этого стремительного путешествия мы наткнулись на место Платеи, отмеченное современной деревней с таким названием, слева от нас, а внизу мы увидели извилистый Асопус и великую сцену одного из самых известных греческих сражений - битвы при Платее. Этот маленький городок расположен гораздо выше в гору, чем я думал, и один взгляд показал нам его бесценное положение как форпоста афинской власти в Беотии. С вершины перевала, расположенного в часе ходьбы, жители Платеи могли со своих улиц наблюдать за каждым движением на Фиванской равнине: они могли видеть вторжение с юга, идущее через Лиуктру; они могли видеть войска, марширующие на север к Танагре и Иднофиту. Они могли даже заглянуть в фиванскую Кадмею, которая лежала далеко под ними, и телеграфировать с вершины перевала в Элевтерию, а оттуда в Афины. Поэтому мы сразу понимаем, какое значение имела Платея для Афин, и почему афиняне построили мощный укрепленный пункт на самой границе, в непосредственной близости от нее.

Все место великой битвы хорошо обозначено и известно - фонтан Гаргафия, так называемый [pg 232] остров, и Асопус, лениво текущий в глубоко врезанном осокой канале, в

большинстве мест слишком глубоком, чтобы его можно было перейти вброд. Над нашими головами все еще кружили большие черные грифы; но, когда мы приблизились к равнине, мимо нас пролетел большой черно-белый орел, которого мы не видели в Аттике. Между Платеей и Фивами есть немного сельскохозяйственных угодий, но они странным образом чередуются с дикой природой. Нам сказали, что у людей много свободной земли, и они, не заботясь о том, чтобы трудиться над ее искусственным улучшением, обрабатывают участок один раз, а затем оставляют его лежать под паром на сезон или два. Таким образом, природное богатство беотийской земли обеспечивает им обильные урожаи. Но мы с удивлением думали о том, как невозможно даже на этих богатых и благоприятных равнинах побудить население к большей численности.

Вопрос о депопуляции Греции не нов - он не связан с набегами славян, не связан с турецким произволом. Как только политические свободы Греции исчезли, и национальный талант не нашел применения в местном управлении, как только богатства Азии были открыты для греческого предпринимательства, население сократилось с удивительной быстротой. Все поздние греческие историки и путешественники согласны с этим фактом.⁹⁵ "Вся Греция не могла выставить на поле боя, - говорит один из них, - столько воинов, сколько приходило издревле из одного города". "Из всех знаменитых городов Беотии, - говорит другой, [pg 233] , - сохранились только два - Феспий и Танагра". Остальные в основном описываются как руины (ἔρεῖπτα). Несомненно, каждый молодой предприимчивый парень отправлялся в Азию в качестве солдата или купца; и этот вкус к эмиграции сохранился в роду до сегодняшнего дня, когда большая часть бизнеса Константинополя, Смирны и Александрии находится в руках греков. Но, помимо этого, сама раса, похоже, в определенный период стала менее плодотворной; и это тоже примечательная особенность, сохранившаяся до наших дней. В нескольких гостеприимных домах, в которых меня принимали по всей стране, я тщетно искал детей. Молодые замужние дамы держали своих матерей, чтобы те составляли им компанию, и это было обычной привычкой; дочь не желает расставаться с матерью. Но, по любопытному совпадению или нет, отсутствие детей в этих семи или восьми домах было весьма примечательным. С тех пор меня уверяли, что это случайность, и что большие семьи очень распространены в Греции. Статистика показывает значительный рост населения в последние [годы](#)⁹⁶.

Вечером мы въехали в Фивы - город, который, как никакой другой, сохранил самые незначительные остатки древности. Даже место, где находилась Кадмея, нелегко различить. Два или три холма в городе и вокруг него одинаково незначительны, [pg 234] и все одинаково пригодны, надо думать, для крепости. Однако обнаружение старых фундаментов стен решило этот вопрос и определило место, где находилась самая высокая часть нынешнего города. Его мощь, которая была знаменита, должна была быть почти полностью обусловлена искусственными укреплениями, поскольку, хотя старый город находился в более глубокой долине на северо-западе, с другой стороны никогда не было подъема, достаточно крутого, чтобы быть естественным валом. Старый город, несомненно, всегда славился больше едой и питьем, чем искусством или [архитектурой](#)⁹⁷, а его кратковременное господство при Эпаминондасе было слишком напряженным и слишком коротким, чтобы заниматься подобными делами. Но, помимо всего этого, и помимо всех разрушений от ярости Александра, это место несколько раз посещали самые разрушительные землетрясения, от последнего из которых (в 1852 году) оно еще не оправилось, когда я впервые увидел его. На улицах еще можно было увидеть разорванные дома и пошатнувшиеся стены, провалы, образованные руинами, и полуразрушенные магазины.

Древности Фив состоят из нескольких плит и фрагментов с надписями, которые (как обычно) собраны в темной пристройке, где их нелегко разобрать. Мне не составило труда прочитать [pg 235] эти надписи, так как в этом деле антиквары Афинского университета действительно очень ревностны и компетентны, и я сомневаюсь, чтобы какая-нибудь обнаруженная сейчас надпись не попала в греческие газеты в течение нескольких месяцев. Из них они, конечно, переходят в *Corpus Inscriptionum Græcarum*, коллекцию, которая ежедневно пополняется и периодически переиздается. Могу заметить, что не только для нравов и обычаев, но даже для истории эти неоспоримые и редко вызывающие подозрения источники быстро становятся нашим самым надежным и даже самым полным авторитетом.

По мнению жителей, самое важное в городе - это гробница евангелиста Луки, которая находится в часовне неподалеку. Камень отполирован и истерт ногами и губами паломников, и все такие дома долгой преданности сами по себе интересны; но посетитель может удивиться, что евангелист установил свою гробницу в таком совершенно упадочном и обезлюдившем месте, каким была Фиваида даже в его дни. Гробницы первых проповедников и миссионеров чаще всего находились в гуще улиц, среди шума и людских разборок. Евангелиста путали с более поздним местным святым с тем же именем.⁹⁸

Фивы отличаются прекрасным водоснабжением. Кроме фонтана Дирке,⁹⁹ несколько [pg 236] других больших источников бьют на возвышенностях неподалеку от города, и по старым греческим каналам из мрамора попадают в город. Один из этих источников был достаточно велик, чтобы мы могли искупаться, что очень освежило нас после долгой и жаркой поездки в карете, особенно в ледяной воде, вытекающей из его глубокого укрытия. Мы вернулись в восемь часов вечера, чтобы поужинать у нашего замечательного хозяина - его нам предоставили по телеграфу из Афин, - где у нас было достаточно возможностей заметить некоторые особенности современной греческой жизни.

В тот момент предстояли всеобщие выборы. М. Булгарис только что, как говорят французы, вышел из игры; и король, после кризиса, когда ожидался разрыв конституции, решил попробовать провести конституционный эксперимент и призвал к власти М. Трикупи, передового радикала тех дней и решительного противника правительства. Но М. Трикупи был высокообразованным и разумным человеком, хорошо знакомым с Англией и английской политикой, и, очевидно, стремился к управлению строго конституционными методами. С тех пор он зарекомендовал себя, благодаря своему умелому и энергичному управлению, одним из самых выдающихся государственных деятелей в Европе и главной причиной прогресса своей страны. Поэтому его недавнее поражение (1890 год) следует рассматривать как национальное несчастье. Наш новый друг в Фивах был тогда [pg 237] кандидатом от радикалов и как раз в момент нашего приезда проводил агитацию в своем избирательном округе. Каждый праздный человек в городе, казалось, считал своим долгом подняться в его гостиную, где мы отдыхали, и сесть, чтобы ободрить его и посоветовать ему. Никакие намеки на то, что он занят развлечением незнакомцев, не возымели ни малейшего действия: шумная политика довлела над нами до долгожданного объявления об ужине, на который, как ни странно, его избиратели не последовали. Он сказал мне, что, хотя вся страна решительно поддерживает месье Трикупи, он вряд ли может с уверенностью рассчитывать на большинство, поскольку решил предоставить выборам идти своим чередом, а не контролировать их с помощью солдат. В этой самой конституционной стране с ее свободой, как обычно, подражавшей Англии, солдаты, по крайней мере до лета 1875 года, стояли вокруг избирательных участков и выгоняли всех, кто не приходил голосовать за кандидата в министры. М. Трикупи отказался от этой традиционной меры предосторожности и, как показал результат, потерял свое уверенное большинство.

Но когда я был там, еще до того, как состоялись выборы, радикальная партия была очень уверена в себе. Они не только должны были прийти с триумфом, но и первым их действием должно было стать судебное преследование покойного премьер-министра М. Булгариса за нарушение Конституции и его осуждение на каторжные работы с конфискацией имущества. Я имел обыкновение серьезно отстаивать интересы бедняка перед этими вспыльчивыми [pg 238] политиками, чтобы развлечься, и был весьма назидателен их аргументами. Дамы, как обычно, были самыми свирепыми и готовы были, как их богиня в старину, съесть сырую плоть своих врагов. Я часто спрашивал их, не будет ли совершенно безвкусным, если мистер Дизраэли, находившийся тогда у власти, возбудит против мистера Гладстона дело о нарушении Конституции в его законе об ирландской церкви и приговорит его к каторжным работам. Они ответили, что это совершенно разные случаи. Ни один англичанин никогда не сможет достичь или даже понять безрассудства покойного греческого министра. Почувствовав, что в этом аргументе есть какая-то сила, я сменил позицию и спросил, не боятся ли они, что если его будут преследовать столь жестоким образом, то он, вместо того чтобы занять скамьи оппозиции, отправится на горные перевалы и, ограбив нескольких английских путешественников, так дискредитирует новое правительство, что в оппозиции он будет хуже и опаснее, чем у власти. Нет, говорили они, он этого не сделает, он слишком богат. Но, сказал я, если вы конфискуете его имущество, он станет бедным. Верно, отвечали они, но все равно он не сможет этого сделать: он слишком стар. Казалось, мысль о том, что он может быть слишком уважаемым, никогда не приходила им в голову.¹⁰⁰ Каково же было мое удивление, когда через полгода [pg 239] я узнал, что этот ужасный преступник снова пришел к власти во главе значительного большинства!

Впоследствии один язвительный наблюдатель сообщил нам, что многие греческие политики - нищие, "которые не хотят копать, а попрошайничать им стыдно", и поэтому они сидят в афинских кафе в поисках одного из 10 000 мест, которые были придуманы для покровительства министерства. Но так как ожидающих около 30 000, то 20 000 разочарованных постоянно работают, пытаясь вывести из строя 10 000. Отсюда кризис каждые три месяца; отсюда греческий посол едва успевает добраться до места назначения, как его отзывают; отсюда же исход всех бережливых и трудолюбивых людей в Смирну, Александрию или Манчестер, где их энергия не тратится на вечные политические дразги. Самым большим проступком, в котором можно было обвинить человека, занимающего должность, было пребывание на ней в течение длительного времени; тогда вся общественность объединялась против него и кричала, что ему давно пора, после столь долгого пребывания на посту, освободить место для кого-то другого. Только после того, как М. Трикупи утвердился на своем посту, это нелепое положение вещей прекратилось. Независимо от того, находится ли он у власти или в оппозиции, он проводит свою политику и сохраняет доверие иностранных держав". В первом издании этой книги я добавил несколько [pg 240] дополнительных замечаний по поводу очевидной нелепости введения британской конституции или ее пародии в каждом новом государстве, которое спасается от варварства или деспотизма. Я ни в малейшей степени не склонен отказываться от своих слов в целом, но справедливо будет сказать, что последующие события показывают грекам, что они являются одной из немногих наций, где такой эксперимент может быть успешным. Когда наступил опасный кризис турецко-русской войны, вместо того чтобы броситься к оружию, как им советовали некоторые фанатичные английские политики, они занялись реформой своего министерства; и, чувствуя опасность постоянной смены людей у руля, они настояли на том, чтобы главы четырех главных партий образовали коалицию под номинальным руководством М. Канариса¹⁰¹. Этот великий политический шаг, один из самых примечательных в наши дни, был предпринят, насколько я могу судить, под сознательным давлением страны и из твердой заинтересованности в ее благополучии. Даже если в данном случае она была

временной, она свидетельствовала о том, что греки учатся национальной политике и что либеральная конституция не пропадает для них даром. В Европе есть много гораздо более развитых и важных наций, которые [pg 241] не способны на такое самопожертвование партийных интересов и партийных амбиций.

Мы покинули Фивы, очень довольные тем, что увидели их, но не очень любопытные, чтобы увидеть их снова. По своему местоположению он, очевидно, является естественной столицей окружающей его богатой равнины; кроме того, мы сразу видим, как более крупная и богатая равнина Орхомена отделена от него отдельной возвышенностью и, естественно, в давние времена была резиденцией отдельной державы. Но разделение между этими двумя районами, которое даже не так круто и хорошо обозначено, как легкий проход Дафни между Афинами и Элевсисом, также ясно дает понять, что владельцы любой из равнин непременно обратили бы свой взор на владения соседей, и поэтому в раннюю эпоху Орхомен был покорен. По многим причинам это могло стать катастрофой для Греции. Орхоменские минийцы, как люди называли старых вельмож, поселившихся там в доисторические времена, были большим и богатым обществом, строили крепости и сокровищницы и славились богатством и великолепием даже во времена Гомера.

Но, возможно, именно благодаря этой роскоши они были покорены бесхитростными и вульгарными фиванцами, которые за века своего могущества и значимости так и не достигли величия, кроме как благодаря трансцендентному гению Пиндара и Эпаминондаса. Их город никогда не был по-настоящему велик. Когда люди приезжали издалека, чтобы посмотреть на искусство в Беотии, они приходили в [pg 242] маленькую Феспию, на южных холмах, где Эрос Праксителя был гордостью горожан. Танагра, в терракотах, о которых я говорил (выше, [стр. 59](#)), также демонстрирует вкус и утонченность; и мы все еще с сочувствием смотрим на странно современные моды этих изящных и элегантных фигур. В Фивах, насколько мне известно, никаких следов изобразительного искусства пока не обнаружено. Огромная подконструкция Кадмеи, массивные мраморные трубы водоводов, несколько надписей - вот и все. Это подтверждает то, что мы находим в средней и новой комедии греков: Фивы были местом для еды и питья, местом для других грубых материальных удобств, но не местом для настоящей культуры или искусства. Даже их великий поэт, Пиндар, поэт, в котором большинство критиков находят все самые высокие качества гения - возвышенность, смелость, оригинальность, - даже этот великий человек - несомненно, из-за случайностей своего возраста - работал по найму и торговался за оплату своих самых благородных од.

Таким образом, даже в Пиндаре есть что-то, что напоминает нам о его фиванской вульгарности; и поэтому тем более замечательно, и тем более свободно следует признать, что в Эпаминондасе мы не находим ни одного изъяна или недостатка, и что он выделяется как самый благородный из всех великих людей, которых когда-либо производила Греция. Можно утверждать, что он был и самым великим, но это вопрос мнения и споров. Несомненно, что его влияние сделало Фивы на время не только лидером в греческой [pg 243] политике, но и лидером в греческом обществе. Те из его друзей, которых мы знаем, кажутся не только патриотами, но и джентльменами - они занимались с ним музыкой и красноречием, не презирали философию. Так верно, что на этом удивительном полуострове гений казался возможным повсюду, и что из самого малокультурного и вульгарного города мог появиться человек, заставивший весь мир восхищаться и трепетать перед ним.

Я сделаю еще одно замечание об этой равнине Беотии. Ни в одной части Греции нет столь печальной славы за все битвы, в которых была запятнана ее земля. Древние называли ее Оркестром Марса, или площадкой для упражнений; и даже сейчас, когда вся прежняя жизнь угасла, а на месте некогда хорошо построенных городов не осталось ни одной лачуги, мы

можем спросить: почему эти города были знамениты? Просто потому, что в древнегреческой истории их названия служили указанием на место резни, где была проиграна или выиграна кампания или, возможно, империя. Платея, Лектра, Галиартус, Коронея, Херонея, Делиум, СЕporphyta, Танагра - в истории это вехи сражений, и, за одним исключением, вехи, не значащие ничего больше. Фивы - это, в основном, родина воинов, которые сражались в этих битвах, и не более того. Итак, мы не можем сравнивать Беотию с богатыми равнинами Ломбардии - они тоже в своей глине, да, и в наше время, оркестр Марса - но здесь литература и искусство дали славу городам, а битвы [pg 244] у их стен были забыты миром.

Признаюсь, мы не увидели ничего похожего на туманную атмосферу, которую так часто сравнивают с климатом Беотии. И все же тогда, конечно, было туманнее, чем в прежние времена, потому что тогда озеро Копайс было осушено, тогда как в 1875 году старые туннели, прорубленные, или, скорее, расширенные, Минье, засорились, и тысячи акров богатейшей земли покрылись болотами и озерами. Именно М. Трикупи продвигал план французской компании осушить озеро более полно, чем это сделала даже старая Катаботра, и, затратив менее миллиона стерлингов, ввести в постоянную культивацию несколько тысяч акров земли - фактически, самую большую и богатую равнину во всей Греции. Я спросил его, где он собирается найти население для ее обработки, ведь нынешней земли в десять раз больше, чем достаточно для жителей. Он сказал мне, что некоторые греческие колонисты, поселившиеся на севере под властью турок или сербов (не помню, кого именно), желают вернуться, чтобы насладиться сладостями эллинской свободы. Было предложено отдать им отвоєванный участок. Если эти добрые люди рассудят по аналогии, они не станут доверять свою судьбу своим старым соотечественникам. Пока они неимущие, их не будут беспокоить - *antabit vacuus coram latrone viator* - но как только они процветают или предполагается, что они процветают, может повториться история с Лавром. [pg 245] Туземцы могут подняться на борьбу с чужеземцами, пришедшими грабить землю с богатствами, предназначенными природой для других. Греческий парламент может быть убежден в необходимости принятия ретроспективных законов и ограничений, и, вероятно, все более активные и нетерпеливые духи покинут страну, где процветание подразумевает преследования, и где люди осознают ценность своего имущества только после того, как продадут его другим.

То, что происходит сейчас, иллюстрирует взгляды, которые я давно предлагал. Когда в результате дренажных работ, завершенных в 1887 году, были открыты богатые участки, правительство предъявило претензии на каждый акр и попыталось отгородиться от старых владельцев. Те, в свою очередь, оспаривали новые границы и претендовали на то, что, по их словам, было открыто правительством. Поэтому продажа новым владельцам пока невозможна. Спор до сих пор (1891 год) не разрешен.

Я думаю, что ревность - не случайная черта, а специально заложенная в структуру греческой природы с самых ранних времен. Ничто не может быть более ярким и убедительным доказательством этого, чем то, как Геродот описывает ревность как один из атрибутов божества. Ибо божества всех народов, будучи представлениями, сформированными по аналогии с окружающей их человеческой природой, не могут сомневаться в том, что честный историк записал ее как необходимый фактор в ход и конституцию [pg 246] природы. Мы можем понять историю Греции, только постоянно помня об этом, и даже сейчас это объясняет кажущуюся аномалию: как нация, столь по сути демократическая, не признающая ни знати, ни ранговых различий, может довольствоваться царем чужой расы. Они сами говорили мне, снова и снова, что причина в следующем: ни один грек не может терпеть над собой другого народа, так что даже такая должность, как президент Греческой Республики, была бы невыносима, если бы ее занимал кто-то из них самих. И это же чувство в старые

времена было истинной причиной смертельной ненависти, проявляемой к самым умеренным и гуманным деспотам. Каким бы способным, добрым, великим ни был такой деспот, как бы ни процветало при нем государство, одно в нем было невыносимо - он не имел естественного права быть выше своих собратьев, и все же он был выше. Я не стану отрицать существование политического энтузиазма и настоящего патриотизма среди греческих тираноборцев, но я совершенно уверен, что всеобщая симпатия нации к ним отчасти основывалась на этом глубоко укоренившемся чувстве.

Говорят, что в другом любопытном отношении старые и современные греки очень похожи - я имею в виду форму, которую подкуп принимает в их политической борьбе. Мистер Фримен уже отмечал и обсуждал, что у старых греков подкупали именно политиков, а не избирателей; в то время как у нас в Англии ведущие политики [pg 247] вне подозрений, а избиратели часто бывают достаточно коррумпированы. Наш фиванский друг сказал мне, что в современной Греции древняя форма взяточничества все еще в моде; и что, за исключением Гидры и еще одного места - вероятно, если я правильно помню, Афин, - подкуп избирателей неизвестен; в то время как получение взяток министрами, как утверждается, не является большой редкостью. Несколько лет назад люди, достаточно важные для того, чтобы быть министрами кабинета, были открыто привлечены к суду и обвинены в продаже трех архиепископств, в том числе Патрасского и Коринфского. Несомненно, это публичное обвинение указывает на вид взяточничества, которое может иметь место в любой настоящей демократии, когда во главе дел стоят не люди с большим богатством и знатным происхождением, а часто простые или даже бедные люди, выбранные голосованием или народным голосованием, чтобы занять на очень короткое время очень влиятельный пост.

[pg 248]

ГЛАВА IX.

РАВНИНА ОРХОМЕН, ЛИВАДИЯ, ХЕРОНЕЯ.

Дорога из Фив в Лебадею (Ливадию) ведет вдоль подножия Геликона - Геликона, который, как и все знаменитые греческие горы, представляет собой не вершину, а систему вершин или даже цепь. Если смотреть утром с равнины, то контраст мрачного Китерона и нежного солнечного Геликона поражает путешественника снова и снова. После того как перейдена гряда или седловина, отделяющая равнину Фив от равнины Орхомена, богатство почвы увеличивается, но земля становится очень болотистой и низкой, так как через каждые полмили с склонов Геликона слева впадает прозрачная серебристая река, пересекает дорогу и впадает в воды Копайского озера - огромного пространства с неопределенными краями, наполовину болота, наполовину озера, которое веками не имело выхода к морю и не покрывало всю равнину только благодаря испарению в летний зной. Огромные поля осоки и камыша, гигантского тростника и болотных растений, неизвестных в более холодных странах, отмечают каждое русло реки по мере ее приближения к озеру; и, как и следовало ожидать в этой одинокой болотной стране, всевозможные насекомые и всевозможные [pg 249] амфибии преследуют места древней культуры. Бесчисленные стрекозы самых ярких расцветок порхали в камышах и освещали сочные травинки, лежащие на поверхности воды;

то и дело отважная лягушка смело бросалась на такой большой приз, но в страхе отступала, когда свирепое насекомое бросалось на нее в своем стремительном порыве. Крупные сухопутные черепахи с высоко поднятыми панцирями, желтыми и коричневыми, узорчатыми, как соты, лениво ходили вдоль топких берегов и рядом с водой, к которой они не решались прикоснуться. Их водные сородичи, напротив, не были одиночками, а лежали в ряд вдоль нагретого солнцем ила и при первом приближении опасности один за другим опускались в воду с последовательными шлепками, выглядя на весь мир длинным рядом гладких черных камешков, внезапно оживших, как комья старого Девкалиона, чтобы они могли насладиться этим одиночеством. Сонные и ничего не выражающие лица черепах составляли большой контраст с мордами водяных змей, очень похожих на них по форме, но удивительно живых и энергичных по выражению. Они тоже опускались в воду при приближении такого странного существа, как человек, но тут же поднимали голову над поверхностью и с удивлением и настороженностью, в полной неподвижности, следили за приближением своего естественного врага. Копайских угрей, столь прославленных в аттической комедии как величайшее из всех [pg 250] лакомств, тоже еще можно было поймать; но яркое солнце и безоблачное небо сделали тщетными все мои попытки выманить эту знаменитую любимицу греческих эпикурейцев. Мы заметили, что, хотя пронзительные цикады, часто встречающиеся в сухих местах, здесь не были обычными, большие изумрудно-зеленые кузнечики судорожно летали вокруг, издавая звук и вес, как маленькая птица.

По мере того как мы проезжали мимо, нам показывали места Халиартуса и Коронеи - Халиартуса, где жестокий Лисандр встретил свою смерть в стычке и тем самым вписал в историю неизвестную деревню - Коронеи, где спартанцы впервые узнали вкус фиванской пехоты и где царь Агесилай едва не опередил своего великого соперника на погребальном костре. Как я уже говорил, все эти города известны только по сражениям. Феспия имеет самостоятельный интерес, как и Аскра. Последний был резиденцией самого раннего из известных греческих поэтов, в личности которого мы можем быть уверены; Феспий с его высокоаристократическим обществом, которое не позволяло лавочнику ходить по своим собраниям в течение десяти лет после того, как он отошел от дел, был местом возведения прекрасных храмов и статуй и сохранил свое место и славу еще долго после того, как все остальные окрестные города пришли в упадок. В Халиартусе и Коронее сохранились неясные остатки окружающих стен, но, конечно, ничего такого, что могло бы окупить труд раскопок. Все эти беотийские города были, конечно, укреплены, и все они лежали вблизи [pg 251] холмов; ведь болотистая равнина была нездоровой, и в давние времена поднимающееся озеро, как говорят, поглощало города, построенные на его краю. Но господство Орхомена в древности и Фив в более поздние времена так и не позволило этим подвластным городам обрести какую-либо важность или политическое значение.

Проехав несколько часов, мы вдруг наткнулись на глубокий просвет в горах слева от нас - такой же просвет, как за Коронеей, но более узкий и закрытый с обеих сторон большими и крутыми горами. И здесь мы нашли причину возделывания верхней равнины - здесь находился город Лебадея (Ливадия), прославившийся в древности благодаря августейшему оракулу Трофония, а в более поздние времена ставший турецкой столицей окружающей провинции. Сюда сходятся все окрестные дороги, и отсюда небольшое войско может легко овладеть глубокими ущельями и высокими горными перевалами, ведущими через Дельфы к порту Кирра. Даже сейчас жизнь в Ливадии кипит больше, чем в большинстве греческих городов. Сюда привозят и продают всю шерсть страны, а благодаря огромной водной силе у них есть значительная фабрика, где шерсть прядут и ткут в ткани. В ущелье над городом - вернее, в ущелье, в котором лежит город, - впадает большая и красиво чистая река и низвергается большими водопадами между улицами и под домами, которые с деревянными

[pg 252] балконами, как швейцарские шале, построены над потоком. Весь облик города ничем не отличался от швейцарского; действительно, все черты горной страны постоянно напоминают путешественнику о его швейцарском опыте.

Но люди здесь совсем другие. Это был день великого святого, и все улицы были заполнены людьми со многих миль вокруг. Как мы заметили, во всех греческих городах, кроме Араховы, женщин не было видно. Они не ходят по улицам, за исключением особых церемоний или развлечений. Но для придания яркости происходящему не требуется женского костюма: здесь у каждого мужчины была своя фустанелла или килт ослепительно белого цвета, серый или пурпурный жилет с вышивкой, большие белые рукава и алая черепная коробка с голубой кисточкой. Ничего нельзя представить ярче, чем плотная толпа в таком наряде. Все они были очень взволнованы появлением незнакомцев и толпились вокруг нас, нисколько не заботясь о том, чтобы показаться навязчивыми. Простой греческий крестьянин считает себя вправе высказывать вслух любые замечания по поводу любого незнакомца и не имеет ни малейшего представления о том, что в таких случаях нужно быть сдержанным.

Нас очень радушно принял окружной врач, у которого была молодая приветливая жена, говорящая только по-гречески, и живая пожилая теща, живущая, как обычно, постоянно в доме, [pg 253] чтобы молодой даме не было одиноко. Как и все богатые греки в сельской местности, они ничего не ели до двенадцати, когда у них был своего рода ранний ужин, называемый завтраком, а затем снова ужинали в половине восьмого вечера. При таком раскладе у нас было более чем достаточно времени, чтобы осмотреть город, когда закончится наш день езды; поэтому мы отправились, прежде всего, посмотреть место, где находился оракул Трофония.

Когда ущелье становится более узким, на правой стороне появляется небольшая пещера, из которой вытекает священный ручей, вливающийся в большую реку. Здесь многочисленные квадратные панели, вырубленные в скале для хранения votивных табличек, ныне исчезнувшие, указывают на священное место, куда приходили паломники, чтобы вознести молитвы о помощи и поблагодарить за успех. Местонахождение оракула точно не установлено, предполагается, что это какая-то пещера или отверстие, ныне закрытое турецким фортам на скале, расположенной непосредственно над ним; но вся местность, с ее жухлыми склонами, стремительной рекой и пещерными сводами, кажется домом и заповедником суеверий. Мы пошли по извилинам дефиле, перепрыгивая с камня на камень по руслу реки, и вскоре смогли искупаться вне поля зрения всех толпящихся мальчишек, которые, как и мальчишки любого другого города, не могли удовлетворить свое любопытство по поводу странности лиц и костюмов. Когда мы прошли несколько миль, страна начала открываться, и перед нами предстала мрачная и уединенная горная местность, где цепи Геликона и Парнаса соединяются и закрывают море [pg 254] Коринфа от Беотии огромной перемычкой шириной около тридцати миль. В этом диком одиночестве не было слышно ни звука, кроме металлической трубы водяного узелка у реки да криков ястребов, вьющих гнезда далеко на склонах скал.

Ближе к вечеру мы начали возвращаться назад, когда в двух или трех местах увидели над скалами алые шапки и смуглые лица, смотревшие на нас со знаками и криками. Хотя в такой стране ничто не могло быть более подозрительным, я не могу сказать, что мы почувствовали хоть малейшее беспокойство и продолжили свой путь, не обращая на них внимания. Они продолжали наблюдать за нами с высоты, и когда мы наконец спустились ближе к городу, они подошли и знаками и на очень новом греческом языке сказали, что прочесывали страну в поисках нас и что они очень беспокоились о нашей безопасности. Это действительно было так; наш прекрасный греческий компаньон, который чувствовал ответственность перед

греческим правительством за нашу безопасность и который остался в Ливадии, чтобы сделать приготовления, был настолько обеспокоен, что послал полицию прочесать страну. Так что нас с триумфом ввели в город в сопровождении большого эскорта бездельников и чиновников, а затем мы сели ужинать в модный час, хотя и в немодном платье. Развлечение было бы столь же превосходным, как и намерения хозяина, если бы наше внимание по глупости не отвлекли жуки, гуляющие по скатерти. Это, [pg 255] самом деле, всего лишь маленькое и ничтожное насекомое, но оно производит удивительный эффект на разум; ведь оно внушает самому обычному человеку дар пророчества: оно уносит его даже от удовольствий честного обеда в часы ночи и тайны, когда вся его мудрость и все его могущество не спасут его от настойчивых стычек с непримиримым врагом.

Возможно, здесь стоит сказать пару слов ободрения чувствительному студенту, которого эти советы могут отвадить от поездки в дикие земли Греции. Несмотря на частое голодание, как из-за недостатка пищи, так и из-за недостатка съестных припасов; несмотря на частую бессонницу и даже тяжелые упражнения по ночам из-за избытка [насекомых](#)¹⁰², такая легкость и чистота воздуха, такой бодрящий эффект великой природной красоты и одинокого блуждания, свободного и не связанного, по диким просторам долин, лесов и гор, что усталость становится почти невозможным чувством. Восемь или десять часов верхом каждый день, которые в другой стране и на другом воздухе были бы почти невыносимы, здесь были лишь естественным упражнением, которое может с удобством выполнять любой обычный человек. Нельзя отрицать, что неудобства греческого путешествия очень велики, но при хорошем настроении и терпении их можно перенести; а когда они кончаются, то составляют приятную черту в воспоминаниях о славном времени. Кроме того, эти неудобства присущи только классическому способу путешествий. Дионис в "Лягушках" Аристофана задает, особенно в отношении гостиниц, те же вопросы, которые мы часто задаем нашему проводнику; и если раб нес для него не только обычный багаж, но и постель и постельные принадлежности, то в наши дни есть много ханов (гостиниц), где путешественник не может лечь - я хотел сказать, отдохнуть - кроме как на своих собственных коврах.

Следующий день был занят поездкой через равнину в Орхомен, затем в Херонею, а к вечеру мы вернулись в Ливадию, чтобы оттуда отправиться в Дельфы. Мы ехали, как бы огибая равнобедренный треугольник, начиная с правого угла основания, направляясь к Орхомену на северо-восток как к вершине, затем к Херонее по левому углу основания и снова домой через высокие отроги гор, которые выступают на равнину между двумя углами основания нашего треугольника. На протяжении примерно одной мили, когда мы выезжали из Ливадии, нас мучила жалкая дорога из мелкой грубой брусчатки - остатки турецкого строительства, когда Ливадия была их столицей. Участки этой работы все еще можно найти в любопытном уединении по горам, к большому несчастью как мулов, так и всадников; ведь камни очень маленькие и [pg 257] заостренные, или, где они были гладкими, очень скользкие. Но вскоре мы выехали на глубокие богатые луга, расположенные на низком уровне прилегающей к озеру местности, где снова встретили ту же бесконечно разнообразную жизнь насекомых, которую я уже описывал. За каждым мулом или пони следовал веселый греческий мальчик в полном облачении (ведь это снова был праздник), и ничто не могло быть более живописным, чем эта кавалькада, идущая индейским строем по длинной траве, среди ярких полевых цветов, особенно когда какой-нибудь ручей или речушка заставляли наш путь петлять и таким образом превращали длинную вереницу фигур в более разнообразную группу. Что касается погоды, то она была настолько однообразно великолепной, что мы почти не обращали на нее внимания. Действительно, незнакомые люди справедливо замечают, что в Ирландии мы можем с удовольствием пообщаться с ней, ведь там она - предмет постоянной неопределенности и требует предвидения и догадок. Во время моего первого путешествия

по Греции, в апреле, мае и июне, ничего нельзя было сказать, кроме того, что мы видели один сильный ливень в Афинах и двухчасовой дождь в Аркадии, и что температура не была чрезмерно жаркой. Подобные ощущения я испытывал в марте и апреле во время трех других поездок по стране.

Через два-три часа мы прибыли на место старого Орхомена, который в прошлом назывался Скрипу, но теперь, как и все греческие города, возвращается к своему первоначальному названию. На месте [pg 258] находится небольшая деревушка, несколько десятков домов, недалеко от каменного моста, переброшенного через Кефисс - беотийский Кефисс - в этом месте. Эта река, по-видимому, является главным питателем Копайского озера, спускаясь, как мы видели, мутной и холодной от снега водой с высот Парнаса. Она течет очень быстро, как Изер у Мюнхена, и в Орхомене примерно вдвое больше этой реки. От так называемой сокровищницы Минийцев не осталось ничего, кроме каменных дверных столбов и огромной глыбы, лежащей поперек них, да и та почти врыта в землю. Это были самые разочаровывающие руины, которые я видел в Греции, потому что они всегда упоминаются вместе с сокровищницей Атрея в Микенах как один из величайших образцов доисторического строительства. Он ни в каком смысле не интереснее соответствующих рат в Ирландии. Действительно, если бы не описание Павсания, он, я думаю, не привлек бы особого внимания.

Последующие раскопки, проведенные доктором Шлиманом, принесли лишь плохие результаты. Здание обрушилось всего несколько лет назад. Красивый узор на потолке, любопытная параллель которому была впоследствии найдена в Тирине, и немного керамики - вот и все, чем был вознагражден исследователь.

На холме над ним находятся хорошо сохранившиеся остатки небольшого Акрополя, камни которого так тщательно обтесаны, что на первый взгляд он выглядит современным, затем слишком хорошим для современной работы, но ни в коем случае не многоугольным, как стены города на холме, который он защищал. [pg 259] На самой высокой точке холма построена замечательная башня с очень совершенной лестницей, ведущей к ней. Вся работа очень похожа на работу Элевтера, и, кажется, относится к лучшему периоду греческого стеностроения. Ничто так не удивляет путешественника по Греции, как количество этих великолепных холмов-крепостей или городов-крепостей, которые никогда не отмечаются историками как нечто примечательное - на самом деле, искусство и привычка строить укрепления, должно быть, были настолько универсальными, что не вызывали никаких замечаний. Это тем более поражает нас, когда такой немногословный писатель, как Фукидид, который редко рассказывает о войне или политике, берется описывать строительство стен в Пейре. Он явно противопоставляет его торопливому и нерегулярному строительству городских стен, в которые встраивались даже надгробия; но если бы мы не изучили остатки, до сих пор распространенные в Греции, мы могли бы представить, что использование квадратных тесаных камней, отсутствие раствора и щебня, а также скрепление свинцом и железом были исключительными, тогда как этот вид строительства является самым обычным в Греции. Стены Пейреуса не могут быть даже самым ранним образцом, поскольку большой портал в Микенах, хотя и несколько более грубый и огромный по исполнению, построен по тому же принципу. Единственной особенностью этих стен, возможно, была их высота и ширина, и по этому вопросу сейчас нелегко получить какие-либо монументальные свидетельства. Стены Пейреуса разрушились [pg 260] полностью, хотя фундамент еще прослеживается; другие устояли, но, возможно, из-за меньшей высоты.

В большом и гостеприимном монастыре мы нашли колодец, который Павсаний описывает как находящийся рядом со святилищем Граций, и здесь мы позавтракали в сопровождении

наших мултеров, которые всегда сопровождают своего нанимателя в приемную хозяина и смотрят на мясо, готовые к услугам и всегда присоединяющиеся, если возможно, к разговору за столом. В монастыре нам показали несколько великолепных образцов древнегреческой керамики, очевидно, хотя и не якобы для продажи, так как существует закон, запрещающий продавать древности иностранцам или вывозить их за границу. В своей часовне монахи указали нам на несколько фрагментов мраморных колонн и одну или две надписи, в которых, как мне потом сообщили, я мог бы найти настоящую живую дигамму, если бы внимательно изучил их. Сейчас дигамма достаточно часто встречается в Олимпии и других местах. Лучше всего я видел ее, наряду с кофом, который, полагаю, встречается гораздо реже, на великолепных бронзовых пластинах с локрийскими надписями, которые находятся в распоряжении наследников мистера Тейлора на Корфу. Эти пластины были хорошо прокомментированы греческим писателем Г. Н. Эчномидесом (Корфу, 1850, и Афины, 1869) с факсимильными рисунками надписей.

По дороге вверх по долине в Херонею, вдоль быстрого течения Кефисса, мы [pg 261] в маленькой заброшенной церкви наткнулись на один из самых замечательных сохранившихся образцов особой эпохи в греческом искусстве. Как обычно, она была установлена в темноте, и мы неоднократно были вынуждены просить местных жителей открыть дверь, через которую только и мог проникать свет, чтобы разглядеть работу. Это погребальная стела, не похожая на знаменитую стелу с рельефом в Афинах, которая надписана как стела Аристиона и относится ко времени персидских войн. Представленная перед нами работа была надписана как работа Аксенора Наксийского - художника, в остальном нам неизвестного; но стиль и отделка очень примечательны и более совершенны, чем у стелы Аристиона. Это рельеф, высеченный на вертикальной плите из серого беотийского мрамора, высотой около четырех футов, изображающий бородатого мужчину, закутанного в плащ, опирающегося на длинную палку, подложенную под [руку](#)¹⁰³, с неловко скрещенными ногами, и предлагающего большого кузнечика сидящей перед ним собаке. Волосы и борода условно завиты, и весь эффект очень напоминает ассирийский рельеф; впрочем, это характерно для всей древнегреческой скульптуры, которая, возможно, появилась в Ионии под влиянием импульса с Дальнего Востока. Появление собаки, которая часто встречается в поздних аттических гробницах, подтверждает то, о чем я давно догадывался по случайным намекам в греческой литературе: собаки у старых греков, [pg 262] так же, как и у современных, пользовались большим уважением как друзья и спутники человека. Этот любопытный памятник раннего греческого искусства лежал, спрятанный в неясном и труднодоступном уголке Греции; к тому же он был изолирован, и в его ближайших окрестностях не было ничего интересного для антикваров. ¹⁰⁴ Во время моего второго визита (1884) я нашел слепок с него в Министерстве народного просвещения в Афинах. В третий приезд я обнаружил, что оригинал перенесен на видное место в Национальном музее в Афинах, где путешественник теперь может изучать его в свое удовольствие.

Большая ценность этих рельефов заключается (помимо их художественной ценности) в их несомненной подлинности. Ведь мы знаем, что в более поздние времена, как в Греции, так и в Италии, среди любителей возникло что-то вроде прерафаэлитов, которые восхищались и предпочитали неловкое подражание природе симметрии и изяществу совершенного искусства. Павсаний, например, с восторгом говорит об этих античных статуях и резьбе и обычно упоминает их первыми, как наиболее важные. Так, после описания различных архаических работ на афинском Акрополе он добавляет: "Но тот, кто ставит работы, выполненные с художественным мастерством, перед теми, что попадают под определение архаических, может, если захочет, восхищаться [pg 263] следующими." ¹⁰⁵ В результате возникла мода подражать им, и мы имеем, особенно в Италии, множество статуй в этом

стиле, которые, несомненно, кажутся современными подражаниями, а даже не греческими копиями старых греческих оригиналов. Но эти подражания так хорошо сделаны и так сравнивались по прошествии веков с настоящими антиками, что хотя есть ученые, которые утверждают, что безошибочно отличают архаику, как они ее называют, от архаики, это иногда очень трудная задача, и по поводу многих из них есть сомнения и споры.

Но здесь, в Орхомене - стране, которая за два века до Рождества Христова пришла в такой упадок, что потеряла почти все свое население, где не останавливались любители искусства и где Плутарх был, так сказать, последним остатком литературы и респектабельности в своем городе - здесь нет никакой опасности найти эту подделку; и поэтому здесь, как и по всей Греции, архаические работы заслуживают полного доверия. Но злополучный закон страны, не часто нарушаемый, как в данном случае, который настаивает на том, чтобы все эти реликвии, пусть даже изолированные, хранились в месте их обнаружения, является самым сильным препятствием для изучения этого интересного этапа культуры, и мы должны дождаться завершения галереи фотографий Эллинского общества, по которым мы сможем сделать достоверные наблюдения. Греки скажут вам, что сохранение древностей на их прежнем месте, во-первых, вызывает интерес к ним у жителей, что могло бы быть правдой, если бы не отсутствие жителей: во-вторых, это поощряет путешествия по стране. Это тоже верно; но, конечно, прокладка хороших дорог, создание приличных трактиров и удобное сообщение сделают бесконечно больше, и это действительно необходимо, прежде чем второй стимул сможет оказать свое действие.

Недалеко от этой маленькой церкви с ее знаменитым рельефом мы увидели Акрополь (называемый Петрахом) Херонеи и вскоре прибыли в город, столь прославленный во всей античности, несмотря на его скромные размеры. Форт на скале действительно очень велик - возможно, самый большой из всех, что мы видели в Греции, за исключением Коринфа; он, как обычно в таких зданиях, следует за самыми крутыми уступами, возвышаясь над естественным обрывом с помощью выкладки из красиво обтесанных и подогнанных квадратных камней. Искусственная стена сейчас не превышает четырех или пяти футов в высоту, но даже при этом есть только два или три места, где можно легко войти в крепость, которая на протяжении целой мили высится на скале. Вид с этого форта очень интересен. С него открывается вид на всю равнину Копайского озера, а также на Парнас и проходы в Фокис, которые не видны, пока путешественник не достигнет этой точки. Кроме того, отсюда открывается вид на Элатею, расположенную примерно в десяти милях к северо-западу, через которую [pg 265] видны уединенные долины в северной части Фокиса.

Эта щель - настоящий ключ к этой стороне Беотии, и это не просто горный перевал, а узкая равнина, возможно, шириной в милю, которая должна была обеспечить легкий переход для армии. Но горы с обеих сторон довольно крутые, и поэтому необходимо было иметь укрепленный город, каким и была Элатея, чтобы удерживать командование над этим местом. Когда мы смотрели на узкую равнину, нам вспомнился знаменитый отрывок из Демосфена, который начинается так: "Был вечер, и пришла весть, что Филипп захватил и укрепляет Элатею". Ближайшим пунктом наблюдения или контроля была скала Херонея, и мы можем с уверенностью сказать, что именно отсюда отправился первый запыхавшийся гонец с ужасной вестью в Фивы и Афины. Здесь же, очевидно, находился проход, через который Агесилай возвращался из Азии и направлялся в Коронею, где произошла его великая битва, рядом с которой находился древний трофей фиванской победы над [Толмидом](#)¹⁰⁶.

Осмотрев открывшийся вид и сильно утомившись от подъема в летнюю жару, мы спустились к старому театру, вырубленному в скале в том месте, где он поднимается от деревни, - самому маленькому и крутому греческому театру, который я когда-либо видел. Здания под открытым

небом всегда кажутся маленькими, но большинство из тех, что возводили греки и римляне, были настолько [pg 266] велики, что ничто не могло их превзойти. Даже театр такого городка, как Таормина на Сицилии, который никогда не был многолюдным, помимо своего очаровательного места, является очень величественным сооружением; я не буду говорить об огромных театрах Мегалополя и Сиракуз. Но это маленькое местечко в Херонее, настолько крутое, что зрители сидели прямо друг над другом, выглядело почти забавно, когда было вырублено в твердой скале, на манер своих огромных собратьев. В путеводителе говорится, что это один из самых древних театров Греции, почему, я не знаю. Мне кажется, его скорее сделали, когда население уменьшалось; и любая грубость, которую он демонстрирует, проистекает скорее из экономии, чем из недостатка опыта.

Но как бы ни был он мал, мало найдется более интересных мест, чем единственное место в Херонее, где мы можем с уверенностью сказать, что здесь сидел Плутарх - человек, который, живя в эпоху упадка и в ничего не значащей деревушке, тем не менее, как никто из его соотечественников, прославил свой гений на весь мир. Помимо огромного количества исторических сведений, собранных в его "Жизни", которые зачастую являются единственным источником информации о внутренней жизни и духе величайших греков великих эпох, трудно переоценить моральное воздействие этих великолепных биографий на поэтов и политиков всей Европы. От Шекспира и Альфиери до диких дикарей Французской революции, [pg 267] все виды патриотов и жаждущих духов были очарованы и возбуждены этими замечательными портретами. Альфиери даже говорит о них как о великом открытии своей жизни, которое он читал со слезами и гневом. Ни один писатель Серебряного века не дает нам столько ценной информации о ранних авторах и их общих характерах. Особенно внутренняя история Афин в их лучшие дни, личные черты Перикла, Кимона, Алкивиада, Никия, а также Фемистокла и Аристиды были бы полностью или почти полностью утрачены, если бы этот часто презираемый, но бесценный человек не писал для нашего образования. И по сути своей он еще более хороший человек - лучше и чище, чем большинство греков, - еще один Геродот по справедливости и честности. Один бедняк, которого соседи считали "ужасным историком", заметил моему другу, который одалживал ему романы Скотта, "что Скотт - великий историк", а когда его спросили, почему, ответил: "Он заставляет вас любить себе подобных". В этом туманном изречении есть глубокий смысл, который можно в полной мере применить к Плутарху. "Здесь, в Херонее, - говорит Павсаний, - готовят примочки из цветов лилии и розы, нарцисса и ириса. Они являются бальзамом для человеческих болей. А если помазать им старые деревянные изображения, то это спасет их от разложения". Он мало знал, насколько вечно верными окажутся его слова, ибо [pg 268] хотя роза и ирис дичают и заброшены и не дают теперь своего благоухания, чтобы успокоить людские беды, но из Херонеи приходит вечный бальзам мудрости Плутарха, чтобы поддержать угнетенных, укрепить патриота, очистить благородной жалостью и ужасом отбросы человеческой подлости. Даже разрушающиеся образы его богов задерживают свой упадок духом его морали и возрождают свою красоту в сладости его простой веры.

Рядом с театром есть богатый запас воды, бьющей из прекрасного древнегреческого фонтана - впрочем, водоснабжение по всей стране превосходное. В церкви также есть старый мраморный трон, о котором ходит много легенд, но нет истории. Наряды девушек, которых мы видели работающими на небольших орошаемых участках возле домов, были красивее, чем в других греческих городах. Они носили великолепные ожерелья из золотых и серебряных монет, которые лежали на шее и груди, как корсеты; а тусклая, но богатая вышивка из шерсти на их передниках и лифах была совершенно недоступна для описания, но не для нашей высшей оценки.

Когда день пошел на убыль, мы были вынуждены покинуть это интереснейшее место и снова отправиться домой в Лебадею. Мы не прошли и мили от города, как наткнулись на самый жалкий и поразительный из всех останков в этой стране - знаменитого херонейского льва, которого фиванцы установили [pg 269] своим соотечественникам, павшим в великой битве с Филиппом Македонским в 338 году до н. э. Мы искали этот памятник и по дороге в Херонею, увидев на равнине возвышенный курган, поскакали к нему, надеясь найти льва. Но нас ждало разочарование, и нам сказали, что история этого большого кургана совершенно неизвестна. Очевидно, он посвящен какой-то битве и является курганом над мертвыми, но были ли они убиты Силлой, или Толмидесом, или в каком-то гораздо более древнем конфликте, никто не может сказать. Однако он кажется совершенно нетронутым, поросшим глубоким бурьяном и кустарником, так что выносливый раскопщик мог бы найти его достойным открытия, и, возможно, монеты могли бы рассказать нам о его возрасте.

Курган, на котором мы нашли льва, был гораздо скромнее и меньше; по сути, это был не курган, а возвышающийся холм, в центре которого было углубление, а в углублении лежали разбитые куски знаменитого льва. По нашим сведениям, он утонул в земляной насыпи, изначально предназначенной для возвышения над дорогой, и пролежал там в полной сохранности до нынешнего столетия, когда четверо английских путешественников утверждают, что обнаружили его (3 июня 1818 года). Они попытались убрать его, но, потерпев неудачу, тщательно прикрыли куски. ¹⁰⁷ С тех пор они, похоже, [pg 270] лежали нетронутыми, и до сих пор находятся в таком состоянии, что несколько дней труда и несколько фунтов расходов могли бы восстановить работу. Она выполнена из голубовато-серого камня - его называют беотийским мрамором или известняком - и представляет собой произведение высочайшего и чистейшего достоинства. Лев относится к тому азиатскому типу, у которого почти нет гривы, и показался нам кушантом или сидящим в позе, с головой, не опущенной к передним лапам, а поднятой вверх. ¹⁰⁸ Выражение морды идеально - ярость, горе и стыд выражены в нем, вместе с тем [pg 271] благородным спокойствием и сдержанностью, которые характеризуют все хорошее греческое искусство. Цель создания памятника совершенно очевидна, если не читать впечатляющую, хотя и простую, заметку Павсания: "На подходе к городу, - говорит он, - находится могила беотийцев, павших в битве с Филиппом. На ней нет надписи, но изображение льва помещено на ней как эмблема духа этих людей. Надпись была опущена - я полагаю, потому, что богам было угодно, чтобы их удача не была равна их доблести". Итак, перед нами один из лучших образцов надгробных памятников лучшей эпохи Греции, который можно с полным правом назвать датированной записью. Очень жаль, что эта великолепная фигура не собрана и не сфотографирована. Ничто не могло бы быть более поучительным, чем сравнение с лучшим из современных памятников - львом Торвальдсена в Люцерне - работой единственного современного скульптора, который может на мгновение встать в один ряд с древними греками. Но сейчас херонейский лев обязан своим существованием тому, что в давние времена ни один соседний крестьянин не испытывал недостатка в камнях для стены или рва, и когда в Греции проснулось чувство ценности этих вещей, он мог исчезнуть или разбиться на бесполезные фрагменты.

Когда мы увидели его великолепным июньским днем, он лежал в совершенном покое и забвении, фрагментов было достаточно, чтобы различить контур и стиль; в [pg 272] устье вздернутой головы дикие пчелы были заняты своей работой, и соты находились между его зубами. Древнееврейская история нахлынула на нас, и мы возжелали той силы, которая разрывала льва древности, чтобы собрать конечности и залечить раны его мраморного собрата. Лев Самсона был загадкой для филистимлян, которую они не могли разгадать; и я полагаю, что лев Херонеи тоже был загадкой - более глубокой загадкой для лучших людей -

почему патриот должен пасть перед деспотом, а культура Греции - перед кесаризмом Македонии. Даже в самой Греции не обошлось без примечательных параллелей. Это последнее сияние заходящего солнца греческой свободы было отмечено львом и курганом, как и начало борьбы при Марафоне также было отмечено львом и курганом. В Марафоне курган есть, а льва нет, в Херонее лев есть, а кургана нет.¹⁰⁹ Но, несомненно, ранний лев значительно уступал по выразительности и красоте и был маленьким объектом на такой большой гробнице. Более поздние люди придавали меньшее значение самой гробнице, а поэтическому элементу - большее; и, возможно, именно в этом кроется секрет их [pg 273] неудач, и почему утонченный скульптор льва не был равен в политике и войне грубому резчику рельефа марафонского воина.

Эти и подобные мысли занимают ум того, кто сидит у одинокой гробницы; и можно сказать в пользу ее удаленности и труднодоступности, что в уединении есть, по крайней мере, покой и досуг, а разбросанные объекты интереса просматриваются с любовью и заботой.

[pg 274]

ГЛАВА X.

АРАХОВА-ДЕЛЬФИ - ЗАЛИВ КИРХА.

Паломник, отправлявшийся издревле из Афин в Дельфы, чтобы посоветоваться с августейшим оракулом о какой-нибудь великой трудности в своей жизни или о большой опасности для своей страны, видел перед собой гигантский Парнас как свою цель, как только достигал перевалов Китерона. Два или три дня он ехал по Беотии, держа перед собой этот великий ориентир, но только когда он достиг Лебадеи, он обнаружил, что оставляет ровные дороги и входит в дефиле, где огромные скалы и узкие прогалины придавали его сознанию оттенок суеверия и благоговения, который всегда царил вокруг этой дикой и опасной страны. Отправляясь из Лебадеи или, по другой дороге, из Херонеи, он должен пройти примерно половину пути вокруг Парнаса, от его восточной до юго-западной стороны; а это можно сделать, лишь прокладывая путь вдоль потоков и обрывов, поднимаясь на крутые подъемы и спускаясь в дикие лощины. Этот путь среди Фокиских Альп, возможно, самый красивый во всей Греции - конечно, за исключением пути из Олимпии через гору Эриманф, [pg 275] самый красивый из всех известных мне маршрутов через высокогорье.

Греческий пастух, Олимпия

Старые жрецы из Дельф, которые были первыми систематическими строителями дорог среди греков, проложили аккуратный путь из Фив в Фокис для паломников, стекавших к их святилищу. По-видимому, чтобы не тратить на мощение, они проложили или заасфальтировали двойную колею, по которой могли безопасно двигаться колесницы; но с древнейших времен мы слышим о неприятных ощущениях, когда два транспортных средства встречались на этой дороге, и о спорах, которые возникали, кто из них должен был свернуть в глубокую грязь.¹¹⁰ Из этого можно сделать вывод, что участь пешеходов не была очень приятной. Теперь все эти трудности исчезли вместе с самой дорогой. Здесь нет ничего, кроме слабо обозначенных уздечек, на которые часто указывают лишь одинокие телеграфные провода, тянущиеся через горы, по-видимому, без всякой цели; и все путешественники должны ехать или идти в одном строю, если им не приходится пробираться через чащу и лес.

Эти дикие горы не вызывают того тягостного чувства запустения, которое порождают заброшенные равнины. Ни в какие времена они не могли содержать многочисленное население, и мы можем предположить, [pg 276] что в них никогда не было более чем разрозненных деревушек пастухов, живущих, как и сейчас, в глубоких коричневых волосатых шатрах из шкур ночью и бродящих по полянам днем, управляя большими стадами причудливо выглядящих коз с длинными бородами и спиральными рогами. Тусклый звон их колокольчиков и крик орла - единственные звуки, которые вносят разнообразие в шум ветра, гуляющего среди темных сосен, и падение потока со скал. Это страна, в которой растет сознание не одиночества, а малости - страна огромных форм и черт, где можно встретить жилище для таинственного бога и мрачного великана, но слишком огромная для смертного человека.

Наш путь лежал не прямо в Дельфы, а в любопытный городок Арахова, расположенный на вершине обрыва высотой около 4000 футов или более над уровнем моря. Мы ехали с восьми утра до вечерних сумерек, чтобы добраться до этого места, и весь день проехали через

сцены, которые каждый миг приводили нас то в новый восторг, то в новое изумление, но которые мог бы описать только художник, а не какие-либо страницы письма, пусть даже поэтического или живописного. Несчастье таких описаний на бумаге заключается в том, что только у писателя есть перед глазами запомнившийся образ; ни один читатель не может уловить детали и составить для себя точную картину.

Мы почувствовали, что приближаемся к Арахове, когда увидели крутые склоны над и под нашей дорогой, засаженные виноградниками, и тут и там [pg 277] женщину в нарядном платье, работающую на крутом склоне, где оступившись, она могла бы скатиться на многие сотни футов в русло какого-нибудь потока. В одном месте, где дорога поворачивала вокруг выступающего плеча, мы были поражены, увидев одновременно на севере синее море под Эвбеей, а на юге - Коринфский залив, где он приближается к Дельфам. И то и другое - всего лишь пятнышки среди гор, как маленькие канавы среди ирландских болот, но оба - великие исторические воды, вековые дороги торговли и культуры. С любой из вершин такой вид от моря до моря не был бы ничем примечателен, но было интересно и необычно увидеть его со спины мула на одной из главных дорог страны. Через минуту все наше внимание привлекли дома самой Араховы, лежащие, как и прежде, против нас и совсем рядом, но с большой пропастью между нами и ними, которую мы, к счастью, смогли объехать. Город имеет любопытный, разбросанный вид, с прерывистыми улицами и неопределенным планом, что объясняется не только необычностью места, но и тем, что огромные валуны, я бы сказал, скалы, были расколоты землетрясениями сверху и обрушились на середину города. Они сокрушают дом или два и стоят на улице. Вскоре кто-то приходит и строит дом на стороне этой скалы; другие осмеливаются в свою очередь, и таким образом город восстанавливается, пока очередное землетрясение [pg 278] не произведет очередное разрушение. С 1870 года эти землетрясения стали очень частыми. Сначала они были очень сильными и разрушили почти весь город, но теперь они очень слабые и настолько частые, что нас уверяли, что они происходят каждый день в определенное время. Я считаю, что это практически так, хотя нам, приехавшим вечером и уехавшим рано утром на следующий день, не так повезло, чтобы самим ощутить толчки. Но на всем Парнасе видны большие шрамы и раны от этого ужасного природного бедствия.

Арахова примечательна тем, что это один из немногих примечательных городов Греции, который не построен на знаменитом месте. Везде современный греческий город является простым выживанием старого. Я помню только три исключения - Арахова, Гидра и [Триполица¹¹¹](#), причем два последних возникли в силу особых и известных обстоятельств. Процветание Араховы не так легко объяснить. Несмотря на удивительное и любопытное местоположение, торговля этого места, для греческого города, очень значительна. Вина, которые они производят, отличаются высочайшей репутацией, хотя для нас свободное использование смолы делает их все одинаково бесполезными. Кроме того, здесь делают прекрасные узорчатые ковры из разноцветной шерсти, которые продаются по высоким ценам по всем греческим водам. Их используют в лодках, на седлах, на кроватях - в общем, для всех возможных грубых целей. Узоры вышиваются на [pg 279] шерсти, а ширина сшивается таким же образом, с эффектной грубостью.

У нас была прекрасная возможность увидеть всю эту работу, так как мы застали город в некотором волнении из-за приближающейся свадьбы; мы пошли посмотреть на невесту, которую нашли в просторной комнате с низкими деревянными стропилами, в компании большого числа ее спутников и окруженную со всех сторон ее приданым, которое состояло, по восточной моде, почти полностью из "смены одеяний". По всему периметру комнаты идеальными стопками лежали богатые шерстяные ковры, а с низкого потолка в огромном

количестве свисали белые петиты ее будущего мужа; ведь в этой стране, как и везде в Греции, петиты носят мужчины. Вся компания была одета в полные костюмы - белые рукава, вышитые шерстяные фартуки, золотые и серебряные монеты на шее и ярко-красный свободный пояс, низко обхватывающий фигуру. Для полноты картины каждая девушка держала в левой руке ватку, обмотанную богатой, мягкой, белой шерстью, из которой правой рукой с веретеном ловко пряла нить, расхаживая по комнате и любясь убранством, и шутя с нами и своими спутницами. Красота араховских женщин столь же поразительна, как сила и долголетие мужчин, и я не знаю ни одного альпиниста, равного им, за исключением жителей некоторых долин Тироля. Но там, как известно, красота присуща в основном мужчинам; в Арахов же она казалась [pg 280] справедливо распределенной. Мы не видели ни одной девушки необыкновенной красоты. Средний показатель был необычайно высок; и, как и следовало ожидать, они были не только очень красивы, но и обладали тем особенным чистым цветом лица и энергичным телосложением, которые, кажется, почти всегда встречаются, когда хороший климат и чистый воздух сочетаются с очень высоким уровнем над морем.

Кроме того, мы увидели то, что они называют пирровым танцем, который состоял из вереницы людей, держащихся за руки, стоящих в форме спирали и ритмичнодвигающихся, в то время как внешний член поезда выполнял диковинные и жестокие гимнастические упражнения. Музыка состояла из визга ужасного кларнета, сопровождаемого ударами большого барабана. У кларнетиста была кожаная повязка вокруг рта, подобная той, что мы видим на древних рельефах и изображениях игроков на двух флейтах. По мере усталости каждый главный танцор отходил от конца спиральной линии и засовывал серебряную монету между шапочкой и лбом игрока. Все движение было крайне медленным на протяжении всей вечеринки - центр спирали, который часто занимали маленькие дети, почти не двигался и не обращал внимания на танец.

В целом, греческая музыка, которую я слышал - танцевальная музыка и иногда песни пастухов - была ничем иным, как диким и монотонным пением, с двумя или тремя трясками и украшениями на высокой ноте, спускающимися до длинной ударной ноты в конце. Они повторяют эти [pg 281] фразы, длиной не более трех тактов, снова и снова, с небольшими вариациями апподжиатуры. Компетентные люди в Афинах сказали мне, что все это не греческая, а турецкая музыка, и что долгое рабство греков полностью уничтожило традиции их древней музыки. Хотя это, несомненно, относится к той музыке, которую я слышал, я очень сомневаюсь, что какая-либо древняя черта, столь общая, могла полностью исчезнуть. Когда есть национальные песни с ярко выраженным греческим характером, передающиеся через славянский и турецкий периоды, кажется странным, что они должны исполняться полностью на иностранную музыку. Без более тщательного исследования я бы не спешил принимать решение по такому вопросу. К сожалению, образцы древнегреческой музыки очень немногочисленны и, вероятно, очень незначительны; все дошедшие до нас работы о музыке древних посвящены теоретическим вопросам, которые очень трудны и не очень прибыльны. Этому предмету я посвятил специальное обсуждение в своей "Социальной жизни в Греции", с иллюстрацией которого можно ознакомиться в настоящее время.

Жители города пожелали, чтобы мы остались у них на несколько дней, что дало бы нам возможность стать свидетелями свадебной церемонии, а также совершить экскурсию на снежные вершины горы Парнас. Но у нас было достаточно подобных развлечений во время восхождения на гору Итна, незадолго до этого, и пятичасовое блуждание по снегу в густом тумане было [pg 282] слишком свежо в нашей памяти. Кроме того, нам предстояло сесть на еженедельный пароход в Итее, как теперь называется порт Дельфы, и восемь

дополнительных дней, а точнее, ночей, в этой стране могли оказаться непосильными для самого дикого энтузиаста. Ведь деревянные дома Арахова, как никакие другие строения, кишат живностью, и даже балконы в морозном ночном воздухе не были защищены от нашествия насекомых.

Поэтому мы отправились в путь рано утром и держали путь к Дельфийскому оракулу вдоль обрывов. Нет ничего удивительного в том, что араховцы славятся суевериями и легендами и что исследователи остатков старых греческих верований в наши дни находят самые богатые урожаи в этой горной глуши, где, кажется, нет причин для того, чтобы какая-либо вера когда-нибудь угасла. Особенно глубоко укоренилась здесь вера в страшного бога мертвых Хароса, который олицетворяет не только старого Харона, но и Плутона, и многие араховские песни и баллады повествуют о его ужасных и неумолимых визитах. В этих Альпах долголетие настолько привычно, а старость так пышна и зелена, что смерть молодых воспринимается здесь с гораздо большей силой и пафосом, чем в нездоровых или безнравственных обществах, и поэтому вторжения Хароса не переносятся в угрюмом молчании, а вызывают нетерпеливые сетования.

В одиннадцать часов под яростным летним солнцем мы подошли к подъему на "скалистый Пифо", где [pg 283] террасный город древности когда-то приютил паломников со всех концов цивилизованного мира. Обычные истории, которые мы читаем, дают нам очень мало представления о могущественном влиянии этого места в эпоху его веры. Мы слышим о том, что с ним советовался Крёйс или римляне, мы ценим его славу святого места, но до самых последних лет мало что известно о его политическом и торговом значении. Дата его первого возвышения скрыта в далекой древности. Как гласит история, один пастух, кормивший здесь свои стада, заметил, что козы, приблизившись к парообразной пещере, бешено скачут, как будто под каким-то странным воздействием. Он сам подошел посмотреть на это место, и его тут же охватило пророческое безумие. Так репутация этого места распространилась сначала среди соседних пастушеских племен, а затем и в более широких кругах.

Однако такое возможное происхождение не позволяет однозначно утверждать то, что можно с уверенностью предположить - существование какого-то более древнего и грубого культа, предшествовавшего появлению поклонения Аполлону. Два аргумента делают это очевидным. Во-первых, старые легенды последовательно говорят о прибытии сюда Аполлона, о его конфликте с земными силами в облике дракона Пифона, о том, что он прошел очищение за убийство и был официально уступлен своим старшим владельцам. Этот отчетливый намек [pg 284] на предыдущий культ, даже враждебный Аполлону, но в конце концов примирившийся с ним, подтверждается тем фактом, что Павсаний описывает в самом храме Аполлона два старых камня - один, очевидно, алеролит, - к которым относились с большим уважением, ежедневно помазывали маслом и украшали цветочными гирляндами. Один из них был для греков центром земли (ὀμφαλός), а рядом с ним стояли два орла из золота, напоминающие о легенде, согласно которой Зевс запустил двух орлов с концов земли, и они встретились именно в этом месте на середине пути. Эти старые и бесформенные истории, которые встречаются и в других греческих храмах, указывают на более древнюю стадию поклонения фетишам, когда греки еще не доросли до искусства высекать статуи или поклоняться невидимому божеству без грубого материального символа.

Исследования М. А. Лебега на Делосе дали нам еще один пример. Он обнаружил, что старое святилище Аполлона было сделано в подражание пещере, и что в углублении святилища, сделанного из больших каменных плит, образующих фронтоны над естественной расщелиной в скале, находился древний, грубый, священный камень, на котором оставались ноги статуи,

которые впоследствии были добавлены, чтобы придать достоинство усовершенствованному поклонению. Работа М. Лебега на Делосе была завершена и заменена М. Гомолле.

Гомер говорит в "Илиаде" о большом богатстве пифийского святилища, а "Гимн пифийскому [pg 285] Аполлону" подразумевает, что его ранние преобразования были завершены. Но если учесть, что бог Аполлон, хотя и был изначально ионийским богом, как на Делосе, здесь поклонялись исключительно дорийцам, мы не ошибемся, если будем считать, что возвышение оракула совпало с возвышением и распространением дорийцев по Греции - событие, которому мы не можем присвоить никакой даты, но которое, согласно легенде, наступает после Троянской войны и, похоже, находится у порога реальной истории. Абсолютная покорность спартанцев, когда они пришли к власти, подтвердила авторитет святилища, и так постепенно оно стало, так сказать, митрополией в греческом религиозном мире. Похоже, что влияние этого оракула в старые времена всегда использовалось в направлении добрых нравов и просвещения. Когда соседние государства могли поссориться, оракул часто выступал в роли миротворца и даже третейского судьи - обычное явление в ранней греческой истории, в котором они предвосхитили лучшие результаты нашей культуры девятнадцатого века. И снова, когда чрезмерное население требовало выхода, с оракулом советовались о подходящем месте и выборе лидера; все великолепное коммерческое развитие шестого века до н. э., если и не было произведено, то, по крайней мере, было санкционировано и поощрено Дельфийским оракулом. Опять же, при определении поклонения другим богам и учреждении новых служб великим общественным благодетелям, оракул [pg 286], похоже, был признанным авторитетом - таким образом, он занял место Ватикана в католической Европе, как источник и источник новых догм, новых культов и формуляров.

Храм Аполлона в Дельфах

В то же время сокровищница святилища была крупнейшим и надежнейшим банком, где как частные лица, так и государства могли хранить сокровища - кажется, даже у государств были

отдельные палаты - и откуда они могли брать деньги под справедливые проценты во время войны и общественных бедствий. Дельфийская скала считалась пупом или центром земной поверхности, и, конечно же, в социальном и религиозном смысле это относилось ко всему греческому миру. Таким образом, жрецы были информированы постоянными посетителями со всех сторон обо всех последних новостях, об общем аспекте политики, о новом развитии торговли, о последних открытиях в отдаленных и варварских землях и, соответственно, могли, без всякого гения или сверхъестественного вдохновения, формировать свои суждения на основе более широкого опыта и лучших знаний, чем те, которыми могли обладать другие. Эти советы, действительно здравые и хорошо продуманные, давались людям, которые принимали их за божественные и действовали в соответствии с ними с непоколебимой верой и рвением. Конечно, результат был в целом удовлетворительным; и поэтому даже отдельные люди использовали его как своего рода высокую исповедальню, к которой они приходили как паломники в какой-то важный кризис своей жизни; и, обнаружив в ответ, что бог, похоже, [pg 287] знает все о делах каждого города, уходили, полностью удовлетворенные божественным авторитетом оракула.

На эту великую и заслуженную всеобщую репутацию не влияли случайные слухи о подкупленных ответах или нечестных жрицах. Такие случаи должны происходить повсеместно, но, как давно заметил лорд Бэкон, человеческая природа больше подвержена влиянию положительных, чем отрицательных факторов, то есть несколько случаев блестяще точных пророчеств перевесят множество случаев сомнительных советов или даже признанной коррупции. Поэтому власть пап в некоторых отношениях не ослабевает и по сей день, и многие по-прежнему считают их непогрешимыми, хотя историки опубликовали множество ужасных биографий некоторых из них и заклеили их как людей худшей, чем средняя, морали.

Величие и национальное значение Дельфийского оракула продолжалось со времен вторжения дорийцев до Персидской войны, то есть более трех столетий, когда участие, которое он принял в последней борьбе, нанесло ему удар, от которого он, кажется, никогда не оправился. Когда приближалось вторжение Ксеркса, дельфийские жрецы, точно осведомленные об огромной силе персов, решили, что всякое сопротивление бесполезно, и посоветовали абсолютное подчинение или бегство. По всей вероятности, они были правы, ибо ничто, кроме целого ряда ошибок, не смогло бы [pg 288] сдержать персов. Но, конечно, бог должен был вдохновить их на патриотические высказывания и тем самым спасти себя в случае такого чуда, какое произошло на самом деле. Я не могу не подозревать, что они надеялись добиться благосклонности Ксеркса и остаться при нем тем, кем они были до сих пор, - богатой и защищенной корпорацией.¹¹² Возможно, они даже видели слишком далеко и полагали, что успех греков выдвинет ионические государства на первый план; но мы не должны слишком доверять им. Результат, однако, свидетельствовал не в их пользу. Греки победили, и афиняне заняли лидирующие позиции, - афиняне, которые очень скоро развили светский и мирской дух, и которых несколько не шокировали ответы, угрожавшие им и ослабившие их руки, когда их собственное мужество и мастерство принесли им избавление. И мы можем представить, что даже Фемистокл, не говоря уже о Перикле и Антифоне, смотрел на оракулы как на удобный способ убедить толпу следовать политике, которую она не могла понять. О чудесном поражении персов от бога, который повторил свои чудеса, когда галлы напали на его святилище, следует прочитать у Геродота и Павсания.

[pg 289]

С некоторой грустью мы переходим от великолепного прошлого Дельф к их жалкому настоящему. Священная расщелина в земле, из которой поднимался холодный пар,

опьянявший жрицу, завалена и потеряна. Поскольку она находилась внутри святилища храма, ее могли засыпать обвалившиеся руины или еще более полностью уничтожить землетрясение. Но, помимо этих естественных возможностей, нам рассказывают, что христиане, после того как Феодосий закрыл оракул, засыпали и уничтожили следы того, что они считали особым входом в ад, где происходило общение с лукавым.

Три больших фонтана или источника города сохранились до сих пор. Первый и самый яркий из них вырывается между Фередриадами - двумя сияющими пиками, возвышающимися над Дельфами на тысячу футов, и расположенными так близко друг к другу, что между ними остается лишь темное и таинственное ущелье или расщелина шириной не более двадцати футов. Вид этих пиков-близнецов, так прославленных греческими поэтами, с их великолепным потоком, Касталийским фонтаном, вырывающимся из промежутков между ними, действительно грандиозен и поразителен. В скале, прямо у устья ущелья, вырублена большая квадратная ванна; но землетрясение 1870 года, которое так разрушило Арахову, не обошло стороной и эту ванну, обрушив на нее огромный блок, закрыв тем самым старую работу, а также несколько вотивных ниш, вырубленных в скалистой стене. Это было [pg 290] место, где прибывающие паломники очищали себя освященной водой.

В старые добрые времена оракул давал ответы седьмого числа каждого месяца, да и то лишь тогда, когда жертвы были благоприятны. Если жертвы не были совершенно без изъяна, их нельзя было приносить; если они не дрожали всем телом, когда их приносили к алтарю, день считался неблагоприятным. Испытуемые входили в большой храм в праздничной одежде, с оливковыми гирляндами и штемматами, или филями из шерсти, во главе с ὄσιοι, или священными стражами храма, которые состояли из пяти самых знатных граждан Дельф. Жрицы, напротив, - их было три одновременно, которые совершали обряд по очереди, - хотя тоже были дельфийцами, не часто принадлежали к знатному роду. Когда главный толкователь, или προφήτης, ставил жрицу на священный треножник над выдохами, ее охватывало безумие - часто настолько сильное, что, как известно, ὄσιοι в ужасе убегали, а сама она становилась бесчувственной и умирала. Ее бредни в таком состоянии тщательно записывались, а затем приводились к смыслу и, по старинке, всегда к стихам жрецами, которые, конечно, толковали отдельные слова, имея в виду политику или другие обстоятельства дознавателей.

В ранние времена это делалось совершенно добросовестно. Во время упадка религии, конечно, было много случаев коррупции и пристрастия, [pg 291] и, действительно, весь стиль и достоинство оракула постепенно приходили в упадок вместе с упадком самой Греции. В настоящее время, когда появились толпы народа, а государства крайне ревниво относились к праву первенства в вопрошании бога, было признано целесообразным давать ответы каждый день, причем делалось это частным лицам, и даже по пустяковым поводам. Жрецы также больше не утруждали себя оформлением ответов в виде стихов, а когда во время священной войны (355-46 гг. до н. э.) фокийцы захватили сокровища и использовали в военных целях около десяти тысяч талантов, святилищу был нанесен удар, от которого оно так и не оправилось. Тем не менее, количество великолепных подношений, не конвертируемых в деньги, сделало его самым интересным местом в Греции, после Афин и Олимпии, для любителей искусств: статуи, треножники и другие диковинки, описанные Павсанием, дают прекрасное представление о могущественном оракуле даже в его упадке.¹¹³ Величайшие скульпторы, художники и архитекторы вложили свой труд в строительство зданий. Хотя Нерон унес пятьсот бронзовых статуй, путешественник оценил оставшиеся произведения искусства в три тысячи, и, похоже, это были почти все статуи, не считая треножников, картин и других подарков. Император Константин привез (330 г. н. э.)

большое количество статуй для украшения [pg 292] своей столицы, особенно бронзовый треножник в виде трех переплетенных змей, головы которых поддерживают золотой сосуд, который Павсаний, спартанский царь, посвятил вождю Греции в память о великой победе над Ксерксом. На этом треножнике (который был найден на своем месте в Константинополе нашими солдатами в 1852 году) содержится список государств согласно рассказу Геродота, который описывает его посвящение и который видел его в Дельфах.

Когда в 362 году нашей эры император Юлиан, последний великий поборник язычества, по пути в Персию захотел посоветоваться с оракулом, тот ответил ему: "Скажи царю, что прекрасное жилище погрузилось в пыль: У Феба нет больше ни приюта, ни пророческого лавра, ни говорящего источника; прекрасная вода иссякла". Так святилище призналось даже пылкому и надеющемуся Юлиану, что его власть ушла, и, как бы высшим усилием, возвестило ему великую истину, которую он отказывался видеть, - что язычество ушло навсегда, и новая вера возникла для народов Римской империи.

Около 390 года Феодосий поверил богу на слово и окончательно закрыл оракул. Храм с его целлой в 100 футов, с дорическими и ионическими колоннами, с великолепными скульптурами на фронтонах пришел в упадок и разрушение. Стены и портики рухнули вниз с обрывистых скал; [pg 293] пророческая пропасть была заполнена христианами со страхом и ужасом; и, как будто для того, чтобы предотвратить любую попытку восстановить из руин место и план, современные греки построили на этом месте свою жалкую деревушку Кастри; так что только среди стен и фундаментов, обнаженных землетрясениями, мы можем теперь искать мраморные капители и вотивные надписи.

Одна или две особенности остались неизменными. Три прекрасных источника, которым Дельфы, несомненно, были обязаны своим первым выбором для человеческого жилья, все еще находятся там - Касталия, о которой мы уже говорили; Кассотис, который был искусственно проведен в само святилище бога; и Дельфуса, которая, я полагаю, была водой, используемой жителями для светских целей. Стадион, крошечный ипподром высоко над городом, в единственном месте, где удалось найти ровную площадку в 150 ярдов, все еще виден; и мы сразу видим, какое значение должны были иметь игры в священном греческом городе, если здесь пытались построить стадион.¹¹⁴ Первые состязания проводились в музыке, то есть в игре на лире, в декламации и, возможно, в сочинении оригинальных стихов; но вскоре физические состязания в Олимпии стали превосходить великолепие Дельф. Кроме того, спартанцы не хотели соревноваться в менестрелях, которые они любили и критиковали, но оставляли профессиональным артистам. Соответственно, жрецы [pg 294] Дельф были слишком практичной корпорацией, чтобы не расширить программу своих игр, и Пиндар прославил пифийских победителей как едва ли уступающих тем, кто был на грандиозном празднике в Элисе.

Есть еще один элемент в многообразном величии Дельф. Именно здесь религиозная федерация Греции - Амфикифия, о которой мы так часто слышим, - проводила свои собрания попеременно с собраниями у источников Фермопилеи. Когда я стоял высоко на стадионе в Дельфах, передо мной все еще стояла великая сцена, описанная оратором Эсхином, когда он смотрел на священную равнину Криссы и призывал всех поклонников бога очистить ее от святотатцев-амфикифионов, которые покрыли ее скотом и выращивали урожай. Равнина, по его словам, легко обозревается с места встречи, что свидетельствует о том, что оно не могло находиться в городе Дельфы: ведь большой выступ горы фактически скрывает всю равнину от любой части города.

Однако Пилея, или место собраний, находилась снаружи и как раз по другую сторону этого огромного выступа, так что слова Эсхина верны; но не верно, как думает любой обычный студент, что он стоял в самих Дельфах. На самом деле он находился совершенно вне поля зрения города, хотя и не в миле от него. Нет более распространенной ошибки, чем эта, среди наших простых книжечеев, и я осмелюсь сказать, что не многие осознают существование этого [pg 295] пригорода Пилеи и его положение вблизи, но незаметно от Дельф. Я, конечно, никогда не задумывался об этом, пока не начал искать место, с которого Эсхинс мог произнести свою знаменитую речь.

Когда мы подъехали к реальному месту, то обнаружили, что его слова полностью подтвердились. Далеко под нами простиралась равнина от Амфиссы до Кирры, под прямым углом к ущелью, над которым расположены Дельфы. Речные потоки дельфийских источников образуют, по сути, правильный зигзаг. Спустившись со скал в долину, они соединяются с Плейстом, текущим под прямым углом к западу; когда этот поток достигает равнины, он снова поворачивает на юг и впадает в море у Киррского залива. Таким образом, глядя из Пилеи, вы видите верхнюю часть равнины и ущелье к северо-западу от нее, где Амфисса занимает место, похожее на устье Дельфийского ущелья. Южные скалы ущелья напротив Дельф закрывают море и настоящий залив, но перед глазами простирается обширный богатый участок, покрытый оливковыми деревьями, мушмулой и олеандрами - равнина, за которую стоило сражаться, и владение еще более ценное, когда оно позволяло приближаться паломникам с моря; ведь портовые сборы и пошлины Кирры когда-то приносили большой доход, и их потеря грозила оракулу нищетой. Это взимание пошлин с паломников в Дельфы [pg 296] стало государственным вопросом во времена Солона; оно вылилось в большую войну, возглавленную Амфиктионийским советом. Кирра была разрушена, а ее земля посвящена богу, чтобы защитить подход от будущих трудностей. Так что этот большой участок, я полагаю, был отдан под пастбища, и жрецы, вероятно, взимали ренту с людей, решивших пасти свой скот на священной равнине. Амфиктионов, живших не на берегу моря, а на горной стороне равнины, никогда не обвиняли в грабежах и поборах с паломников; но, получив в течение многих поколений право на пастбища, они дошли до мысли обрабатывать свои пастбища, и их привилегии не нарушались, пока озорной оратор Эсхинес в своих целях не разозлил дельфийцев, не разжег войну и не привел Филиппа в Грецию. Таковы исторические обстоятельства, о которых должен помнить путешественник, который едет по крутому спуску из Дельф на равнину, а затем сворачивает через оливковые леса на большую дорогу в Итею, как теперь называется порт Дельф.

Через несколько часов пути мы оказались вблизи моря. Самой любопытной особенностью этой долины, как мы увидели, была длинная вереница верблюдов, связанных вместе, и во главе с маленьким и облезлым осликом. Наши мулы и лошади с удивлением повернулись, чтобы рассмотреть этих животных, которые сохранились только здесь, хотя были завезены турками во многие районы Греции.

[pg 297]

Порт Итея - одна из станций, куда теперь заходят греческие каботажные пароходы, и, соответственно, это место приобретает все большее значение. Если бы разрешили задерживаться на день, чтобы туристы могли доехать до старого места оракула, и если бы сервис был лучше отрегулирован, чтобы конкурировать по удобству с поездкой на поезде из Патраса в Афины, я полагаю, ни один путешественник, отправляющийся в Грецию, не выбрал бы другой маршрут. Ведь он увидит все прекрасные берега Акарнании и Этолии с одной стороны и Ахайи - с другой; по пути он сможет заехать в Дельфы и снова высадиться в Коринфе. Здесь снова следует выделить день или часть дня, чтобы увидеть великолепный

Акро-Коринф, о котором подробнее в другой главе. Таким образом, путешественник может добраться до Афин, уже посетив значительную часть Греции, и иметь больше свободного времени, чтобы обратить свое внимание на памятники и диковинки этого города и Аттики. Стоит посоветовать эти вещи, потому что большинство людей, отправляющихся в Грецию, обнаруживают, как и я, что, обладая более полной информацией, они могли бы сэкономить и время, и деньги. Я также могу посоветовать оставить каботажный пароход в Итее, откуда путешественник может легко добраться на лошадях до Дельф и Арахова, а оттуда в Херонею, Лебадею и через Фивы в Афины. Так он доберется до Афин, совершив сухопутную экскурсию, в ходе которой познакомится со всей Беотией. Далее он мог бы отправиться поездом из Афин в Коринф [pg 298] (остановившись по пути в Мегаре), а затем в Пелопоннес; сначала в Микены и Аргос, а затем на другом пароходе в Спарту, проехать через Лаконию, Аркадию и Элиду, чтобы выйти в Патрах или на лодке в Занте, где его заберет пароход, отправляющийся в обратный путь. Конечно, специальные экскурсии по Аттике и на острова не включены в этот очерк, так как их можно легко совершить из Афин.

Но, конечно, ни одно путешествие по Греции нельзя назвать полным, если оно не включает посещение знаменитого святилища в Дельфах, где дикость и суровость природы естественным образом наводят на мысль о силах земли и воздуха, которые незримо управляют нашей жизнью, где дрожащая земля и изрезанные скалы говорят о силе, превышающей силы смертного человека, и где великая вера, основанная на его глубочайших надеждах и страхах, обрела нравственную империю над всем народом и осуществляла ее на протяжении веков, очищая и облагораживая эллинскую расу. Оракул давно умолк, жрица забыта, храм не только разрушен, но и уничтожен; однако великие отклики этой благородной святыни не забыты и не умерли. Ибо они внесли свою лепту и свой элемент в общее развитие мира и в освобождение человека от безнравственности и суеверий к истинной свободе доброй и просвещенной совести.

[pg 299]

ГЛАВА XI.

ЭЛИС - ОЛИМПИА И ЕЕ ИГРЫ - ДОЛИНА АЛФЕЯ - ГОРА ЭРИМАНФ - ПАТРЫ.

Тысячи туристов, чьи корабли заходили в бухту Катаколо каждые четыре года в старые добрые времена, не могли с первого взгляда впечатлиться красотой страны. Большинство других подходов к побережью Греции гораздо более поразительны. И хотя в ясный день горы Аркадии хорошо видны и образуют прекрасный фон для обзора, от великого бара Эриманфа на севере до вершины Ликеона далеко на юго-западе, передний план не имеет и никогда не имел ни исторического интереса, ни красоты многочисленных заливов и гаваней в других частях Греции. Однако я далек от того, чтобы утверждать, что даже в этом отношении он действительно недостаточен. Мы увидели бухту в тихом летнем закате, в спокойной воде которой отражалось спящее облако и несколько праздных парусов в его янтарном сиянии, а широкий круг невысоких холмов и поросший травой берег купался в золотистой дымке, которая расстилала свой занавес света по всему периметру, Так что один только снежный

гребень Эриманфа казался подвешенным какой-то тайной в синеве - вид был [pg 300] не совсем греческий, но все же прекрасный, и не было неподходящей одежды, в которую могла бы облачиться земля, чтобы приветствовать путешественника и поведать ему о своей солнечной тишине и золотой тайне.

Повозка, идущая вдоль побережья, проходит мимо песчаных холмов и песчаных полей с виноградниками, которые обрабатывались, когда мы их увидели, добродушными, но убогими крестьянами, некоторые из которых жили в жалких хижинах из шкур, обнесенных грубым забором. Но это, вероятно, были лишь временные жилища, поскольку бережливость и трудолюбие южного грека вряд ли совместимы с настоящей бедностью. В Морее, похоже, не знают, что такое мендиканство, за исключением маленьких детей, которые занимаются им изредка.

Пыльная двухчасовая поездка, на мгновение разбавляемая благоуханием апельсиновых цветов в садах, огороженных могучим алоэ, привела нас в шумный и оживленный город Пиргос.¹¹⁵ Этот город, один из самых процветающих в Греции, показался нам таким же шумным, как Неаполь, пропорционально его размерам, полным лая собак, блеяния ослов и различных лавочников, выкрикивающих свои товары - особенно часто там, где работали молодые пронзительно голосистые мальчишки. Нигде ультрадемократические нравы новой греческой общественной жизни не проявляются так явно, как на этих беспокойных улицах. Мало того, что каждый член человеческого общества, как бы [pg 301] ни был молод или недоброжелателен, позволяет своему голосу звучать без удержу, но, кажется, считается нарушением свободы заставить замолчать тявкающих собак, брыкающихся ослов или любое другое животное, которому вздумалось побеспокоить соседей.

Весь город, как и большинство других в Греции, даже в Аркадии, полон полуразрушенных и только что построенных домов, что свидетельствует о быстром росте благосостояния или, возможно, о возвращении населения из сельской жизни в города, которые всегда были так благоприятны для этой расы. Но если это и так, то в сельском хозяйстве страны, которое в Морее поразительно старательно и трудолюбиво, поднимается по крутым склонам и ползет по обрывам, отвоевывая у неблагодарной природы каждый дюйм скудной земли.¹¹⁶ Таков контраст северной и южной Греции. В Беотии богатые равнины Фив и Орхомена лежат под паром, в то время как все суровые горы Аркадии дают вино и масло. Греки скажут вам, что это результат безопасности, установленной их правительством в тех частях Греции, которые недоступны с турецкой границы. Они утверждают, что если бы их нынешняя граница проходила не в Фермопиле, а в Темпе или даже дальше на север, то богатые равнины северной Греции не лежали бы без дела из-за страха перед разбойниками, которые [pg 302] всякое беспокойство, возбуждаемое на границах плохо охраняемых королевств.

Каретная дорога от Пиргоса до Олимпии была только что закончена, и теперь можно проехать весь путь от моря, но мы предпочли старый способ передвижения на лошадях ужасам недавно построенной греческой магистрали. Кроме того, в блуждании по неасфальтированным дорогам, по лугам, через рощи и заросли, через горы есть своя прелесть, которую не может дать ни одна пыльная дорога для карет. Вскоре мы вышли на берега Альфея, по которым и следовали, хотя временами находились высоко над ним, а временами - на лугах у воды; временами снова взбирались на лесистый хребет, преграждавший путь потоку и заставлявший его делать широкий круг от нашего русла, или снова пересекали глубокие прорези, сделанные речушками, которые спускаются с северного Элиса и вздувают реку от мили к миле.

Наш путь, должно быть, был почти таким же, каким в классические времена следовали толпы людей, приезжавших с запада на Олимпийские игры: они поднимались вдоль изгибов реки и, натываясь на каждый новый амфитеатр холмов и каждый новый приток, возможно, испытывали то же нетерпение, что и мы, - что это не священный Альтис и не знаменитое слияние Кладеусов. Но время года, в которое они путешествовали - начало июля - никогда [pg 303] не могло показать им долину в ее истинной красоте. Вместо ослепительного сухого ложа из гравия и пересохших от жары лугов Альфеус показался нам широкой и быстрой рекой, которую мы с трудом пересекли на лошадях; луга зеленели всходами кукурузы и пестрели цветами, а по всем склонам деревья распускались и распускались, наполняя воздух богатым ароматом весны. Огромные кусты арбутуса и мастихия сомкнулись вокруг тропинок, а над ними пурпурным и белым покрылись иудино дерево и дикая груша, и на каждом берегу алые анемоны раскрыли свои тоскливые глаза в лучах утреннего солнца.

Берега Кладеуса

Когда мы приехали в настоящую Олимпию, перспектива была поистине обескураживающей. Какими бы интересными ни были раскопки, они всегда крайне уродливы. Вместо травы, цветов и чистой воды мы нашли классическое место, обезображенное огромными курганами земли и вытоптанное до травы. Мы обнаружили, что Кладеус течет мутной струей в большую реку. Вместо уединения и пения птиц мы обнаружили сотни рабочих, тачки, доски и траншеи. Так мы нашли знаменитый храм Зевса.

Этот храм был во многих отношениях одним из самых знаменитых в Греции, особенно из-за огромного изображения Зевса, которое Фидий сам изготовил для него из золота и слоновой кости, и о котором Павсаний [pg 304] оставил нам очень замечательное описание (V. II, sqq.). Его увезли в Константинополь, и, конечно, драгоценный материал исключал всякую возможность того, что он сохранится в веках невежества и фанатизма. Сам храм, судя по его внешнему виду, был несколько старше времен Фидия, так как он имеет тот стройный и массивный вид, который мы находим только в ранних дорических храмах и который скорее

напоминает нам о Пестуме, чем об афинских останках. Он был построен местным архитектором Либоном из очень грубого известняка, добытого в окрестностях, который был покрыт лепниной и окрашен в основном в белый цвет, судя по сохранившимся фрагментам. Но кажется, что элеанцы сделали все возможное, чтобы придать зданию величие, когда им позволяли средства. Черепица на крыше была не из обожженной глины, а из пентеликанского мрамора, известного и прекрасного изобретения наксийских византийцев. Более того, Фидий и несколько его соратников или подчиненных в Афинах, а также другие художники были приглашены в Олимпию, чтобы украсить храм, и именно им мы обязаны фронтонами, вероятно, метопами и многими статуями, которыми была буквально усеяна вся священная территория вокруг здания. Последующие поколения добавили к этому величие: позолоченная фигура Победы с золотым щитом была установлена на вершине фронтона; позолоченные кувшины на концах; позолоченные щиты были закреплены вдоль всех архитравов Муммием, [pg 305] из трофеев Коринфа, а великая статуя Зевса внутри по-прежнему оставалась чудом и благоговением древнего мира.

Но с падением язычества и официальным прекращением Олимпийских игр (394 г. н. э.) слава храма пришла в упадок. Великая статуя в святилище была увезена в Византию; многие из votивных бронз и мрамора, стоявших вокруг священной рощи, были перевезены в Италию; наконец, страшное землетрясение, очевидно, в пятом веке, сравняло весь храм почти с землей. Действие этого необычайного землетрясения до сих пор отчетливо прослеживается в ныне нераскрытых руинах. Оно подняло храм из центра, отбросив колонны со всех четырех сторон наружу, где большинство из них лежит с отделенными барабанами, но все еще целыми и требующими лишь механической силы, чтобы установить их снова. Несколько предварительных толчков заставили части скульптур фронтона упасть со своих мест, так как они были найдены у подножия ступеней храма; но главный толчок отбросил оставшиеся части на большое расстояние, и я видел, как работу Алкамена откопали более чем в двадцати пяти ярдах от ее надлежащего места.

Несмотря на это сотрясение, пол храма с его мраморной работой и еще более прекрасной мозаикой все еще сохранился, и немцам показалось сомнительным, что в нем теперь можно найти хоть одну трещину. Около развалин собралось [pg 306] небольшое население, так как было найдено много фрагментов, встроенных в стены плохой и поздней постройки; но эта работа по разрушению была, к счастью, остановлена внезапным разливом Альфея, вызванным прорывом одного из горных озер около Фенея. Тогда река покрыла всю небольшую равнину Олимпии глубоким слоем мелкого песка и ила. Из этой плодородной почвы выросли заросли арбута и мастихии, которые так скрыли все следы древности, что, когда Чандлер посетил это место 100 лет назад, над землей не было ничего, кроме части стены целлы, которая с тех пор была удалена соседними строителями. Но место было определено, и потребовалась лишь предприимчивость современных исследователей, чтобы обнажить старый уровень, так удачно скрытый вмешательством природы. Путешественник, который сейчас посещает Олимпию, может увидеть весь план и контур великого храма со всеми его лежащими вокруг столбами. Он может стоять на том самом месте, где когда-то было помещено непревзойденное изображение - шедевр искусства Фидия. Он может увидеть старую мозаику из цветной гальки с ее изысканным рисунком, который более поздний вкус - вероятно, римский - решил покрыть мраморным тротуаром. Но, прежде всего, в прилегающих [сараях](#)¹¹⁷ он может найти не только остатки знаменитой Ники Пелония, которая стояла на пьедестале недалеко от восточного фасада, но и большую часть великолепных скульптур фронтона, которые отныне будут относиться к самым важным реликвиям греческого искусства. Эти благородные композиции были восстановлены с

достаточной полнотой и теперь стоят рядом с фронтонами Парфенона как по замыслу, так и по общему дизайну.

Статуя Нике работы Паэния

Но даже если бы реставрация так и не была завершена, в уже восстановленных фрагментах фигур достаточно, чтобы показать гений обоих скульпторов, но особенно Алкамена, автора западного фронтона. Это прекрасно согласуется с заметкой Павсания, который, упоминая об этой работе, добавляет, что Алкаменес считался в свое время художником, уступающим только Фидию.

Ученые люди возразили мне на месте, что восточный фронтон, являющийся собственно фасадом храма, должен был быть более важным, и что Пеоний, как мы знаем из надписи, хвастается тем, что получил его исполнение в результате конкуренции, доказывая тем самым, что он, по крайней мере в этом случае, был предпочтительнее своих соперников. Но явное превосходство проекта Алкамена заставляет меня предположить, что хвастовство Пеония относится только к восточному фронтону, а западный, вероятно, уже был закреплен за Алкаменом. Я также не согласен с мнением, что восточный фронтон должен был быть [pg 308] наиболее важным с художественной точки зрения. В некоторых греческих храмах - например, в Парфеноне, храме в Бассе и в этом - подавляющее большинство посетителей, должно быть, подходили к нему с задней стороны, которая, соответственно, должна была быть довольно заметной стороной для художественного оформления. Позвольте добавить, что в группах с этой стороны допускалось гораздо больше действия, в то время как над входом фигуры были неподвижны и спокойны, как бы гармонируя с благоговением и тишиной входящих богомольцев. Как бы то ни было, работа Алкамена, безусловно, превосходит то, что осталось нам от Пеония в восточном фронтоне и в его фигуре крылатой Победы, которая, как мне кажется, была сильно переоценена критиками, видевшими ее вскоре после открытия. [118](#)

Композиция групп на фронтонах и фризах была описана Павсанием (V. 10, §§ 6-10) в отрывке, представляющем большой интерес и вызвавшем много споров. Общее впечатление докторов Хиршфельда и Вайля, когда я был в Олимпии, было против точности Павсания, который, по их мнению, слепо записывал все, что ему говорили местные цистероны. Мнение доктора Пургольда было в его пользу. Путешественник, однако, говорит, что на восточном фронтоне, на котором, [pg 309] как уже отмечалось, не принято было изображать жестокие действия, была изображена подготовка к гонке на колесницах между Пелопсом и Сеномаус. В центре изображен Зевс, торс которого удалось восстановить, а на узких концах поля - фигуры Алфея и Кладея, справа и слева от зрителя соответственно. Эти фигуры частично восстановлены - грациозные юноши, лежащие на земле и поднявшие головы, чтобы наблюдать за состязанием.

Стоит на мгновение остановиться на этой диспозиции, которая была настолько обычной, что стала почти конвенциональной в педиментах, изваянных в лучшие эпохи греческого искусства. В центре, где поле было очень высоким и допускало колоссальную фигуру, обычно помещали бога, чье провидение руководило происходящим вокруг, и этот бог был представлен спокойным и без волнений. Затем шли мифические события, сгруппированные по обеим сторонам; на концах же, где поле сужалось до угла, было принято изображать спокойствие или бесстрастность внешней природы. В греческой скульптуре это делали не деревья и холмы, а боги, которые их символизировали. Природа в греческом искусстве была так тщательно олицетворена, что ее живописность была полностью отложена до ее живого сознательного сочувствия человеку, и поэтому для грека правильным изображением рек Олимпии был не пейзаж, а изящные формы речных богов - разумных и человеческих, но спокойных зрителей, какими и должна быть природа. [pg 310] Та же идея более характерно реализована в фронтоне Алкамена, где, несмотря на жестокий конфликт кентавров и

лапифов, центральные и крайние фигуры, как я сейчас замечу, являются совершенно невозмутимыми свидетелями незаконного насилия.

Расположение остальных частей восточного фронтона, очевидно, было вполне симметричным. По правую руку от Зевса находились Сенотаус, его жена Стеропа, его возница Миртил, сидящий перед четырьмя лошадьми, и два конюха; по левую - Пелопс, Гипподамия и столько же лошадей и сопровождающих. Было найдено множество фрагментов этих фигур, достаточных для того, чтобы склонить нескольких искусствоведов к предположительной реставрации фронтона, одна из которых сейчас установлена, как я полагаю, в музее в Берлине.

Западный фронтон, от которого найдено больше и больше поразительных фрагментов, восстановить сложнее, потому что Павсаний, к сожалению, не так точен в его описании, и, кроме того, его подозревают в серьезной ошибке в отношении центральной фигуры. Вопреки только что упомянутому прецеденту, он говорит, что эта центральная фигура - Пирит, чью жену только что унесли кентавры, и поэтому она должна быть в сильном волнении. Но незадолго до нашего прибытия в Олимпию была найдена колоссальная голова благороднейшей концепции, которая, несомненно, принадлежит к скульптурам фронтона и, должно быть, является головой [pg 311] этой центральной фигуры. Она совершенно спокойна и божественна по выражению и почти заставляет зрителя сделать вывод, к которому склоняются все лучшие судьи, что это, должно быть, Аполлон, и что это была центральная фигура, в то время как Пирифой был более активно занят. По обе стороны от этой фигуры находился кентавр, уносящий на себе девицу (я полагаю, невесту), а по другую - юношу, а по бокам - Кеней и Тесей, приходящие на помощь.

Но о других фигурах Павсаний умалчивает, а ведь там, несомненно, были две прекрасные горные или речные нимфы - лежащие, со своеобразным головным убором из толстой повязки, обернутой вокруг волос, - которые являются одними из самых совершенных из найденных фигур. Кажется также несомненным, что Пиритус должен был находиться где-то на фронте, а это предполагает наличие еще одной фигуры, соответствующей ему на другой стороне, поскольку эти группы всегда были симметричными. В данном случае Павсаний пропустил в своем описании по меньшей мере четыре фигуры, и, похоже, к тому же ошибся в самой большой и важной из всех. Немцы приводят в доказательство этих строгостей его мимолетное замечание о Метопях, изображающих труды Геракла, на одной из которых, по его словам, Геракл собирался освободить Атласа, тогда как на этой плите, которая была найдена, действительно изображен Геракл, несущий земной шар, и одна из Гесперид, помогающая ему, в то время как Атлас приносит ему яблоко.

[pg 312]

Эта критика покажется большинству обычных людей слишком незначительной, и я скорее склонен хорошо относиться к Павсанию как к умному путешественнику, хотя он, конечно, совершал некоторые ошибки.

Но с момента написания этих слов прошло достаточно времени, чтобы не только завершить раскопки, но и более тщательно изучить найденные фрагменты и вынести более спокойное суждение об их достоинствах. В целом, по мнению лучших критиков, это разочарование. Дизайн обоих фронтонов по-прежнему кажется мне мастерским, особенно проект Алкамена, но нет сомнений, что исполнение намного ниже мраморных скульптур Парфенона. Есть и положительные недостатки - неспособность воспроизвести драпировку (в то время как обнаженные части очень верны природе), и большая небрежность в других деталях. В ответ на это можно возразить, что фронтоны предназначались для просмотра на высоте около

сорока футов от земли, и что роспись фигур должна была подчеркнуть особенности драпировок, упущенные в резьбе. Как бы это ни было верно, мы можем сразу ответить, что мастера Фидия не создавали подобных работ. Первым качеством аттической школы была та добросовестность в деталях, которая встречается нам в каждую великую эпоху искусства.

Эти трудности показались некоторым настолько серьезными, что они фактически заподозрили Павсания в том, что он был введен в заблуждение и ложно приписал работы [pg 313] малоизвестных местных художников Алкамену, а возможно, также ложно приписал их Пелонию. Говорят, что нет ничего более распространенного среди вульгарных цицеронов, чем приписывать великому мастеру какое-либо старое произведение неопределенного происхождения. Другие, не впадающие в такие крайности, считают, что оба скульптора разработали только общий проект, а его исполнение передали местным художникам. Возможно, так оно и было. Но я склонен заключить, исходя из слишком восхваляемой Ники, которая, несомненно, является работой Пеония, что он не был художником, принадлежащим к великой аттической школе.¹¹⁹ Вся внешняя работа храма, похоже, представляет собой этап искусства, более ранний и грубый, чем школа Фидия. Это в полной мере относится к Метопу, который вряд ли может быть датирован более поздним, чем 460 г. до н. э., или дофидийским по времени.

Совсем другое впечатление производит величайшая и самая бесценная жемчужина из всех сокровищ Олимпии - Гермес Праксителя, который был найден на том самом месте, где его увидел и описал Павсаний, упавший среди руин храма, который первоначально его охранял. Эта изящная фигура, гораздо меньше натуральной величины, изображает бога Гермеса, держащего на одной руке младенца Диониса и показывающего ребенку какой-то предмет, ныне утраченный. Правая рука и ноги ниже [pg 314] колен исчезли; правая ступня с сандалией, изысканной работы со следами золота и красного цвета, была восстановлена. Примечательно, что задняя часть статуи не закончена, а ребенок скорее похож на куклу, чем на человеческого младенца; однако главная фигура, которая теперь широко известна благодаря копиям, является самым совершенным остатком греческого искусства. Храм, в котором была найдена статуя, почтенный Гереон, является самым интересным из всех олимпийских зданий по своему плану и решил для нас многие проблемы в греческой архитектуре. Острые исследования доктора Дёрпфельда показали, что стены были не из камня, а из высушенного на солнце кирпича, а окружающие их колонны постепенно заменили более старые деревянные столбы, один из которых все еще стоял, когда Павсаний видел здание. Следующие друг за другом каменные колонны и их капители были одного порядка, дорического, но различались по размерам и профилю в зависимости от вкуса того времени. Таким образом, в этом древнем здании, как и в наших английских соборах, видна работа нескольких веков по его восстановлению. Крыша и архитрав были, очевидно, деревянными, поскольку все следы этих элементов исчезли; но из остатков старых "сокровищниц", описанных Павсанием, мы узнаем, что в очень давние времена деревянные и глинобитные кирпичи облицовывались цветной терракотой, вылепленной по требуемой форме, и что этот орнамент все еще использовался после того, как камень заменил кирпич и глину в качестве материала для стен и архитрава. [pg 315] Эти и многие другие любопытные детали стали главным результатом архитектурных изысканий, проведенных немцами в отношении архаических зданий в Олимпии; но для читателя этой книги было бы утомительно, если бы я отвлекся на обсуждение технических деталей. Он найдет их в "Олимпии" Беттихера с большой ясностью и элегантностью. Полные результаты раскопок теперь можно найти в официальном труде немецкого правительства, посвященном этим исследованиям.

К сожалению, из большого класса памятников Олимпии, портретных статуй победителей на играх, осталась только одна очень реалистичная голова боксера, из которых одна даже приписывалась Фидию, а несколько - Алкамену во времена Павсания. Все это были вотивные статуи, установленные победителями на играх или победителями в войне, и в ранние времена это были, строго говоря, не портреты, а идеальные фигуры. Позже они стали более реалистичными и изготавливались по образу и подобию жертвователя, что, как говорят, в свое время было привилегией только тех, кто трижды побеждал в Олимпии.

Увековечивание гимнастических побед этими статуями, похоже, полностью вытеснило старую моду на триумфальные оды, которые во времена Пиндара так ценились и так дорого покупались у лирических поэтов. Когда эти оды были впервые написаны, скульптура еще боролась с трудностями человеческого выражения, и не было ни одного [pg 316], кто бы не чувствовал большого художественного превосходства стиха Пиндара над холодной жесткостью архаичных рельефов той же эпохи, которые пытались изобразить портрет. Портрет Аристиона работы Аристокла, аналогичный рельеф Аксенора Наксийского, рельеф метателя диска - достаточные примеры того, чем были скульптурные портреты в сравнении с богатой музыкой Симонида и Пиндара. Но пока лирическая поэзия переходила на более высокое служение трагедии или вырождалась в экстравагантность позднего дифирамба, скульптура достигла такого изысканного совершенства и по самой своей природе была столь долговечной и явной, что победитель Олимпийских игр выбирал ее как самый верный путь к бессмертной славе. И так было до времен Павсания, когда каждый путешественник мог изучить записи игр в Олимпии или даже полюбоваться самыми совершенными статуями во дворцах римских императоров, куда они были перенесены.

Но настал день, когда поэты отомстили скульпторам. Олимпия погрузилась во всеобщий упадок и внезапную катастрофу. Землетрясения и варвары опустошили ее сокровищницу, и пока Пиндар сохранялся в рукописях до своего воскрешения в эпоху книгопечатания, нашествие Кладезя спасло скудные остатки в Альтисе от уничтожения, лишь покрыв их забвением. Теперь, в день его воскрешения, пьедестал за пьедесталом с его вотивной надписью был раскопан, но, кроме Nike из Пеонии, ни одна настоящая [pg 317] вотивная статуя не была найдена, когда я увидел раскопки, после двух лет труда.

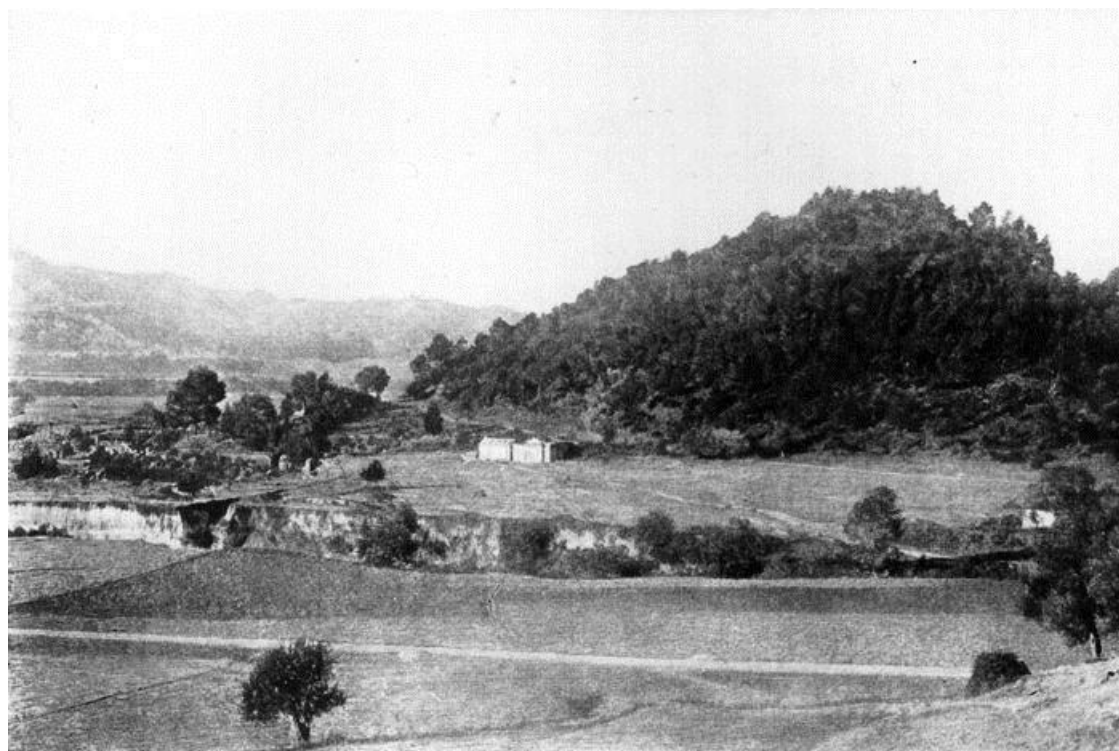
Река Алфей, которая проделала такую прекрасную работу во время своих наводнений, не ограничивается сокрытием древностей, но иногда и обнаруживает их. Ее стремительное течение срывает аллювиальный берег, отложенный водами много веков назад, и таким образом вторгается в старые гробницы, из которых мутным потоком вымываются различные реликвии. Знаменитый шлем, посвященный Иеро, сыну Дейномена, был найден в реке именно таким образом; кроме того, в Министерстве народного просвещения хранится большая круглая полоса из бронзы, склепанная вместе в местах соединения концов, с очень архаичными зигзагообразными и линейными узорами, найденная таким же образом около двадцати лет назад и представляющая для меня большой интерес как образец мастерства, сходного с украшениями из Микенских сокровищ Шлимана. Есть также грубый красный глиняный горшок в турецком доме на Акрополе в Афинах, который украшен такими же линиями. Очень важно указывать путешественникам на эти сходства, ведь в греческих древностях так много деталей и так мало еще классифицировано, что каждое замечание может быть полезным для будущих студентов, даже если оно может послужить лишь подсказкой для более глубокого исследования.

Стадион и Ипподром, расположенные дальше от реки и прямо под коническим холмом под названием Кронион, еще не полностью исследованы, но они, несомненно, могут

дать нам несколько новых и интересных свидетельств о проведении знаменитых Олимпийских игр.

Эти игры были совсем не такими, какими их представляет себе большинство людей. Поэтому я задержу читателя с некоторыми подробностями, касающимися этой интереснейшей стороны жизни старой Греции.

Учреждение игр в Олимпии поэты относили к мифическим эпохам, и не только в "Илиаде" есть книга, посвященная погребальным играм, но и в одиннадцатой олимпийской оде Пиндара это учреждение приурочено к трудам Геракла. Является ли такое доказательство действительно убедительным, можно справедливо усомниться. В двадцать третьей книге "Илиады", которая, судя по всему, является более поздней частью поэмы, описываются состязания, сильно отличающиеся от олимпийских, а мифические основатели, перечисленные Павсанием (v. 7) настолько разнообразны и непоследовательны, что мы можем видеть, насколько неясным казался этот вопрос греческим археологам, даже если бы мы не нашли в конце перечисления следующий важный намек: "Но после Оксила - поскольку Оксил тоже учредил состязание - после его правления оно вышло из употребления до Олимпиады Ифита", то есть до первой Оли., которая датируется 776 годом до н. э. Оксил был спутником Гераклидов, получившим в удел Элиду. Павсаний добавляет, что когда [pg 319] Ифит возобновил состязания, люди забыли старые порядки и лишь постепенно вспомнили о них, а когда вспомнили о каком-то особом состязании, то добавили его к играм. Это отличная мужская теория, объясняющая постепенное добавление длинных гонок, борьбы, метания диска, бокса и гонок на колесницах к первоначальному спринтерскому забегу на 200 ярдов, который сначала был единственным известным соревнованием.

Холм Кронион, Олимпия

Эти факты, как мне кажется, скорее указывают на поздний рост игр в Греции, которые, возможно, начались как местный праздник в Олимпии в восьмом веке, но приобрели

значение только во время правления деспотов по всей Греции, когда аристократам запретили убивать друг друга и заставили их заняться более мирными делами. ¹²⁰ Именно в конце седьмого и начале шестого веков Пифийские, Немейские и Истмийские игры показывают своими последовательными учреждениями быстрое распространение моды, а огромное количество местных состязаний распространило по всем районам Греции вкус и подготовку к таким соревнованиям. ¹²¹ Эти игры продолжались на протяжении всей классической греческой истории - олимпийской даже до более поздних времен, поскольку они не были отменены, пока не прошло почти 1200 лет (Ol. 294) с момента их предполагаемого основания. Но день их настоящего величия прошел задолго до этого. Цицерон с негодованием опровергает сообщение о том, что он ходил смотреть на такие игры, подобно тому как один благочестивый граф на нашей памяти опроверг сообщение о том, что он присутствовал на призовых боях между Сейерсом и Хинаном. Хорошие генералы прошлых веков, такие как Александр Македонский и Филопемени, выступали против атлетики как плохой тренировки для солдат. А еще раньше спартанцы, хотя и могли с успехом состязаться в пятиборье, когда им вздумается, не одобряли более жестоких соревнований, поскольку они порождали дурные чувства между соперниками и, что еще хуже, заставляли человека объявлять себя побежденным и чувствовать себя опозоренным. Афиняне также, как только софисты провели реформу образования, стали оценивать интеллектуальную борьбу как намного превосходящую любые телесные упражнения. Таким образом, превосходство Афин и Спарты над другими [pg 321] греческими городами в пятом веке стало, на мой взгляд, настоящим поворотным пунктом в оценке греками атлетики, и тот факт, что великие оды Пиндара воспевают славу не спартанцев и лишь дважды, очень кратко, афинян, кажется, указывает на то, что уже тогда люди начали думать о более серьезных состязаниях и более захватывающих зрелищах, чем праздничные встречи в Олимпии. Уже в следующем поколении поэты отошли от них, а Еврипид скорее презирает, чем восхищается ими. Историки почти не обращают на них внимания.

Лишь два обстоятельства способствовали их сохранению. Во-первых, к спорту добавились музыкальные состязания (которые всегда были частью пифии) и поэтические состязания, которые также стали поводом для торговых дел, общественных собраний и нередко для политической агитации. Мудрые ответы дельфийского оракула были в немалой степени обязаны информации, собранной со всех концов эллинского мира на играх, важное празднование которых, будь то в Немее, на Перешейке или на больших собраниях, происходило каждый год.

Во-вторых, если искусство поэзии вскоре посвятило себя высшим целям трагедии и создало для себя конфликт, который оно прославляло, то искусство скульптуры стало настолько тесно связано с атлетикой, что придало им эстетическое значение высшего рода на протяжении всей греческой истории. Древняя [pg 322] привычка устанавливать идеальные статуи победителей, которые делались особыми подобиями, если объект был особенно выдающимся, обеспечила греков серией исторических памятников и серией физических типов, не имеющих аналогов в других местах, и поэтому, возможно, самой интересной частью бесценного путеводителя Павсания по Греции является его коллекция заметок (lib. vi., 1-20) о различных статуях, установленных таким образом в Олимпии, которых он упоминает около двухсот, хотя он лишь делает выборку, и хотя несколько лучших из них уже были унесены римскими императорами.

Все это поддерживало жизнь атлетических состязаний в Греции и даже сохраняло для них некоторую известность. Священное перемирие, объявляемое во время национальных игр, было неоценимо удобно во времена долгих и ожесточенных войн и, несомненно, позволяло

встретиться друзьям, которые в противном случае были бы разлучены на всю жизнь.¹²² Но Панафинейские фестивали были лучшими выразителями вкуса Греции IV века. Здесь преобладали музыка и драма. Профессиональные зрелища стали в равной степени восхищать как развлечение и презирать как профессию; и я не сомневаюсь, что атлет, всю жизнь переходящий с одного состязания на другое в поисках гимнастических триумфов [pg 323], вызывал одинаковое презрение у Брасида и Клеона, Ксенофонта и Агесилая.

Во времена Солона все было совсем иначе. Он назначил награду в 500 драхм, тогда очень большую сумму, для победителей в Олимпии, 100 - для тех, кто был на перешейке, а для остальных - пропорционально. Пиндар поет так, словно для аристократов Гигины или тиранов Сицилии не было более высоких земных наград. Но мы не должны переносить эти свидетельства - привычку или эхо шестого века до нашей эры - во времена политической и образованной Греции, когда общественное мнение очень сильно изменилось в отношении преимуществ и ценности физических соревнований. Поняв это, я перейду к краткому анализу видов спорта и попытаюсь подвергнуть критике методы, принятые старыми греками для достижения наивысшего физического состояния, характер соревнований, которые они устраивали, и результаты, которых они, по-видимому, достигали.

Европейские греки, похоже, всегда осознавали, что физические упражнения имеют огромное значение для здоровья и, следовательно, для умственной бодрости, и самые ранние упоминания о воспитании включают в себя тщательную телесную подготовку. Помимо детских игр, которые во многом совпадали с нашими, существовали не только оркестровые или ритмические танцы в изящных фигурах, в которых участвовали девочки и которые соответствовали тому, что сейчас вульгарно называют каллистеникой, но и гимнастика, в которой мальчики [pg 324] обучались тем упражнениям, которые они впоследствии практиковали как мужчины. В дополнение к палестрам, которые в Афинах и, вероятно, в других городах содержались в интересах мальчиков как предмет частной спекуляции, гражданскими властями были учреждены регулярные гимназии, которые находились под строгим надзором как государственные учреждения для предотвращения праздности или безнравственности.¹²³ В этих гимназиях, куда юноши приходили после обеда, раздевались, смазывали себя маслом, а затем покрывали кожу слоем пыли или мелкого песка, обычно практиковались бег, борьба, бокс, прыжки и метание дротиков.

Я полагаю, что этот вид физической подготовки развивался с ростом городов и отказом от охоты и мародерства в связи с ростом культуры. Среди аристократов эпических времен, как и среди спартанцев, живших в деревне, в окружении лесов и гор, полевые виды спорта, я полагаю, были главным развлечением; не стоит и сравнивать соревнования в гимнастическом зале с этим гораздо более высоким и разнообразным видом отдыха. Контраст все еще сохраняется между нами, и наш деревенский джентльмен, охотящийся на лис, ловящий лосося, стреляющий рябчиков, имеет такое же неоценимое преимущество перед городским [pg 325] спортсменом, чья специальная подготовка к определенным соревнованиям имеет необходимую тенденцию низводить его до уровня профессионала. Существует даже опасность того, что некоторые прекрасные упражнения, которые казались общими для обоих, такие как катание на лодках и крикет, будут вульгаризированы вторжением этого профессионального духа, который подразумевает такое внимание к телу, которое исключает более высокие занятия, и который вознаграждает особыми победами и публичными аплодисментами, а не внутренним удовольствием от спорта ради него самого. Так, спартанцы не только возражали против бокса и панкратиона, в которых побежденный участник мог просить пощады; они даже в общих целях предпочитали полевые виды спорта, для которых у них были широкие возможности, любым специальным соревнованиям на силу

отдельных мышц. Но в таких местах, как Афины и их окрестности, где из-за тесного земледелия исчезла вся дикая природа и вся дичь, место сельского спорта пришлось занять тренировками в гимназии. Подобные упражнения, естественно, приводили к состязаниям, так что для нашей цели нам не нужно разделять гимнастические и агонистические упражнения, но мы можем использовать подробности, сохранившиеся о последних, чтобы рассказать нам, как греки практиковали первые.

Нет сомнений, что стремление к высокому мускульному состоянию рано ассоциировалось со стремлением к здоровью, а гигиена и физическая культура вскоре оказались тесно связанными. Так, Иродикус, тренер, который также был инвалидом, как говорят, [pg 326] открыл на собственном примере метод лечения болезней с помощью тщательной диеты и режима, и таким образом способствовал развитию греческой медицины. Павсаний также упоминает (vi. 3, 9) случай некоего Хисмона, элейца, который в детстве страдал ревматизмом конечностей и поэтому тренировался в пятиборье, чтобы стать здоровым и здоровым человеком. В результате тренировок он стал не только здоровым, но и знаменитым победителем.

Было бы очень интересно узнать в деталях, какие правила предписывали греки для этой цели. Павсаний рассказывает (vi. 7, 9), что некий Дромеус, одержавший десять побед в длинных скачках на различных играх (ок. 74 г. 485 г. до н. э.), был первым, кто додумался есть мясо во время своих тренировок, поскольку до этого времени рацион атлетов составлял сыр из плетеных корзин (ἐκ τῶν ταλάρων).¹²⁴ Следует помнить, что мясная пища не была распространена среди греков, которые, как и большинство южных народов, питались рыбой, фруктами и овощами, так что мясные обеды в Беотии порицались как тяжелые и довольно отвратительные. Однако открытие [pg 327] Дромеуса было принято греческими атлетами с тех пор, и мы слышим об их обязательном употреблении большого количества мяса, и их последующей сонливости и вялости в обычной жизни, так, что мы можем поверить, что греки упустили настоящий секрет тренировок, и на самом деле думали, что чем больше сильных питательных веществ человек может принять, тем сильнее он станет. О количестве пищи, съедаемой атлетами, повсеместно говорят как о значительно превышающем количество пищи, съедаемой обычными людьми, не говоря уже о ее более тяжелом качестве.

Подозрение, что в результате греческие атлеты не превосходили по скорости наших, а то и равнялись им, трудно проверить, поскольку у нас нет никакой информации о времени, в течение которого совершались их беговые подвиги. У них не было ни часов, ни хороших измерителей коротких мгновений времени, и они всегда бегали наперегонки, чтобы посмотреть, кто победит, а не для того, чтобы выяснить, за какое короткое время можно преодолеть заданную дистанцию. Тем не менее, поскольку дистанция проходила по мягкому песку, а на вазах они изображены мчащимися с распростертыми орлами, с руками, похожими на паруса ветряной мельницы, чтобы помочь движению тела, как объясняют германцы (вслед за Филостратом), - более того, мы даже слышим, что они начинали кричать, если в такое можно поверить, - их временные показатели в беге должны были быть явно низкими.¹²⁵

[pg 328]

На Олимпийских играх бег, который изначально был единственным соревнованием, всегда стоял на первом месте. Дистанция проходила один раз и составляла, по-видимому, около 200 ярдов. После 720 г. до н. э. (?) были добавлены забеги на двойную дистанцию и длинные забеги примерно на 3000 ярдов¹²⁶; забеги на доспехах были более поздним дополнением и проводились в конце спортивных состязаний. Примечательно, что среди всех этих

разновидностей скачки с препятствиями были неизвестны, хотя прыжкам в длину отводилось особое место, и они считались очень важными. На протяжении всей греческой истории мы имеем несколько необыкновенных анекдотов о выносливости в беге на длинные дистанции, и даже сейчас современные жители отличаются этим качеством. Я видел, как молодой человек не отставал от лошади, скачущей в хорошем темпе по пересеченной местности на протяжении многих миль, и мне рассказывали, что греческие почталыоны отличаются удивительной скоростью и выносливостью. Но это сочетается с очень плохими выступлениями на призовых соревнованиях.

[pg 329]

Для мальчиков в Олимпии проводились короткие забеги на половину дистанции. Восемнадцать лет были предельным возрастом для участия в соревнованиях, как следует из рассказа Павсания, а мальчик, победивший в возрасте двенадцати лет, считался удивительно молодым. Тот же авторитет рассказывает нам о человеке, который выиграл спринтерскую гонку в четырех встречах подряд, сохраняя темп в течение шестнадцати лет - замечательный случай. Похоже, что ни в одной из исторических игр не было второго приза - естественное следствие отмены материального вознаграждения.¹²⁷ В ходе состязаний, естественно, было много случайностей, и Павсаний, очевидно, знал случаи, когда победителем становился не самый лучший человек. Например, скачки проводились в забегах по четыре человека, и если выпадал нечет, владелец последнего жребия мог сидеть, пока не объявят победителей забегов, а затем бежать против них без всякого предварительного утомления. Ограничение каждого забега четырьмя участниками было вызвано, как мне кажется, тем, что на них не было цветов (или даже одежды), и поэтому их нельзя было легко различить. Соответственно, они выходили на арену через подземный ход в приподнятой части стадиона, и глашатай по порядку объявлял имя и страну каждого. Эта практика точно [pg 330] скопирована в нынешних Олимпийских играх, проводимых в Афинах каждые четыре года.

Следующим событием был борцовский поединок, который вышел из моды на наших призовых собраниях, хотя все еще является любимым видом спорта во многих сельских районах. Существует очень обширная терминология для различных трюков и приспособлений в этом состязании, и они объясняются с большим количеством нелепостей учеными, как древними, так и современными. Кажется, что не всегда было достаточно бросить [противника](#)¹²⁸, но что важной частью спорта было оказаться сверху на земле; и ни в одном случае человек не был объявлен побежденным, пока его не бросили три раза, и он не оказался фактически лежащим на спине. Не стоит перечислять различные технические термины, но можно заметить, что здесь допускалось много того, что мы называем нечестной игрой. Ударов ногами, как в Ирландии на борцовских поединках, не было, потому что не было сапог, но Павсаний упоминает (vi. 4, 3) человека, который не умел бороться, но побеждал своих противников, ломая им пальцы. Мы еще вернемся к этому вопросу, когда будем говорить о панкратионе.

Когда борьба заканчивалась, следовали метание диска и дротика, а также прыжки в длину, но в каком порядке - неизвестно; ибо я не могу [pg 331] принять в качестве доказательства пентаметрическую строку Симонида, в которой перечислены игры пятиборья, видя, что невозможно изменить их порядок без больших метрических трудностей. Единственным надежным ориентиром для нас является, как мне кажется, дата возникновения каждого вида состязаний, поскольку греки, очевидно, имели обыкновение помещать новое соревнование после тех, которые уже были установлены. Единственное исключение составляют состязания для мальчиков, которые, похоже, всегда проводились непосредственно перед

соответствующими соревнованиями для мужчин. Но нам только говорят, что и борьба, и состязание в пяти видах (пятиборье) датируются XVIII в. (710 г. до н. э.), и не сообщают, в каком порядке было назначено каждое из них. [129](#)

Вход на стадион, Олимпия

Метание диска предназначалось главным образом для проверки дальности, а метание дротиков - для поражения цели. Диск был каменным или металлическим и очень тяжелым. По положению дискобола Мирона, как видно на наших копиях, я делаю вывод, что его бросали без предварительного разбега, а скорее стоя. Это состязание можно сравнить с метанием молота или с бросанием гири. Однако у нас нет точных сведений ни о среднем весе диска, ни о среднем расстоянии, на которое мог метнуть его хороший человек. Существует, правда, один древний экземпляр, найденный в Эгине, [pg 332] и хранящийся сейчас среди бронзовых древностей в Мюнхене. Его диаметр составляет около восьми дюймов, а вес - менее четырех фунтов. Но, по-видимому, существовало три размера дисков, в зависимости от того, предназначались они для мальчиков, для взрослых юношей (ἀγένοιοι) или для мужчин, и нет уверенности, к какому классу относится этот диск. Филострат упоминает сто локтей как прекрасный бросок, но таким образом, что возникает сомнение, не говорит ли он наугад и в круглых числах. Точно так же у нас нет никаких подробностей, касающихся состязаний по метанию копья. Но я подозреваю, что здесь, если вообще где-либо, греки могли делать то, что мы не можем; ведь современные дикари, использующие копья, могут метать их с силой и точностью, которые для нас совершенно удивительны. Достоверные путешественники рассказывают, что каффир, внезапно налетевший на дичь, метким ударом снизу всаживает копьё прямо в антилопу на расстоянии десяти-двенадцати ярдов, не тратя времени на то, чтобы поднять руку. Это не под силу ни одному английскому спортсмену, каким бы тренированным он ни был.

Вопрос о прыжках в длину более интересен, поскольку они до сих пор являются частью наших состязаний. Неизвестно, практиковали ли древние греки прыжки с разбега или с

высоты, поскольку мы никогда не слышали о предварительном старте или о каких-либо трудностях, связанных с "разрывом триг", как это сейчас называют. Более того, в сохранившейся эпиграмме на знаменитого атлета, Фаилла Кротонского, утверждается, что он чисто перепрыгнул через подготовленную землю (которая [pg 333] была разбита лопатой) на твердую землю дальше - на расстояние в сорок девять футов. Мы, конечно, не можем, хотя некоторые немецкие профессора считают, что это подвиг, если бы это был один прыжок в длину, но мы не можем найти никаких следов чего-то похожего на прыжок, шаг и скачок, так что кажется удивительным, как такая нелепость должна быть серьезно повторена в эпиграмме. Но подвиг стал пословицей, и прыжок ὑπὲρ τὰ σκάμματα (за пределы подкопа) стал постоянно повторяемой фразой.

Длина прыжка Фаила была бы еще более невероятной, если бы состязание проходило в прыжках стоя, и все же фигуры атлетов на вазах, которые я видел, убедительно говорят в пользу этого предположения. Они изображены не бегущими, а стоящими и раскачивающими гантели или ἄλτῆρες (прыгуны), которые всегда использовались древними греками, что существенно помогало им в увеличении дистанции. Я могу себе представить, что так было в прыжках стоя, когда человек поднимался вместе с движением гири вперед, но в прыжках с разбега перенос гири должен был скорее мешать, чем помогать ему. Я знаю, что ирландские крестьяне, которые снимают очень тяжелые ботинки, чтобы прыгать, часто носят по одному в каждой руке и с силой бросают их назад, когда поднимаются с земли; но этот принцип не признается, насколько я знаю, ни одним научным авторитетом как хоть сколько-нибудь полезный.

Мы не слышим ни о прыжках с шестом, [pg 334] так что на самом деле прыжки кажутся изолированным соревнованием, не представляющим особого интереса, разве что как определение одного из событий пятиборья, в котором человек должен одержать три победы, чтобы быть объявленным победителем. Этому пятиборью, как джентльменскому упражнению без особой жестокости, особенно покровительствовали спартанцы. Его пытались использовать и для мальчиков, но сразу же отказались от него, посчитав, что нагрузка чрезмерна для растущего организма.

Остаются два самых жестоких и нежелательных вида спорта - бокс и панкратион. Первый появился первым (Ол. 23), а другое испытание силы было принято только в Ол. 33 (650 Г. ДО Н. Э.). Но упоминается особый случай, когда чемпион, выступавший в обоих видах, уговорил судей изменить порядок, чтобы ему не пришлось сражаться с особо известным противником, уже израненным и покрытым синяками. Ведь бокс еще с гомеровских времен был очень опасным и кровавым развлечением, в котором побежденные всегда подвергались суровому наказанию. Греки не довольствовались голыми кулаками, а всегда использовали специальное приспособление, называемое ἰ μάντες, которое сначала состояло из гири, носимой в руке и закрепленной ремешками из кожи вокруг кисти и запястья. Но этот древний цестус стал называться нежным (μελίχαι), когда более позднее и более жестокое изобретение ввело "острые ремешки на запястье" и, вероятно, увеличило вес инструмента. Успешный боксер в "Илиаде" [pg 335] (Эпей) признается, что он плохой воин, хотя и признанный чемпион в своем роду; но, очевидно, этот вид спорта не был высоко почитаем в эпические времена. В исторические времена он, по-видимому, был более благосклонен. Несомненно, для этого требовалось большое мастерство, но я считаю, что все эти факты доказывают, что греки не занимались боксом по здравым принципам, и что любой выдающийся член P. R. с голыми кулаками легко справился бы с любым вооруженным чемпионом Олимпиады. Вот мои доводы:

Принцип увеличения веса кулака настолько, насколько это возможно, объясняется только привычкой наносить размашистые или нисходящие удары и несовместим с истинным методом быстрого нанесения прямого удара и придания весомости удару за счет посылы всего тела. В описании Вергилия говорится, что боксер даже встает на цыпочки, чтобы ударить противника по макушке головы - нелепый маневр, который должен был бы сделать его мгновенную гибель уверенной, если бы его противник знал первые элементы этого искусства. То, что этот удар вниз использовался, следует также из анекдота Павсания, в котором отец, увидев, как его сын, пахущий землей, вбивает выпавшую долю ударами кулака без молотка, немедленно вызвал его на боксерский матч в Олимпии. Парень грубо обращался с ним от недостатка мастерства и, казалось, должен был проиграть, когда отец [pg 336] воскликнул: "Мальчик, дай ему удар плугом!" и так подбодрил его, что тот сразу же отправил противника в нокаут.

В отношении размашистого удара почти неоспоримым является тот факт, что во всей античности боксера называли не человеком со сломанным носом, а человеком с раздавленными ушами. Вергилий даже говорит о том, что они получали удары по спине. Против всего этого есть только два доказательства - одно из них невероятное - в пользу прямого удара. В поединке между Поллуксом и Амикосом, описанном Феоокритом (Идиллия 22), Поллукс наносит удар в левый висок, καὶ ἐπέμπεσεν ὤψιν что может означать: "и продолжает удар от плеча". Но это сомнительно. Другое дело - рассказ Павсания (viii. 40, 3) о том, что когда Крейгас и Дамоксен боксировали до вечера и ни один из них не мог ударить другого, они, наконец, договорились получать удары друг о друга, и после того как Крейгас нанес Дамоксену один удар по голове, тот сказал ему поднять руку, [130](#) а затем вогнал пальцы прямо в Крейгаса, под ребра, и вытащил его внутренности. Крейгас, конечно, умер на месте, но его короновали как победителя на том основании, что Дамоксенос нарушил соглашение о нанесении одного удара по очереди, ударив его пятью пальцами! Но это курьезное решение было лишь одним из многих, когда боксера дисквалифицировали за то, что он дрался с намерением покалечить своего противника.

Мало что нужно добавить о панкратионе, который объединял бокс и борьбу и разрешал все виды физического насилия, кроме укусов. В этом состязании простое падение не заканчивало дело, как это могло случиться в борьбе, но конфликт всегда продолжался на земле и часто заканчивался тем, что одного из бойцов фактически душили или ломали ему пальцы рук и ног. Один человек, Аррахсион, на последнем издыхании сломал своему противнику палец на ноге и заставил его сдаться, в то время как сам умирал от удушья. Такие состязания не соответствовали ни гуманности, ни хорошему вкусу греков, и их не допустили бы даже на самых низких из наших призовых рингов.

В заключение этого очерка я расскажу об общем устройстве призовых собраний.

В них не было недостатка в волнениях и обстоятельствах. В случае четырех больших встреч даже объявлялось публичное перемирие, и участникам и гостям гарантировалось безопасное путешествие к ним и возвращение домой. Судьи на Олимпийских играх выбирались за десять месяцев до начала в Элисе, и, похоже, их было по одному от каждого клана, количество которых варьировалось в течение греческой истории от двух до двенадцати, но в конце концов было установлено десять. [pg 338] Их называли и здесь, и на других великих играх ἑλαιοδίκαι, судьями эллинов, в знак признания их национального характера. Трое руководили пятиборьем, трое - скачками, а остальные - другими играми. Они должны были жить вместе в общественном здании и проходить строгое обучение всем деталям своего дела, в котором им помогали глашатаи, трубачи, распорядители и т. д. Их должность считалась очень важной и достойной.

Когда наступил великий день, они сидели в пурпурных мантиях на полукруглом конце ипподрома - элемент великолепия, которому подражают современные греки, одевая судей новых Олимпийских игр в вечерние платья и белые лайковые перчатки. Эффект, производимый даже сейчас аккуратно одетыми кандидатами, достаточно поразителен; но каково же было, когда ряд судей в пурпуре торжественно взирал на пару мужчин, одетых в масло и пыль - то есть занимающихся борьбой в грязи или катающихся по земле? Толпа ликовала и кричала, как и сейчас. Павсаний упоминает несколько случаев, когда участников дисквалифицировали за несправедливость, и в большинстве из них город, в котором жил человек, принимал участие в ссоре, которая становилась достоянием общественности; но на играх решение было окончательным, и мы не слышим о случаях, когда оно было впоследствии [отменено](#)¹³¹. Они также были обязаны требовать [pg 339] заранее от каждого кандидата клятву, что он чисто эллинского происхождения, что он не пользовался и не будет пользоваться никакими нечестными преимуществами и что он провел десять месяцев в строгом обучении. В последнее правило я не верю. Оно абсурдно само по себе и опровергается такими анекдотами, как про крепкого пахаря, о котором говорилось выше, и еще более прямым замечанием Филострата (Γυμν. 38), который высмеивает любое расследование судей о нравственности или подготовке атлета. Единственным смыслом этого правила могло быть исключение случайных кандидатов, если их число было чрезмерным, и в более поздние времена, возможно, существовало какое-то подобное регулирование, но я не принимаю его для добрых классических времен. Известен случай, когда мальчик был отвергнут из-за того, что выглядел слишком молодым и слабым, а на следующей Олимпиаде победил среди мужчин, а в другом случае участник, дисквалифицированный (за несправедливость), сошел с ума от разочарования. Аристотель отмечает, что это был редчайший случай, когда мальчик-чемпион становился успешным среди взрослых атлетов, но Павсаний, кажется, противоречит ему, поскольку в подборке, которую он делает, приводится довольно много случаев.

Следует отметить еще одну неприятную особенность, [pg 340] которая исчезла из нашего спорта. Из нескольких упоминаний становится ясно, что побежденные, даже побежденные мальчики, считались подходящими объектами для насмешек и издевательств, и что они пробирались домой переулками и задворками. Когда самый идеальный рассказ, который мы имеем об играх, дает нам такую информацию, мы не можем колебаться, чтобы принять ее как, вероятно, выдающуюся особенность, которая, кроме того, полностью соответствует характеру старых греков, как я его себе представляю.¹³²

Общий вывод, к которому нас приводят все эти подробности, таков: при всей тщательности и пышности греческих атлетических состязаний, несмотря на преувеличенную славу, которой добивались победители, и солидные денежные вознаграждения и привилегии, предоставляемые им их благодарной страной, достигнутые результаты в физическом плане, похоже, уступали результатам английских атлетов. Кроме того, в них присутствовал элемент жестокости, который очень шокирует современные представления: и не все идеальное великолеpie дифирамбов Пиндара или искусство Пифагора может поднять греческого панкратиаста как атлета намного выше уровня современного призового бойца. Но, тем не менее, с помощью своих монументальных статуй, великолепной лирической поэзии и многочисленных литературных и музыкальных состязаний, которые сочетались с гимнастическими, греки, как обычно, сумели поднять самые обычные вещи до [pg 341] великого национального проявления культуры, на которое мы не надеемся равняться.

Ведь они были обычными и очень человечными, в самом строгом смысле этого слова. Сухие как пыль ученые хотели бы заставить нас поверить, что оды Пиндара дают полное

представление об этих играх; как будто все кабинки на поле не были заполнены бездельниками, торговцами удовольствиями и отбросами греческого общества! Кувыркание, игра в наперстки и гадание, а также занятия любовью и торговля превращали Олимпию в сцену, не похожую на Дерби. Когда вечером начинались пьяные посиделки молодых людей, в этом, возможно, даже присутствовал душок ярмарки Доннибрука, но комитет по управлению, вероятно, строго следил за дисциплиной. После Истмийских игр успешные атлеты, закончив тренировки, уходили, как и большинство спортсменов, на отдых, который давали городские развлечения. Можно себе представить, насколько Коринф обеспечивал выплеск свободы после долгих и тяжелых физических тренировок.

Но все эти вещи, возможно, справедливо забыты, и возрождать их из небытия - дело неблагодарное. Пыль и грязь человеческих конфликтов, кровь и желчь, боль и месть - все это было отброшено, как одежда атлета, и не могло скрыть славы его обнаженной силы и железной выносливости. Безделье и тщеславие человеческого восхищения исчезли вместе с пестрой толпой и оставили нас [pg 342] свободными для изучения более глубокой красоты человеческой силы вместе со скульптором и духовных тайн ее наследственного происхождения вместе с поэтом. Таким образом, греческая гимнастика, со всеми ее недостатками - возможно, даже с ее абсурдами - сделала то, о чем никогда не приходилось даже мечтать ее современной сестре; она стимулировала величайших художников и высочайший интеллект в обществе, а через них облагораживала и очищала общественный вкус и общественную мораль.

Когда мы покинули Олимпию и стали подниматься по течению Альфея, долина сузилась до широкого русла потока. Путь пролегает то по тенистым склонам, возвышающимся над рекой, то по песчаным равнинам, остающимся голыми в летний сезон. Вдоль всего русла долины отчетливо выделяются любопытные зоны растительности. На берегу реки и на островках, образованных течением, растут лавры, мирты и большие платаны. На крутых и скалистых склонах - густые заросли мастиха, арбута, карликового остролиста и других вечнозеленых растений, которые так любят цепляться за скалы своими корнями; все они связаны между собой большими ползучими растениями, дикой лозой, конвольвулом и многими другими, новыми и безымянными для северного чужеземца. На возвышенностях, упираясь своими верхушками в небо, растут огромные сосны, одинокие и все еще потрепанные зимними бурями.

"Ces adieux à l'Elide, - добавляет М. Бюле, - laissent [pg 343] une pure et vive impression. Редко природа находится в столь прекрасной гармонии с сувенирами. Мы говорим о вечном театре, который всегда готов к мирным стычкам, всегда готов к праздникам, и который на протяжении шестидесяти лет посещает своих ушедших из жизни актеров".

Долина Альфея

Путешественники, отправляющиеся из Олимпии на север, либо едут на карете через Элису в Патры - два дня пути, либо через Калавриту в Мегаспилион, а оттуда в Востицу, избегая таким образом великих Альп Олонос (так теперь называется Эриманф) и Хелмос, которые являются одними из самых высоких и живописных в Греции. После моего последнего визита в Олимпию (1884 г.) меня так манил вечный вид на снежный гребень Олоноса, что я решил попробовать новый маршрут, не известный ни в одном из [путеводителей](#)¹³³, и пересечь гору, как можно прямее, из Олимпии в Патры. Мне было легко осуществить этот план в сопровождении молодого греческого антиквара М. Кастроменоса и доктора Пургольда из Олимпии, который проехал почти всю Грецию, но так же, как и я, хотел попробовать этот новый маршрут.

Итак, мы отправились в путь прекрасным весенним утром, вверх по долине реки Кладеос, где все деревья распускались и цвели, а птицы пели свои гимны восторга. Дорога была лесистой и вела [pg 344] вверх по узким и крутым, но не трудным просекам, пока, поднявшись на более высокий уровень, мы через три-четыре часа не добрались до деревни Лала, некогда важного турецкого форта. Здесь была более высокая равнина, с которой мы начали видеть план того обширного комплекса гор, которые образуют границы Старой Элиды, Ахайи и Аркадии и которые так часто были ареной трудных кампаний. От Лалы, где мы позавтракали, мы пересекли внезапно глубокую долину и, поднявшись на более высокий уровень, оказались в огромном дубовом лесу, подобного которому я еще не видел в Греции. Деревья не трогали веками, и летом местные жители даже избегали этого леса из-за множества ядовитых змей, которые прятались в глубоких слоях мертвой листвы. В этой высокогорной стране дубы только-только начали розоветь новыми почками, и не было видно ни одного зеленого листа, так что мы могли положиться на зимний сон змей, а сами, к большому недоумению погонщиков, снова и снова сворачивали с тропы, чтобы выкопать древесные анемоны всех цветов - бледно-голубые, розовые, темно-малиновые, алые, снежно-белые, которые ярко выделялись на коричневом ковре из дубовых листьев.

Мы потратили не менее двух часов на то, чтобы проехать через этот лес, а затем поднимались все выше и выше, проезжая по верхнему краю глубоких лесов, с бурными потоками далеко под нами. Самым красивым было место, откуда мы смотрели вниз на обширную прямую [pg 345] долину длиной около пятнадцати миль, почти такую же глубокую, как каньон, с серебристой рекой Эримант, несущейся своим неистовым течением так прямо, что ее было хорошо видно на всем пути. Но если подняться вверх по реке от этого места, где ее русло внезапно поворачивает за угол, то верхняя часть страны была уже не лесистой, а мрачной, как большинство альпийских Аркадий, страна суровых зим и больших лишений для населения, которое обрабатывает безвольную землю на крутых склонах гигантских обрывов.

У нас был большой соблазн свернуть в другое извилистое ущелье к потайному гнезду Диври, где греки нашли убежище от турецких преследований во время великой войны - место настолько скрытое и труднодоступное, что туда никогда не проникали вооруженные силы. Но неопределенность нашего маршрута была слишком велика, чтобы допустить подобные эпизоды, поэтому мы поспешили дальше, чтобы к вечеру добраться до Кан Трипотамо - места отдыха, которое сильно напомнило нам постоянный двор, где, как сообщается, ночевал святой Иоанн в апокрифических Деяниях о его жизни. Очень уставший от проповедей и путешествий, он нашел настолько невозможным делить комнату с жуками, что трогательно просил их позволить ему поспать; практически в силу своей апостольской власти он приказал им покинуть дом. Все они послушались, но когда утром апостол и его спутники обнаружили их терпеливо ожидающими за дверью, он был так тронут их вниманием к [pg 346] нему, что позволил им вернуться и заселить дом.

Но и жуки были, пожалуй, не самым страшным злом. Разбуженный ночью хрустящим звуком, я понял, что в дом пришла партия кошек, чтобы доесть наш ужин, и, испугавшись летящего сапога, они сделали наши кровати и тела ступеньками для прыжка на стропила и вылезли через большую дыру в крыше. Вскоре меня разбудило плескание холодной воды в лицо, и я обнаружил, что начался сильный ливень и льет через кошачий проход. Я положил зонтик в постель, пока ливень не закончился - единственный раз за все время плавания я почувствовал дождь. Я заметил, что мисс Агнес Смит, которая путешествовала по этим местам в мае 1883 года и имела очень похожие впечатления в Трипотамо, была мокрой почти каждый день. Мы не видели более двух ливней, и, кроме того, нам повезло, что были совершенно спокойные дни, когда мы пересекали высокие перевалы, хотя в целом бриз был настолько сильным, что в долинах почти штормило.

На следующее утро мы пошли вдоль реки до соседнего Псофиса, столь живописно описанного Полибием в его рассказе о Филиппе V и его походах в Элиду и Трифилию.¹³⁴ Этот город, считавшийся пограничным между Элидой, Аркадией и Ахайей, вполне мог бы послужить хорошим подспорьем для предприимчивого раскопчика. [pg 347] Описание Полибия можно проверить без труда, и руины все еще видны. Мы узнали от одинокого путешественника, что наш путь лежит на север, вверх по одному из притоков Эриманфа, и в компании с этим достойным человеком поднялись в деревню (Лечури) под самыми высокими обрывами Олоноса. Он был полон любопытства греческого крестьянина: кто мы, откуда родом, женаты ли, есть ли дети, сколько их, каков наш доход, с земли ли, платит ли государство, может ли нас уволить правительство, собираемся ли мы писать о Греции, что мы будем говорить и т. д. и т. п.? Таков был разговор, которому мы подчинились ради его наставлений. Но наконец показалось, что путь наш действительно подошел к концу, и мы попали в непроходимый тупик. Перпендикулярные стены скал окружали нас со всех сторон, кроме тех, куда мы входили, постоянно переходя ручей вброд или обходя его по краю. Возможно ли, что любопытство нашего попутчика заставило его вести нас по этой долине к

деревне, в которую он сам направлялся? Мы с тревогой ждали ответа, когда он показал нам узкую полосу темных сосен, спускающихся сверху, по форме напоминающих небольшой ручей, и тянущихся узкой зеленой нитью к вершине долины. Это был наш перевал, сосны с их корнями и стеблями делали возможным зигзагообразный путь вверх по почти перпендикулярной стене, и мы [pg 348] пробирались вверх с бесконечными поворотами, идя или скорее карабкаясь ради безопасности и чтобы дать отдых работающим мулам. Сколько я ни пытался подниматься на лошадях по крутым склонам в Греции, никогда не видел ничего столь удивительного, как это.

Поднявшись на вершину, мы оказались на узкой седловине, с обеих сторон которой возвышались снежные вершины, в нескольких милях от нас находился самый высокий хребет Олоноса, а с северной стороны простирался огромный сосновый лес, куда и должен был привести нас спуск. Вокруг нас все еще лежали большие пятна снега, и в них распускались крокусы и цикламены с темно-синими циллами. Далеко на юге возвышались горы Аркадии, а за ними виднелись вершины Мессены и Лаконии. Воздух был прозрачным, день - прекрасным и спокойным. На севере цепь Эриманфа по-прежнему скрывала от нас дальние дали. Долгое время, пока наши погонщики спали, а мулы и пони отдыхали, мы сидели, любуясь прекрасным видом. Барометр показывал, что мы находимся на высоте около 5500 футов. Свежесть и чистота атмосферы были таковы, что никакие мысли о голоде и усталости не могли омрачить нашего совершенного наслаждения. Вечером, спускаясь сквозь мрачные сосны и ослепительный снег, мы достигли деревни Агиос Власос, где песня бесчисленных соловьев умиротворяла ночные часы, ибо и здесь нелегко было уснуть.

[pg 349]

Путешествие из этого пункта в Патры, которое мы проделали за двенадцать часов, не так интересно, и путешественнику, который попробует проделать его сейчас, лучше телеграфировать, чтобы повозка встретила его как можно дальше по дороге. К этому времени хорошая дорога заканчивается на многие мили, а утомительность и жара равнины, когда вы приближаетесь к Патрасу, очень тягостны. Но с этой помощью, я думаю, ни одно путешествие во всей Греции не стоит того, чтобы пытаться его совершить, и, конечно, оно может быть осуществлено в любом направлении.

Патры - действительно отличное место для отправной точки. Помимо только что описанного маршрута, вы можете отправиться на лодке в Востицу, а оттуда в Мегаспилион. Кроме того, любителям такой работы предлагаются великолепные альпийские восхождения на вершины Хелмос и Олонос (Эриманф), которые лучше всего совершать из Патр. Кроме того, Патры - прекрасное место, откуда открывается великолепный вид на побережье и горы Этолии через узкий фьорд, а также на Ионические острова к северо-западу. Прямо напротив находится интересный городок Миссолонги. И наконец, что, пожалуй, не менее важно, в Патрах есть весьма респектабельная гостиница, которую я бы назвал [отелем135](#), где путешественник, проведший десять [pg 350] дней в тяжелых приключениях в Пелопоннесе, найдет пристанище для отдыха и комфорта. Отсюда пароходы доставят его в Афины, на побережье, или домой в Италию.

[pg 351]

ГЛАВА XII.

АРКАДИЯ-АНДРИЦЕНА-БАССАЕ-МЕГАЛОПОЛИС-ТРИПОЛИЦА.

Нет в Греции названия, которое вызывало бы в сознании рядового читателя более приятные и более определенные представления, чем название Аркадия. Оно неразрывно связано с очарованием пасторальной легкости и сельской простоты. Звуки пастушьей трубы и девичий смех, шелест тенистых деревьев, журчание нежных фонтанов, блеяние ягнят и блеяние волов - вот образы мира и изобилия, которые поэты собрали вокруг этого идеального места отдыха. Нет ни одного более исторически ложного, более необоснованного в реальной природе и облике страны и более противоречащего чувствам древних. Суровые горы и мрачные дефиле, суровый и ветреный климат, бедная и бесплодная земля, обрабатываемая с бесконечным терпением; дом, изгнавший своих детей в поисках хлеба ценой своей крови, климат, более неблагоприятный для интеллекта и культуры, чем даже туманы Беотии, безопасное убежище медведей и волков - такова Аркадия старой греческой истории. Политически она не имеет никакого веса до дней [pg 352] Эпаминондаса и основания Мегалополя. В интеллектуальном плане ее подъем еще более поздний, и она не принимает никакого национального участия в великом шествии литературы от Гомера до Менандра. ¹³⁶ Она славилась лишь товарной доблестью своих выносливых горцев, из которых тегейцы держались даже против могущества Спарты и получили почетное место в ее армии. Она также была отмечена грубыми и примитивными культами, в которых более поздние люди восхваляли простоту и домашнее благочестие, а иногда и суровую мрачность, которая не отворачивалась от жертвоприношения человеческой крови.

Я должен напомнить читателю, что сельская красота у древних, равно как и ренессансные видения воображаемой Аркадии как деревенского рая, отнюдь не включала в себя дикую живописность, которой мы восхищаемся в жужжащих скалах и бушующих потоках. Для греков они были негостеприимными и дикими. Пологие склоны, богатые пастбища, спокойная река в обрамлении глубокой листвы - вот, собственно, и все пейзажи, подобные долинам Темзы или серым аббатствам Йоркшира, которые удовлетворяли их представлениям об идеальном пейзаже; и в этом люди Возрождения были с ними полностью согласны.

Как же возникло в современной Европе ложное представление о нашей Аркадии [pg 353] ? Как случилось, что даже наши ежедневные газеты принимают этот смысл и считают его понятным для самой вульгарной публики? История перехода от исторического к поэтическому представлению очень любопытна и стоит того, чтобы ее объяснить, тем более что мы видим, что она предполагается во многих книгах, но не объясняется ни в одной.

Оказывается, с древнейших времен поклонение Пану было распространено в Аркадии, особенно в районе горы Меналус, и было уже древним, когда его привезли в Афины во время Персидских войн. Дошедший до нас "Гимн Пану" из гомеровских гимнов, который, возможно, был написан вскоре после этой даты, очень примечателен своим идиллическим и живописным тоном и показывает, что с этим поклонением Пану рано были связаны те вереницы нимф и деревенских богов, с их дудками и танцами, которые вдохновили Праксителя на создание неподражаемого "Фавна". Эти образы даже перенесены Еврипидом на Акрополь, где он описывает дочерей Аглаураса, танцующих на покрывале, в то время как Пан играет на своей трубе в гроте под ним (Ion, vv. 492, sqq.). Подобные факты

свидетельствуют о наличии нежного и поэтического начала в суровых и мрачных горцах, которые, подобно швейцарцам наших дней, жили в вечной борьбе с природой и всю свою жизнь были измучены трудом и опечалены неблагодарной усталостью. Этот вывод подтверждается свидетельством гораздо более позднего очевидца, Полибия, который [pg 354] в своей четвертой книге упоминает о строгости, с которой аркадяне настаивали на обучении музыке, как необходимом для смягчения суровости и дикости их жизни. Он даже утверждает, что дикость одного из городов (Кинаэта) была вызвана пренебрежением этой спасительной мерой предосторожности. Так получилось, что, хотя Феокрит поместил свои пасторальные сцены на возвышенностях Сицилии, а поздние пасторальные романы, такие как изысканный "Дафнис и Хлоя", особенно ассоциируются со сладострастным Лесбосом, Вергилий в нескольких своих эклогах делает намек на музыкальный талант аркадских пастухов, а в десятой вводит несчастного Галла в непосредственную связь с Аркадией в связи с поклонением Пану на Менале. Но эта выдающаяся черта Вергилия - заимствованная, как я полагаю, у какого-то греческого поэта, хотя я не знаю, у кого именно, - не принесла немедленных плодов. Его римские подражатели, Кальпурний и Немезиан, не упоминают об Аркадии, а если и упоминали, то их произведения были обнаружены лишь в 1534 году, когда поэтическая Аркадия уже, как я покажу, была создана. В ранней итальянской поэзии, похоже, нет и намека на эту [идею](#)¹³⁷; ведь согласно истории средневековой литературы, пасторальный роман возник лишь в самом конце XIV века, у португальца Рибейро, а он [pg 355] сцены своих идиллий не в чужой стране, а в Португалии, своей собственной родине. Таким образом, к 1500 году мы доходим без каких-либо следов поэтической Аркадии. Но в это самое время она создавалась трудом одного человека. Прославленный Якопо Санназаро, известный в кругу литературного Неаполя под именем Actius Sincerus, изгнал себя из этого города из-за глубокой и безответной страсти. Говорят, он долгое время скрывался в диких землях Франции, возможно, в Египте, но точно не в Греции, и увековечил свое горе в пасторальном мешанине из прозаических описаний и идиллических жалоб под названием "Аркадия", ¹³⁸ наваянном, как я [pg 356] полагаю, Галлом Вергилия. Хотя ученый и классический автор презирал это произведение по сравнению со своей героической поэмой о зачатии Девы Марии, публика того времени считала иначе. Появившись в 1502 году, "Аркадия Санназаро" выдержала шестьдесят изданий в течение столетия, и таким образом эта единственная книга создала тот воображаемый дом невинности и благодати, который с тех пор привязан к этому имени. Отныне он встречается так часто, что не требует дальнейших иллюстраций в этом месте.

Но давайте перейдем от этой поэтической и воображаемой страны к реальной - от Аркадии к Аркадии, как ее называют настоящие жители. Как всем известно, эта Аркадия - альпийский центр Мореи, ошетилившийся горными цепями, которые достигают своих высших точек в великом баре Эриманф на северо-западе, в одинокой вершине "Силленского инея" на северо-востоке, в менее заметном, но гораздо более священном Ликейоне, на юго-западе, и, наконец, в сер [pg 357] рейтинговом Тайгете на юго-востоке. Эти четыре - углы, как бы четырехугольника, заключающего Аркадию. Но это лишь самые большие из цепей великих гор, которые, кажется, пересекают страну во всех направлениях, и их нелегко различить или разделить в какую-либо связанную систему. ¹³⁹ Тем не менее, как мы обнаружили, они прерываются двумя прекрасными овальными равнинами - обе простираются на север и юг, обе окружены прекрасной панорамой гор, и обе, конечно, являются местами старой культуры, такой, какой она была в Аркадии. Та, что расположена южнее и западнее, и с которой реки все еще текут в Альфею и западное море, ¹⁴⁰ охраняется на своем южном конце Мегалополем. Та, что находится восточнее, выше по уровню и отделена от первой мрачным барьером Меналуса, - это равнина Мантинеи и Тегеи, ныне представленная важным

городом Триполица. Эти две параллельные равнины придают определенный план и систему путанице гор, которые покрывают обычные карты Аркадии.

Проход из Элиса в Аркадию нигде не отмечен никакими естественными границами. Вы едете вверх по долине Альфея, постоянно пересекая [pg 358] потоки, большие и малые, которые стекают в нее с отрогов Эриманфа, из северной Аркадии и прилегающих к Элису горных районов. Поток под названием Эриманф, который является старой границей, хотя и назван Полибием *λάβρος ποταμός*, не поражает путешественника здесь так, как выше по течению, и единственным другим притоком, заслуживающим упоминания, является Ладон, который встречается с Алфеем в нескольких часах езды выше Олимпии, но который издревле считался рекой Аркадии. Ладон, по-видимому, особенно поразил Павсания своей красотой, так как он несколько раз возвращается к нему; и более поздние наблюдатели, такие как М. Боле, подтверждают его слова, говоря, что на берегах этой реки действительно можно найти черты поэтической Аркадии - травянистые склоны и большие тенистые деревья, без дефиле и обрывов, столь распространенных во внутренней части страны. Ладон и его долина на самом деле, хотя и находятся в Аркадии, имеют характер соседнего Элиса: это внешняя граница настоящих Альп. Алфей, напротив, широкий, спокойный поток, когда он переходит в более тихую страну, проходит через самую дикую часть центральной Аркадии; и если следовать его течению вверх, он приведет вас сначала мимо древнего города Герее, в нескольких милях выше Ладона, а затем через суровые и дикие горы, пока вы наконец не подниметесь в долину Мегалополиса, вокруг которой он извивается в большой кривой. Мы не пошли по этому пути и не стали подниматься в [pg 359] долину Ладона, несмотря на ее предполагаемые красоты. Ведь мы направлялись в Андрицену, что в одиннадцати часах езды от Олимпии, которая лежала к юго-востоку и находилась в непосредственной близости от храма Басса. Поэтому мы перешли Алфеем вброд, чуть выше впадения Ладона, где обе реки образуют большую песчаную дельту, а поток широк и сравнительно мелок. Берега были покрыты кустарником, а выше - зеленым лесом, по травянистой кромке которого среди стволов деревьев, как наши примулы, были разбросаны алые анемоны, разнообразившие своим блеском мхи и лишайники. С этого момента мы начали пересекать узкие дефиле и взбираться на кручи, которые казались непосильными ни для лошади, ни для мула. Мы въехали в уединенные горные долины, где жители, казалось, жили отдельно от всего мира и с удивлением смотрели на внезапного чужака. Мы отдыхали у бурных рек, сбегających с великих лесистых горных склонов, которые возвышались над нами, словно стены колышущейся зелени. Снег сошел в этих диких долинах всего несколько недель назад, но даже самые поздние деревья уже были одеты в желто-русый коричневый цвет, который является не только блеклым остатком, но и предвестником летней зелени. А внизу, у реки, серые фиговые деревья пускали на концах ветвей огромные пучки, а грушевые деревья осыпали ручей снежными цветами. [pg 360] Но в одном отношении все это одинокое уединение заметно отличалось от дикой природы северной Греции. Каждый дюйм свободной земли был обработан; все крутые склоны холмов были террасированы в гребни с бесконечным трудом; разрушения зимнего потока активно исправлялись. Здесь действительно царило уединение. По дороге не встречалось ни бездельников, ни странников. Но тщательная обработка земли свидетельствовала не только о наличии населения, но и о его бережливости и аккуратности. Все деревни казались обремененными остатками недавних построек; почти все дома были новыми или возведенными в течение нескольких лет. Весь этот альпийский район выглядел счастливым и процветающим. Это, говорят греки, результат его удаленности от турецкой границы, его почти изолированного положения - фактически, того, что он находится под ненарушимым эллинским правлением. С 1847 года в Аркадии не было слышно ни об одном бандите. Жизнь и собственность, я думаю, более безопасны, чем в любой части Англии. Нравы удивительно чисты. Если бы вся Греция

была занята таким образом довольным и трудолюбивым крестьянством, не нарушаемым ни амбициями изнутри, ни насилием извне, королевство должно было бы вскоре стать богатым и процветающим". Нередко в этих долинах можно было встретить две-три уединенные усадьбы, расположенные в милях от любой деревни. Это вернейший признак как внешней безопасности, так и внутренней бережливости, когда люди отрезают себя от общества ради [pg 361] простора и хорошей отдачи за свою работу. Поздно вечером мы въехали на крутые улицы неровного, но значительного города Андрицена.

В этом месте мы испытали на себе всю грубость греческих путешествий. Поскольку компания была слишком велика, чтобы разместиться в частном доме, мы нашли приют в ξενοδοχείον, как его еще называют - постоялом дворе без стульев, без кроватей, с одним крошечным столиком и двумя ложками и вилками. Нас поселили в четырех голых стенах, с балконом за пределами комнаты, и мы спали на коврах, расстеленных на полу. Люди были очень вежливы и честны - в этом их отличие от постоялого двора в Триполице, о котором я расскажу в свое время, - и, кроме того, они были значительно ущемлены нашим прибытием во время Страстной недели греческой церкви, когда почти ничего не едят. Мяса в городе, разумеется, не было. Но это было еще не все. Во время поста не разрешается употреблять ни молока, ни сыра, ни творога. Люди питаются черным хлебом, оливками и вареными яйцами. Они всецело отдаются своим процессиям и службам; они готовы думать ни о чем другом. Таким образом, мы попали не только в скудное место, но и в самый скудный момент года. Этот факт имеет большое значение для путешественников по Греции и, как мне кажется, не упоминается в путеводителях. Не позаботившись заранее о телеграфе, никто не должен [pg 362] отваживаться отправиться в горные районы Греции в эту самую Страстную неделю, и следует помнить, что она не совпадает со Страстной или Страстной неделей латинской церкви. В этот раз она была всего на десять дней позже; так что, претерпев некоторые трудности по этой непредвиденной причине в отдаленных частях Италии, мы столкнулись с теми же трудностями в Греции. Но я должен сказать, что греческий пост сильно отличается от мягкого и человеческого поста Римско-католической церкви. Мы едва не умерли бы с голоду, если бы я не обратился, как это было принято, к городскому врачу, ὁ κύριος ἰατρός, очень приятному и культурному человеку, действительно образованному в самых философских взглядах современной медицины. Он был хорошо знаком, например, с клинической практикой дублинской школы, примером которой служат работы Грейвса и Стоукса. Из сравнения многих примеров мне кажется, что в этом вопросе медицины, как и в целом, греки проявляют удивительный ум и предприимчивость по сравнению с окружающими их народами. Они учатся в великих центрах европейской мысли. Они знают важнейшие языки, на которых можно изучать эту науку. Путешественник, заболевший в отдаленных долинах Аркадии, получит гораздо более безопасное и лучшее лечение, чем в большинстве районов Италии.

Джентльмен, к которому я обратился в этом случае, сделал все возможное, чтобы спасти нас от голодной смерти. Он [pg 363] достал для нас отличный свежий творог. Он обещал нам мясо с гор. Он навещал нас и рассказывал все, что нам нужно было знать об окрестностях. Таким образом, мы смогли провести первую часть ночи в сравнительном комфорте. Но, как и следовало ожидать, когда наступил час сна, начались настоящие трудности. Меня защищал флакончик с камфорными духами, которыми были достаточно надушены мои ковры и лицо, чтобы сделать меня объектом отвращения для моих нападавших. Но остальным членам партии повезло меньше. На самом деле это было довольно приятное развлечение, когда вскоре после полуночи нас разбудили, или, скорее, отвлекли, пронзительные крики нескольких детей, которые, казалось, медленно приближались к нашей улице.

Выглянув на улицу, мы увидели очень любопытную картину. Все маленькие дети шли медленной процессией, каждый со свечой в руке, и во весь голос кричали Kyrie Eleison. За детьми шли женщины и старшие мужчины (мне показалось, что многие из младших отсутствовали), тоже со свечами, а посередине - нечто вроде небольшого помоста с возложенным на него изображением мертвого Христа, украшенного мишурой и цветами и окруженного огнями. Вместе с ним шли священники в рясах, распевая хриплым басом какую-то ектению. Вся процессия проследовала в городскую церковь, где женщины отправились на отдельную галерею, мужчины собрались [pg 364] в глубине здания, а вокруг костела их Христа стояла гвардия солдат с примкнутыми штыками. Хотя прихожане выглядели очень набожными, и многие из них со слезами на глазах смотрели на страдания своего Спасителя, все они, тем не менее, оборачивались, чтобы посмотреть на незнакомцев, которым довелось стать свидетелями их богослужения. Для тех, кто приходит извне, из другого культа, и видит служение чужого народа на чужом языке, в первую очередь бросается в глаза неказистая внешность, и мы удивляемся, как глубокая набожность и истинное благочестие могут существовать рядом с тем, что кажется убогим и даже гротескным. И все же именно в этих бедных и убогих службах, именно в этом пренебрежении или беспечности к деталям можно найти более чистую веру и лучшую мораль, чем в роскошных представлениях и величественных церемониях столичных соборов.

Мы поднялись утром, чтобы отправиться в трехчасовую поездку в Бассæ, где Иктин построил свой знаменитый, но недоступный храм Аполлону-помощнику. Этот храм очень часто называют храмом Фигалия, а его фризy, как мне кажется, в Британском музее называют фигалийскими. Это до сих пор верно, поскольку он был построен для жителей Фигалии и управлялся ими. Но город находился на значительном расстоянии - согласно Павсанию, сорок стадий, или около пяти миль, - и он говорит нам, что они построили храм в месте, называемом Bassæ (поляны), недалеко от вершины горы Котилион. Соответственно, [pg 365] следует последовательно называть храмом в Бассе или в Бассе.

Утро, как это нередко бывает в Альпах, было хмурым и пасмурным, и когда мы с нашими терпеливыми мулами поднимались по крутому подъему из города, дождь начал падать большими угрожающими каплями. Но нас это не обескуражило. Путь пролегал среди голых и унылых горных склонов, а зачастую и по руслу зимних потоков. Поздний приход весны, когда снег еще не сошел, усиливал мрачность; летние кусты и летняя трава еще не зазеленели, и страна сохраняла большую часть своей зимней мрачности. То и дело в уединении нам встречался идущий с гор пастух в белом шерстяном плаще и с ягненком того же мягкого тусклого цвета на плечах. Это был день подготовки к празднику Пасхи, и ягненка этот живописный пастух вел не на пастбище, а на заклание. И все же в серьезном лице, окруженном симфонией белого цвета, в дикой природе вокруг, в беспомощном терпении животного, в обрамлении серого тумана и капель обильного дождя была какая-то странная и завораживающая идея. По мере того как мы пробирались через горы, нам попадались поляны более насыщенного цвета и более дружелюбные. Снизу до нас доносились звуки веселящихся мальчишек и ржание собак, когда мы пробирались вдоль крутых склонов, стремясь все выше и выше. Здесь [pg 366] примула и фиалка заняли место алой и пурпурной ветреницы и радовали нас видом северных цветов и самыми прекрасными плодами северной весны.

Наконец мы добрались до странной страны, где земля была голой, лишь в некоторых укромных и солнечных местах виднелись пучки очень высоких фиалок, свисающих в клумбах, редкие пурпурные анемоны и то тут, то там большие полные ирисы; однако эти пятна были настолько исключительными, что составляли сильный контраст с коричневой почвой. Но

основную роль играли одинокие дубы с обрубленными верхушками и сплетенными ветвями, которые стояли по всем этим возвышенным склонам и придавали им меланхолический и обветшалый вид. На них не было никаких признаков весны, ни побегов, ни распускающихся листьев, лишь на ветвях то тут, то там висели красно-коричневые лохмотья прошлогодней одежды. Эти ветреные признаки, мрачный туман и настойчивый дождь создавали ощущение прохладного октября. И все же эти странные дубы с их ветвями, истерзанными бурей и морозом, эти искалеченные конечности, выглядевшие так, словно муки возраста и болезни сковали печальных жильцов этой альпийской пустыни, были окрашены своей особой прелестью. Все стебли были покрыты нежным серебристо-серым лишайником, за исключением тех мест, где бархатистый бледно-зеленый мох укрывал их теплой мантией. Такой красивый контраст серого и желто-зеленого можно увидеть на многих наших [pg 367] дубах зимой, и он делает эти дубы самыми богато окрашенными из всех безлистных стеблей в нашем морозном пейзаже. Но вот среди ветвей появились огромные пучки омелы, более яркой и желтой, чем мох, но такого же травянистого оттенка, хотя и другой текстуры. А деревья были так одеты в это иноземное великолепие, что выглядели как причудливые разновидности больших вечнозеленых деревьев. Казалось, что летний листопад должен был сильно испортить характер и красоту этого диковинного леса.

Наконец мы пересекли длинную плоскую вершину и начали спускаться, как вдруг наткнулись на храм с севера, стоящий напротив нас на более низкой части возвышенного хребта. По мере нашего приближения туман начал рассеиваться, и солнце осветило сцену, в то время как облака откатились к востоку и постепенно открыли нам великолепную перспективу, которую открывает святилище. Перед нами лежал весь южный Пелопоннес. Мы могли видеть западное море и залив Корон на юге, но длинный хребет Тайгета и горы Малеи скрывали от нас восточные моря. Ближе к берегу виднелись богатые склоны Мессены и суровые нагорья северной Лаконии и Аркадии. То тут, то там оставались облака, которые вносили кляксу в картину и омрачали полноту пейзажа.

Ничто не может быть более странным, чем остатки прекрасного храма в этом альпийском уединении. Греческая жизнь [pg 368] - это своего рода протест в пользу городов, равнин и человеческой культуры, против живописных Альп и романтических пейзажей. И все же перед нами здание чистейшей эпохи и типа, воздвигнутое вдали от городов и людских обиталищ, посреди такого пейзажа, который мог бы выбрать самый романтичный и сентиментальный современник. Он был посвящен Аполлону-помощнику за избавление страны от той самой чумы, которая опустошила Афины в начале Пелопоннесской войны¹⁴¹, и построен величайшим архитектором того времени, Иктином, строителем Парфенона.

Во времена Павсания он считался самым красивым храмом в Пелопоннесе, уступая лишь храму Афины Алеа в Тегее. Даже его крыша была выложена мраморной плиткой, а резка известняковых софитов потолка до сих пор настолько четкая и ясная, что образцы были привезены в Афины как самые совершенные. Фриз, обнаруженный много лет назад (1812 г.), причем довольно близко к поверхности, мистером Кокереллом и его друзьями, были вывезены и теперь являются одним из величайших украшений Британского музея. Тот, кто хочет узнать все детали здания и увидеть его общий эффект после реставрации, должен обратиться к тщательному труду Кокерелла, посвященному этому храму и храму в Эгине. Она ставит перед архитектором множество проблем. Каждый из столбов в целле был прикреплен или [pg 369] прикреплен к стене, соединяясь с ней под прямым углом, причем первая пара тянулась только вперед к зрителю, когда он входил. Храм обращен на север, вопреки обычной привычке греков. В самом центре была найдена коринфская капитель - еще одна аномалия в дорическом храме, причем в эпоху периклийского искусства. В реставрации

интерьера, выполненной г-ном Кокереллом, эта столица установлена на одинокой колонне в центре целлы, рядом со статуей бога, которая, очевидно, обращена вбок и смотрит в сторону восходящего солнца. Более популярна версия, что она была установлена гораздо позже, с каким-то вотивным треножником на ней, и что она не принадлежит к первоначальной структуре. Фриз в этом храме располагался не вдоль внешней стены целлы, а внутри, над колоннами, поскольку узкий боковой проход (если можно так выразиться) между колоннами и стеной целлы был нарушен соединением первых, по пять с каждой стороны, со вторыми. Я не могу не предположить, что этот перенос фризов на внутреннюю сторону стены был вызван ощущением, что фризы Парфенона, на которые был затрачен такой огромный труд и такой изысканный вкус, в конце концов, очень плохо выглядят, будучи "скинуты" в недостойное их место. Любой, кто взглянет на оставшуюся полосу на западном фасаде Парфенона от подножия колонн, думаю, согласится со мной. В Bassæ есть много особенностей в ионических капителях и в орнаменте этого второго памятника гению Иктина, которые занимали архитекторов, но на которых я не буду здесь настаивать. 142 Общий эффект - малость по сравнению с Парфеноном; легкость и изящество по сравнению с храмом в Олимпии; дорические колонны здесь несколько стройнее, чем в Парфеноне, хотя остальные пропорции не отличаются. Стиль фриза прокомментирован во всех наших историях греческого искусства. Произведенный эффект, кроме того, является поздним по сравнению с афинскими скульптурами; здесь больше преувеличенных действий, летящих драпировок и искаженных конечностей, и в целом сознательное стремление произвести сильный эффект. Но исполнение, которое, вероятно, было поручено местным художникам под руководством Аттики, уступает хорошим аттическим работам, а в некоторых случаях и откровенно некачественно. К сожалению, эта часть храма находится в Лондоне, а не в Бассе.

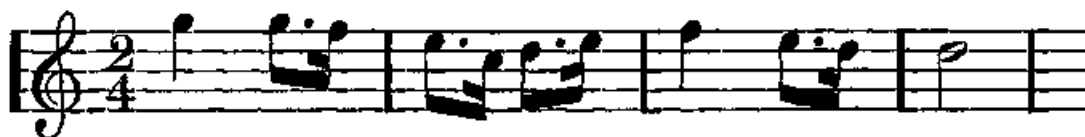
[pg 371]

Руины, как мы их увидели, были очень поразительны и не похожи ни на один из тех, что мы посетили в Греции. Она построена из известняка, который растет по всему горному плато, на котором она стоит; и, когда солнце осветило ее после недавнего дождя, она была нежного голубовато-серого цвета, так похожа на поверхность земли по тону, что казалось, что она почти выросла из скалы, как ее естественный продукт. Колонны действительно не монолиты, а собраны из коротких барабанов, из которых внутренний ряд - лишь закругленные концы длинных блоков, доходящих до стены целлы. Но так как зерно камня идет поперек колонн, то с возрастом они стали любопытно морщинистыми, так что искусственные соединения теряются среди волнистых поперечных линий, которые заставляют нас представить, что колонны покосились от лет и усталости, и устали стоять в этом диком и мрачном одиночестве. Рядом с храмом растет большой дуб, такой, как я уже описывал, и окраска его ствола составляет любопытный контраст с не менее красивым оттенком израненных временем колонн. Их основание - бледный голубовато-серый цвет, но лишайники, разросшиеся на камне, разнообразили рифленую поверхность серебристым, ярко-оранжевым и еще более нежным розовым маддером. Даже под полуденным солнцем эти насыщенные цвета были очень красивы, а какими они должны быть на закате?

Есть что-то трогательное в неосознанных усилиях природы заполнить прорехи и залечить [pg 372] ренты, которые время и запустение сделали в человеческом творчестве. Если в рядах городских зданий в результате внезапной случайности или естественного распада образуется брешь, это место сразу же скрывается отвратительной обшивкой, на которой, в свою очередь, красуются портреты последнего клоуна или весельчака, высмеивающие руины внутри и рекламирующие свое праздное веселье - уродливая бахрома вокруг безобразных пятен огня или груды бесформенной каменной кладки. Как же по-разному

действует рука природы! Где бы ни находились эти памятники человеческого терпения и человеческой гордости - в северном аббатстве или в южном фанзе - они не успевают быть заброшенными и забытыми, как природа берет их под свою нежную опеку, покрывает плющом, лишайником и мхом, сажает вокруг них свои кустарники и засеивает бесчисленными цветами. И вот, когда более поздний век раскаивается в неблагодарности своих предшественников и с новым благочестием обращается к искуплению поколений забвения, мантия природы укрывает от вреда многое, что еще недавно было разрушено, и покрывает оставшееся такой красотой, что мы едва ли можем представить себе эти триумфы человеческого искусства более прекрасными в их старом совершенстве, чем в их современном одиночестве и упадке.

Путь из Андрицены в Мегалополь ведет вниз от изрезанных границ Аркадии и Мессены, пока мы не достигнем прекрасной равнины, на севере которой находится Карытена, а на юге - Мегалополь, близ [pg 373] ее конечности. Наши проводники были в приподнятом настроении и поочередно пели причудливую любовную песню, которая после обычных нестареющих расцветок и потрясений в начале заканчивалась следующей фразой, постоянное повторение которой запечатлелось в моей памяти:

Поначалу путь был крут и труден - мы все еще находились в стране фиалок и примул. Но через час езды мы въехали в лес, в котором уже появились признаки лета; и здесь мы снова встретили анемону, пурпурный и белый цистус, среди кустов мастихи и арбута. Здесь же мы нашли цикламен, который так любят в оранжереях и садах Англии. Мы проехали несколько миль к югу от Карытены с ее замечательной и, по-видимому, неприступной франкской крепостью, расположенной, как орлиное гнездо, на вершине огромного утеса, откуда открывается великолепный вид не только на долину Мегалополя, но и на северные проходы из Ахайи и Элидские горы. Я не могу представить себе более важного военного пункта для Аркадской равнины, и все же, похоже, он не снискал славы в древней истории. От этой крепости до южного конца равнины, где проходы ведут в Спарту и северную Мессению, простирается очень богатая полоса страны длиной около двадцати [pg 374] пяти миль и шириной десять или двенадцать, с некоторым уклоном, но практически равнина, хорошо орошаемая быстрыми реками и поросшая глубокой травой и зеленой пшеницей. По склонам гор разбросаны процветающие деревни, и вся округа кажется тщательно обработанной, за исключением района к югу от города, где леса олив придают пейзажу более дикий оттенок.

Признаюсь, я не понимал истории знаменитого основания Мегалополя, пока не изучил особенности этой равнины. Здесь, как и везде, личное знакомство с географией страны является необходимым условием живого знания ее истории. Как известно, сразу после битвы при Лектре аркадяне приступили к строительству этой метрополии в качестве защиты или подстраховки от соседней Спарты. Павсаний, который очень подробно и поучительно рассказывает об основании города, говорит нам, что основатели пришли из главных городов Аркадии - Тегеи, Мантинеи, Клейтора и Менала. Но эти города не собирались сливаться с новой столицей. На самом деле Мантинея и Тегея сами по себе были не менее важным препятствием для Спарты в их собственной долине и были абсолютно необходимы для удержания проходов на север, к Аргосу, который лежал в этом направлении. Но народ

настаивал на том, чтобы все деревенское население западной равнины и ее окрестностей (где до сих пор не было ни одного ведущего города) амал [pg 375] гамитировало в Мегалополь и покинуло свои древние дома. Многие подчинились; Павсаний перечисляет около сорока из них. Те, кто отказался, были изгнаны или даже истреблены разъяренным большинством. Так внезапно возник великий город, самое позднее основание города в классической Греции. Но в своем рассказе Павсаний, как мне кажется, упустил из виду главного духа всего движения - фиванца Эпаминондаса. Несомненно, аркадские информаторы путешественника были слишком ослеплены национальным тщеславием, чтобы сообщить ему истинную картину, если, конечно, они сами ее знали. Они представляли это как спонтанное движение народа и даже утверждали, что это было сделано в подражание Аргосу, который в давние времена, когда спартанская война угрожала ему почти ежедневно, упразднил все поселения в Арголиде и таким образом увеличил свое могущество и сплотил население.

Но советы и поддержка Эпаминондаса, сделавшие его настоящим основателем, указывают на другую модель. Путешественник, который после осмотра северной Греции попадает на равнину Мегалополя, сразу же поражается ее необычайному сходству с Фивами. Здесь та же цепь гор, та же волнистость равнины, то же обилие воды, те же привлекательные места на склонах для поселений людей. Не Аргос с его далекой и не очень удачной централизацией, а Фивы были настоящим образцом; и [pg 376] идея была воплощена в жизнь не аркадскими, а фиванскими государственными деятелями. Любой фиванец, побывавший на равнине, не мог не вспомнить об этой политике в воспоминаниях о своем родном доме. Но здесь Эпаминондас, похоже, скрыл свое влияние и проводил свою политику через аркадских агентов, просто послав 1000 фиванцев под командованием Паммена, чтобы обезопасить своих союзников от враждебных беспорядков, в то время как он лично и с большими обстоятельствами приступил к основанию Мессены, как показывают сны и оракулы, обсуждения места и пышность церемонии, даже в холодном повествовании Павсания. Но Мегалополь, хотя и был великим и блестящим экспериментом, не имел длительного успеха. Он был заложен в слишком больших масштабах и в последующие годы стал скорее великой пустыней, чем великим городом.¹⁴³ В нем было много великолепных зданий - театр даже сейчас является одним из самых гигантских в Греции. Но насилие, совершенное при его основании, которое оторвало от своих домов и домашних богов многих граждан древних и освященных мест, никогда не было забыто. Долгое время он был ведущим городом в политике, но так и не стал любимым местом жительства и рано пришел в [pg 377] упадок. "Хотя, - говорит Павсаний (8. 33), - великий город был основан аркадянами со всем рвением и с самыми радужными надеждами со стороны греков, я не удивляюсь, что он утратил все свое изящество и древнее великолепие, а большая его часть теперь разрушена, ибо я знаю, что Провидению угодно производить вечные изменения, и что все вещи, как сильные, так и слабые, оживают или уходят в небытие, изменяются под влиянием Фортуны, которая управляет ими с железной необходимостью. Так, Микены, Ниневия и Фивы в Беотии по большей части полностью опустели и разрушились, а название Фив дошло до простого акрополя и очень небольшого числа жителей. Другие, прежде необычайно богатые, египетские Фивы и минийский Орхомен, а также Делос, общий рынок греков, по богатству уступают частному человеку не самого богатого сословия; Делос же, лишенный афинянами, поселившимися там, обязанности оракула, в отношении делийцев обезлюдел. В Вавилоне сохранился храм Белуса, но от этого Вавилона, некогда величайшего города под солнцем, не осталось ничего, кроме стены, как и от Тирина в Арголиде. Божество свело их к нулю. Но города Александра в Египте и Селевка на Оронте, построенные на днях, поднялись до такого величия и процветания, потому что Фортуна благоволит им..... Таким образом, дела людей имеют [pg 378] свои сезоны и ни в коем случае не являются постоянными". Эти слова Павсания только усилились с течением веков. Вся древняя столица аркадян почти исчезла.

Театр, вырезанный из глубокого земляного берега реки и облицованный вдоль крыльев массивной каменной кладкой, все еще виден, хотя и заросший кустарником; английская школа Афин сейчас продолжает свои исследования (1892).

Древний город лежал по обеим сторонам реки Гелиссон, которая представляет собой широкий и серебристый поток, но ее не трудно перейти вброд, как мы видели весной, и Павсаний упоминает важные общественные здания на обоих берегах. Теперь здесь, кажется, только курган, называемый гробницей Филопемена, на северной стороне, с несколькими скудными фундаментами. На южной стороне стилобат по крайней мере одного храма все еще находится почти на уровне почвы, а мириады фрагментов обожженной глины говорят нам о том, что этот материал в значительной степени использовался для стен города, где богатая аллювиальная почва давала очень скудные запасы камня - редкая для Греции трудность. Современный город находится в миле к югу от реки и совершенно свободен от старого места, так что раскопки могут быть проведены без значительных затрат и с хорошей надеждой на результат. Но отсутствие какого-либо действительно архаичного памятника до недавнего времени пригласило пыл археологов.

Вид нынешнего Мегалополиса очень приятен. Его улицы широки и чисты, хотя [pg 379] большей частью заросли травой, а один темно-зеленый кипарис занимает, как бы, место шпиля среди плоских крыш. Мы застали город в празднике, а жителей - по крайней мере, мужчин - в великолепных нарядах. Женщины Мореи, увы, отказались от своего национального костюма и предстают в пошлых и плохо сшитых платьях. Даже путешествующие мужчины переняли стиль третьесортных французов или немцев и ходят в высоких шляпах, накинув на плечи грязно-серый плед. Видеть этих никудышных людей среди толпы великолепных молодых людей в паликарском платье, с прямой осанкой и царственной миной, которую создает этот очень облегающий костюм, - все равно что видеть жалкого уличного зверя среди стаи лисьих гончих. И все же нам сообщили, что по политическим причинам и для того, чтобы вывести греков из изоляции к европейским привычкам, национальная одежда теперь запрещена в школах!

В городе нас встретили с отличным гостеприимством, и нас принял прекрасный пожилой джентльмен, чьи сыновья, два великолепных юноши в полном костюме, лично присутствовали при нашем визите. Будучи людьми со скромным достатком, они позволили нам, с более искренним дружелюбием, чем у более показных хозяев, заплатить за большую часть необходимых нам материалов, которые они достали для нас лучшего качества по самой низкой цене, и приготовили их для нас в доме. Мы поинтересовались у отца, какие перспективы открываются перед его [pg 380] сыновьями, которые, казалось, рождены быть воинами - украшением королевского балагана в мирное время, средством подавления паники в бою. Он жаловался, что их энергиям нет применения. Конечно, обработка земли никогда не могла их удовлетворить. Один из них был секретарем Демарха, получая жалкое жалованье. Он отправился в поисках счастья в Александрию, но вернулся домой со вкусами и без достатка богатого горожанина. Так они и коротают свою жизнь в безделье. Боюсь, что подобные случаи слишком распространены в провинциальных городах Греции.

Люди принесли нам посмотреть множество погребальных плит, мраморных столбов, коротких и поздних надписей, вделанных в стены домов. Они также продали нам хорошие монеты Филиппа Македонского по умеренной цене. Систематические раскопки на старом месте, проводимые английской школой, возможно, позволят обнаружить много важных останков. ¹⁴⁴ От Мегалополя до Аргоса ведет дорога, но та часть, которая находится внутри города, была только что закончена, поэтому мы предпочли ехать до Триполи.

Путешественники, высаживающиеся сейчас в Аргосе, найдут вполне возможным проехать от

побережья до этой центральной равнины Аркадии, а затем начать свой путь верхом. Сейчас, увы, в стадии строительства находится [pg 381] железная дорога из Аргоса в Триполи. По ней даже дамы могут легко пересечь Морею. Два дня езды до Мегалополя, два дня езды до Олимпии и еще один день езды и поезда до Катакало - вот абсолютное время, необходимое для переезда. Но трудность заключается в том, чтобы найти удобное место для ночлега между первым и вторым днем пути, оба из которых длинные и утомительные. Андрицена находится слишком близко к Мегалополису, и не стоит рекомендовать ее без знакомства. Но, возможно, на другом маршруте есть деревня, где можно остановиться на полпути. Из Триполи и Мегалополя, которые занимают свои равнины, можно совершить экскурсии в Мантинею, Спарту, а лучше всего в Каламату, куда часто заходит каботажный пароход.

Греческий крестьянин в национальном костюме

Поднимаясь по склонам горы Меналус, которая отделяет равнину Тегеи от Мегалополя, мы часто оборачивались, чтобы полюбоваться открывающимся внизу великолепным видом и пересчитать многочисленные деревни, которые сейчас, как и в былые времена, находятся под властью большого города. Самой яркой чертой, несомненно, был снежный хребет

Тайгет, уходящий на юг и показывающий нам русло Евротаса на его восточной стороне, по которому за двенадцать часов езды можно добраться до Спарты. Страна, в которую мы въехали, была дикой и бесплодной, и, как большинство так называемых гор в Греции, состояла из ряда параллельных и пересекающихся хребтов, с короткими долинами [pg 382] или высокими плато между ними. Этот путь, возможно, самый мрачный во всем Пелопоннесе, пока он не подходит к равнине Тегеи, проходит через гору Менакус, исконное место поклонения Пану, и поэтому поэты больше, чем любой другой участок Аркадии, наделили его пасторальным богатством и красотой. Возможно, дальше к северу в этих горах есть более плодородные участки. Возможно, в древности там, где сейчас все голо, был лес или зелень. Но в наши дни нет более мрачного и бесплодного места, чем эти склоны и вершины Менака, которые совершенно не похожи на богатые лесами и коврами горы, через которые мы проезжали по пути из Элиса. Даже асфодель, которая покрывает своими цветущими полями все более голые и каменистые участки, здесь была скудна и бедна. Унылые черепахи и быстроногие удода с красивыми головными уборами были единственными обитателями этого уединенного места. То тут, то там встречались источники с вкусной водой, где мы останавливались. У одного из них лучший из наших пони, необычайно энергичное животное, убежал в гору, а один из наших молодых друзей королевского вида, сопровождавших нас в полном костюме, за неимением других развлечений, пустился за ним в погоню. Мы считали погоню совершенно безнадежной, поскольку пони прекрасно знал дорогу и не позволял никому приблизиться к себе на голых склонах; поэтому мы собрали свой багаж и бросили их на произвол судьбы. Но примерно через два часа после этого [pg 383] молодой грек галопом помчался за нами на пони, которого он поймал - он совершил, казалось бы, невозможный подвиг.

Наконец, после очень жаркой и каменистой поездки, в которой было меньше красок и красоты, чем в Греции, мы спустились в великую долину Триполи, ранее занимаемую Тегеей на юге и Мантинеей на севере. Современный город находится между древними поселениями, но ближе к Тегее, до которой не более часа езды. Старый Триполис, деревни которого были поглощены Мегалополием, географы помещают совсем в другой части Аркадии, недалеко от Гортины и к северу от западной равнины. Превратности современного города хорошо известны: его значение при турках, ужасное разрушение египтянами во время освободительной войны¹⁴⁵; даже сейчас, хотя ни одному дому нет более пятидесяти лет, он является одним из самых больших и важных городов Мореи.

Весь город был в празднике - это был день греческой Пасхи, и сотни мужчин в полном облачении заполнили большую площадь в центре города. Здесь производится большое количество ковров, которые обычно называют турецкими, и шелка [pg 384]; но ковры в последние годы утратили всю красоту и гармонию цвета, за которые ими так восхищались, и теперь копируются с худших баварских работ - безвкусных и вульгарных до крайности. Они продаются на вес, и стоят не дорого, но они были настолько уродливы, что мы не могли их купить. Этот упадок вкуса странно сравнивать с шерстяными изделиями Араховы. Если бы цвета араховских ковров были перенесены на ковры Триполи, ничто не могло бы быть более эффектным или более привлекательным для английских покупателей. Мне не удалось узнать, чтобы кто-нибудь из проезжающих мимо путешественников, за исключением некоторых немцев, испытывал сейчас искушение везти их домой.

Мне неприятно сознавать, что, хотя постоянный двор в Триполи был не лучше других деревенских трактиров в Аркадии и полон шума и беспорядка, трактирщик, джентльмен в великолепном костюме, в малиновом жилете и гетрах, покрытых богатой вышивкой, тоже оказался отвратительным негодяем, в сущности, вполне соответствующим тем

трактирщикам, на которых жаловался Платон в свое время. У нас не было никаких удобств, нас плохо кормили, замки нашего багажа перетягивали не воры, а любопытные соседи, желавшие посмотреть содержимое; у нас был ужин, ночлег и завтрак, за который хозяин взял с нас, четверых и слуги, 118 франков. И надо помнить, что вино этой страны, которое мы пили, дешевле, чем эль в [pg 385] Англии. Мы сразу же обратились к магистрату, очень вежливому и разумному человеку, который снизил сумму до 84 франков, но все равно непомерно высокую, и наш друг спокойно прикарманил ее без дальнейших пререканий. Поэтому рекомендуется либо идти по знакомству, что мы и сделали (но наша компания была слишком большой для частного гостеприимства), либо заранее оговаривать цены. Я упоминаю о таком поведении как об исключительном - мы встречали его только здесь, в Спарте и Науплии; но я боюсь, что Триполи - не самый честный район. Плащ и ковер, случайно сброшенные с мула, были подобраны следующим путником, который унес их с собой, хотя мы прошли мимо него всего несколько сотен ярдов, и сомнений в их владельцах быть не могло. Наши проводники знали его деревню, и наше имущество было передано по телеграфу, но так и не появилось.

Тегея, где сейчас находится значительная деревня, более интересна: она расположена совсем рядом с перевалами, ведущими в Спарту, и окружена панорамой скалистых гор. Утро выдалось пасмурным, и на панораме попеременно сменяли друг друга свет и тень. Деревьев здесь не было, но поверхность скал великолепно меняла оттенки - серый, розовый, темно-фиолетовый, а богатая почва под ними чередовалась с ярко-зеленым и красно-коричневым. Как равнина Мегалополя напомнила мне Фивы, так и равнина Тегеи, хотя и бесконечно более богатая почвой, все же [pg 386] многими чертами необычайно напоминала Аттику, особенно своей наготой и великолепными цветами бесплодных гор. Но климат на такой большой высоте над морем совсем другой; ночи и даже утро и вечер были еще прохладными, а посевы еще зелеными, когда в Аттике уже начался сбор урожая. В современной деревне можно найти множество останков, особенно из некрополя Тегеи, разбросанных, главным образом, в стенах новых домов. Один из этих рельефов содержит очень хорошее изображение пиршества - двое мужчин и две женщины, причем последние сидят, чередуясь с мужчинами; вся работа кажется тонкой и относящейся к хорошей эпохе. Эти и другие остатки, особенно превосходный рельеф льва, сейчас собраны в маленьком музее деревни Пиали, которая занимает часть древнего участка. Также недавно был определен контур древних стен, место и план большого храма Афины Алеа. Храм, перестроенный Скопасом около 395 года до н. э., имел как коринфские, так и ионические капители, хотя внешне был дорическим по характеру. Некоторые замечательные остатки фронтона, особенно голова кабана, сейчас находятся в Музее в Афинах.

Путь в Аргос протекает по хорошей дороге через перевалы горы Парфенион и ничем не отличается от мрачной поездки через Меналус, хотя здесь гораздо больше пахоты, а в некоторых местах склоны холмов террасированы. Именно на этой [pg 387] горе бог Пан встретил знаменитого бегуна Фидиппида, который вез из Афин в Спарту депешу о персидском вторжении, и сказал ему, что он придет и поможет афинянам при Марафоне. На этой горе Парфенион, мрачной и голой, как гора Меналус, и в то же время особо священной для Пана, "водятся черепахи, наиболее пригодные для изготовления лиры, которых жители гор боятся ловить и не позволяют ловить чужакам, так как считают их священными для Пана". Мы видели этих черепах и в Меналусе, и в Парфенионе, но они наводили нас не на мысль о гармонии, а на мысль о раздоре. Две из них вели смертельную схватку на обочине дороги. Они бросались друг на друга и бились краями своих панцирей, пытаясь, видимо, опрокинуть друг друга. После долгого и ровного противостояния один из них скрылся, преследуемый другим на полной скорости, гораздо быстрее, чем можно себе представить. Мы наблюдали

за битвой, пока не устали, и оставили преследователя и преследуемых в азарте их смертельной схватки. Путешественник, который проедет по новой железной дороге через эту местность, никогда не увидит подобных зрелищ.

Таковы были основные приключения нашего путешествия по Аркадии. Следующую ночь мы провели в настоящей роскоши в доме нашего старого друга, доктора Папалексопулоса, чей открытый особняк принимал нас два года назад, во время нашего первого визита в Аргос.

[pg 388]

ГЛАВА XIII.

КОРИНФ-ТИРИНФ-АРГОС-НАУПЛИИ-ГИДРА- АГИНА-ЭПИДАВР.

Коринфский залив - очень красивый и узкий фьорд, с цепями гор по обеим сторонам, сквозь просветы которых можно видеть далеко в Морею с одной стороны, и в северную Грецию с другой. Но заливов или гаваней на обоих берегах мало, и поэтому не было города, способного отвоевать торговлю в этих водах у старого Коринфа, который держал ключи от всего Пелопоннеса и командовал проходом из моря в море. Действительно, удивительно, как Коринф не приобрел и не сохранил первенство в Греции. Возможно, во времена Периандра ему это удалось, и в разное время мы слышали об изобретениях и открытиях в Коринфе, которые показывают, что в коммерческом и художественном отношении он был одним из ведущих городов Греции. Но всякий раз, когда выясняются отношения между различными державами, как, например, во время Персидской или Пелопоннесской войн, мы видим Коринф всегда во главе второразрядных государств и никогда среди первых. Возможно, это объясняется преобладанием [pg 389] торговых интересов, которые являются источником такого материального процветания, что люди полностью поглощены им и не посвящают время и труд политике, не ставят на карту свои состояния ради защиты принципа. Таким образом, создается впечатление, что коринфяне были лавочниками Греции.

Но как только великие державы Греции пришли в упадок, Коринф сразу же занял первое место по богатству и даже по значению. Взятие Коринфа в 146 году до н. э. знаменует собой римское завоевание всей Греции, а сокровища искусства, перевезенные в Рим, были столь же велики и разнообразны, как и те, что могли бы добыть даже Афины. Делос сразу же занял свое торговое положение. Не успел Юлий Цезарь восстановить и отстроить этот разрушенный город, как он сразу же стал играть важную [роль](#)¹⁴⁶, в то время как Делос пришел в упадок; и среди обществ, о которых говорится в Посланиях святого Павла, ни одно, кажется, не жило в большем богатстве и роскоши. На самом деле было практически невозможно, чтобы Коринф погиб. Природа определила ему место как одной из великих магистралей Старого Света; и только после столетий пагубного правления несчастных турок он погрузился в [pg 390] безнадежный упадок, от которого его не смог спасти даже другой Юлий Сезар.¹⁴⁷

Таковы были наши размышления, когда мы проплывали по заливу великолепным летним вечером, и горы Аркадии на своих снежных вершинах окрасились в глубокий розовый цвет в

лучах заходящего солнца. Пройдя мимо Эгиона и Сикиона, мы бросили якорь в гавани Лехейма. Здесь находился общественный транспорт, который доставлял путешественника через перешеек в Кенхрею, где стоял пароход, готовый доставить его в Афины. Но из-за обычной нелепости подобных услуг на посещение Коринфа и его Акрополя времени не оставалось. ¹⁴⁸ Мы, однако, остались на ночь в лодке, а утром отправились в путь по Пелопоннесу. Это было необходимо, поскольку в порту Лехейума путешественнику не предоставлялась даже роскошь нормально поесть. Греческие пароходы, кроме того, представляют немалый интерес для любого наблюдательного человека. Они всегда полны пассажиров со своими собаками, а поскольку представители различных классов смешиваются на палубе без разбора, можно легко сравнить всевозможные манеры, костюмы и культуру.

[pg 391]

Часто можно заметить любовь греков к заключению выгодных сделок. Так, один греческий джентльмен на этом судне, заметив, что мы - чужестранцы в поисках искусства и древностей, достал две очень красивые золотые монеты Филиппа и Александра, которые он предложил за 5 фунтов. Монета Филиппа была особенно красива - очень совершенная греческая голова в профиль, увенчанная лавром, а на реверсе - колесница и четверка, с легендой Φίλιππος. Не будучи очень опытным знатоком монет и полагая, что он запросил больше, чем стоил, я предложил ему 2 фунта 10 шиллингов за эту, которая была значительно больше; но он не согласился на уступку. Очевидно, он не хотел их продавать, а просто решил воспользоваться шансом получить хорошую цену и снова вложить деньги под более выгодные проценты. Учитывая, что монета казалась чуть тяжелее нашего суверена и нередко встречалась в коллекциях, я думаю, что цена, которую он запросил, была чрезмерной. В афинских магазинах, которые печально известны своими ценами для незнакомцев, были подобные монеты, за которые просили около 4 фунтов стерлингов. По этому и тысяче других вопросов путешественник должен быть проинструктирован компетентным человеком до того, как отправится в путь. Подлинные древности кажутся мне настолько распространенными в Греции, что подделки вряд ли стоит изготавливать. Даже при гораздо более обширном рынке страна может поставлять поколениям бесконечное количество настоящих останков древней Греции. Но, тем не менее, цены на эти вещи уже очень высоки. Обычный турист [pg 392] не заполнил эти берега, так что единственными искателями их являются энтузиасты, которые без колебаний готовы дать даже баснословные цены за то, что им нравится.

Форма страны, поднимающейся от Лехейума к Коринфу, очень заметна и своеобразна. На некотором расстоянии от плоского берега дорога ведет вверх через крутой перевал небольшой высоты, который прорезает длинная гряда скал, почти как стена, и над которой лежит более высокое плато земли. Та же особенность повторяется через милю вглубь острова, когда путешественник приближается к древнему Коринфу. Эти плато, хотя и не очень высокие, хорошо обозначены и прекрасно различимы, а проходов от одного до другого вполне достаточно, чтобы создать сильное место для обороны от атакующих сил. Как далеко простираются эти скалистые парапеты, я не исследовал. За самым высоким плато возвышается большой утес, на котором была построена цитадель. Но даже с места старого города легко получить великолепный вид на перешеек, два моря и ахейское побережье вплоть до Сикиона.

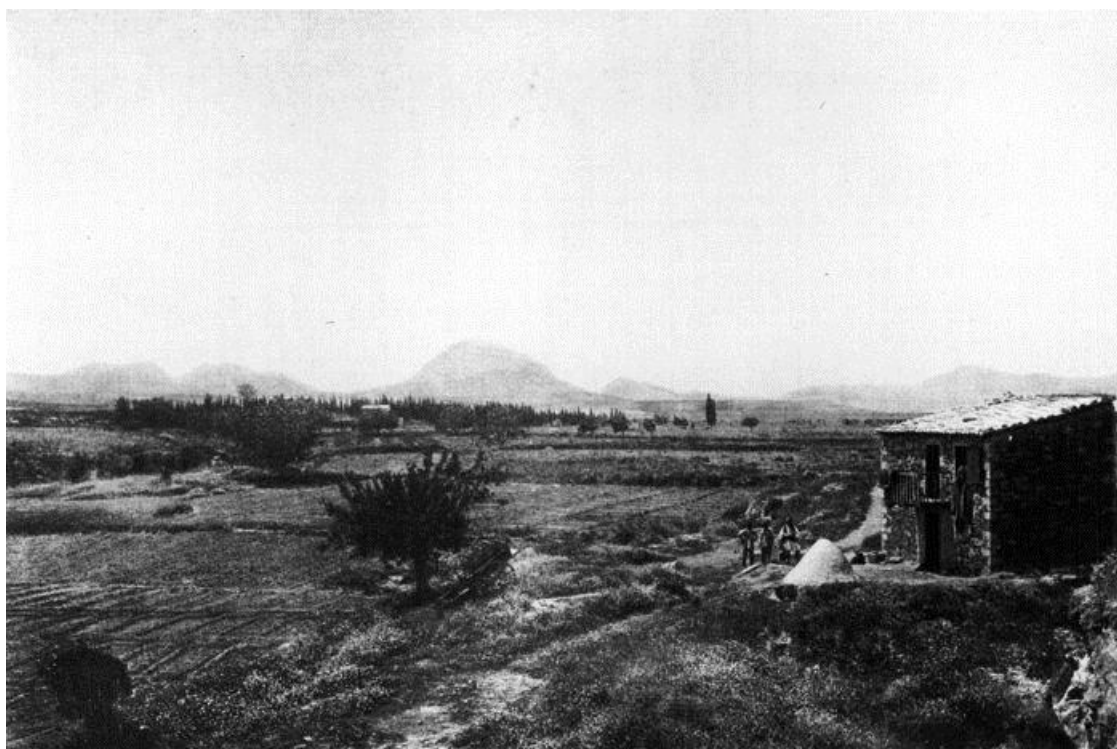
Путешественника, рассчитывающего найти хоть какие-то следы города Периандра, Тимолеона и, можно сказать, святого Павла, ждет жестокое разочарование. Посреди жалкой, разрозненной современной деревушки возвышаются семь огромных грубых каменных столбов дорического ордера, очевидно, самого старого и тяжелого типа; и это

единственный видимый реликт древнего города, выглядящий [pg 393] altogether не на своем месте, и почти как если бы они попали туда по ошибке. Эти столбы, хотя и недостаточны для того, чтобы мы могли восстановить храм, сами по себе представляют большой интерес. Их вал до самого основания состоит из одного блока высотой около двадцати одного фута и шести футов в диаметре. Следует отметить, что над этими гигантскими монолитами архитрав, в котором другие греческие храмы демонстрируют самые большие блоки, состоит не из одного куска, а из двух, и сделан из балок, уложенных вместе в продольном направлении.¹⁴⁹ Длина валов (до шейки столицы) примерно в четыре раза превышает их диаметр на фотографии, которой я располагаю; я не думаю, что какой-либо другой известный нам дорический столб настолько прочен и короток. Почти повсеместно говорят, что материал - известняк, но, если мне не изменяет зрение, это был очень пористый и грубый песчаник, ничуть не похожий на голубоватый известняк, из которого вырезаны львы на воротах Микен. Говорят, что колонны были покрыты лепниной и, конечно, раскрашены. Возможно, даже фигуры фронтона были вылеплены из глины, как, по нашим сведениям, было в древнейших коринфских храмах, когда впервые [pg 394] появилась мода украшать таким образом плоскую и неприглядную поверхность. Великий храм в Пестуме - который, вероятно, является следующим по возрасту и, безусловно, лучшим из сохранившихся образцов раннего дорического стиля - не имеет фигур на фронте и, похоже, никогда не имел их, если только они не были нарисованы фресками на лепнине, которой он, вероятно, был покрыт. Те, кто видел храм в Пестуме, возможно, единственные посетители, которые смогут создать для себя образ очень похожего сооружения в Коринфе, которое турки и землетрясения уменьшили до семи колонн. В нем должна была быть та же простота, та же почти египетская массивность, и все же то же единство плана и цели, которое исключает всякую мысль о неуклюжести или непропорциональности.

Храм в Коринфе

Чем дольше изучаешь греческие архитектурные ордера, тем больше крепнет убеждение, что дорический - самый благородный и естественный из всех. Облегченный и усовершенствованный афинянами времен Перикла, он становится просто неприступным; но даже в более древних и грубых формах он кажется мне значительно превосходящим любой из более пестрых ордеров. Все массивные храмы римской эпохи были построены в очень богато украшенном коринфском стиле, который почти можно назвать геракло-римским; но, несмотря на их величие и красоту, их нельзя сравнивать с более строгим и религиозным тоном дорических остатков. Я могу добавить, что названия [pg 395], которыми отличаются ордена, кажутся плохо подобранными и бессмысленными, за исключением, возможно, того, что ионический был наиболее распространен и, вероятно, изобретен в Малой Азии. Самые ранние образцы коринфского ордера находятся в Эпидавре, Олимпии и [Фигалии](#)¹⁵⁰; самый совершенный дорический - в Афинах, а ионические храмы встречаются повсюду. Но сейчас бесполезно пытаться изменить столь определенные и хорошо утвержденные названия.

Сцена в окрестностях Коринфа, Акрокоринф вдали

Прямо над городом возвышается огромная скала, известная как Акрокоринф. Извилистая тропинка ведет с юго-западной стороны к турецкому разводному мосту и воротам, которые сейчас заброшены и открыты; здесь нет ни одного стражника или солдата, чтобы наблюдать за местом, которое когда-то было желанным призом враждующих империй. Во времена Ахейской лиги его называли одной из оков Греции, и действительно, не нужно обладать военным опытом, чтобы понять чрезвычайную важность этого места. Страбон говорит о Пелопоннесе как об Акрополе Греции - Коринф по праву можно назвать Акрополем Пелопоннеса. Он смело выступает из горных цепей полуострова, как форпост или часовая, охраняющий все подступы с севера. В те времена, когда новости передавались с помощью сигналов, мы можем представить, как вся южная страна зависела от дозора на скале Коринфа. Она отделена широкой равниной, заканчивающейся перешейком, от [pg 396] Геранейских гор, которые приходят с севера и принадлежат к другой системе.

Наряду с видом с высоты Парнаса, я полагаю, что вид из этой цитадели считается самым прекрасным в Греции.¹⁵¹ Я говорю здесь о больших и разнообразных видах, открывающихся с горных высот. Лично для меня такой вид, как с мыса Суниум или, прежде всего, из гавани Науплии, превосходит по красоте и интересности любую перспективу с высоты птичьего полета. Любой, кто взглянет на карту Греции, увидит, как Акро-Коринф разделяет берега, острова и заливы. Когда мы стояли там, день был слишком туманным, чтобы мы могли оценить реальные границы обзора, и я не могу сказать, как далеко может простираться глаз в подходящей атмосфере. Но в одном направлении было видно множество островов, южные берега Аттики и Беотии, афинский Акрополь, Саламис и Эгина, Геликон и Парнас, бесконечные пики Этолии; когда же мы повернулись, перед нами раскинулись все волнистые просторы Аркадии и Арголиты, вплоть до подступов к Мантинее и Каритене. Равнина Аргоса и море с той стороны скрыты горами.¹⁵² Но, не вдаваясь в подробности, можно сказать, что если человек хочет понять особенности этих берегов, которые он долго изучал по картам, получасовая прогулка по вершине этой скалы даст ему географическое понимание, которого не могут достичь месяцы чтения.

Поверхность очень велика, не менее полумили в каждую сторону, и покрыта внутри ограничивающей ее стены остатками значительного турецкого города, ныне лежащего в руинах и совершенно заброшенного, но, очевидно, имевшего немалое значение в дни освободительной войны. Строительство этого города стало большим несчастьем для антикваров, так как все доступные остатки старых греческих работ были использованы в качестве материала для современных домов. На всех участках стен можно увидеть белые мраморные фрагменты колонн и архитравов, и я не сомневаюсь, что тщательное обветшание современных заброшенных домов с лихвой окупит затраченные средства. Здесь есть несколько ям для сбора дождевой воды и несколько неглубоких подземных ходов, назначение которых мы не смогли определить. Должно быть, эти ямы или резервуары были сделаны просто для того, чтобы избавить нас от лишних хлопот, потому что примерно в середине плато, которое значительно опускается к югу, нас привели к проходу в земле, который вел по быстрому спуску к знаменитому колодцу Пирен, вода в котором была настолько прозрачной, что мы вошли в него, спускаясь по ступенькам, так как на самом деле не было [pg 398] видно ватерлинии. Его глубина составляла двенадцать или четырнадцать футов, а длина, насколько мы могли судить в сумерках под землей, - около двадцати пяти футов. Мраморная конструкция над фонтаном - единственное произведение древнегреческой работы, которое мы смогли найти на скале. Она состоит из трех опор, похожих на столбы, сложенных из нескольких блоков, а над ними - нечто вроде архитрава. Затем в здании образовалась брешь, и по большому количеству осколков мрамора, лежавших на дне колодца, мы заключили, что фриз и карниз выпали. Фронтон, вернее, его верхний контур, все еще находится на своем месте, очищенный от архитрава и встроенный в скалу таким образом, чтобы остаться без поддерживающего его карниза.

По мере спуска есть множество надписей, которые я не стал копировать, поскольку мне сообщили, что они уже опубликованы, хотя с тех пор я так и не смог их найти; но их, конечно, можно найти в некоторых греческих археологических газетах. В то время они показались мне либо безнадежно неразборчивыми, либо подозрительно четкими. Этот большой колодец, бьющий из вершины бесплодной скалы, очень любопытен, тем более что мы не увидели никакого выхода.¹⁵³ Вода находилась глубоко под поверхностью, и не было никаких признаков ее подъема или оттока; но чтобы убедиться в этом, пришлось бы [pg 399] долго и тщательно объезжать весь хребет. В путеводителе говорилось о стремительных потоках и водопадах, низвергающихся со скалы, которые мы тщетно искали и которые могли быть вызваны зимними дождями, не имеющими никакого отношения к фонтану¹⁵⁴.

Перешеек, расположенный в трех-четырех милях к северу от Коринфа, издревле славился Истмийскими играми, а также знаменитым диолкосом, или дорогой для перетаскивания кораблей. Игры были основаны около 586 года до н. э., когда по всей Греции возникло сильное подозрение в справедливости присуждения наград в Олимпии, и долгое время элеаты не принимали участия в играх. В более поздние времена игры стали очень известными, на их проведение претендовали аргивяне или клеонцы. Именно на этих играх Филипп V. услышал о великом поражении римлян от Ганнибала и решил вступить в ту колоссальную ссору, которая привела римлян в Македонию. Место стадиона, храма Истмийского Посейдона и укрепленного святилища было раскопано и нанесено на карту М. Монсо в 1883 году. План и подробности можно найти во французском путеводителе Joanne. 155 В 1889 году я видел прерванные работы по строительству канала, который должен был наконец соединить [pg 400] восточный и западный заливы, и который, будучи почти законченным, был растрочен ужасным крахом Credit Mobilier в Париже, и теперь ожидает нового предприятия. Идея старая и часто обсуждаемая, как и идея Суэцкого перешейка. Император Нерон фактически начал эту работу, а инженеры наших дней возобновили прорубку на том самом месте, где остановились его рабочие.

Но если эта очень дорогая работа могла сослужить хорошую службу, когда парусные корабли боялись огибать пресловутый мыс Малеа и когда шла большая торговля из Адриатики в порты Фессалии и Македонии, то теперь все эти преимущества ушли на второй план. Пароходы, идущие из Мессинского пролива, ничего не заплатят за то, чтобы пройти по перешейку, а не обогнуть Морею, и основная линия перевозок теперь идет не в Северный Левант, а в Александрию. Даже товары, отправляемые из Триеста или Венеции, теперь могут быть выгружены в Патрах и отправлены по железной дороге в Афины; так что канал теперь будет обслуживать только самую малую часть левантйской торговли; и даже тогда, если плата будет соответствовать труду, можно будет обойтись кругосветным плаванием. На фоне продвижения многих полезных схем перевозок эта затея, как мне кажется, выделяется отсутствием здравого смысла. В самом деле, если бы оно было действительно важным в любое время, мы можем быть уверены, что эллинистические Советы или римские капиталисты осуществили бы его. Но в классические времена [pg 401] их небольшие корабли, похоже, без особого труда перетаскивались рабами на подвижных роликах.

Но мы и так слишком задержались в этой цитадели, где охотно провели бы день-другой в свободное время. Наш проводник призвал нас отправиться в долгий путь, который не должен был закончиться, пока мы не достигнем города Аргоса, расположенного в тридцати милях за [горами](#) 156.

Страна, в которую мы въехали, сильно отличалась от всех тех, что мы еще видели, и все же это была настоящая Греция. На всех холмах и в долинах виднелась очень белая, меловая почва, которая блестела, как снег, там, где не было зелени или деревьев. На дороге, как обычно, их не было; зато все эти холмы и овраги, усыпанные снежно-белыми цветами, были усажены блестящими деревьями арбутуса и кустарниками, напоминающими карликовый остролист. Пурпурный и белый цистус, который так легко принять за дикую [розу](#) 157, уже отцвели и цвели лишь изредка. То тут, то там виднелась равнина или долина с большими полями тимьяна, вокруг арбута бродили стада коз и бесчисленные пчелы, собиравшие мед с тимьяна. Сцена была в точности такой, какую описывает Феокрит на возвышенностях Сицилии; но за все [pg 402] наши поездки по этому восхитительному [острову](#) 158 мы ни разу не встречали тимьян и арбут, коз и пчел в таком поистине теокритовском совершенстве. Тщетно прислушивались мы к трубе пастуха, тщетно искали какого-нибудь Тирсиса, коротающего время за овсяным тростником. Был уже почти полдень, час трепета и

таинственности для старого пастуха, когда Пан спал своим полуденным [сном159](#) , а распутный сатир бродил в поисках приключений по безмолвным лесам; так что в языческие дни мы могли бы бояться общения с мелодией. Но сейчас тишина была вызвана не страхом перед неудовольствием Пана, а тем, что солнечный зной предупредил пастухов об отъезде на снежные высоты Киллины, где они живут все лето в альпийских хижинах и кормят свои стада на горных пастбищах, покрытых снегом до поздней весны.

Они оставили за собой одного товарища с женой и маленькими детьми, чтобы тот защищал слабых и увечных до их возвращения. Мы нашли эту семью в их зимнем жилище, которое состояло из [pg 403] квадратной ограды из терновника $\theta\rho\acute{\iota}\upsilon\kappa\omicron\varsigma\ \acute{\alpha}\chi\acute{\epsilon}\rho\delta\omicron\upsilon$, выложенной камнями, вокруг очень старого раскидистого оливкового дерева. У подножия дерева стояли горшки, сковородки и прочая домашняя утварь, а на земле валялись шкуры и грубые ковры. Не было никакой попытки построить крышу или хижину, хотя, конечно, ее можно было бы соорудить в мгновение ока, как мы видели в дефиле Парнаса: шкуры навешивались на три палки - две стойки, а третья соединялась с их верхушками, образуя гребень.

Чтобы придать сцене [гомерический160](#) , а также теократический характер, две большие и очень дикие собаки бросились на нас при нашем приближении, но пастух поспешил за ними и отогнал их, энергично забрасывая камнями. "Конечно, - сказал он, повернувшись к нам, задыхаясь от усилий, - вы встретились бы, о чужестранцы! с какой-нибудь бедой, если бы меня здесь не было". Собаки в глубоком гневе скрылись в зарослях и, хотя мы оставались в этом месте еще некоторое время, больше не появлялись, чтобы угрожать или преследовать нас после нашего ухода. Мы разговаривали, как могли, с нежной пастушкой, один из детей которой страшно ошпарил руку, и мы предложили ей оккультные и чудесные средства, хотя в [pg 404] доме такие банальные, что их презирают мудрые. Взамен она дала нам большие миски подогретого молока, из которого делали сыр и различные виды творога - лучшие продукты страны. За свое гостеприимство они не брали денег, но не возражали против того, чтобы мы давали детям монетки для игры, что, я уверен, было для них большой диковинкой.

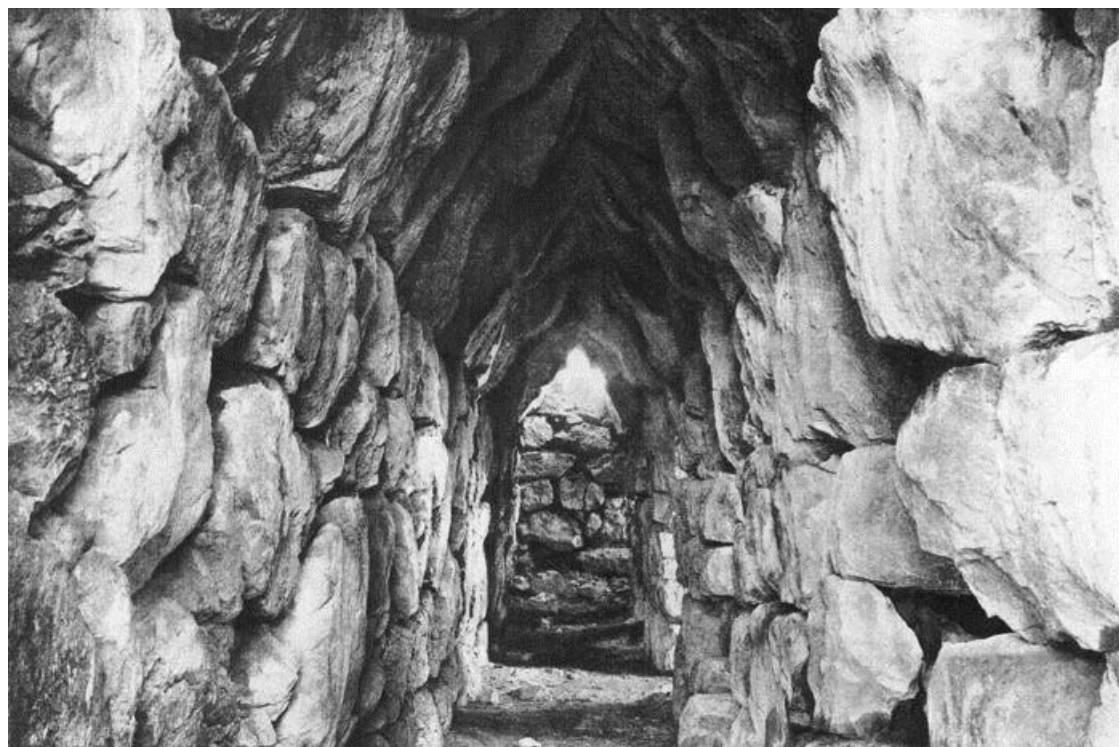
Однако большая часть нашего пути пролежала не по пастбищам и равнинам, а по крутым оврагам, где ехать было так трудно и опасно, что мы часто довольствовались тем, что расседывали и вели своих лошадей. Каждые час или два мы подъезжали к фонтану, бьющему из скалы, а над ним, как правило, возвышалась огромная раскидистая смоковница, а вода с обеих сторон была обрамлена идеальным дерном из девичьего волосяного папоротника. Единственная значительная долина, которую мы видели, была долина Клеона, которую мы прошли в нескольких милях слева от нас, и вокруг которой было много золотой кукурузы и много тенистых платанов. Кукурузы было так много, что мы видели ослов, которые паслись в ней совершенно спокойно, без какого-либо вмешательства со стороны расторопных фермеров. Очень похожее зрелище мы наблюдали на Сицилии, где огромные сицилийские быки темно-коричневого цвета, с устремленными вперед рогами, растягивали свои огромные тела на полях полужрелой пшеницы, покрывавшей всю равнину без ограды и деления. Казалось, что это самое дешевое пастбище и что гнать скот на необработанное пастбище - невыгодный [pg 405] труд. Что касается обмолота кукурузы, то в Аргосе я видел, как вереница из семи лошадей в ряд, с двумя молодыми жеребьями по бокам, скакала вокруг небольшой круглой молотилки в открытом поле, на которой были разложены спелые снопы в лучеобразном порядке. Я не сомневаюсь, что специальный наблюдатель за сельскохозяйственными операциями найдет много интересных свидетельств как в Греции, так и в обеих Сицилиях.

Ближе к вечеру, после многочасового путешествия, мы свернули в сторону, направляясь по равнине Аргоса, чтобы увидеть знаменитые руины Микен. Но сейчас мы обойдем их

стороной, поскольку открытия доктора Шлимана и повторное посещение руин после его раскопок открыли столько вопросов, что им необходимо посвятить отдельную главу.

Крепость Тиринс, о которой я уже упоминал и которую мы посетили на следующий день, можно прокомментировать, прежде чем перейти к более молодым или, по крайней мере, более художественно завершенным Микенам. Он стоит на несколько миль ближе к морю, в центре большой равнины Аргоса, и на единственном холме, который предоставляет естественные возможности для строительства укреплений. Вместо квадратных или, по крайней мере, тесаных, хорошо подогнанных блоков Микен, мы имеем здесь более древний стиль грубых масс, сложенных вместе так, как они лучше всего подходят, промежутки были заполнены более мелкими фрагментами и, как мы теперь знаем, облицованы раствором. Это, по сути, циклопическая постройка [pg 406] ing.161 На южной и самой высокой части продолговатого холма находится меньший замок прямоугольной формы, весь он окружен более низкой стеной, которая охватывает и эту, и северную, более длинную часть хребта. По сути, это было похоже на городище с большим загонem для скота вокруг него.

Чуть ниже северо-восточного угла внутреннего форта, там, где нижний контур вот-вот покинет его, находится вход, с массивным выступом из огромных камней, похожим на квадратную башню, с правой стороны, чтобы защитить его от нападения. Самой примечательной особенностью стен являются крытые галереи, построенные внутри них под юго-восточным углом. Вся толщина стены часто превышает двадцать футов, а в центре сделан грубый арочный проход - или, скорее, я полагаю, два параллельных прохода; но внутренняя галерея провалилась внутрь, и ее почти невозможно проследить - и это только за счет того, что большие камни были сложены так, чтобы оставить отверстие, которое сужается кверху в форме готической арки. Внутри прохода есть пять ниш с внешней стороны, сделанных из грубых арок, так же, как и в главном проходе. Длину [pg 407] галереи я измерил и обнаружил, что она составляет двадцать пять ярдов, в конце которой она регулярно замуровывается, так что, очевидно, она не проходила по всему периметру. Ниши теперь не открыты, но, похоже, когда-то они были окнами или, по крайней мере, выходили на холмы.

Галерея в Тирине

Примечательно, что, хотя стены сложены из совершенно грубых камней, строителям удалось использовать так много гладких поверхностей, выходящих наружу, что лицевая сторона стены кажется довольно чистой и хорошо сделанной. ¹⁶² В юго-восточном углу верхнего и внутреннего уровня мы нашли большой блок красного гранита, совершенно не похожий на грубый серый камень здания, с квадратной и гладкой поверхностью, со всеми четырьмя сторонами, аккуратно скошенными, как у порталных камней в сокровищнице Атрея. Неподалеку я нашел еще два таких же блока с гладкой поверхностью, а затем, в компании с доктором Шлиманом, - большую дорическую столицу. Мы не можем предположить, для чего предназначались эти камни, но они показывают, что какой-то орнамент и более законченная работа, должно быть, когда-то существовали во внутреннем здании или рядом с ним. Хотя оба главных входа имеют массивные каменные башни, возвышающиеся справа от них, на противоположной или западной стороне есть небольшой постерн, [pg 408] не более четырех футов шириной, который не имеет никаких защитных сооружений и представляет собой просто отверстие в стене.

Летом все руины были покрыты чертополохом - таким, что англичанам трудно себе представить. Иглы на остриях листьев достигают дюйма в длину, они чрезвычайно тонкие и прочные и острее любого обоюдоострого меча. Никакая одежда, кроме кожаного платья, не может устоять перед ними. Они вонзаются повсюду с самой жгучей болью и превращают антикварные исследования в этом знаменитом месте в настоящее мученичество, которое может быть поддержано только очень горячей любовью к знаниям или надеждой на будущую славу. Грубые каменные массы настолько рыхлые, что нога человека становится неуверенной, а когда путешественник теряет равновесие и падает среди чертополоха, он жалеет, что не пошел в Иерихон, или даже не попал к ворам по дороге.

Таким был Тиринс, когда я посетил его в 1875 и 1877 годах. В 1884 году я снова отправился туда вместе с доктором Шлиманом, который открывал дворец на высоте. Результаты его открытий настолько важны, что я рассмотрю их в другой главе.

Мы ехали из Микен в Аргос поздно вечером, вдоль широкого и прозрачного потока реки Инах, что заставило нас удивиться старому эпическому эпитету "очень жаждущая", которым нарекли эту знаменитую равнину. ¹⁶³ [pg 409] Хотя ночь уже темнела, мы видели и чувствовали запах больших полей дикого розово-красного олеандра, цветущего по берегам реки, очень похожего на рододендроны в наших землях. И хотя не было слышно ни одной птицы, теттикс, столь дорогой старым грекам и столь часто становившийся темой их поэтов, заставлял землю перекликаться с его мириадами щебечущих птиц. Аристофан говорит о нем, как о безумном любителе полуденного солнца. ¹⁶⁴ Мы нашли его не менее охочим и оживленным в поздних сумерках и далеко за полночь. Я вполне понимаю, как старый грек, ненавидевший тишину и еще больше ненавидевший одиночество, любил это маленькое существо, которое составляло ему компанию даже во время сна и давало ему все те ощущения бодрости и домашнего уюта, которые мы, северяне, [pg 410] в нашем убогом климате, должны искать у сверчка у камина.

В десять часов мы въехали на любопытные темные улицы Аргоса и, после некоторых затруднений, попали в резиденцию М. Папалексупулоса, который вызвался быть нашим хозяином - образованного и способного медика, который, несмотря на недавнюю семейную утрату, открыл свой дом для чужестранца и развлекал нас с тем, что в этой стране можно

назвать настоящим великолепием. Замечу, что только он один из всех встреченных нами деревенских жителей угостил нас вином, не пропитанным смолой, - очень хорошим и замечательным красным вином, которым по праву славится равнина Аргоса. В этом уютном доме мы спали, можно сказать, в уединенном великолепии, а проснувшись в приподнятом настроении, без потерь и ущерба отправились осматривать чудеса этого старого центра легенд и истории.

Очень легко понять, почему все греческие мифы помещают самые ранние империи, самые ранние искусства и самые ранние завоевания на равнины Арголиды. Они также говорят о том, что именно на этой равнине жили иноземные поселенцы и работали иноземные мастера. Если представить себе, как мы должны это сделать, что более древние знания о Востоке поступали в греческие воды через Кипр и Крит, то можно не сомневаться, что первые мореплаватели-исследователи, достигнув бесплодного острова Цериго и скалистого берега Лаконии, прокладывали свой путь по этому суровому и негостеприимному побережью, [pg 411] пока вдруг не попадали в поле зрения глубокого залива Арголиды, простирающегося далеко в сушу, с широкой равниной и аллювиальной почвой за ее самым глубоким углублением. Здесь, прежде всего, они нашли бы подходящее место для высадки и страну, пригодную для обработки земли; и здесь, соответственно, мы должны были бы ожидать найти, как мы и делаем, самые древние остатки жилья, помимо хижин бродячих пастухов или дикарей. Так, легенда гласит, что Циклоп пришел из Ликии к царю Аргоса, или, скорее, Аргивской равнины, Приту и построил ему гигантскую крепость [Тиринс](#)¹⁶⁵.

Это было, очевидно, самое древнее большое поселение. Затем, в силу какой-то перемены судьбы, значение Микен возросло, не исключено, что из-за нездоровой местности Тиринса, где окрестности сейчас низкие и болотистые, а в те времена, вероятно, были еще больше. Но эпоха величия Микен также канула в исторические времена; и третий город на этой равнине стал ее правителем - Аргос, построенный под огромной Ларисой, или городищем, которое выходит из окружающих гор и стоит как форпост над городом.¹⁶⁶ [pg 412] Даже сейчас это все еще важный город, и сохраняет, посреди своей улыбающейся и хорошо возделанной равнины, некую атмосферу яркости и процветания, которую редко можно увидеть в других местах по всей стране.

Сначала мы посетили старый театр, безусловно, самый красиво [расположенный](#)¹⁶⁷ и один из самых больших, которые я когда-либо видел. Он намного прекраснее даже сиракузского, и тот, кто видел этот театр, поймет, что подразумевает такое заявление. Если из греческого театра в Сиракузах открывается вид на большую гавань и побережье вокруг, то этот вид мог быть интересным только благодаря многолюдному судоходству и мелькающим парусам, потому что весь наклон страны очень постепенный, и даже форт Ортыгия не представляет никаких смелых или ярких очертаний.

Аргивский театр был построен с расчетом на огромную аудиторию. Мы насчитали шестьдесят шесть ярусов сидений, в [pg 413] четырех делениях, что отличается от описания полковника Лика, которое было у нас на тот момент. Как он отмечает, внизу может быть еще больше мест, покрытых мусором - ведь это, как и все остальное в Аргосе, должно принести антиквару богатый урожай, поскольку это все еще почти девственная земля, и ее еще никогда не разгребали с особой тщательностью. С высоких мест театра Аргоса, которые поднимаются гораздо круче, чем в Сиракузах, открывается самая очаровательная перспектива направо, на великолепную богатую равнину, покрытую, когда мы впервые увидели ее, блестящей изумрудно-зеленой зеленью молодых виноградных лоз и табачных растений, варьирующейся с более темным оттенком платанов и кипарисов. После дикой природы, через которую мы проезжали, эта перспектива была просто восхитительной.

Прямо перед нами и слева простирался глубокий синий залив Арголиды с белыми укреплениями Науплии, венчающими ее живописный Акрополь. Вокруг нас, во всех остальных направлениях, идеальным амфитеатром возвышались горы. По своим размерам эта бухта - самая красивая из всех, что я когда-либо видел, и мнение, которое мы тогда составили, укрепились после того, как мы увидели ее на закате с другой стороны - из Науплии, - которая была, если это возможно, еще прекраснее и сочетала в себе все элементы, которые только можно представить в идеальном пейзаже. Рядом с театром находится остаток циклопической постройки, по-видимому, угол стены, сложенной из огромных неотесанных блоков, как в Тирине. Говорят, что подобные сооружения есть и на Лариссе, которая, [pg 414] однако, сама является средневековой руиной, и поэтому для нас не представляет особого интереса.

Все дети приносили нам монеты, всех возможных дат и описаний, но сами были интереснее, чем их монеты. Ведь здесь, в южной Греции, в очень жарком климате, на равнине, каждый второй ребенок - светленький, с голубыми глазами, и выглядит он как пересаженный северянин, а не как отпрыск южной расы. После смуглых итальянских детей, которые поражают путешественника своей южностью на всем пути от Венеции до Реджио, нет ничего более любопытного, чем эти более светлые дети под более солнечным и жарким небом; и это сразу напоминает студенту, как даже у Гомера желтые волосы и светлый цвет лица отмечены как принадлежащие царю Спарты. Этот тип, как мне кажется, распространен везде, где не было смешанного населения, как в Афинах или Сире, и где жители, похоже, живут так же, как жили на протяжении веков. Ум и несомненная образованность Фаллмерайера убедили многих людей и заставили еще больше подозревать, что старая греческая раса полностью исчезла, а нынешний народ представляет собой смесь турок, албанцев и славян. На это можно найти множество ответов, и прежде всего странное и точное сходство характеров древних и современных греков, сходство, пронизывающее всю их жизнь и привычки.

Но такого рода доказательства нелегко изложить в [pg 415] краткой форме, и в конце концов они состоят из большого количества мельчайших деталей. Настоящее опровержение теории Фаллмерайера заключается в разоблачении предполагаемых доказательств, на которых она основывается. Он с большой уверенностью приводит цитаты из афинских документов, которые не были проверены; более того, доказано, что он был обманом некоторых ловких фальсификаторов. Внимательное изучение скудных упоминаний о состоянии Греции во времена предполагаемой славянизации, а также свидетельства, полученные из житий греческих святых, относящихся к этой эпохе, доказывают, что страна никогда не была полностью оккупирована иностранцами или покинута старым населением. Исследования Росса, Эллссена и, наконец, Хопфа, [168](#) действительно поставили точку в этом вопросе; но, к сожалению, английские студенты еще некоторое время будут введены в заблуждение явным уклоном Финлея в сторону славянской гипотезы. Как справедливо отмечали более поздние критики, Финлей не проверил документы, приведенные Фаллмерайером; и пока это не было сделано, дело казалось достаточно убедительным для полного опустошения Греции в течение четырехсот лет и ее оккупации новым населением. Но теперь все это отнесено к области басен. Конечно, в стране есть большая примесь славян и албанцев; постоянные вторжения и частичные завоевания на протяжении нескольких веков не могли не привести к этому. Тем не менее, Греция в основном осталась греческой, и иностранцы не смогли противостоять более сильной национальности истинных эллинов.

Другой весомый аргумент, как мне кажется, связан с языком. [169](#) Между языком Платона и языком нынешних греков на самом деле очень мало различий. Конечно, есть развитие и упадок, есть изменения идиом и искажения форм, есть много славянских имен, но язык по

сути один и тот же. Нынешний грек прочтет старую классику с тем же трудом, с каким наши крестьяне читали Чосера. На самом деле, если предположить, что это один и тот же народ, то удивительно, как его язык не изменился еще больше. Если бы захватчики в Средние века действительно стали основной массой населения, как получилось, что они отказались от своего родного языка и перешли на язык греков? Несомненно, должно было произойти хотя бы слияние разных языков, если бы население считалось [pg 417] сильно заквашенным. В Греции до сих пор есть албанские районы. Их можно встретить даже в Аттике и вблизи Афин. Но это население все еще довольно сильно отличается от греков; их язык совершенно другой и непонятен для греков, которые его не выучили.

Кроме того, греческий язык не был тем, который легко распространялся среди иностранцев, и не породил ряд дочерних языков, как латынь. Во многих эллинских колониях варвары учились говорить по-гречески вместе с греками и перенимали их язык; но во всех этих случаях, когда греческое влияние исчезало, греческий язык приходил в упадок и в конце концов уступал место старому языку, который он временно вытеснил. Таким образом, история свидетельствует о том, что ни один иностранец не смог сделать этот тонкий язык своим; и даже сейчас мы чувствуем силу слов Аристотеля: как бы хорошо ни говорил незнакомец, его можно было сразу узнать по использованию частиц.

Эти соображения кажутся мне убедительными в том, что, какие бы примеси ни происходили, основная масса людей - это те, кем их объявляет язык, по сути, греки. Любой внимательный наблюдатель не сможет не заметить в диких районах Мореи типы и формы, равные тем, что вдохновляли старых художников. Среди мальчиков-пастухов все еще есть великолепные парни, которые украсили бы [pg 418] греческий гимнасий или вызвали бы похвалу всей Греции на Олимпийских играх. Есть еще девы, способные нести священную корзину Афины. А главное, есть еще много стариков, которых за их мужественную красоту выбирают в качестве таллофоров в панафинейской процессии.

Эти мысли часто посещали нас, когда мы шли по узким и многолюдным улицам Аргоса в поисках своеобразных товаров этого места - сырых шелков, ковров и ковровых изделий насыщенных цветов, а также декоративной обуви из тускло-красной кожи "сафьян".

Нас повели в маленький музей города - тогда еще очень маленький, с единственной надписью и восемью или десятью скульптурами. Но надпись, которая опубликована, очень четкая и разборчивая, а фрагменты скульптуры все своеобразны и превосходны. Есть женская голова большой красоты, примерно в половину натуральной величины, относящаяся к лучшему или, несомненно, очень хорошему периоду греческого искусства, которая имеет любопытную особенность: один глаз больше другого. Не только глазное яблоко, но и весь глаз, который немного увеличен, что не портит общего эффекта. Джентльмены, которые показывали мне эту голову, и все они были в восторге от нее, действительно не заметили этой особенности, но сразу же узнали ее, когда им указали на нее. Рядом с этой безголовой головой находится безголовое туловище такой же красоты - женская фигура без рук, задрапированная с изысканным изяществом, в [pg 419] манере, очень напоминающей знаменитую Венеру Мелосскую. Одна нога фигуры слегка приподнята и поставлена на утку, что совершенно очевидно по общей форме птицы, хотя перепончатые лапы сильно стерлись, а голова исчезла. Месье Эмиль Бурнуф сказал мне, что по этому признаку утки можно определить, что это либо Афина, либо Артемида. Если это так, то общий стиль фигуры, которая очень молода и легка, говорит в пользу того, что это Артемида. Я надеюсь, что вскоре будут сделаны фотографии этой прекрасной статуи, и она станет известна студентам-искусствооведам в Европе.

Мы также заметили на квадратном блоке белого мрамора рельефную, больше чем в жизни, голову Медузы. Лицо спокойное и невыразительное, в точности обратное бесподобной картине Лионардо да Винчи, но архаичное по характеру, хорошо и четко выполненное. Головной убор, который был закончен только с правой стороны, очень своеобразен и состоит из крупных чешуек, начинающихся ото лба и разделяющихся на две косички, которые становятся змеиными телами и спускаются по кривым до подбородка, затем снова поднимаются вверх и наружу, пока не заканчиваются хорошо сформированными змеиными головами. Левая змея вырезана идеально рельефно, но не покрыта чешуей.

Мне не удалось получить достоверных сведений о находке этих мраморов, но все они были свежими открытиями, особенно голова Медузы, которую [pg 420] только недавно привезли в музей, когда мы впервые были в Аргосе. Будущие посетители увидят, что эта ценная коллекция значительно увеличилась; и здесь, в этом важном городе, желательно иметь местный музей.

Если рассматривать дорийское искусство в сравнении с ионийским, то несомненно, что самым ранним центром был Коринф на Пелопоннесе, которому приписывают различные открытия в искусстве. В архитектуре многие ведущие идеи, такие как установка глиняных фигур в тимпанах своих храмов и использование панелей или софитов, как их называли, в потолках, впервые пришли из Коринфа. Но когда мы спускаемся к более известным временам, то видим три других дорийских государства, которые совершенно затмевают Коринф, я полагаю, потому что торговый инстинкт, как это иногда бывает, подавил или ослабил ее энтузиазм к искусству. Эти государства - Эгина, Сикион и Аргос. Сикион достиг величия при мягком и просвещенном деспотизме Ортагора и его семьи, о которых было замечено, что они сохраняли свой суверенитет дольше, чем любая другая династия деспотов в Греции. Похоже, что Эгина оспаривала первенство у Коринфа как торговый центр со времен Фидона, чья чеканка денег, как всегда говорили, впервые была осуществлена в Эгине.¹⁷⁰ Заметное место Эгины в [pg 421] эпиникийских одах Пиндара показывает не только то, как охотно люди занимались атлетикой и любили славу, но и то, как хорошо они могли оплачивать дорогие памятники своей славы. Их положение в персидской войне, среди самых храбрых греков, подтверждает первую часть моего утверждения; просьба одной ионийской гречанки, захваченной в плен в обозе Мардония, перевезти ее в Эгину, добавляет доказательств в пользу второй, поскольку показывает, что для человека такого типа Эгина была полем для богатого урожая, и мы удивляемся, как ее репутация могла быть в этом отношении выше, чем у Коринфа.¹⁷¹ Но через некоторое время после этого возвышение афинской морской державы сокрушило величие Эгины, и она стала незначительной и была поглощена Атической державой.

Таким образом, остались Сикион и Аргос, и именно в этих двух городах сформировалась особая художественная школа, самым выдающимся представителем которой был Поликлет. Дорийская скульптура начиналась с фигур атлетов, которые посвящались в храмах и были своего рода сопутствующим памятником одам поэтов - более долговечным, несомненно, в сознании жертвователей, но, как показало время, бранным и уходящим, в то время как крылатые слова поэта не утратили даже первого цветка своей свежести. Однако, в отличие от струящихся одежд и тонко выписанных черт [pg 422] ионической школы, дорийцы с большой точностью воспроизводили обнаженную человеческую фигуру; в лице же они придерживались жесткой простоты, независимо от индивидуальных черт, и еще более независимо от любого выражения, кроме пустой улыбки. Этот тип, найденный в своем наиболее совершенном развитии в Игинетских мраморах, был тем, что предстало перед Поликлетом, когда он поднялся до величия. Он был современником и соперником Фидия и,

как говорят, победил его в конкурсе на храм Геры на Самосе, где два или три величайших скульптора лепили раненую амазонку, и Поликлету было присуждено первое место. Есть некоторая вероятность того, что одна из амазонок, хранящихся сейчас в Ватикане, является копией этой знаменитой работы; и, несмотря на неуклюже восстановленную голову и руки, мы видим в этой фигуре большую простоту и правду художника в обращении с довольно неблагоприятным объектом - очень сильной и мускулистой женщиной.

Аргивская школа, в силу своих традиций, гораздо больше обращалась к одиночным фигурам, чем к группам; и в этом, несомненно, заключался главный контраст между Поликлетом и Фидием: как бы ни превосходил аргивянин одиночную фигуру, гений афинянина был вне всякого сравнения в использовании скульптуры для групп и процессий в качестве дополнения к архитектуре. Но и в сидящей статуе Зевса в Олимпии было определенное величие, равного которому, кажется, не было ни в одной известной скульптуре [pg 423] [tor](#). Аттическим художником, который, однако, кажется, был гораздо ближе к Поликлету по стилю, был Мирон, чей Дискобол дошел до нас в нескольких великолепных копиях, и который, кажется, обладал всем дорийским вкусом изображать одиночные атлетические фигуры с большей жизнью и более смелыми действиями, чем это пытался сделать Поликлет. [172](#)

Геродот где-то замечает, что в определенный период аргивяне были самыми известными в Греции музыкантами. К большому сожалению, наши знания об этой отрасли греческого искусства настолько фрагментарны, что мы не можем сказать, в чем заключалось мастерство аргивян. Нам не сообщают, что там была изобретена дорическая гамма; но очень возможно, что они могли первенствовать среди своих собратьев и в этом направлении, поскольку хорошо известно, что спартанцы, хотя и были отличными судьями, полностью зависели от иностранцев, которые делали для них музыку, и не считали джентльменством делать больше, чем критиковать.

Поездка из Аргоса в Науплию ведет через Тиринс, затем через большое болото, роскошно покрытое зеленью и различными цветами, и далее по хорошей дороге до самого важного и волнующего города Науплии. Это место, которое было одним из древнейших поселений, о чем свидетельствуют [pg 424] пеласгические стены и гробницы, расположенные высоко на нависающих скалах, всегда было известно как порт Аргоса, и остается таковым до сих пор, хотя при турках оно возвысилось до достоинства столицы всей провинции Греции. Цитадель во все времена считалась практически неприступной. Расположение города исключительно красиво, даже для греческого города; а закат за Аркадскими горами, который виден из Науплии, с заливом на переднем плане, - это вид, который никто никогда не сможет забыть.

Каботажный пароход, который ходит по всему Пелопоннесу, подхватил нас вместе с большой компанией, спешившей в Афины на выборы, и повез нас вокруг побережья Арголиды, останавливаясь по пути в нескольких портах. Такой способ знакомства с Грецией или Италией заслуживает всяческих похвал, и очень жаль, что многие люди строго придерживаются самого быстрого и очевидного маршрута, упуская многие действительно характерные особенности страны, которую они хотят изучить. Так, итальянские каботажные пароходы, следующие из Мессины через Неаполь в Геную, заходят во многие незначительные места (например, в Гаэту), которые никто из обычных туристов никогда не видит, и которые, тем не менее, являются одними из самых красивых во всей стране. То же самое можно сказать и о плавании из Науплии в Афины, которое приведет вас к Специи, Гидре, или Идре, как они теперь [pg 425] называют ее, к Поросу и Эгине, все очень любопытные и интересные места для посещения.

Паламеди, Науплия

В былые времена остров Гидра был просто бесплодной скалой, почти не заселенной, и, возможно, никогда бы не изменил своей репутации, если бы не пиратское поселение в очень любопытной маленькой гавани с очень узким входом, которая выходит на главный берег Арголитиды. Когда плывешь вдоль прямой береговой линии, кажется, что нет никакого излома или углубления, как вдруг, словно по волшебству, скалистый берег открывается примерно на двадцать ярдов, в месте, отмеченном несколькими пещерами в скале, и позволяет увидеть круглую гавань очень небольших размеров, с амфитеатром богатых и хорошо построенных домов, возвышающихся по всему периметру бухты. Хотя вода очень глубокая, здесь фактически нет места для большого флота, и, кажется, нет ни одного ярда ровной земли, за исключением тех мест, где искусственно сделаны террасы. Высокие скалы по обеим сторонам узкого входа скрывают все перспективы города, кроме как с точки, расположенной прямо напротив входа.

Гидриоты, которые были богатыми купцами и, как я полагаю, успешными пиратами в турецкие времена, никогда не попадали в рабство, но сохраняли свою свободу и богатство, выплачивая дань Порте. Они развили торговую мощь, которая сильно напоминает старые греческие города; и они были настолько верны друг другу, что для граждан было обычным делом доверить все свои сбережения капитану [pg 426], отправляющемуся в дальний порт, чтобы он их разместил с наибольшей выгодой. Говорят, что они никогда не были обмануты в своих прибылях. Возможно, турки думали, что мягким обращением они обеспечат верность гидриотцев, чье богатство и власть во многом зависели от турецкой защиты; но они сильно ошибались. Действительно, когда началась Освободительная война, жители острова сомневались, какое участие им принять; ведь во время великих наполеоновских войн гидриотцы, плававшие под нейтральным флагом Турции, получали огромные прибыли, ведя торговлю между воюющими сторонами. Они жили в большой роскоши. После заключения мира в 1815 году и открытия французских и других портов для английских кораблей эти доходы исчезли, а экстравагантные надежды гидриотцев закончились банкротством.

Вероятно, это и стало главной причиной их патриотизма. Однако, безусловно, самые яркие подвиги во время войны были совершены гидриотскими моряками, которые очень напоминают зеландцев в войнах Голландии против испанской державы. Преувеличена ли их храбрость, сказать трудно: во всяком случае, ясно, что они заслужили уважение и восхищение всего народа, и нет в греческом обществе знати, столь признанной, как происхождение от гидриотских вождей, сражавшихся за освобождение.

С ростом нации богатство и значение Гидры странным образом уменьшилось. Проб [pg 427] сильно Пейреус, с его огромными преимуществами, естественно, восстановил свое прежнее преобладание, теперь, когда все части побережья и все порты одинаково свободны. Тем не менее, общий стиль и образ жизни на Гидре напоминает старые времена; и если сам остров бесплоден, то богатые склоны противоположного побережья, покрытые большими рощами лимонных деревьев, принадлежат состоятельным потомкам старых купцов.

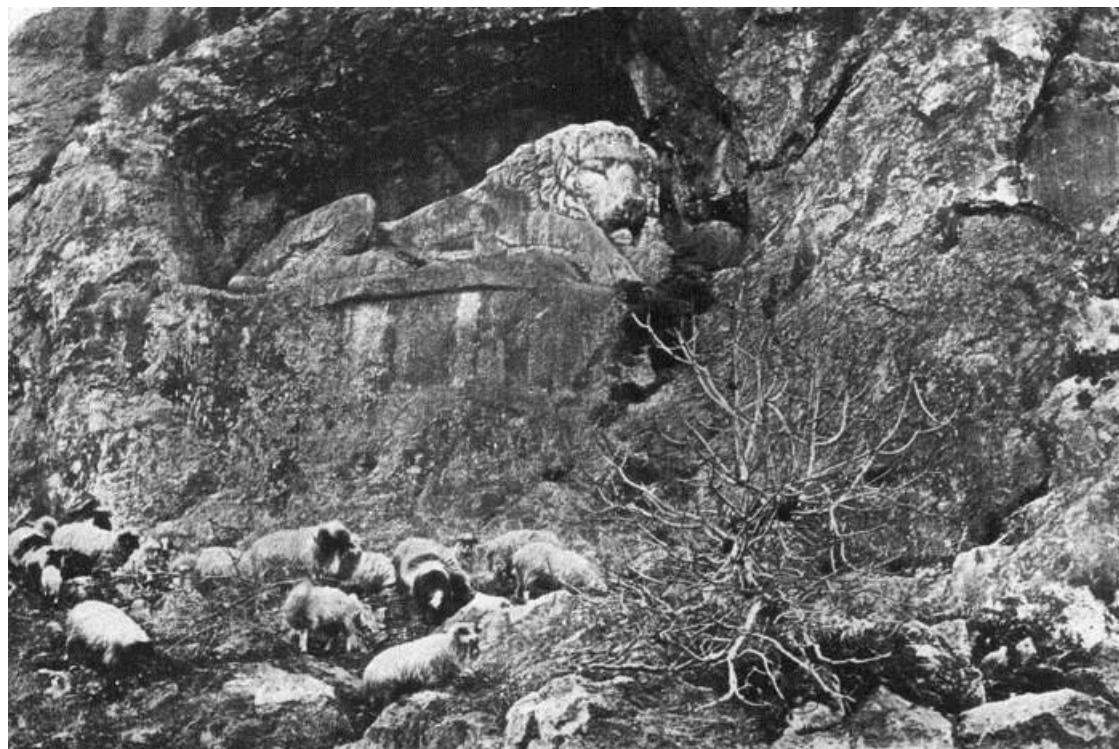
Соседний остров Спецца, где ждет пароход и толпа живописных людей выходит на причудливых лодках, чтобы отдать и забрать груз, имеет историю, очень похожую на историю Гидры. Следует отметить, что население обоих островов скорее албанское, чем греческое. Через несколько часов пароход проплывает мимо Пороса и через узкие проходы между островами попадает на Эгину, как ее теперь называют. Перед нами остров, история которого в точности повторяет историю Гидры. Великие дни Эгины (как я уже упоминал выше) пришлось на очень давние времена, начиная с эпохи Фидона Аргосского в седьмом веке до нашей эры и заканчивая расцветом афинской демократии и флота, когда этот великолепный центр литературы, искусства и торговли был поглощен большой Афинской империей.

В настоящее время на побережье есть значительный город, а на холмах - несколько посевов; но весь облик острова очень скалистый и бесплодный, и поскольку вряд ли когда-нибудь было иначе, мы [pg 428] сразу почувствовали, что раннее величие Эгины, как и Гидры в прошлом веке, было чисто торговым величием. Люди здесь очень гостеприимны и интересны. Нигде в Греции я не видел более явных остатков чисто греческого типа. Наша хозяйка, в частности, была достойна занять свое место на фризе Парфенона, а среди детей, игравших на набережной, были лица удивительной красоты.

При наличии предприимчивости и усердия торговый народ или город может легко стать великим на небольшом острове или бесплодном побережье, и ни одно явление в истории не доказывает этого с большей силой, чем огромная империя финикийцев, которые, похоже, никогда не владели больше чем голым участком в несколько миль вокруг Тира и Сидона. По сути, они были великим народом без страны. Венецианцы точно так же создали империю на соленом болоте и одно время владели многими важными владениями на греческих побережьях и островах, не имея "никаких видимых средств к существованию", как говорят в полицейских судах. Точно так же Перикл не думал о владении Аттикой при условии, что афиняне смогут удержать свои городские стены и гавани. Он понимал, что, обладая морским превосходством, они обязательно должны стать владыками столь обширных берегов и островов, что бесплодные холмы Аттики могут остаться совершенно без внимания.

Есть еще один и очень интересный путь из Науплии в Эгину, который можно настоятельно [pg 429] рекомендовать путешественнику, не успевшему на еженедельный пароход. В Науплии можно нанять лошадей, на которых за семь часов можно доехать до маленькой деревушки Эпидаурос (сейчас произносится как Эпидаврос). Здесь можно взять лодку, на которой при хорошем ветре можно добраться до Эгины за три, а до Пейреуса - примерно за шесть часов.

Но, как и все лодочные экспедиции, это путешествие небезопасно и может быть сорвано как штилем, так и штормом.

Скульптурный лев, Науплия

Мы покинули Науплию прекрасным утром, когда деревенские пастухи проходили по улицам, выкрикивая *ýðλα*, и раздавали молоко из шкур, горлышко которых они держали в одной руке, а другой слегка ослабляли хватку, чтобы налить его в сосуд, который им приносил покупатель. Эти колоритные люди - мужчины, женщины и дети - похоже, занимаются активной торговлей, и все же их не встретишь на улицах ни одного другого греческого города.

Путь через Арголику неровный и каменистый, по характеру он не отличается от пути из Коринфа в Микены, но более бесплоден и по большей части менее живописен. На некоторых вершинах холмов находятся старые руины с прекрасными остатками каменной кладки, очевидно, древнегреческой работы. Последние два-три часа пути, однако, особенно красивы, так как путь пролегает по богатой долине, в которой бурная река стремительно несется к морю. В этой долине много зелени и деревьев. Мы видели [pg 430] ее в самый богатый момент южной весны, когда все деревья распускали листву или украшались разнообразным цветением. Здесь жили дрозды и множество других певчих птиц, которые наполняли воздух музыкой, как бы варьируя монотонный звук журчащей реки. Нет в природе более сладостного концерта, чем этот, нет единения вида и звука, которое наполнило бы сердце странника, оказавшегося в таком уединении, более глубокой радостью. Я не знаю лучшего исхода из прекрасной Мореи - прощального путешествия, которое останется в памяти и изгонит из головы все мысли о дискомфорте и усталости.

В живописной бухте Эпидаврос, не имеющей выхода к морю, стояла на якоре большая рыбацкая лодка, которую мы сразу же зафрахтовали, чтобы она доставила нас в Афины. Шкиперу потребовалось некоторое время, чтобы собрать команду и получить необходимые

бумаги от местных властей, но после некоторого нажима с нашей стороны мы с попутным ветром взяли на вес и вышли из гавани в широкую, усеянную скалами полосу воды, которая отделяет Арголис от Эгины и от более отдаленного побережья Аттики. Нет более восхитительного и истинно греческого способа путешествовать, чем проплывать через острова и скалистые берега на этих лодках, которые просторны и удобны, а благодаря палубе позволяют укрыться от дождя и брызг. Но вскоре ветер начал усиливаться с северо-запада, и наш [pg 431] шкипер засомневался, безопасно ли продолжать путешествие. Он предложил зайти на ночь в гавань Эгины. Мы безропотно согласились и на большой скорости направились к месту назначения. Но не успели мы войти в гавань и бросить якорь, так что лодка лежала устойчиво, головой к ветру, как другая, несколько большая лодка, шедшая за нами, врезалась прямо в ее середину. От удара все мои спутники, лежавшие на дне лодки, вздрогнули, и положение стало совсем отчаянным, ведь мы находились посреди большой гавани, на большом расстоянии от суши. Была ночь, дул сильный ветер, и вся наша команда предалась плачу и молитвам, а другая лодка делала все возможное, чтобы отчалить и бросить нас на произвол судьбы. Однако некоторые из нас забрались в нее по носовому шпринту, который лежал поперек нашей палубы, а другие подняли багаж и принялись изучать, с какой скоростью прибывает вода. Лодка с берега подоспела вовремя и благополучно доставила нас, но когда мы высадились на берег, наш шкипер серьезно предложил нам заплатить за лодку, поскольку она пострадала на нашей службе! Мы, конечно, посмеялись над ним и, найдя в Эгине паровой катер, принадлежавший капитану Миаулису, тогдашнему морскому министру, отправились на его поиски и попросили отвезти нас на следующий день в Пейреус. Превосходный человек не только удовлетворил нашу просьбу, но и развлекал нас [pg 432] пути интереснейшими анекдотами о своем пребывании в Англии в детстве, когда он вместе с отцом приехал просить помощи у нашей страны во время освободительной войны. Таким образом, мы попали на "Пейреус" не как потерпевшие кораблекрушение изгои, а под защиту одного из самых доблестных и выдающихся офицеров греческого флота.

Среди новооткрытых достопримечательностей большой интерес представляют великий храм и театр Эпидавра, который я не посетил из-за эпидемии оспы - εὐφλοῦρα, как они ее называют, эвфемистически. Само путешествие к этому месту стоит того, чтобы совершить его из-за его очень характерных особенностей. Вы отправляетесь из Афин на каботажном пароходе, полном туземцев, которые везут с собой еду и постели и разбивают лагерь на палубе, где им заблагорассудится, независимо от класса. Вы видите весь домашний уют обычной жизни, который навязывается вам без вашего желания, вместо того, чтобы навязываться другим, чтобы найти его; и вы можете изучать не только страну, но и людей, на большом досуге. Но постоянно меняющаяся красота пейзажей оставляет мало времени для других занятий. Лодка проходит вдоль Эгины, огибает мыс Калаурия - место смерти Демосфена - и попадает в закрытый сушей залив Порос, где на плодородном берегу, окруженном амфитеатром возвышенных гор, лежали старый Трезен и Гермiona. Море похоже на прекрасное внутреннее озеро, усыпанное белыми парусами и обрамленное сочной зеленью виноградных лоз, инжира и растущей [pg 433] кукурузы. Даже ряды высоких торжественных кипарисов не навевают мрачных мыслей в таком пейзаже. Отсюда рукой подать до знаменитого храма Эскулапия, хотя большинство людей едут из Науплии, как и я в прежние годы, до того как были сделаны открытия, которые теперь привлекают студентов.

Раскопки греческого археологического общества обнажили по крайней мере три главных здания, связанных с этим знаменитым местом: старый храм бога, театр и знаменитый толос, круглое здание, в котором исцеленные от болезней люди устанавливали votive таблички. Необычайные размеры и великолепие театра - по словам Павсания, он был далеко не самым

лучшим в Греции - довольно сильно контрастируют с размерами храма и наводят на мысль, что большинство пришедших пациентов могли развлекаться, или же многие приходили не по серьезным делам, а для удовольствия. Обнаруженные останки представляют особую ценность для хорошей сохранности сцены, но об этом я могу говорить лишь понаслышке. Круговое здание, возведенное под руководством знаменитого Поликлета, великого аргивского скульптора, соперника Фидия, также имеет много особенностей и показывает еще один пример того, что то, что раньше искусствоведы считали современным, было основано на более древних классических моделях. Круглые здания, опирающиеся на колонны, считались скорее греко-римскими, чем греческими, но здесь мы видим, что, как и строители Одеона [pg 434] Перикла, более позднего Филиппиона в Олимпии, эпидавры имели эту форму перед собой с ранних времен. Внутри внешнего ряда дорических колонн находился второй круг колонн, очевидно, ионических по пропорциям и рифлению, но капители были коринфскими, так что и эта особенность архитектуры имеет почтенную древность, а не является греко-римской, как предполагалось раньше. Долгое время так называемый Фонарь Демосфена, построенный для Лисикрата в Афинах в 335 году до н. э., когда Александр вел свою армию в Азию, считался самым древним и, возможно, единственным чисто греческим примером коринфской капители. Люди начали сомневаться, когда одиночный экземпляр был найден в знаменитом храме в Бассе, куда он вряд ли мог быть привезен в более поздние времена. Теперь доказательство завершено, и в этом отношении историки искусства исправляют поспешные обобщения своих предшественников.

[pg 435]

ГЛАВА XIV.

КИНУРИЯ-СПАРТА-МЕССЕНА.

Какие бы экскурсии ни совершал путешественник в Морее, он не должен опускать поездку в Спарту, которая так часто была центром власти и до сих пор является одним из главных центров притяжения в Греции. И все же по многим причинам это знаменитое место менее посещаемо, чем остальные части страны. Оно находится в стороне от привычных отправных точек путешествий. Чтобы добраться до него из Афин или даже из Патры или Коринфа, требуется несколько дней, и он не примечателен ни одним из тех архитектурных памятников, которые привлекают современного исследователя больше, чем что-либо другое в исторической стране.

Из различных маршрутов мы выбрали (в 1884 году) путь из Науплии через Астрос, так как несколько дней были гостями гостеприимного доктора Шлимана, который проводил свои знаменитые исследования в Тирине. Итак, однажды утром мы поднялись вместе с неутомимым доктором еще до [рассвета](#)¹⁷³ и взяли лодку, чтобы доставить нас по побережью в Астрос. Утро было совершенно ясным и спокойным, и великие горные цепи побережья отражались в опаловом море, когда мы проплывали мимо скалистого форта, стоящего в бухте недалеко от Науплии и являющегося резиденцией государственного палача. Красота Аргосского залива никогда не казалась более совершенной, чем в свежести

утра, когда восходящее солнце освещало возвышенные берега. Сначала мы продвигались вперед медленным трудом весла, но с наступлением утра с гор подул свежий западный ветер, который в определенные моменты наполнял наш поздний парус почти до отказа и заставлял нас лететь по дороге. Через три часа мы обогнули мыс и оказались в маленькой симпатичной бухте Астрос.

Разумеется, все жители спустились посмотреть на нас. Они, видимо, были так же праздны и готовы к развлечениям, как жители ирландской деревни. Но им ужасно не хватает веселья. Вы редко услышите, чтобы они шутили или смеялись, и их любопытство само по себе любопытно с этой точки зрения. После долгих уговоров мы согласились на набор мулов и пони, которые доставят нас по Морее до Коринфа, если понадобится, хотя в конце концов мы были рады оставить их в Кипарисии, на противоположном берегу Пелопоннеса, и продолжить путь по морю. Сделка заключалась в восьми драхмах в день за каждое животное; туземец или очень опытный путешественник мог бы получить их за пять-шесть драхм.

Наш путь лежал вверх по течению реки, как обычно, через прекрасные оливковые деревья и кукурузные поля, усыпанные алыми анемонами, пока через милю или две мы [pg 437] не начали подниматься с уровня побережья на высоту центрального плато, или, скорее, горной системы, Морей. Здесь прибрежная флора уступила место полям со спермацетом, гиацинтами, ирисами и Вифлеемской звездой. С каждым дюймом подъема открывался все более великолепный и обширный вид на побережья и острова. Гигантские вершины внутренней страны все еще были покрыты снегом. Мы находились в том районе, который так мало известен в древней истории, который так долго был предметом разногласий между Аргосом и Спартой, и границы которого, кажется, никогда не были закреплены никакими национальными ориентирами. Достигнув вершины внутренних Альп, мы поднимались и спускались по различным кручам, огибали множество лесов и в конце концов достигли деревни Агиос Петрос, которую мы уже давно видели перед собой, пока спускались с одного обрыва и поднимались на другой, чтобы достичь нашей цели. Забавно было наблюдать, как наши агогиаты, или погонщики, доставали осколки зеркал и приводили в порядок свой туалет, каким он был, прежде чем столкнуться с критикой агиопетранцев. Один из них был красивым солдатом, который целую неделю шел с нами по самой пересеченной местности, в жалких башмаках, но без видимой усталости.

Другой, крепкий мужчина с бородой, оправдывался тем, что он не женат, говоря, что он слишком мал (εἶναι μικρός), и так мы узнали, что, поскольку все они должны жениться и женятся, двадцать пять [pg 438] считается самым ранним подходящим возрастом. Можно подумать, что они сохранили отголоски взглядов Аристотеля, который считает тридцать лет лучшим возрастом для вступления в брак - тридцать лет! когда большинство из нас уже настолько стары, что потеряли интерес к этим великим удовольствиям.

В Агиос Петросе нас радушно принял демарх, почтенный старик с белой бородой, врач, но, к сожалению, и политик, который настойчиво расспрашивал нас о мистере Гладстоне и князе Бисмарке, пока мы голодали и жаждали ужина. Рыба, которую мулоты предусмотрительно купили в Астросе и привезли с собой, составила лучшую часть развлечения, если не считать великолепного существа, украшенного во всех своих подъябниках, цветах и ножах, которое вошло к нам перед ужином и с удивительным достоинством поцеловало наши руки, но оказалось официантом за столом. Мы спросили демарха, как ему удалось заполучить столь величественного слугу, и он ответил, что это клерк из его канцелярии. Наблюдая за изяществом и достоинством каждого движения этой царственной особы, мы подумали, как сильно влияет великолепный костюм на манеры. Прошло всего несколько дней с тех пор, как

я побывал на очень модном вечере в красивом дворце в Афинах, и меня позабавила необычайная неловкость, с которой различные очень ученые люди [pg 439] - профессора, археологи, люди с независимыми средствами - вошли в зал. В кругу, добавлю, были в основном немцы. Здесь был человек, невежественный, исполняющий роль слуги, но по поведению - король. Но как можно было ожидать от немецкого профессора в его жалком франкском одеянии, чтобы он принял достоинство грека в костюме паликара, в сорока ярдах петиции, с талией, сжатой с женской неумолимостью, в рубиновой куртке и гетрах, с кинжалами и пистолетами на поясе. В конце концов, манеры, как правило, вряд ли достижимы без костюма.

Нас разместили на ночь так хорошо, как только мог распорядиться достойный демарх. В качестве особой милости меня уложили спать в его амбулатории, маленькой каморке, полной галетных горшков, пестиков и бутылочек с этикетками старинного вида, и мне попеременно снились то кабинет Фауста, то лавка аптекаря в Мантуе, которую мы видим на сцене.

Рано утром мы поднялись по крутому подъему, чтобы достичь высокого плато, очень мрачного и голого, которое, как считают люди, было местом столкновения Отриада и его людей с аргивянами 300. Это место до сих пор называется οτοῦς φονευμένων, место убитых. Высокая равнина, около 3500 футов над морем, была сплошь заселена деревенскими жителями, приезжающими на рынок в Агиос Петрос, и у нас было достаточно возможностей полюбоваться как прекрасной мужественной внешностью, так и отличными манерами этого выносливого и свободного [pg 440] крестьянства. Комплекс гор, в котором они живут, представляет собой цепь Парнона, которая в конечном итоге простирается от Тиреатиса через Кинурию до мыса Малеа, но не без многочисленных изломов и переходов. Высоты Парнона (теперь он называется Малево) все еще скрывали от нас далекие Альпы внутренней страны.

Проехав час или два, мы спустились в деревню Арахова, гораздо меньшую и более бедную, чем ее тезка в Фокисе (см. выше, [стр. 274](#)), а затем в долину ручья, называемого Фонисса, убийца, из-за его опасных разливов, но в данный момент приятного и мелкого ручейка. По его узкому руслу мы шли несколько часов, то пересекая, то переправляясь, то скача по его берегам, со всей зеленью, постепенно увеличивающейся от перемены климата и укрытий, пока наконец из-за поворота реки перед нами не показался блестящий зубчатый гребень Тайгета, сверкающий своими снегами в лучах солнца. Тогда мы узнали свой ориентир и почувствовали, что действительно приближаемся к Спарте.

Но нам предстоял еще долгий путь вниз по нашей реке, пока мы не достигли ее слияния с Евротасом, возле которого мы остановились у одинокого хана, от которого легко добраться до остатков Селласии. В течение оставшихся трех часов мы спускались по берегам Евротаса, причем страна постепенно становилась все богаче, а поток настолько глубоким, что его уже нельзя было перейти вброд. В долине Спарты есть причудливый [pg 441] высокий мост эпохи Средневековья. Жарким летним днем, около пяти часов, мы, пыльные и усталые, въехали в Спарту.

В городе был праздник, и в честь установления греческой свободы проводились атлетические состязания. На широких регулярных улицах толпились прекрасные высокие мужчины, и к вечеру этот новый город подтвердил свое древнее название εὐρύχωρος. Но первого же взгляда на окрестности этого места было достаточно, чтобы исправить в моем сознании очень распространенную ошибку, которую мы все получаем, читая книги людей, никогда не изучавших историю на месте. Мы представляем себе спартанцев как выносливых

горцев, живущих в грубой альпийской стране, с бесплодной почвой, грубой кормилицей свободы. Возможно, они и были такими, когда прибыли в доисторические времена с гор Фокиса, но очень короткое пребывание в Лаконии, должно быть, сильно изменило их. Долина Спарты - самая богатая и плодородная в Пелопоннесе. Ограничивающие ее цепи гор разделяет полоса волнистых холмов и склонов шириной около двадцати миль, которые сейчас покрыты виноградниками, апельсиновыми и лимонными садами, уютными усадьбами и деревнями. Великая цепь на западе ограничивает долину определенной линией, но на востоке холмы, уходящие в сторону Малеи, поднимаются очень постепенно и со многими задержками выходят за пределы пахотных земель. Поэтому старые спартанцы поселились в самой богатой и лучшей [pg 442] стране, и, должно быть, с самого начала своей карьеры имели лучшую пищу, лучший климат и, следовательно, гораздо больше роскоши, чем их соседи.

К такому же выводу нас приводят и остатки искусства, которые сейчас обнаруживаются и собираются в хорошо построенном местном музее города. Они показывают нам, что существовала архаическая школа скульптуры, которая создавала вотивные и погребальные рельефы, и, следовательно, старые спартанцы отнюдь не были так противны искусству, как их представляют в истории. Поэзия Алкмены, с ее социальной и моральной свободой, с ее предложениями роскоши и хорошей жизни, показывает, какую литературу спартанские правители считали нужным импортировать и поощрять в городе Ликурга. Вся картина спартанского общества, которую мы читаем в "Жизни" Плутарха и других поздних источниках, скорее похожа на воображаемую реконструкцию по дорическим принципам, чем на историческую реальность. Контрасты между дорийцами и ионийцами, несомненно, были, даже между Спартой и тарентинскими или аргивскими дорийцами; но все же Спарта была богатым и роскошным обществом, что признают все, где есть хоть какое-то упоминание о дамах и их домах. По грубости общежитий в Винчестерском колледже или по простоте столовой английского военного корабля можно заключить, что наша нация состоит из грубых горцев, живущих в суровой простоте.

[pg 443]

Но если я продолжу писать в том же духе, на меня обрушатся все педанты. Вернемся в Спарту наших дней. Мы остановились в очень плохом и дорогом трактире, и откровенным оправданием непомерных цен хозяина было то, что у него очень редко бывают чужаки, которых нужно ограбить, и поэтому он должен грабить тех, кто приходит, не останавливаясь. Его формула была, возможно, чуть более приличной, но он почти не пытался скрыть простую правду. Когда мы улеглись спать, то обнаружили, что внизу собралась очень шумная компания, чтобы отметить праздник Освобождения, с ужином, речами и полуночным весельем.

Так что, как обычно, спать было почти невозможно. Кроме того, я знал, что нам предстоит очень долгий день пути до Каламаты, поэтому я поднялся раньше солнца и раньше своих спутников, чтобы сделать приготовления и разбудить погонщиков.

Открыв окно, я почувствовал, что пережил один из тех странных моментов жизни, которые невозможно забыть. Воздух был необычайно чист и холоден, а небо начинало тускло светиться в преддверии наступающего дня. Прямо передо мной, так близко, что казалось, до него можно дотянуться голосом, возвышался в небе гигантский Тайгет, поднимающийся прямо с равнины, его черно-фиолетовый цвет постепенно становился малиновым, а холодная белизна снега - розовой. Вокруг царила тишина и покой, и в то же время - огромное количество звуков. Со всей равнины, со всеми ее родными [pg 444] стедами и деревнями,

мириады петухов возвещали о наступлении рассвета. Я никогда не думал, что во всем мире есть столько петухов. Непрерывно сменяющие друг друга голоса этих бесчисленных тысяч создавали непрерывную волну звука, равной которой, я полагаю, не было нигде; и все же, как я уже говорил, царила тишина, ощущение, что за окном нет ни одного живого существа, абсолютная неподвижность в воздухе, глубокий сон над всей природой.

Сколько я простоял так, забыв о своей спешке, я не знаю, но, поднявшись наконец, когда солнце скрылось за горой, я спустился вниз и обнаружил под лестницей еще один любопытный контраст. По всей кофейной комнате (если можно так выразиться) валялись беспорядочные останки беспорядочного веселья, пепел, пятна и осколки в отвратительном беспорядке; среди них одинокая фигура бормотала во мраке молитвы образу святого, перед которым горела слабая лампадка. Среди обломков разврата была видна искренняя набожность, молитва на месте грубости; возможно, также мертвый формализм на месте грубого, но настоящего наслаждения.

Мы отправились в Мистру до шести утра, избежав прощального осмотра, которым готов был одарить нас весь город. Дорога вела нас мимо многочисленных фруктовых садов, где апельсины и лимоны росли в богатейшем изобилии на огромных деревьях, не уступающих по размерам вишневым деревьям в Альпах. Ветви [pg 445] гнулись под их тяжестью, а фрукты валялись в траве и усыпали землю в небрежном изобилии своим румяным и бледно-золотистым цветом. В этих садах с их глубокой зеленой листвой весь день поют соловьи, и мы слышали, как они перекликаются с более уютными звуками пробуждающегося домашнего хозяйства. За все время моих поездок по Греции ни одна долина не вызывала у меня такого ощущения покоя и богатства, как долина Спарты.

Через час или около того мы достигли живописного городка Мистра, ныне почти заброшенного, но в средние века бывшего столицей округа, расположившегося под укрытием большой крепости Виллехардуинов, семьи знаменитого летописца. Отделенная глубоким ущельем (или лангадой) с его потоком от более высокой горы, эта живописная скала с ее крепостью содержит самые замечательные средневековые остатки, латинские, греческие, венецианские, турецкие, во всей Морее. Виллегардуины и Палеологи сделали его местом своей власти и наполнили церквями и дворцами, к которым я еще вернусь, когда мы будем говорить о средневековой Греции. Землетрясение, случившееся около пятидесяти лет назад, разрушило многие дома, и тогда жители основали на месте старого классического города новую Спарту с ее широкими, правильными улицами. Это переселение не является таким серьезным препятствием для археологии, как восстановление Афин, поскольку мы знаем, что в дни своего настоящего величия Спарта была просто [pg 446] совокупностью деревень, а стены и театр, которые все еще видны, должно быть, были построены в позднегреческие или римские времена. Так называемая гробница Леонида, квадратная камера, построенная из огромных блоков каменной кладки, от которой осталось три яруса, выглядит как постройка лучшего периода, но ее история совершенно неизвестна.

Еще через час мы добрались до крутой деревни Трипи, расположенной в самом устье большого прохода через Тайгет - прекрасное место, где дома и лесные деревья стоят один над другим на обрывистом склоне, а внизу поток устремляется на равнину, чтобы влиться в Евротас. Именно из этой деревни нам следовало бы отправиться на рассвете и здесь же провести предыдущую ночь, ведь даже отсюда до Каламаты на берегу Мессенского залива можно добраться за одиннадцать полных часов. Путешественник должен отправить своих пони или взять их с собой в Мистру, а оттуда в Трипи еще днем. Ночлег там, вероятно, не намного хуже, чем в Спарте.

Отсюда мы сразу же въехали на большой Лангадский перевал, самое великолепное дефиле в Греции - единственный путь из Спарты в Мессене на расстоянии тридцати миль к северу и югу. На гору можно подняться и в других местах, но только путем обычного альпийского восхождения, тогда как это - обычное шоссе; и по нему ежедневно, когда [pg 447] не лежит снег, проходят вереницы мулов из Спарты и из Каламаты.

Перевал Лангада

Ничто не может превзойти живописность и красоту этого перевала, и ничто не было более странным, чем контраст между двумя его крутыми склонами. Та, что выходила на юг, была покрыта зеленью и весенними цветами - бледными анемонами, ирисами, орхидеями, фиалками, а там, где протекал ручей, - примулами - болотным растением в этой стране. Все это росло среди огромных валунов и скал, в то время как на противоположной стороне все лицо было мрачным и бесплодным, а скалы были испещрены насыщенными желтыми и красными прожилками. Полагаю, жарким летом эти аспекты меняются на противоположные. Высоко над нами, как бы глядя вниз с вершин, возвышались огромные леса елей - мрачная декорация к грандиозному и дикому пейзажу. День, как обычно, был спокойным и совершенно прекрасным, несколько белых облаков разбавляли глубокую синеву неба. Когда мы прокладывали путь среди скал в русле реки, нас встревожили большие камни, падающие сверху и грозящие нас раздавить. Наши проводники подняли все эхо своими криками, чтобы предупредить любого неосознанного нарушителя этого уединения о том, что внизу находятся люди, но при ближайшем рассмотрении оказалось, что наши возможные убийцы - всего лишь козы, карабкающиеся по обрыву в поисках пищи и сшибающие на своем пути валуны.

Дальше мы встретили другие стада этих причудливых [pg 448] существ, за которыми обычно ухаживала пара одиноких детей, которые, казалось, не принадлежали к человеческому роду, а, подобно птицам или цветам, были естественными обитателями этих диких мест. Казалось, они не разговаривают и не играют; мы ни разу не слышали, чтобы они пели, но проходили

мимо них, сидя в любопытстве, в их глубоких торжественных глазах не было ни удивления, ни любопытства. Целыми днями они не слышали ни звука, кроме падающей воды, блеяния своих стад и шепота лесных сосен, когда ветерок касался их на пути вниз по перевалу. Они почти не обращали на нас внимания, когда мы проходили мимо, и, казалось, превратились из активных существ в пассивные зеркала окружающей их внешней природы. Люди с нами, напротив, постоянно пели и разговаривали. Все они находились в незнакомой стране, которую никогда не видели; серьезный мужчина с ружьем на плече был нашим проводником из Трипи, и вот наконец мы достигли вершины перевала высотой около четырех тысяч футов, отмеченного маленькой часовней в честь святого Ильи и каменным столбом, обозначающим границу между Спартой и Мессеной. Именно на этом перевале и среди этих лесов молодые спартанцы закаляли себя охотой на волка и медведя в мирное время, а также набегами и неожиданностями в дни войны.

Спуск был длиннее и разнообразнее: то через хорошо возделанные оливковые сады, тутовые деревья и процветающие деревни, то по гигантским склонам, где сильный ветер сделал бы наше продвижение [pg 449] очень трудным. Постепенно виды открывались и расширялись, и вечером мы могли видеть побережье Мессены и море вдаль. Но мы добрались до Каламаты только после наступления темноты и с удовольствием отдохнули в менее неудобном постоялом дворе, чем тот, что мы нашли за все время путешествия.

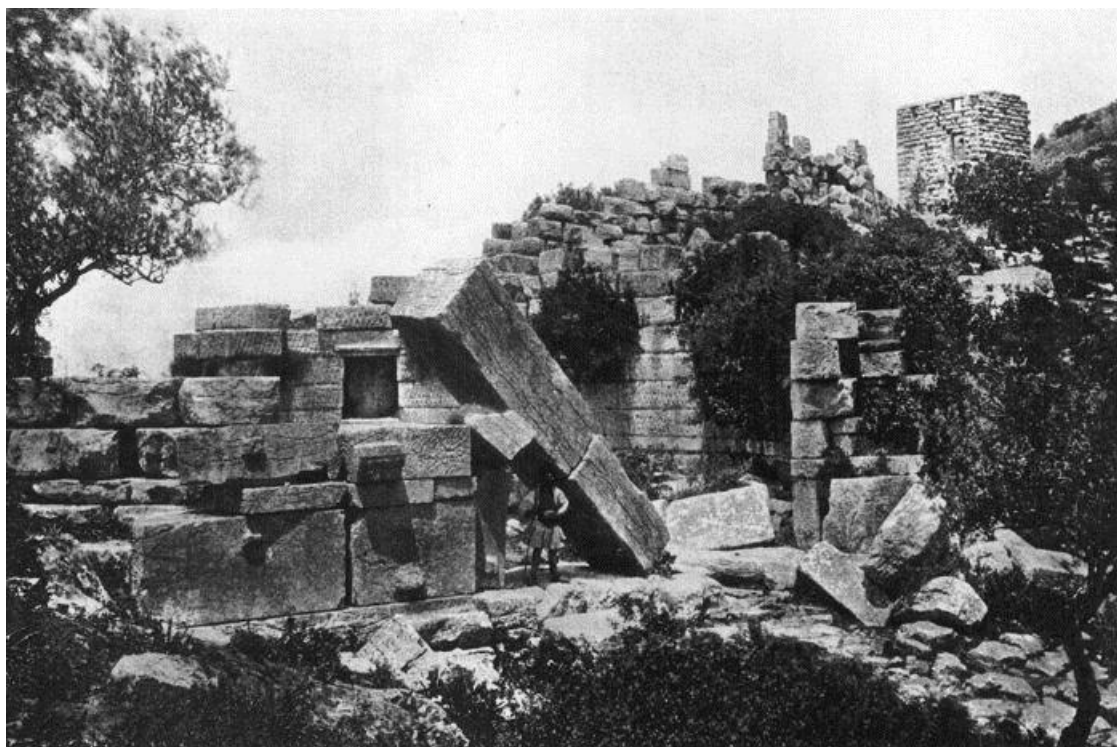
Город представляет собой веселое и приятное местечко с остатками большого средневекового замка, занятого франками, венецианцами и турками, который был первой резиденцией виллегардуинов и из которого они основали свой второй форт в Мистре. Река Недон здесь впадает в море, и здесь есть нечто вроде открытого рейда для кораблей, куда почти ежедневно заходят пароходы, и ведется большая каботажная торговля (шелком, смородиной и т.д.). Единственная примечательная черта в архитектуре - красивая колокольня церкви, которую я потом видел в других частях Мессении, но которая не является обычной для этих поздневизантийских зданий.

Поскольку задерживать нас здесь было нечем, на следующее утро мы отправились в монастырь Вуркано, откуда нам предстояло посетить гору Итоме и знаменитые руины второго великого основания Эпаминонда в Пелопоннесе - возрожденной Мессены. Равнина (называемая Макарией или Феликсом из-за ее плодородия), по которой мы ехали, действительно была богатой и процветающей, но местами болотистой, а местами очень пыльной. Здесь, похоже, активно выращивали шелковицу, инжир, оливки, лимоны, миндаль, [pg 450] смородиновый виноград, с кактусовыми изгородями и большим количеством скота. Вдоль дороги стояло множество маленьких горшочков, где продавали мастиц и лукумию, а также сушеные фрукты и апельсины. Если Недон был широким и мелким, то Памисос показался нам узким и глубоким, так что через него можно было перебраться только по мосту. Через несколько часов мы поднялись на гору Итхоме, на высоком плече которой расположен знаменитый и гостеприимный монастырь Вуркано (или Вулкано).

Здание, очень живописно расположенное на склоне горы Итоме, занимает длинный склон, поросший кустарником и дикими цветами, - идеальное место для ботаника, так как по склону стекает множество ручьев, создающих обильную и разнообразную растительность. Здесь нет ни одного дерна, который не содержал бы луковиц и корней цветов. Внизу простирается долина Стениктар, столь знаменитая в старых летописях Мессены. Она была усыпана рощами апельсинов и лимонов, оливок и фиников, шелковицы и инжира. Вся эта страна имеет гораздо более южный и субтропический вид, чем любая часть Лаконии.

Монахи отнеслись к нам с большой любезностью, даже заставили нас сесть за обед, не успев совершить никакого омовения, и в то время как мы все еще были покрыты пылью от очень жаркого и бурного путешествия по шоссейным дорогам. План здания, которое не является старым, поскольку было перенесено вниз с [pg 451] вершины в прошлом веке, представляет собой двор, закрытый воротами, с крытыми коридорами, выходящими во двор, и очень убогой часовней, занимающей его центр. По виду это было большое и зажиточное заведение, что-то вроде греческого Монте-Кассино, и вокруг него царил такая же суматоха, как и вокруг деревенских жителей и проезжающих посетителей. Далеко над нами, на вершине горы Итоме - месте человеческих жертвоприношений Зевсу-Итомату в тяжелые времена - мы увидели часовню на самой высокой вершине, в 2500 футах над морем. Здесь, как нам рассказали, одинокий анкорит проводил свою жизнь, молясь и совершая службы у своего алтаря, далеко над звуками человеческой жизни. Мы поинтересовались историей этого святого, который когда-то был богатым афинским гражданином, с женой и семьей. Жена умерла, а сыновья разошлись по свету, и он решил посвятить остаток своих лет служению Богу вдали от людских пут. Лишь раз в две недели он спускался в монастырь и приносил необходимую пищу. В его одиноком дозоре не было никого, кроме робких зайцев, странствующих перепелов и случайных орлов, которые приходили и садились рядом с ним без страха, возможно, удивляясь этому любопытному и молчаливому другу. Монахи внизу часто уговаривали его поймать этих существ для их пользы, но он отказывался осквернять их возвышенное убежище. Так он и сидит, глядя со своих часов на солнце и дождь, на зной и бурю, на весь Пелопоннес, раскинувшийся [pg 452] перед его глазами. Он видит издали дела и поступки людей и мир, который он покинул навсегда. Не странно ли, что до сих пор на той же самой высоте люди приносят своему Богу эти человеческие жертвы, изменившиеся внешне, но по сути те же самые?

Главная экскурсия из монастыря - через седловину горы на запад и через "Лаконские ворота" в долину, чтобы увидеть остатки великого фундамента Эпаминонда, новой Мессены. Здесь сохранились слабые следы небольшого театра и некоторых других зданий, а стен и ворот достаточно, чтобы наглядно показать, как строили укрепления в те времена. Окружность стен включала в себя форт на вершине и охватывала большую территорию, настолько большую, что ни один гарнизон не смог бы ее защитить, и, соответственно, мы не раз слышали о внезапном штурме города. План очень великолепен, но кажется нам скорее показным, чем серьезным для нового основания, подверженного нападению со стороны Спарты. Стены, однако, были прекрасно построены, с башнями, расположенными через определенные промежутки, и воротами для нападения. Лучшие из сохранившихся ворот называются Аркадскими и состоят из внешней и внутренней пары складных дверей, окружающих большую круглую камеру для дозора. Размеры дверных косяков и перемычек гигантские, и это говорит о том, что на превращение Мессены в величественное поселение не жалели ни времени, ни труда. Земли, заключенной в стенах, было [pg 453] почти достаточно, чтобы прокормить жителей домов, ведь их число никогда не становилось очень большим. Если Мегалополь, гораздо более успешное основание, был слишком велик для своего населения, то насколько больше это должно было быть в случае с Мессеной? В военной архитектуре, однако, у нас нет другого образца древнеэллинской работы, равного ему, за исключением, возможно, Элевтерии, которая сильно напоминает его по стилю, хотя корпус совсем небольшой по сравнению с ним.

Аркадийские ворота, Мессена

Мы могли бы подняться из Мессены, проехав очень долгий день до Бассэ, а оттуда до Олимпии, но нам надоело ездить верхом, и мы предпочли сделать короткий день до моря в Кипарисии, а оттуда на пароходе до Катаколо, откуда по железной и автомобильной дороге можно легко добраться до Олимпии. Поэтому утром мы покинули монастырь и спустились в долину, чтобы повернуть на север, а затем на северо-восток, вдоль русел рек, по которым через дикую страну проложены тропы для мулов. Мы пересекли странный мост через слияние двух рек, состоящий из трех арок, сходящихся в центре, основание которого, несомненно, представляло собой древнегреческую постройку. Затем мы прошли через унылые участки неводеланной земли - возможно, это самый яркий пример недостаточного населения, который мы видели в Греции. Все эти пустыри были покрыты огромными массами асфоделя, сквозь которые кормились редкие стада свиней, и вид этих полей навел меня на мысль, что под [pg 454] "лугом асфоделя" у Гомера подразумевается не приятный сад или желанная страна, а просто унылый пустырь, где ничего не делается, и нет никаких признаков человеческого труда или человеческого счастья. Если бы над этой каменистой местностью с ее высокими стелющимися растениями и бледными цветами царили ночь или мрак, можно было бы легко представить себе, что здесь обитал умерший герой, сказавший своему другу, что самый жалкий работник на земле счастливее его.

Через несколько часов горы стали приближаться с обеих сторон, и мы попали в страну, удивительную по своему контрасту. Большие зеленые склоны уходили от нас далеко в горы, усыпанные огромными одиночными лесными деревьями, а среди них - огромными кустами арбутуса и мастихии, подстриженными и округлыми, словно для украшения. Это было похоже на великолепный парк, содержащийся английским магнатом. Регулярность форм кустарников объясняется, несомненно, постоянным подрезанием молодых побегов стадами коз, которые мы встречали то тут, то там в этом прекрасном уединении. Берег реки, по которому мы ехали, был усыпан олеандром, колючей грушей и другими цветущими кустарниками, которые я не смог назвать.

Наконец леса древних олив с огромными гнутыми стеблями подсказали нам, что мы приближаемся к какому-то важному поселению, и взору предстал приятный город Кипарисия, превратившийся, увы, в груды развалин после недавнего землетрясения. Здесь мы расстались с нашими пони, мулами и людьми; но пафос [pg 455] расставания с этими близкими спутниками многих дней был несколько омрачен расхождением их и наших представлений об оплате труда. Однако эти разногласия, когда они были улажены, не помешали им ласково попрощаться с нами.

[pg 456]

ГЛАВА XV.

МИКЕНЦЫ И ТИРИНЦЫ.

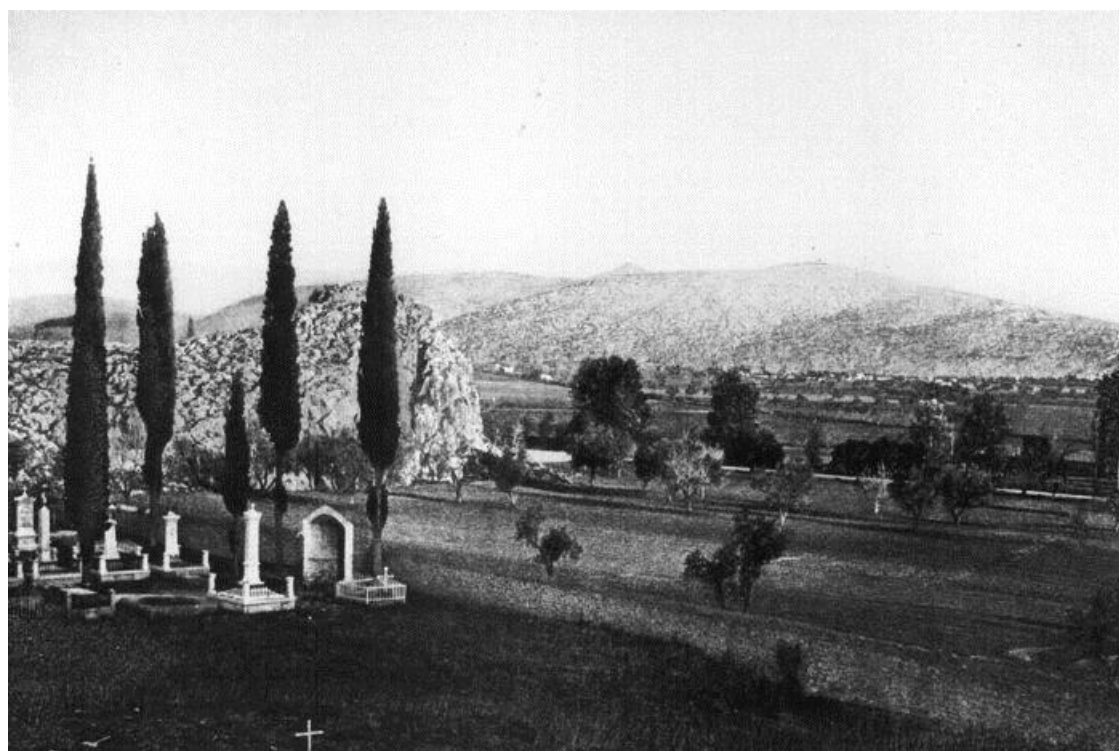
Я выделил отдельную главу для Микен и Тиринса, потому что открытия доктора Шлимана подняли так много новых проблем и так сильно увеличили любопытство публики, что книга о путешествиях по Греции не может осмелиться обойти эту тему; еще задолго до дня доктора Шлимана ученые и сознательные путешественники, посетившие Морею и написавшие свои великие книги, находили широкие возможности для описания и большой простор для эрудированного обсуждения. Любопытно добавить, но это действительно так, что все новые факты, обнаруженные в результате поздних раскопок, пока еще мало способствуют нашим знаниям о реальной истории страны, и что почти каждое слово из того, что было обобщено из всех существующих источников двадцать лет назад Эрнстом Курциусом, все еще можно прочитать с гораздо большей пользой, чем необдуманные спекуляции, которые появляются почти еженедельно в периодической печати.

Невозможно подойти к Микенам с любой стороны и не поразиться живописности этого места. Если спуститься по горам из Коринфа, то, как только вы достигнете верховья [pg 457] долины Инаха, которая является равниной Аргоса, вы свернете влево, или на восток, в укромный уголок - "углубление Аргоса, кормящего лошадей", как называет его Гомер, и затем вы найдете на краю долины, где холмы начинают подниматься один за другим, деревню Чарвати. Поднявшись отсюда, вы обнаружите, что возвышенная гора Элиас отделена от равнины двумя почти параллельными волнами суши, которые действительно соединяются на северном конце извилистой седловиной, но в других местах разделены глубокими ущельями. Более высокая и короткая волна образует скалистую цитадель Микены - Аргион, как его когда-то называли. Более низкая и длинная была частью внешнего города, который занимал и этот холм, и ущелье под Аргионом. Пройдя по нижнему холму, вы обнаружите Сокровищницу Атрея, как ее называют, встроенную в сторону, обращенную к Акрополю. Но на внешнем склоне есть и другие разрушенные сокровищницы, а недавно открытая находится прямо у седловины, где дорога заворачивает, чтобы привести вас на большой холм к гигантским воротам с порталом Льва. Если представить высокие уровни в виде рыболовного крючка, хвостовик которого направлен вниз (на юг), а острие - вправо (на восток), то Великая Сокровищница находится в том месте хвостовика, которое находится точно напротив острия и обращено к нему. Острие и колючка - это Акрополь. Новая Сокровищница находится на повороте крюка, обращенного [pg 458] сторону (на юг). Это даст примерное представление о месте. Нет необходимости вдаваться в подробности, когда

сейчас в ходу столько карт и планов. Но я бы особо отметил восхитительные иллюстрации в книге Шлимана "Мицены", где все эти вопросы изложены совершенно ясно и просто.

Когда мы впервые посетили это место, был полдень великолепного летнего дня; поля были желто-белыми от стерни или пыли, а глубокая серая тень проплывающего облака была единственным разнообразием в цвете верхней равнины. Ведь здесь теперь нет деревьев, кукуруза уже убрана, и земля заявляла о себе как об очень жаждущем Аргосе. Но по мере того как мы поднимались на возвышенность, в поле зрения попадали рощи и плантации нижней равнины, великолепная синева залива начинала обрамлять картину, а заходящее солнце отбрасывало более глубокую тень и насыщенный цвет на весь вид. Внизу, у русла реки, расстилали свои цветущие листья олеандры, похожие на рододендроны в нашем климате, но они были слишком далеки, чтобы выделить их из общей картины.

Я снова увидел долину Аргоса весной, при нашей "ревущей луне нарциссов и крокусов"; это было время растущей кукурузы, алых анемонов и пурпурных цистусов, но также сильных ветров и скользящих теней. Тогда вся равнина была либо блестяще-зеленой от растущей пшеницы, либо румяно-коричневой от недавней пахоты; над горами висели облака, небо меняло цвета, и ощущение свежести и жизни сильно отличалось от золотистой дымки и мечтательного спокойствия южного июня.

Аргивская равнина

Мне трудно сказать, какое из этих времен года было более прекрасным, но летняя сцена всегда будет ассоциироваться у меня с очарованием первого посещения этого знаменитого места, а еще больше - с почтенным и нетронутым видом руин, пока они не были осквернены современными исследованиями. Наверное, неблагодарно жаловаться на такие вещи, и мы должны признать, что великие открытия перевешивают эстетический ущерб, нанесенный древним руинам рытьем неприглядных ям и насыпанием куч земли вокруг них; но кто может без сожаления смотреть на покрытие прекраснейшего участка циклопической стены в

Микенах мусором, убранном из гробниц? Кто не будет сожалеть о смоковнице, раскинувшей свою тень над порталом дома Атрея? Эту смоковницу еще можно увидеть на старых фотографиях, она есть и на гравюре входа, приведенной в книге доктора Шлимана, но современный посетитель будет искать ее напрасно. С другой стороны, отверстие наверху, которое существовало с начала этого века, но было закрыто, когда я впервые посетил камеру, было снова открыто, и поэтому стало гораздо легче рассмотреть внутреннее устройство здания.

Я не уверен, что это удивительное сооружение было посещено или описано кем-либо из путешественников со времен [pg 460] Павсания до 1800 года. По крайней мере, я не могу найти ни одного описания от любого прежнего путешественника, процитированного во многих точных отчетах, которые были сделаны в нынешнем веке. Чандлер в 1776 году намеревался посетить Микены, но случайно пропустил это место по пути из Аргоса в Коринф - что было более вероятно тогда, когда в верхней части равнины было много леса. Однако Кларк, Додуэлл и Гелл посетили и описали это место в период с 1800 по 1806 год, а двое последних опубликовали точные чертежи как портала, так и внутреннего вида, который стал возможен благодаря отверстию, сделанному на вершине.

Примерно в то же время лорд Элгин обратил свое внимание на Сокровищницу и провел раскопки в этом месте, обнаружив несколько фрагментов очень старого гравированного базальта и известняка, которые были использованы для украшения входа. Некоторые из этих фрагментов сейчас хранятся в Британском музее. Но, хотя Кларк и Лик упоминают "раскопщиков лорда Элгина", они не уточняют, что именно было сделано, и в каком состоянии находилось место до их исследований. Нет ни одного опубликованного отчета об этом интересном моменте, который, вероятно, будет решен благодаря еще неопубликованным дневникам, которые, как говорят, находятся во владении нынешнего графа.¹⁷⁴ Однако несомненно то, что камера не была впервые [pg 461] введена в это время; поскольку доктор Кларк говорит о ее внешнем виде как о месте, открытом в течение столетий. Мы знаем, что систематическое разграбление древних гробниц имело место в конце классической эпохи¹⁷⁵; мы можем представить себе, что оно повторялось в каждый век беспорядка или варварства; и рассказы о разграблении генуэзцами великих курганов Крыма показывают, что даже эти цивилизованные и артистичные итальянцы не считали осквернением добывать золото и драгоценности из безымянных, давно забытых усыпальниц. Поэтому кажется невозможным сказать, в какую эпоху - возможно, еще до Павсания - была открыта эта камера. История в книге д-ра Шлимана¹⁷⁶, которую он цитирует из греческой газеты и которая приписывает ее разграбление Вели-паше в 1810 году, совершенно беспочвенна и прямо противоречит неопровержимым доказательствам, которые я привел выше. Возможно, паша и исследовал ныне разрушенные палаты на внешней стороне холма, но рассказ о том, что он нашел, настолько мифичен, что вся история может быть отвергнута как не заслуживающая доверия.

Мне нет нужды пытаться заново описывать Великую сокровищницу перед лицом столь полных и точных отчетов, как те, что я привел. Это ни в коем случае не грубое здание, не представитель беспомощного и варварского века, а, напротив, продукт [pg 462] огромных приспособлений и совершенного знания всех механических требований к любому зданию, если не считать применения арки. Камни обтесаны квадратно или изогнуты для формирования круглого купола внутри с восхитительной точностью. Над огромным камнем-перемычкой длиной почти двадцать семь футов, украшенным двойным рифлением по всему периметру дверного проема, теперь находится треугольное окно или проем, который, несомненно, был заполнен художественной резьбой, как и аналогичное пространство над

перемычкой в воротах Акрополя. Вскоре после того, как лорд Элгин расчистил вход, Гелл и Додуэлл нашли различные куски зеленого и красного мрамора, вырезанные с геометрическими узорами, некоторые из которых воспроизведены в книге Додуэлла. Гелл также нашел несколько фрагментов в соседней часовне, а другие, как говорят, были встроены в стену в Науплии. Предполагается, что с каждой стороны перед воротами стояли короткие колонны с каким-то орнаментом на них; но мне кажется, что это основано на сомнительных доказательствах и теоретической реконструкции. Доктор Шлиманн, однако, утверждает, что они были найдены у входа во вторую сокровищницу, которую раскопала миссис Шлиманн, хотя его рассказ несколько туманен (Мусепæ, р. 140). Треугольный проем над дверью имеет самые веские архитектурные причины, поскольку он уменьшает огромный вес, который приходится нести перемычке; и здесь, несомненно, мог быть применен какой-нибудь орнамент, очень похожий на львов на воротах цитадели.

Крайняя темнота камеры во время нашего первого посещения не позволила мне обнаружить, даже с помощью факелов, следы от гвоздей, которые находили здесь все предыдущие путешественники, и которые теперь снова легко заметны. Внешний камень перемычки также не самый большой, его намного превосходит внутренний, который лежит рядом с ним и тянется по обе стороны от входа на большое расстояние вокруг камеры, а его внутренняя поверхность изогнута в соответствии с формой стены. Вдоль этой кривой длина составляет двадцать девять футов, ширина - семнадцать футов, толщина - почти четыре фута, а вес - около ста двадцати четырех тонн!

Когда мы впервые вошли внутрь при свете факелов, то оказались в большой конусообразной камере, которая, как ни странно, напомнила мне Пантеон в Риме больше, чем любое другое известное мне здание, но, тем не менее, построена по совершенно иному принципу. Камни не сдвинуты один над другим, как в более грубых каменных крышах Ирландии; но каждый из них, который с другой стороны имеет идеально квадратную форму, имеет внутреннюю поверхность, изогнутую таким образом, что верхний конец выходит на несколько дюймов выше нижнего. Таким образом, каждый камень имеет коническую форму, его нижняя линия плотно прилегает к верхней линии того, что находится под ним, и [pg 464] весь купол заканчивается большим плоским камнем, положенным на вершину. ¹⁷⁷

Додвелл еще нашел медные гвозди длиной в несколько дюймов, которые, по его предположению, использовались для крепления тонких пластин блестящего металла; но я сначала не смог разглядеть даже отверстия в крыше, которые, по мнению других путешественников, были местами, куда вставлялись гвозди. Однако, не имея магниево-проволоки, я не смог достаточно осветить камеру, чтобы принять положительное решение по этому вопросу. Сравнительно небольшая боковая камера выдолблена в скале и земле, без каких-либо каменных обкладок или украшений, но с похожим треугольным отверстием над дверным проемом. Шлиман рассказывает, что вырыл две траншеи в этой камере и, кроме нескольких обтесанных кусков известняка, обнаружил в центре круглое углубление (по-видимому, каменное) глубиной двадцать один дюйм и диаметром около одного ярда, которое он сравнивает с большой чашей для умывания. Любого, кто побывал в Нью-Грейндже, поразит сходство этого описания с большими каменными блюдами [pg 465], которые до сих пор можно увидеть там и о которых я расскажу далее.

Было много споров о том, для чего использовалось это здание, и сейчас мы не можем пытаться изменить его название, даже если бы смогли доказать его абсурдность. Павсаний, который видел Микены во втором веке нашей эры, нашел их в таком же состоянии, как и мы,

и был осведомлен не лучше нас, хотя он передает нам народное поверье, что этот и подобные ему хранилища были сокровищницами, подобными Миниям в Орхомене, которые были намного больше и, по его мнению, были одной из самых замечательных вещей во всей Греции. Но мне не кажется, что его мнение, которое, правда, не очень ясно, должно хоть в малейшей степени сковывать наши суждения.

Большинство ученых склоняются к версии, что это гробница. Во-первых, рядом с ней находятся еще три подобных здания, которые Павсаний называет сокровищницами сыновей Атрея, но их количество делает маловероятным, чтобы хоть одно из них предназначалось для сокровищ. Конечно, такой дом мог принадлежать только царствующему царю, и нет никакой причины, чтобы его преемник делал себе новое хранилище для этой цели. Во-вторых, все эти здания были подземными и темными, именно такими, какие выбирают для гробниц. В-третьих, они расположены не в пределах цитадели Микен, а [pg 466] за ее пределами, и, вероятно, вообще за пределами первоначального города - что совершенно немыслимо, если бы они предназначались для сокровищ, но вполне разумно и по аналогии, если бы они использовались в качестве гробниц. Это, конечно, объясняет и их многочисленность - их строили разные цари, как и пирамиды Чуфу, Сафра, Менкера и многие другие, расположенные вдоль равнины Мемфиса в Египте. В рамках этой гипотезы даже легко и естественно объяснить, почему их стали считать сокровищницами. Известно, что погребальные курганы подобной конструкции в других местах, возможно, построенные родственными людьми, содержали много сокровищ, оставленных там в знак уважения к усопшему. Геродот описывает это в скифских гробницах, некоторые из которых были вскрыты в последнее время и подтвердили его утверждения. ¹⁷⁸ Пышные расходы на похороны Патрокла в "Илиаде" свидетельствуют о распространенности подобных представлений среди ранних греков, которые вплоть до времен Эсхила считали, что значимость человека среди мертвых пропорциональна тому, с каким вниманием к его гробнице относятся живые. Поэтому можно с уверенностью предположить, что эти крепости мертвых, если они были таковыми, были наполнены множеством драгоценных вещей из золота и других металлов, предназначенных в качестве прощальных даров в честь царя, который был положен на покой. Спустя долгое время после разорения Микен, полагаю, эти гробницы [pg 467] были вскрыты в поисках сокровищ, и не напрасно; поэтому ничего не было сказано о скелете-арендаторе, в то время как по миру ходили слухи о богатых сокровищах внутри гигантского портала. Так возникла и разрослась традиция, что это здание было сокровищницей какого-то старого легендарного короля.

Эти антикварные соображения уводят нас от фактического осмотра старого хранилища, ибо руиной его назвать нельзя. Простота и массивность его конструкции не поддались ни возрасту, ни насилию, и, за исключением осыпавшихся украшений и нескольких кусков над внутренней стороной окна, ни один камень, кажется, никогда не был сдвинут со своего места. Стоя у входа, вы смотрите на разбросанную каменную кладку стен Микенэ, расположенную на холме напротив вас. За ним - мрачная и торжественная цепь гор. Обзор узкий и ограниченный, он обращен на север, так что большую часть дня ворота находятся в темноте и тени. Мы не можем представить себе более подходящего места для погребения царя, в пределах видимости от его цитадели, в сердце глубокой природной возвышенности, с большим торжественным порталом, символизирующим несокрушимую силу барьера, через который он прошел в неизвестную землю. Но необходимо сделать еще одно замечание. По своим характеристикам эта сокровищница ни в коем случае не является эллинским зданием. Она обладает тем же совершенством конструкции, которое можно увидеть в Элевтере или любом другом греческом форте, но все же действительно

аналогичные сооружения можно [pg 468] найти в далеких странах - в раттах Ирландии и курганах Крыма.

У меня была возможность сравнить структуру и эффект великих могильных памятников в графстве Мит, в Ирландии. Два из них, Даут и Нью-Грейндж, открыты, и в них можно войти почти так же легко, как в сокровищницу Атрея. Они расположены недалеко от богатой долины реки Бойн, в той части страны, которая была отмечена природой как самый ранний очаг богатства и культуры. Даут - более грубый и менее богато украшенный, а потому, несомненно, более древний, но для данного сравнения он подходит меньше, чем более великий и богато украшенный Нью-Грейндж.

Эта великолепная гробница ничуть не менее примечательна и не менее колоссальна по своей конструкции, чем гробницы в Микене, но отличается от них во многих деталях. Она не была выдолблена в склоне холма, а построена из огромных вертикальных камней, на которые уложены плоские плиты, а затем засыпана курганом земли. Вокруг подножия кургана высится огромный круг из гигантских валунов. Вместо короткого входа в большую сводчатую камеру здесь есть длинный узкий коридор, который ведет в гораздо меньшую, но все же очень высокую комнату, высотой почти в двадцать футов. В трех углублениях в стенах этого помещения находится большое круглое блюдо, так сказать, из цельного камня, в которое, по-видимому, были положены останки умерших. Это блюдо очень мелкое, и [pg 469] не более четырех футов в диаметре. Огромные камни, из которых построены камера и проход, не обтесаны и не имеют формы, и пока что здание скорее сравнимо с Тирином, чем с Микенами. Но по всей поверхности камней идут бесконечные спиральные и зигзагообразные орнаменты, покрывающие даже встроенные поверхности и потому невидимые, так что этот декор, должно быть, был нанесен на плиты еще до строительства. На внешних камнях, как под входом, так и над ним, хорошо выполнена резьба более законченных геометрических узоров.

Оставляя в стороне мелкие детали, можно сказать, что хотя оба памятника демонстрируют равное проявление человеческой силы и равное презрение к человеческому труду, который был затрачен на них без остатка, греческое здание демонстрирует гораздо большую законченность дизайна и аккуратность исполнения, а также большую простоту. Все камни тщательно обтесаны и подогнаны, но не вырезаны и не украшены. Треугольный резной блок над перемычкой и предполагаемые металлические пластины в интерьере были чужды оригинальной структуре. Напротив, хотя ирландская гробница представляет собой гораздо более значительную особенность ландшафта и является достопримечательностью района, большие камни внутри не подогнаны друг к другу и не обтесаны, но при этом они покрыты узорами и рисунками, странно похожими на резьбу, найденную Додвеллом и доктором Шлиманом в аргивских гробницах. Таким образом, ирландские строители, при гораздо большей грубости, проявляют [pg 470] больший вкус к орнаменту. Они меньше заботятся о дизайне и симметрии - больше о красоте деталей. Греческое эссе, естественно, достигает кульминации в строгой симметрии дорического храма, а ирландское - в великолепном хитросплетении иллюминаций Книги Келлс.

Вторая сокровищница, недавно раскопанная миссис Шлиман, разочаровала своими результатами. Хотя, похоже, ее не тревожили в течение многих веков, она, очевидно, была однажды разграблена, поскольку внутри не было найдено ничего, кроме нескольких фрагментов керамики. Вход в него гораздо выше, чем в доме Атрея, но общая постройка уступает, камни гораздо меньше и ни в коем случае не так хорошо подогнаны, и в целом он производит впечатление либо гораздо более ранней и грубой попытки, либо плохой и слабой имитации. Хотя доктор Шлиман утверждает первое, я склонен подозревать второе.

Многое из того, что было сказано о гробнице Агамемнона, как в простонародье, с более верным инстинктом, называют предполагаемую сокровищницу, можно повторить и об укреплениях в Микенах. Это работа строителей, которые прекрасно знают, как обращаться со своими материалами, которые могут тесать и подгонять большие каменные блоки с совершенной легкостью; нет, которые предпочитают, ради массивного эффекта, делать свои дверные проемы из таких огромных блоков, с которыми даже современной науке было бы трудно справиться. Скульптура [pg 471] иже над воротами, к счастью, сохранилась почти полностью. Два льва, стоящие на небольшом столбе, свирепо смотрели на чужака. Головы исчезли, вероятно, как впервые заметил доктор Шлиман, они были сделаны из бронзы и приклепаны к камню. Остальная часть скульптуры цела и имеет странный геральдический характер. Это кусок голубоватого известняка¹⁷⁹, который, должно быть, был привезен издалека, совсем не похожий на грубую брекцию остальных ворот. Камень перемычки не так велик, как камень сокровищницы: его длина составляет всего пятнадцать футов, но он несколько толще, а также гораздо глубже, уходя на всю глубину ворот. Тем не менее она должна весить много тонн, и мы не можем понять, как ее можно было поставить на свое место с помощью приспособлений, которые тогда были в моде. Очень любопытно совместное использование квадратной и многоугольной кладки. Если стоять внутри ворот, то одна сторона [pg 472] из квадратных камней, а другая - из неправильных, хотя и хорошо подогнанных, блоков. С левой стороны, если смотреть в ворота, в стене есть щель в один блок, которая очень похожа на окно,¹⁸⁰ так как маловероятно, что один камень был взят или упал со своего места впоследствии, не нарушив остальных. Что делает, возможно, более вероятным то, что это окно сделано намеренно, так это расположение ворот, которые находятся не посередине прохода в стене, когда вы входите, а с правой стороны.

Когда вы заходите внутрь и поднимаетесь на холм Акрополя, вы обнаруживаете различные другие части циклопических стен, принадлежавших старому дворцу, в плане очень похожие на Тиринские. Но внешняя стена идет по всему холму, где он наиболее крут, иногда прямо по обрыву, и везде представляет собой почти непреодолимое препятствие для древнего нападающего. На восточной стороне, обращенной к крутой горе, которая отделена от нее глубоким ущельем, находятся ворота, состоящие всего из трех камней, но таких массивных, так красиво обтесанных и подогнанных, что они представляют собой сооружение, едва ли менее поразительное, чем львиные ворота. Примерно на половину глубины этих огромных блоков по обеим сторонам и вдоль вершины вырублен паз, предназначенный для крепления двери.

[pg 473]

Вся вершина огромной скалы теперь каменистая и голая, но не настолько, чтобы я не смог собрать алые анемоны, которые находили скудное пропитание то тут, то там в крошечных пятнышках травы и радовали серый цвет родной скалы и первобытных стен. Вид с вершины, когда я впервые увидел ее, был необычайно уединенным и спокойным; казалось, ни один камень не был потревожен в течение веков; не было видно ни одного человеческого существа, ни даже бродячей козы, и путешественник мог зарисовать или внимательно изучить любую часть крепости, не опасаясь вторжения, а тем более приставаний. Когда весной 1877 года я снова добрался до этого места, произошли большие перемены. Д-р Шлиманн напал на руины и провел свои всемирно известные раскопки внутри и около львиных ворот. Для самих ворот это было очень большим достижением. Все мешающие камни и земля были удалены, и теперь мы можем любоваться всеми пропорциями могучего портала. Внутри него он обнаружил крошечный домик носильщика. Он опроверг

существование колесных рельсов, которые, как нам и другим казалось, мы видели там во время нашего предыдущего визита.

Львиные ворота, Микены

Но, перейдя от ворот на нижнюю сторону, где холм быстро спускается вниз и где большая неровная циклопическая стена уходит вправо, доктор Шлиман обнаружил глубокое скопление почвы. Это было, конечно, главное место на голой скале, где раскопки обещали [pg 474] большие результаты. И результат превзошел самые смелые ожидания. Весь рассказ о том, что он сделал, уже давно представлен публике в его великолепной книге, иллюстрации которой представляют собой целую эпоху в истории орнамента и, несмотря на свою большую древность, подскажут нашим современным ювелирам множество изысканных узоров. Сумма найденного им такова:.

Сначала он обнаружил в этом районе двойной круг из тонких вертикальных плит, тесно соединенных между собой и соединенных через верх плоскими плитами, врезанными в них, весь круг был похож на крытый путь, высотой около трех футов. В замкнутый круг ведет дорога от львиных ворот; я особенно отметил, что весь круг, диаметром более тридцати ярдов, отделен от возвышенности очень жалкой стеной, которая, хотя и была скрыта до раскопок, а значит, несомненно, очень старая, выглядела как турецкая кладка.

Как только этот каменный круг был обнаружен, возникло предположение, что старые греческие агоры были круглыми, что они часто находились в цитадели у царских ворот и что в них иногда хоронили людей. Доктор Шлиман сразу же окрестил это место Микенской агорой. Это был круг с единственным свободным входом, и то из ворот; посреди него стояли надгробные плиты, а вокруг них лежали обугленные останки жертвоприношений. [pg 475] количество тел, уже эксгумированных под ним, исключает возможность того, что все они были основателями или героями города. Этих и других признаков было достаточно, чтобы однозначно опровергнуть предположение, что круг был агорой, а скорее местом погребения, огороженным, как это всегда бывает в таких местах, забором, который, похоже, был сделан в подражание деревянному частоколу.

Внутри этого круга каменных плит были найдены - по-видимому, на той же глубине, но доктор Шлиман не уточняет этого - очень любопытные и очень архаичные резные плиты, с грубыми сценами охоты, изображающими воинов на очень неудобных колесницах, и разнообразными спиральными орнаментами, заполняющими свободные места. Эти скульптуры не похожи ни на одну из эллинских работ, как их правильно называть, и указывают на очень отдаленный период и, вероятно, на внедрение иностранного искусства среди грубых жителей ранней Греции. Еще глубже были найдены надгробные камни, всевозможная архаичная керамика, наконечники стрел и пуговицы из кости; также было обнаружено грубое сооружение из тесаных камней, которое, возможно, служило алтарем или гробницей.

Еще ниже, на глубине двадцати одного фута и вплотную к скале, лежали вместе несколько скелетов, которые, казалось, были похоронены наспех или небрежно; но в самой скале, в грубо вытесанных камерах, были найдены пятнадцать тел, похороненных с великолепием, редко сравнимым в истории мира. Эти люди были похоронены не как греки. Они [pg 476] не были уложены в скальных камерах, как скифские цари. Они были погружены в могилы под землей, которые были достаточно велики, чтобы принять их, если бы их не засыпали вокруг дна грубо построенными стенами или кусками камня, чтобы уменьшить площадь, но создать, возможно, некоторую вентиляцию для огня, который частично сжег тела, где они были найдены. Таким образом, великолепно одетые и украшенные трупы, некоторые из которых были в золотых масках и нагрудных пластинах, были, так сказать, зажаты землей и камнями в очень узком пространстве; но, по-видимому, существовала какая-то договоренность о защите их и их сокровищ от полного смешения с землей, которая осела на них. Это, если рассказ о раскопках верен, кажется самой особенной чертой в погребении этих великих

персон, но находит параллель в любопытных гробницах Халльштадта, которые дают много аналогий с Микенами.¹⁸¹

Доктор Шлиман смело объявил в газете "Таймс", и публика поверила ему, что он нашел Агамемнона и его спутников, которые были убиты после возвращения с осады Трои. Погребение действительно сильно отличается от любой подобной церемонии, описанной в гомеровских поэмах. Число пятнадцать человек не объясняется ни одной из легенд. Нет оснований полагать, что все гробницы [pg 477] были обнаружены; одна из них, или, по крайней мере, часть принадлежащих ей сокровищ, была найдена за пределами круга. Еще одна была найдена впоследствии М. Стаматакесом. Эсхил, наш старейший и лучший авторитет, помещает гробницу Агамемнона не в Микенах, а в Аргосе. Все они сходятся во мнении, что он был похоронен с презрением и бесчестием. В результате, когда публика услышала опровержение теории Агамемнона, она была склонна сделать еще один прыжок в темноту и рассматривать все открытие как подозрительное и, возможно, как нечто средневековое.

Такое умозаключение было бы столь же абсурдным, как и принятие гипотезы доктора Шлимана. Гробницы, несомненно, очень древние, гораздо древнее, чем предполагаемая дата Гомера или даже Агамемнона. Сокровища, которые были перевезены в Афины и которые я видел и обрабатывал в Национальном банке, не только действительно ценные массы золота, но и отличаются красотой исполнения, как в дизайне, так и в декоре. Хотя маски очень уродливы и варварски, и хотя в целом не видно никакой способности лепить фигуры животных, есть очень красивые кубки и кувшины, есть самые элегантные геометрические орнаменты - зигзаги, спирали и тому подобное - и есть даже имитации животных большого художественного достоинства. Знаменитая серебряная голова быка с золотыми рогами - произведение, которое не посрамило бы [pg 478] ювелира наших дней; и это можно сказать о многих украшениях. Любой, кто знаком с ирландскими золотыми украшениями в музее Академии в Дублине, видит удивительное семейное сходство в старых ирландских спиралях и украшениях, но не больше, чем может быть у двух отдельных народов, работающих с одними и теми же материалами в схожих условиях. Но я убежден, что лучшие вещи в гробницах в Микене были сделаны не местными художниками, а привезены, вероятно, из Сирии и Египта. Это подтверждается даже различными материалами, которые были использованы - слоновая кость, алебастр, янтарь; в одном случае даже страусиное яйцо. Так что, возможно, в конце концов мы вернемся к презираемым легендам о Кадме и Данае и обнаружим, что они действительно рассказывали нам о древней культурной расе, пришедшей с юга и востока, чтобы очеловечить варварских прародителей греков.

Теперь я могу добавить важные подтверждения этих общих выводов из исследований, проведенных после появления моих предыдущих изданий". Тогда я сказал, что открытия были слишком свежими и ослепительными, чтобы допускать безопасные теории относительно их происхождения. В качестве иллюстрации мне достаточно сослаться на тех ученых (в дальнейшем я буду обязан им за то, что не буду называть их имен), которые вообразили, что все микенские гробницы вовсе не архаичные, а дело рук северных варваров, захвативших Грецию во время бедствий поздней Римской империи! Серьезные [pg 479] поиски, однако, наконец-то принесли нам значительный свет. Прежде всего, Хельбиг в своей важной работе, сравнив сокровища Микен с упоминаниями искусства, оружия и производства в гомеровских поэмах, пришел к отрицательному выводу, что эти две цивилизации были разными - что гомеровские поэты не могли иметь перед собой дворец Микен, который владел сокровищами Шлимана. Поскольку в греческой истории нет места для такой цивилизации, предшествующей гомеровским поэмам, из этого следует, что

последние должны описывать цивилизацию, значительно более позднюю, чем та, которую мы обнаружили в Микене. Если отнести гомеровские поэмы к VIII веку до н. э., то мы получим около 1000 г. до н. э. как самую позднюю возможную дату для великолепия Микен. Но этот негативный вывод был почти доказан положительными результатами различных недавних исследований в Египте. Не только Общество исследования Египта тщательно изучило места Наукратиса и Дафны, тем самым раскрыв нам, что греческое искусство и производство могли производить в шестом и седьмом веках до н. э. (665-565 гг. до н. э.), но и мистер Флиндерс Петри обогатил наши знания своими замечательными открытиями египетского искусства на нескольких участках и многих эпох, вполне определяемых царствующими династиями. Недавно (1890 г.) он изучил микенские и другие доисторические сокровища, собранные в Афинах, в свете своего богатого египетского опыта и представил [pg 480] марию результатов в двух коротких статьях в *Journal of Hellenic Studies*.

Он обнаруживает, что материалы и их обработка, такие как голубое стекло, даже в распаде, алебастр, горный хрусталь, выдолбленный и расписанный внутри, куполообразные заклепки, прикрепляющие ручки золотых кубков, страусиные яйца с прикрепленными ручками, завязки, сделанные для украшения фарфора, - все это можно найти в египетских гробницах, датируемых от 1400 до 1100 года. Его анализ приводит его к датировке гробниц I.-IV. в Микене как 1200-1100 гг. до н. э. То, что более ранняя дата маловероятна, подтверждается отрицательным доказательством того, что ни одна из чисто геометрических ваз с ложным горлышком не встречается, как, например, общий продукт 1400-1200 гг. в египетских отложениях. Но поскольку некоторые отдельные предметы относятся к более древним типам, в частности, львы над воротами очень похожи на найденного им золоченого деревянного льва, датируемого примерно 1450 годом до н. э., микенская цивилизация, вероятно, существовала в течение значительного периода. Он даже находит доказательства упадка в могиле IV. по сравнению с остальными, и приходит к выводу, который я склонен подвергнуть сомнению, что гробницы внутри круга в Микенах (гробницы-шахты) - это более поздние и худшие захоронения, сделанные теми же людьми, которые уже построили более величественные и дорогие гробницы-ульи. Поэтому вместо того, чтобы отстаивать фригийское происхождение, мистер Петри утверждает египетское происхождение как микенских, так и параллельных фригийских конструкций. Спиральный узор в его [pg 481] различных формах, розетки, ключница, пальметта - все они использовались в очень ранних египетских украшениях. Инкрустированные кинжалы Мусенæ давно признаны вдохновленными Египтом; но мы должны отметить, что это местная работа, а не просто импортированное изделие. Позиция фигур и львов, а также форма кошки таковы, что ни один египтянин не смог бы их выполнить. Изготовление таких вещей в Греции подразумевает гораздо более высокую культуру, чем просто их импорт. То же замечание относится и к глазурованной керамике; стиль некоторых изделий не похож на египетский, так что здесь микенцы были способны на сложную техническую работу и скорее подражали, чем импортировали из Египта..... О знакомстве с Египтом свидетельствуют также узор лотоса на лезвии кинжала, кошка на кинжале и кошки на украшениях из золотой фольги, поскольку в Греции кошка тогда была неизвестна. На то, что общим ареалом распространения цивилизации была Африка, указывает частое использование пальмы (тогда еще не известной в Греции) в качестве украшения, а также очень скудная одежда мужских фигур, свидетельствующая о том, что одежда не была необходимостью климата. С другой стороны, эта культура достигла севера Европы. Серебряная голова оленя или лося, найденная в могиле IV, может быть только результатом северных контактов. Янтарь, который так часто использовался, родом из Балтики. А в кельтском орнаменте мы видим очевидное воспроизведение украшений Мусенæ, как показал мистер Артур Эванс [pg 482]. Не только спиральный декор неотличим, [182](#) но и вкус к тщательно выбитым диадемам и нагрудным

золотым пластинам свойственен микенской и кельтской культурам. Таким образом, великий период Микенæ, по-видимому, датируется 1300-1100 гг. до н. э., а отдельные традиционные связи с Египтом - 1500 или 1600 гг. до н. э.

Такова выдержка из оценки мистера [Петри](#)¹⁸³.

В дополнение к этому я отмечу лишь замечательное единство стиля между орнаментами, найденными на глубине двадцати пяти футов в гробницах, скульптурными надгробиями в двенадцати или четырнадцати футах над ними и львами на воротах цитадели. Это, правда, лишь общее единообразие, но оно подтверждает вывод мистера Петри о том, что здесь был не просто импорт, а домашнее производство. Но все же среди мелких золотых украшений в гробницах было найдено несколько пар животных, расположенных друг напротив друга в этой строго геральдической манере, и даже на гравированных драгоценных камнях эта симметрия встречается с любопытством. Похоже, что искусство микенцев не изменилось, когда их ранняя история подошла к концу, и жители были вынуждены [pg 483] покинуть крепость и подчиниться теперь уже дорийскому Аргосу.

Правда, Павсаний и Диодор прямо говорят нам, что это событие произошло только после персидских войн, когда старое эллинское искусство уже вполне определилось и начало быстро прогрессировать. Но это прямое утверждение, которое я видел причину подвергать сомнению после моих прежних замечаний по этому вопросу в этой книге, я теперь решительно отвергаю, перед лицом непоследовательности этих историков, молчания всех современников предполагаемого завоевания и исключительно архаических останков, которые раскопал доктор Шлиман. Микены, как и Тиринс, Мидея и другие города равнины, были включены в состав Аргоса гораздо раньше, и не позднее блестящего правления Фидона. Так и получилось, что историческая Греция умалчивает о древней столице Пелопидов, а поэты переносят всю ее славу на Аргос. А ведь когда-то это название действительно фигурировало в национальных летописях. В жертвоприношениях богам в Олимпии и Дельфах после победы над персами записано, что несколько патриотов - 460 человек из Микен и Тириня - присоединились к грекам на Платее, а остальные аргивяне сохранили подлый и трусливый нейтралитет. Микенцы были очень немногочисленны; Геродот упоминает шестьдесят человек в связи с Фермопилами. Вероятно, это были изгнанники из Греции, сохранившие свои [pg 484] традиции и свое происхождение, и прославившиеся тем, что разоблачали и оскорбляли аргивский медизм. Возможно, тиринфяне 400 были даже остатками рабов, которые, по словам Геродота, захватили цитадель Тириня, изгнанные из Аргоса за двадцать лет до этого, и прожили там несколько лет. Во время кризиса в Платее греки не были щедрыми или критичными, и, возможно, они с готовностью уступили титул тиринфян этим сомнительным гражданам из ненависти и отвращения к нейтралитету Аргоса. Как бы то ни было, упоминание микенцев и тиринфян в этом единственном случае дало Диодору очевидное основание для датировки разрушения Микен. Но я убежден, что его авторитет и авторитет Павсания, который следует за ним, должны быть сознательно отвергнуты.

С другой стороны, происхождение Микен и их величие как царской резиденции должно быть отброшено в гораздо более глубокую древность, чем кто-либо до сих пор предполагал. Если Агамемнон и его дом представляют эллинских принцев, знакомых Гомеру, то они должны были возникнуть после того, как несколько более древних и, по-видимому, других династий правили и хоронили своих мертвых в Микенах.¹⁸⁴ Но возможно также, что гомеровские барды, описывая деяния минувшей эпохи, навязали свои [pg 485] новые нравы и собственную культуру Пелопидам, которых они знали только по смутным преданиям, и что, таким образом, их рисунок является ложным; в то время как вожди, которых они

прославляют, были древними доэллиническими правителями этой страны. Это последнее предположение является настолько шокирующей ересью против "Гомера", что я не рискну расширять его и предоставляю читателю возможность добавить любые предположения по своему усмотрению к тем, которые я уже высказал в слишком большом количестве.

Когда великолепные находки доктора Шлимана извлекаются из "Гомера", я не решаюсь их расширить и оставляю читателю возможность добавить любые догадки к тем, которые я уже высказал в избытке. Шлимана будут извлечены из своих ящиков в Афинском банке и помещены в Национальный музей¹⁸⁵; когда усердие греческих археологов тщательно исследует остатки участка в Микенах, который еще не исчерпан; Когда новые случайности (такие, как открытия в Спарте и Вафио) и новые исследования увеличат эти сокровища, возможно, в тысячу раз, в Афинах будет создан музей доисторического искусства, равного которому не будет в мире (за исключением Каира), и который познакомит нас с эпохой культуры, о которой мы едва ли еще подозревали, Когда письменность и чеканка монет были неизвестны, когда греки еще не достигли своего имени или, возможно, своего языка, но когда, тем не менее, существовала значительная торговля, когда уже было достигнуто замечательное мастерство в [pg 486] искусствах и производстве, и когда люди даже накопили значительное богатство и великолепие в устоявшихся центрах власти.

Дальнейшее изучение останков Микен, а также дополнительные свидетельства, полученные из руин Тиринса, которые будут описаны в ближайшее время, привели доктора Адлера к объяснению Микенæ. Адлера объяснить Микены как запись двойного основания, сначала расой, которая строила бутовую кладку и хоронила своих мертвых в узких каменных гробницах или могилах, нагромождая на тела свое оружие и украшения; затем, после некоторого значительного промежутка времени, расой, которая строила великолепную пепловую кладку, с хорошо вырезанными блоками, и которая построила большие ульевые гробницы, где мертвые могли лежать с достаточным пространством в царском состоянии. Вторая раса расширила, перестроила и изменила старые укрепления, добавила нынешние львиные ворота и построила так называемые сокровищницы. Для удобства он называет их, согласно старым легендам, Персеидами и Пелопидами соответственно. Следовательно, гробницы, найденные доктором Шлиманом, на самом деле гораздо древнее, чем можно было предположить, и если записи Гомера однозначно указывают на Пелопидов, то золото и драгоценности гораздо более раннего народа были спрятаны глубоко под землей в фундаменте крепости Агамемнона, обозначенной лишь священным кругом из камней и несколькими архаичными надгробиями.

К какому из этих этапов строительства относятся руины Тиринса? По-видимому, к более раннему, хотя [pg 487] здесь, опять же, размеры использованных камней гораздо больше, чем в первых Микенах, и теперь уже несомненно, что в них заметны зачатки искусственного формообразования. После выхода второго издания этой книги стены были вскрыты и обследованы доктором Шлиманом при ценном совете и помощи доктора Дёрпфельда, так что я могу завершить эту главу кратким изложением результатов, которых они достигли.

Верхняя часть Тиринской скалы, состоящая из двух плато или уровней, как известно, содержала остатки построек благодаря шахтам, которые доктор Шлиман уже прокладывал там в прежние годы. Но теперь был принят совершенно иной метод раскопок - вскрытие поверхности слоями, чтобы можно было четко различить последовательные пласты обломков. Этот чрезвычайно медленный и трудоемкий процесс, который, как я видел, продолжался в Тирине в течение нескольких дней с весьма незначительным результатом, в конце концов позволил обнаружить весь план дворца с его воротами, полами, разделительными стенами и основаниями колонн, так что на восхитительном рисунке,

который можно увидеть в книге под названием "Тиринс", доктор Дёрпфельд дал нам первое четкое представление о древнегреческом, а возможно, и доэллинском дворце. Частичное совпадение с планом дворцов Трои и Микен, обнаруженных с тех пор, и принятие в эллинских храмах плана входа, который здесь несколько раз повторяется - две колонны между [pg 488] antæ - показывают, что дворец в Тирине был не исключительным, а типичным.

Все ворота, ведущие в этот дворец, до сих пор отчетливо обозначены порогом или порогом, большим камнем, лежащим на своем месте, с пазами, проделанными для шарниров дверей, которые были деревянными, но их шарниры были обуты в бронзу, что доказывают подлинные останки. Эти двери разделяли двойное крыльцо, вход в которое осуществлялся между двумя деревянными столбами, стоящими на каменных основаниях, сохранившихся до сих пор, и фланкированными антами, которые внизу были из камня, а сверху из дерева, вбитого в каменные столбы. Вся верхняя конструкция ворот, да и всего дворца, похоже, была деревянной. Налицо явные признаки большого пожара, в котором погиб дворец. Это предполагает наличие большого количества топлива, и хотя пепел, глинобитные кирпичи и т.д. сохранились, не было найдено ни одного следа архитрава, колонны или крыши. Ворота аналогичной конструкции ведут во дворы и главную камеру дворца, полы которой покрыты тщательным известковым бетоном, отмеченным линейными узорами, и имеют такой наклон, чтобы обеспечить легкий дренаж в вентиляционное отверстие, ведущее к трубам из терракоты, по которым отводилась вода. Такие же тщательные меры приняты в ванной комнате с полом из одного большого камня, двенадцать футов на девять, который также пробит для отвода воды. Там были найдены остатки терракотовой ванны, а стены комнаты были обшиты деревом, [pg 489] установленным в приподнятый край камня пола на дюбелях, утопленных в камне. Ни одно из недавних открытий не является более интересным, чем это.

От стен мало что осталось, кроме фундамента, да кое-где пары футов глинобитных кирпичей со следами впущенных в них балок, которые еще больше усилили пожар. Но сохранилось достаточно, чтобы показать, что стены лучших комнат были богато покрыты орнаментом. Сохранилась фреска с изображением быка, которая воспроизведена в книге д-ра Шлимана; также был найден очень примечательный орнамент фриза в виде розеток и брошей, сделанный из синей стеклянной пасты (предположительно, гомеровский κύανος) и алебаstra. Эта ценная реликвия демонстрирует удивительные аналогии в дизайне с другими доисторическими орнаментами, найденными в Греции.

Размеры главного зала, или мужских апартаментов, очень велики, пол занимает около 120 квадратных ярдов, и параллельная комната во дворце в Трое была, следовательно, принята за целлу храма. Но несомненно, что большая комната в Тирине с очагом посередине и четырьмя столбами рядом с ним, поддерживающими, возможно, более высокую крышу с клиросом, была главной приемной дворца; меньшая комната аналогичной конструкции, не связанная с первой, кроме как кружным путем через проходы, кажется, была дамской гостиной.

[pg 490]

Если бы я попытался дать полное описание этого удивительного места, я был бы вынужден скопировать большую часть пятой главы книги д-ра Шлимана, в которой д-р Дёрпфельд очень скромно, но очень полно изложил результаты своих собственных исследований. Многие вещи, которые сейчас достаточно очевидны, были совершенными загадками, пока он не нашел истинное решение, и острота, с которой он использовал малейшие намеки, а также осторожность его выводов, делают эту работу образцом научной индукции.

Он совершенно справедливо говорит, что подробное описание необходимо, потому что через несколько лет многое из того, что было перед ним наглядно, будет скрыто. Бетонные полы, остатки глинобитных стен, план различных помещений заросли травой и сорняками, если их не укрывать и не расчищать. Дожди, которые уже давно смыли со стен все следы раствора, теперь, когда место открыто, смывают еще больше, и будущий археолог обнаружит, что книжный Тиринс расскажет ему многое из того, что не может показать реальный Тиринс.

Нижняя площадка на скале еще не тронута, и здесь, возможно, раскопки откроют нам остатки храма, из которого одна очень архаичная дорическая столица и антефикс попали на более высокую скалу. Есть также следы большого [pg 491] форта, который был вторым зданием на этом месте, над более древним и еще не определенным дворцом.

Из этих открытий явствуют две вещи, и я останавливаюсь на них с удовлетворением, поскольку они подтверждают мои старые мнения, высказанные задолго до появления основных доказательств. Во-первых, общее использование дерева для колонн и наличников, показывающее, насколько естественно каменный храм подражал более древним деревянным постройкам. Во-вторых, архаический или доэллинский характер всего, что было найдено в Тирине, за единственным исключением архитектурных фрагментов, которые, конечно же, не имеют здания, соответствующего им там, где они были найдены. Таким образом, моя гипотеза, согласно которой Тиринс, как и Микены, был разрушен по крайней мере во времена Фидона (660 г. до н. э.), а не после персидских войн, получает подтверждение, которое будет равносильно положительному доказательству для любого ума, открытого для доказательств по этому вопросу.

[pg 492]

ГЛАВА XVI.

СРЕДНЕВЕКОВАЯ ГРЕЦИЯ.

Когда я впервые побывал в Греции, почти двадцать лет назад, немногие путешественники, которых можно было встретить в этой стране, и не думали изучать ее средневековые остатки. Мы искали классическое искусство, с презрительным невежеством проходили мимо византийских церквей или франкских башен. Великая книга мистера Финлея, конечно, уже была написана; но те, кто знал немецкий язык и был достаточно смел, чтобы напасть на восемь томов, которые Эрш и Грубер в "Энциклопедии" посвятили статье о Греции, были научены "Очерком о средневековой Греции" Хопфа, чтобы понять, каких глубин может достигнуть тупость. Способствовал ли этому автор, или одиозная газета и шрифт в ее двойных колонках, не имело особого значения. Сама тема казалась тоскливой до невозможности. Все различные народы, вторгшиеся в страну в Темные века, покорившие ее, опустошившие, колонизировавшие, казались лишь неразличимыми ордами варваров, о которых мы ничего не знали, о которых нам не было никакого дела, кроме общей ненависти к ним, как к тем, кто разрушил и уничтожил великолепные храмы и прекрасные статуи, к которым теперь стремится весь мир. Даже очень основательные и эрудированные [pg 493] ученые, которые несколько лет назад издали "Грецию" Бедекера, не подумали включить в нее какие-либо сведения, помимо хронологической таблицы, о многих веках, прошедших

между окончанием язычества и недавним возрождением страны. Презрение к византийским работам на Востоке в наши ранние дни было сродни презрению к работам эпохи Возрождения на Западе. Мы все были классиками или готами по вкусу.

Теперь наступает великая реакция. Вместо ужасного Хопфа у нас есть очаровательный Грегоровиус, чьи "Средневековые Афины" украшают даже сухие детали оттенком фантазии; трезвый "Путеводитель Мюррея" включает в свою задачу гору Афон и ее чудеса. Недавние путешественники и ученики иностранных школ в Афинах рассказывают нам о любопытных церквях и их фресках, а теперь мистер Шульц из британской школы взялся воспроизвести их своим карандашом. Следуя примеру Пуллена, чьи рисунки сохранили для потомков некоторые сведения о церквях Салоник, которым так часто угрожал пожар, он увековечит остатки архитектуры и искусства, которые быстро погибали от пренебрежения. Когда я впервые оказался в Афинах, люди всерьез обсуждали целесообразность сравнить с землей самую замечательную из всех византийских церквей в Афинах, потому что она стояла на проезжей части, которая вела от дворца к железнодорожной станции! Историки сообщают нам ужасающий факт: [pg 494] более семидесяти этих изысканных зданий были разрушены при строительстве нового собора, вульгарного и бессмысленного компромисса в стиле. Еще несколько лет вандализма в Греции, еще несколько ужасных пожаров в Салониках и на Афоне, и мир потерял лучшие записи об очень любопытной и самобытной цивилизации.

Следы этого искусства сохранились в Адриатической Италии; экзархат в Равенне, восточное движение Венеции показали свое влияние на итальянское искусство и архитектуру. Великолепные мозаики Равенны, даже семь куполов собора Святого Антонио в Вероне, фрески капеллы Джотто в Падуе и, прежде всего, великий собор в Венеции - все это сильно окрашено византийским искусством, в том числе и в Равенне. Однако большинство путешественников, посещающих собор Святого Марка в Венеции, никогда не видели византийских церквей и не чувствуют их восточного происхождения; еще меньше тех, кто посещает великолепную базилику Паренцо, которая является еще более безошибочным примером. Но для тех, кто отвернулся от Олимпии и Парфенона, чтобы изучить раннехристианские останки в Греции, все это искусство Восточной Италии приобретет новый интерес и более глубокий смысл.

Таковы причины, побудившие меня сказать несколько слов об этой стороне греческих путешествий. Я не претендую на то, чтобы говорить как авторитет; я лишь хочу стимулировать зарождающийся интерес, который в скором времени заставит то, что я скажу, казаться простым и древним. Но [pg 495] пока что даже высокие авторитеты находятся в глубоком неведении относительно этих вещей. Что скажет студент, изучающий готическую архитектуру, на дискуссию о том, относится ли сохранившееся здание к четвертому веку или к одиннадцатому? И все же относительно происхождения афинских церквей до сих пор сохраняются столь противоречивые мнения.

Начнем с самого лучшего и причудливого, так называемого Старого собора, которому, к счастью, было позволено стоять рядом со своим уродливым и претенциозным преемником. Первое, что бросается в глаза, - это чрезмерная малость размеров: он похож на одну из маленьких часовен, которые можно встретить в Глендалоу и других местах Ирландии. Я не знаю, предполагали ли греки, что прихожане будут стоять на коленях под открытым небом, как это было вокруг этих часовен в Ирландии, но такие сооружения, безусловно, в первую очередь предназначались как святые места для священнодействий, а не как молитвенные дома для народа. На горе Афон мне рассказывали, что в греческой церкви не принято ежедневно совершать более одной службы в одном храме. Поэтому монахи, которые постоянно совершают молитвы, имеют двадцать или тридцать часовен в пределах каждого

монастыря. Возможно, схожие мотивы привели к строительству большого количества небольших церквей в Афинах, где семьдесят из них уже разрушены, и в Салониках, где их остатки до сих пор часто обнаруживают. Возможно, также, что желание [pg 496] посвятить религии Христа освященные язычниками места, которое превратило Парфенон и храм Тесея в церкви, побудило византийских епископов возводить часовни на меньших языческих святилищах, где не существовало величественных храмов, а простое освящение не оставило бы явного символа христианской оккупации.

Но если этот собор и мал, то он обладает должной красотой минутного искусства; он покрыт богатым декором. На всех его поверхностях видны резные фрагменты не только классической, но и более ранней византийской работы - фриз, рельефы, надписи, капители - все это расположено с общим соответствием или симметрией, чтобы создать эффект настоящего дизайна. Более того, этот иностранный орнамент вписан в здание строго византийской формы, с его богатым дверным проемом, крошечными окнами с высокими полукруглыми арками, опирающимися на тонкие капители, и тонированными веками аттической пыли до того насыщенного золотисто-коричневого цвета, который превратил Парфенон из мрамора почти в румяное золото. Никогда еще не было такой гармонии и единства, достигнутых самым продуманным лоскутным шитьем. В ранних работах по византийскому искусству эту церковь уверенно относили к шестому веку. Бушон обнаружил на ней гербы Ла Роша и Виллегардуэна, поэтому отнес ее к тринадцатому. Характер других построек этих рыцарей заставляет меня сомневаться, что они и их друзья могли построить такую церковь - западные монахи тогда [pg 497] строили латинские церкви в Греции - и я полагаю, что гербы, которые я не смог найти, были вырезаны франками только на существующем здании. Поэтому я не буду придерживаться теории шестого века.

Из оставшихся церквей только три - Капникарея, Богородицын монастырь и Святого Теодора - достойны изучения как образцы типичной формы подобных зданий. Главный план представляет собой квадрат, над которым возвышается купол, опирающийся на четыре столба, с коридором или крыльцом на западной стороне и тремя многоугольными апсидами на восточной. Меньшие купола часто окружают центральный купол. Высота и стройность центрального купола, вероятно, является самым ярким признаком сравнительной поздности этих зданий, которые раньше относили к четвертому и пятому векам, а теперь низводят до одиннадцатого. Самой ранней формой, несомненно, является массивный собор Святого Георгия в Салониках - огромная ротонда, покрытая плоским куполом, не похожим на Пантеон в Риме, без ничего, кроме богато украшенных ниш и великолепного мозаичного потолка в куполе, чтобы придать рельеф очень простому дизайну. Последовательное усложнение и утончение этой простой конструкции можно проследить даже в более поздних церквях Салоник.

Путешественник, пробудивший в себе вкус к этой особой форме средневекового искусства и желающий изучать ее дальше, найдет в пределах досягаемости от Афин два монастыря, которые стоит посетить: Фенеломен на Саламине, очень хороший образец греческого монастыря, и Дафни, который может быть причислен к руинам Мистры как демонстрирующий явные следы конфликта Востока и Запада, латинского и греческого христианства. Это святилище с разрушающимися стенами, как обычно, сменило языческое святилище с едва измененным названием. Святые, по-прежнему изображенные на стенах в черно-золотых тонах и почитаемые на праздниках, превратились в фантастических и нереальных существ, достаточно хорошо приспособленных к той смеси суеверий и национализма, которая составляет тело греческой религии, и, несмотря на более чистое вероучение, не очень далеких от религиозных инстинктов старой эллинской расы. Пять или

шесть жалких монахов все еще занимают ветхое здание, пребывая в сонном бездействии; они не делают ничего, кроме как ежедневно повторяют привычные молитвы и получают подати за то, что позволяют жителям окрестных деревень раз или два в год целовать страшного вида святого Элиаса, выкрашенного в оливково-коричневый цвет на золотом фоне, или зажигать ночную лампаду у придорожного святилища святого, черного от дыма.

В том виде, в котором мы видим его сейчас, он принадлежит в основном цистерцианцам, которые сопровождали Отто де ла Роша из Шампани в его афинское герцогство, и был основан вокруг гораздо более древней византийской церкви и монастыря. Как и все средневековые монастыри, он укреплен, а все поселение, включая дворы и сады, окружено зубчатой стеной, первоначально высотой около тридцати футов.

[pg 499]

Изредка в стене встречаются башни, а также остатки арок, поддерживающих проход достаточной высоты, чтобы защитники могли заглянуть за крепостные стены. К старой церкви в центре двора бенедиктинцы пристроили нартекс или неф в готическом стиле, и здесь снова есть бойницы, с которых монахи могли сбрасывать камни или кипящую жидкость на нападающих, проникших за внешние стены. Три стороны двора окружены зданиями; внизу - массивные каменные аркады для кухни, кладовых и трапезной; вверх - деревянные галереи, которые снабжали монахов их кельями. Большая часть этого здания сейчас находится в руинах, частично занятая крестьянами и их овцами. Но церковь, как по своей внешней простоте, так и по внутреннему величию, примечательна великолепным украшением стен мозаиками, которым, увы, было позволено разрушиться как от лености греков, так и от нетерпимости турок. На самом деле, в то время как бережное отношение к классическим останкам постепенно прививается жителям - конечно, денежная стоимость является легко понятным критерием - уважение к их великолепным средневековым останкам завоевало западный интеллект только в последние два-три года, так что можно ожидать, что пройдет еще одно поколение, прежде чем этот новый вид интереса распространится среди обладателей столь великого завещания Средних веков.

[pg 500]

Интерьер церкви в Дафни представляет собой меланхолический пример. От воздействия сырости раствор разрыхлился, и большие участки драгоценной мозаики упали на землю. Вы можете поднять горсть глазурированных и позолоченных фрагментов, из которых состояли богатые поверхности. Турецкая пуля то тут, то там уродует торжественного святого, а костры, зажженные солдатами в дни войны и пастухами в мирное время, во многих местах почернили крышу до неузнаваемости. Внутри центрального купола все еще видна гигантская голова Христа на золотой земле, или была таковой, когда я видел это место в 1889 году; но вся крыша была в опасности обрушения, и греческое правительство, по инициативе доктора Дёрпфельда, взяло на себя обязательство остановить прогресс упадка, и поэтому здание было заполнено строительными лесами. Это, однако, позволило нам подобраться к фигурам, которые в коротком и высоком здании трудно разглядеть с земли, и поэтому мы четко различили вокруг основания купола двенадцать апостолов, в эркерах - пророков, в трансептах - Благовещение, Рождество, Крещение и Преображение Христа - все в соответствии со строгими образцами, установленными для таких украшений греческой церковью. Рисунки действительно строгие и гротескные, но мрак и таинственность здания скрывают все недостатки и придают этим внушительным фигурам в черном и золотом некое величие, которое, должно быть, [pg 501] десятикратно ощущали простые верующие, не воспитанные в привычках эстетского критицизма.

К сожалению, у нас нет записей об истории этих монастырей, как в случае со многими западными аббатствами, а старые хроники войн и морей редко упоминают об этой тихой жизни. Мы бы хотели, говорит месье Анри Белль, проследить судьбу этих монахов, которые покинули какое-нибудь прекрасное аббатство в Бургундии, чтобы катехизировать раскольников в этой далекой стране и нести свою проповедь на помощь мечу крестоносцев; но эти крестоносцы, как правило, намеревались сменить крест на корону, и поэтому вряд ли были склонны к жесткому прозелитизму цистерцианцев. Очень интересно узнать, что Иннокентий III, этот великий папа, который с самого начала не одобрял насильственного свержения христианской империи на Востоке, первым рекомендовал завоевателям и их духовенству такую умеренность, которая могла бы послужить возвращению раскольников-греков в лоно Рима. Сохранилось несколько его писем в аббатства Мореи и в это аббатство Афинского герцогства, показывающих, что даже его авторитет и рвение в этом вопросе не смогли сдержать фанатизм латинских монахов. Между дафнийскими монахами и их герцогом тоже часто происходили ссоры, и они часто обращались к понтифику с просьбой урегулировать отношения между гражданской властью, претендовавшей на право сюзерена, и религиозными [pg 502] орденами, которые претендовали на абсолютную независимость и иммунитет от всех феодальных обязательств. И все же, несмотря на все споры, аббатство стало последним пристанищем франкских герцогов Афинских, а в склепе под притвором было найдено несколько их грубых каменных гробов, без надписей и орнаментов. На одном из них был высечен герб второго Ги де ла Роша, третьего герцога Афинского - две переплетенные змеи, увенчанные двумя флер-де-лис. Ги II, говорится в хронике, вел себя как галантный лорд, любимый всеми, и добился большой славы во всех королевствах. Он спит здесь, не во тьме забвения, но заслоненный более великими памятниками более великим мертвецам. И все же я не могу не остановиться на этом интересном фрагменте средневековой истории, тем более что он объясняет странный титул Тесея, герцога Афинского, в бессмертном "Сне в летнюю ночь" Шекспира, а также тот любопытный факт, по крайней мере для классических читателей, что поэт выбрал средневековые Афины как двор с благородными нравами и подходящий фон для своей сказочной драмы.

Не обращая внимания на географию, я перенесу читателя к очень похожим руинам Мистры, где, однако, скорее греческий язык вытеснил латинский, чем латинский - греческий церковный.

Когда франки вторглись в Грецию, одна очень примечательная семья, Виллегардуины, захватила часть Мореи и построила Мистру над Спартой; она была украшена прекрасными готическими церквями и дворцами, [pg 503] и возвышалась над крепостью. Через шестьдесят лет после завоевания Вильгельм Виллегардуэн попал в плен к новому византийскому императору Палеологу, который восстанавливал свои владения. Франк был вынужден уступить за свой выкуп крепости Мистру и Монеувасию, которые с тех пор были оплотом византийской власти вплоть до завоевания турками. Тем не менее Виллегардуины долго удерживали Каламату и другие крепости, а перу одного из них, Джеффри, мы обязаны знаменитой старой хроникой *La Conquête de Constantinople*, которая уникальна по своей значимости и как образец старофранцузского языка, и как фрагмент истории Средневековья.

Архитектура Мистры, начатая в благородную эпоху латинянами, была подхвачена византийскими греками, так что мы имеем оба стиля, объединенные в любопытных реликвиях ныне заброшенной крепости. С 1850 года, когда землетрясение разрушило многие дома, население перебралось в возрожденную Спарту, которая сейчас является

процветающим городом. Но как старая Спарта в дни своего расцвета представляла собой лишь собрание ветхих деревушек, ничем внешне не выдававших своего значения, так и новая, вульгарная Спарта не имеет никаких достопримечательностей (кроме прекрасных апельсиновых и лимонных садов вокруг нее) по сравнению со средневековой Мистрой. Дома громоздятся один над другим, пока не достигнешь вершины, увенчанной цитаделью, которая, сама будучи горой, отделена от более высоких гор глубоким ущельем с бурлящей [pg 504] рекой. "Весь город теперь представляет собой лишь разрушенные дворцы, церкви и дома. Вы бродите по грубо вымощенным улицам, поднимающимся зигзагами, и проходите под арками, на которых вырезаны эскулапы французских рыцарей. Вы попадаете во дворы, заросшие травой, но полные воспоминаний о крестоносцах. Это самый настоящий дом Средневековья. Проходя по этим улицам, ставшим местом обитания ящеров и змей, вы натываетесь на франкские гробницы, среди которых гробница Феодоры Токко, жены императора Константина Палеолога, умершей в 1430 году. Панагия - единственная хорошо сохранившаяся церковь - латинская базилика с портиком в виде итальянской лоджии и пристроенной к ней византийской башней. Здание украшено тонкой резьбой, стены выложены из кирпича и камня, а ворота, колонны и пол - из мрамора. Интерьер украшен византийскими фресками со сценами из Ветхого Завета. Выше находится митрополичья церковь, построенная греками сразу после того, как Вильгельм Виллегардуэн сдал форт в 1263 году. Эта большая церковь не так красива, как уже описанная, но имеет множество особенностей, представляющих не меньший интерес. Дворец франкских князей, вероятно, находился на широком месте, на более высоком уровне, где в разрушенных стенах видны остатки многих готических окон. Цитадель сначала была перестроена греческими палеологами, затем турками, потом венецианцами, которые в свою очередь захватили этот средневековый [pg 505] "Феттер Греции". И теперь все следы всех этих завоевателей лежат вместе, спутанные в тишине и упадке. На этих узких и каменистых улочках с высокими стенами сильно палит солнце. Но вы не можете не остановиться, когда поочередно обнаруживаете на стенах старинную греческую резьбу, византийские посвящения, римские надписи, франкские приспособления. Одни только турецкие бани сохранились в целостности и сохранности, устояв и перед непогодой, и перед землетрясением. Но главное место по-прежнему занимают церкви, то и дело роняющие камень, как монументальную слезу по своему славному прошлому; греческий крест, латинский крест, полумесяц - все они властвовали здесь в свой черед. Даже пара разрушенных минаретов сохранилась, чтобы показать следы того рабства, которому народ был подвержен в течение четырехсот лет".

Занятия франкских рыцарей не находили достойного историка со времен старого Виллегардуэна, пока Грегоровиус не написал свои "Афины Средневековья". Путешественник до сих пор видит по всей Греции частые следы этого недолгого господства, но все они одного рода - руины замков, которые рыцари построили для устрашения своих подданных, и среди которых Мистра была, пожалуй, самым важным. Те же захватчики построили великие башни в Каламате, а самым живописным из всех является замок над городом Карытена в Аркадии, оплотом Гуго де Брюйера. Но франкские украшения, украшавшие эти замки, были в основном снесены турками или заново [pg 506] установлены венецианским львом, в зависимости от того, как новые захватчики использовали укрепления своих предшественников в своих целях. Ни один из этих замков не может сравниться по размерам или великолепию с замками Северной Европы. Самый знаменитый из них, дворец в Фивах, был настолько полностью разрушен каталонцами, что все его остатки исчезли, и мы обязаны своим знанием о нем описанию каталонского летописца Рамона Мунтанера, который рассказывает о разрушениях своих собратьев не без укоров своей эстетской совести.

Но перейдем от этих сложных руин, говорящих о конфликте Востока и Запада, к своеобразным тихим жилищам греческого монаха, который проводит свое время не в делах благотворительности, не в трудах эрудиции, не в труде образования, как его западный брат, но просто в выполнении тяжелого и требовательного ритуала, в молитвах, или, скорее, в повторении молитв, столько-то часов в день, в соблюдении постов и бдений, прежде всего в поддержании строгого вероучения, которое дало титул ортодоксальной его Церкви. Эти места отдыха (слово *μόνη* наводит на размышления), конечно, расположены в тихих районах, в горах, на островах, так что мы не можем ожидать их вблизи такой шумной столицы, как Афины. Однако в ущелье дефиле, ведущего к Филе, есть маленький скит (дом аскетов), одинокий и дикий; а у моря на Саламине, почти напротив Мегары, путешественник [pg 507] найдет небольшой, но очень характерный образец греческого монастыря - Панагию Фенеломены.

Там он увидит крошечные кельи и библиотеку, почти такую же маленькую, как и все они, расположенную на вершине темной лестницы и содержащую около двадцати томов; игумены примут его с мастикой и вареньем, а затем с кофе, и постараются удовлетворить простое любопытство стариков, которые, кажется, так хотят услышать о мире, и все же отворачивают глаза от того, чтобы увидеть его. Прежде всего, он найдет посреди ограды маленькую образцовую византийскую церковь, построенную с величайшей аккуратностью, из узких кирпичей, в которые с помощью измененной укладки кирпичей введены шнуры и кресты. Здесь же он увидит любопытную практику, которая привела к мраморным подражаниям в Венеции, - украшать стены зеленой и синей керамикой, очевидно, старой родосской, так как сейчас ее не найти в употреблении. Это более простая форма декора, уже описанного в Афинском соборе, - украшение стены симметрично расположенными посторонними предметами, и никто из тех, кто его видел, не скажет, что он нехудожественный. Внутри - обычные орнаменты византийской церкви, но не мозаичные, так как все стены покрыты фресками монаха начала XVIII века, гениального в своем роде, но строго следовавшего традициям афонской школы. Путешественник, поднявшийся на кафедру, увидит себя в окружении очень [pg 508] странных картин - над западной дверью, как и положено, Страшный суд, где грехи людей взвешиваются на огромных весах, а черти внизу пытаются сбить роковые веса. Осужденные под конвоем демонов попадают в огромную пасть, из которой вырывается пламя, - пасть ада. Блаженства и мучения занимают верхнюю и нижнюю части композиции. Еще более причудливо чудо, когда гадаринские свиньи бегут по крутому склону в море. Они тонут в волнах, а на голове или спине каждой - маленький черный дьявол, пытающийся спастись от потопления. Подобные существа спасаются от статуй языческих богов, которые падают со стен, когда младенец Иисус проходит мимо них во время своего бегства в Египет. Это наводит на мысль, что в статуи языческих богов вселился злой дух, и пока что это действительно тела с душами внутри!

Этих нескольких подробностей достаточно, чтобы склонить читателя к посещению этого монастыря, который гораздо более достоин внимания, чем прекрасно расположенный и гостеприимный Вуркано, описанный в других частях этой работы. У меня нет места, чтобы рассказать о Мегаспилионе, потому что эта книга должна быть в удобных пределах и никогда не может стремиться даже к приблизительной полноте. Также я обойду простым упоминанием глазницы Метеоры в Фессалии, возвышающиеся на странных вершинах скал, как Святой Симеон на своем столпе. Подъезд к этим монастырям и спуск из них на качающейся [pg 509] сети - действительно странное приключение, более неприятное, чем большинство подобных приключений, но на вершине мало что представляет интерес. Клады драгоценных средневековых книг, которые Керзон описывает в своем восхитительном томе, из-за которых монахи поссорились, когда он предложил золото, и не продали их, потому что

ни один из них не позволил бы своему брату насладиться деньгами - эти великолепные иллюминированные книги были либо растащены антикварами, либо собраны в университетской библиотеке в Афинах. Они находятся там на своем месте. Я понимаю, что вершины Метеоры, когда нынешние обитатели вымрут, должны принять не святых людей, а преступников, которые будут отбывать одиночное заключение не в подземельях под землей, а далеко над обиталищами людей.

Но все эти монашеские поселения меркнут, когда мы обращаемся к горе Афон, настоящей Святой Святых греческой церкви, которая, правда, находится далеко от королевства Греция и поэтому выходит за рамки данной работы, и все же глава о средневековье Восточной Европы вряд ли может быть написана без рассмотрения этого странного мыса, его красоты, превосходящей все описания, его истории, уникальной как по раннему прогрессу, так и по последующей неизменности, его повседневной жизни - верного зеркала давно прошедших веков, даже если сейчас его здания - это средневековые замки, населенные средневековыми людьми. Здесь я изложу впечатления от посещения в 1889 году не только искусства, но и [pg 510] жизни этого, наиболее характерного, а также крупнейшего примера греческого монашества.

Velificatus Athos - выражение, которое и сейчас имеет значение, хотя и совсем иное, чем то, которое подразумевал Ювенал. Сатирик не поверил бы, что Ксеркс превратил его в остров, хотя остатки канала хорошо видны и по сей день. Но теперь некомпетентность турецкого правительства превратила Афон для английских путешественников в остров, поскольку добраться до него можно только по морю. Если вы попытаетесь проехать туда из Салоник или Каваллы, вас сразу же предупредят, что вы делаете это на свой страх и риск; что тариф, установленный теперь совместной комиссией турок, драгоманов и бандитов за освобождение английского пленника, составляет 15 000 фунтов стерлингов; что вам придется заплатить эту сумму самому и т. д. и т. п. Этого достаточно, чтобы оттолкнуть любого респектабельного и ответственного человека от предприятия сухопутного путешествия, и поэтому он должен ждать редких и нерегулярных шансов на лодку или пароход. Мне посчастливилось найти один из кораблей Его Величества, идущих в ту сторону из Салоник, и с капитаном, достаточно любезным, чтобы высадить меня на мысу, или, скорее, выбросить на него, потому что мы высадились в тяжелом море, со значительным риском и опасностью, и τρικυμία, как они классически называют это явление, продолжалась весь день и бушевала вокруг Святой горы. Однако этот авантурный способ высадки под великими западными скалами мыса, с монастырями Святого Павла, Григория, [pg 511] и Дионисия, каждый на своей вершине, смотрящими на нас с головокружительной высоты сквозь бурные туманы, был, несомненно, самым живописным знакомством с давно обещанной землей.

Ведь я много лет мечтал не только увидеть самый странный и совершенный реликт, сохранившийся от средневековых суеверий, но и по возможности найти в ранних рукописях, заполонивших библиотеки этого знаменитого прибежища, кузена, а то и дядю или тетю великих иллюминированных рукописей, составляющих славу ранней ирландской церкви. Другие путешественники, добравшиеся до этого места, прибыли в какой-нибудь законный порт на более спокойной восточной стороне; последний из них, мистер [Райли186](#), высадился в самом мягком и гуманном месте из всех, в бухте Ватопеди. Мы же, напротив, пробрались в маленькую лодочную гавань под самым строгим, самым примитивным и далеко не самым красивым из западных орлиных гнезд, куда еще не проникли английские соленья, консервированные омары и кавиаре. Мы поступали очень неофициально и бесцеремонно, ибо вторгались в отдаленные поселения, чтобы потребовать приюта и гостеприимства, тогда как нам следовало бы прежде всего отправиться в столицу, в Карьес,

чтобы вручить помпезные рекомендательные письма от пап, премьер-министров, патриархов и получить столь же замысловатые [pg 512] депеши от центрального комитета с просьбой к нескольким монастырям принять нас.

Но мы взяли это место штурмом, а не обычной осадой. Мы показали наши письма, когда поднялись на Дионисиу, как они его называют, и молили их отменить гостеприимство, которое они, несомненно, окажут нам, если мы вернемся с официальной санкции. Добрые монахи оказались на высоте; они отказались от церемоний, хотя в этих консервативных заведениях церемонии - главные, и любое нарушение их называется проοβολή, вероятно, величайшим грехом, который может совершить монах. На каждом шагу нашего пути это препятствие вставало перед нами, и если бы мы попытались пробиться мимо него, то, без сомнения, наши бессловесные мулы заговорили бы и осудили наше безумие. Однако, когда перед ними оказались все послания, которые должны были быть прочитаны в Карьесе на следующий день, а за ними последовало письмо, адресованное им самим, они фактически опередили свое гостеприимство и заставили нас почувствовать себя как дома и счастливыми.

Нигде я не видел более совершенного и изящного по духу гостеприимства, нигде не видел более искренней попытки накормить голодного и приютить отверженного, хотя средства и материалы для этого часто были очень неадекватны западным представлениям. Но сначала позвольте мне обратить внимание на существующие удобства. Нам всегда хватало места в специальных странноприимных апартаментах, которые занимают самое высокое и живописное место в каждом монастыре. У нас всегда были чистые постели для [pg 513] сна, и нас не тревожили никакие незванные сожителы; эти существа (как нам говорили) взяли за правило этикета никогда не появляться и не приставать ни к кому до Пасхи, праздника Воскресения. В этом году праздник был особенно поздним, а погода - совершенно летней; тем не менее насекомые старательно избегали по отношению к нам таких проοβολή, которые могли бы нарушить их пост. Помимо спокойных ночей - великое благо для усталых путников - у нас всегда был хороший черный хлеб, причем каждый день свежий; мы также пили отличный турецкий кофе, к счастью, самый полезный, ибо здешняя церемония требует пить его всякий раз, когдаходишь и когда выходишь из любого жилища. Семь или восемь раз в день мы наслаждались этой роскошью без ущерба для пищеварения и нервов. Было также звучное красное вино, и его было много, разное по изготовлению, но в основном хорошее, и только в одном случае слегка подкисшее. Еще были отличные лесные орехи, которые часто подавали горячими, поджаренными на сковороде, и очень вкусными.

Что еще было вкусного? Варенье разных видов, все хорошее, но, к сожалению, подавалось в чистом виде, и его ели ложками, без хлеба, пока наконец мы не совершили проступок, попросив принести его, когда на столе был хлеб. Также в изобилии были яйца, только что привезенные, чтобы быть готовыми к Пасхе, и поэтому свежие, и поданные au plat. Мы нигде не [pg 514] жаловаться на прогорклость масла или сливок, используемых для приготовления пищи, о чем так жалобно говорится в книге мистера Райли. В этом преимущество поездки весной, вернее, одно из многих преимуществ, что и масло, и сливочное масло (последнее, конечно, редкость) были совершенно беспристрастны.

Когда я говорю, что масло было редкостью, а яйца привозными, я предполагаю, что читатель знает о необычности Афона, которая заключается в отсутствии величайшей черты человеческой жизни - женщины, и всех низших подражаний ей в животном мире. Ни коровы, ни козы, ни курицы, ни кошки - ни одного представителя этого пола! И это на протяжении многих веков! Три тысячи монахов, содержащихся за счет импорта, три тысячи рабочих или слуг, также импортируемых, но никакого домашнего производства животных - это считается

одиозным и нечестивым. И когда в этом отдаленном уголке крайнего консерватизма, этом единственном убежище от ловушек и козней Евы, один русский монах всерьез высказал нам мысль о целесообразности допуска к монашеству лиц другого пола, мы почувствовали толчок, как от землетрясения, и начали понимать существующее мнение, что русские навязывают свое влияние на Афон, чтобы превратить Святую Гору в логово политических воров.

Нет ничего любопытнее, чем изучать последствия полного исключения женского пола из жизни большого общества. Принято считать, что мужчины сами по себе должны стать грубыми и дикими; что именно [pg 515] женщинам мы обязаны всеми милостями и утонченностями социального общения. Ничто не может быть дальше от истины. Смею утверждать, что во всем мире нет столь безупречно вежливого и упорядоченного общества, как афонское. Что касается гостеприимства и любезных манер, то монахи и их слуги позорят самых изысканных западных людей. Беспорядок, шум, смятение кажутся невозможными в этой стране мира. Если у них и возникают разногласия и споры о правах на имущество, то они передаются в судебные инстанции и решаются с помощью аргументов адвокатов, а не споров и громких слов между претендентами. В то время как на материке, а также на братских полуостровах Кассандра и Лонгос жизнь и имущество все еще находятся в опасности, Атос на протяжении веков был таким же безопасным, как любое графство Англии. Таким образом, пока все свидетельства говорят в пользу ограничения. Многие монахи, попав на полуостров в ранней юности, совершенно забыли, что такое женщина, если не считать коричневых дымчатых изображений Панагии с младенцем во всех церквях, которые строгая иконография православной церкви сделала настолько нелюдимыми и нечеловеческими, насколько это вообще возможно для изображения. Пока все хорошо.

Но если монахи думали, что смогут просто вычеркнуть другой пол из своей жизни без каких-либо, кроме очевидных, последствий, то они ошибались. Путешественника поражает не грубость, неопрятность, дискомфорт чисто мужского общества, [pg 516] а его тупость и уныние. Некоторые из старших монахов действительно были достаточно веселы; они пили вино и свободно шутили. Но послушники, сидевшие за столом, мужчины и мальчики, приехавшие с материка, чтобы работать слугами, погонщиками, чернорабочими, - все они, казалось, страдали от постоянной тишины и уныния. Город Карьес - самое мрачное и унылое место, которое я когда-либо видел. Среди мальчишек нет ни веселых компаний, ни пения, ни игр. Все выглядели серьезными, торжественными, вялыми, пустыми, в зависимости от обстоятельств, но лишенными остроты и интереса к жизни. Поначалу можно было бы предположить, что монахи - суровые хозяева, управляющие своими слугами как рабами, но это не является истинной разгадкой. Дело в том, что главного источника интереса и причины ссор во всех этих животных, человеческих и прочих, не существует. Ведь тупость не ограничивалась молодыми монахами или мирянами; она проникла даже в низших животных. Кошки, которые толпились здесь целыми толпами, в угрюмом молчании проходили мимо друг друга по крышам. Казалось, они навсегда онемели. И если петухи не потеряли голос и часто кричали по утрам, то их крики казались мне не вызовом, а воплем - явным, хотя и неосознанным выражением большой нужды в их жизни.

Насколько же отличались от них соловьи, голуби, сойки, чьи крылья освобождают их от монашеских ограничений, и чья музыка наполняет [pg 517] жизнью все очаровательные поляны, тормоза и леса в этом земном раю!

Ибо если изысканное положение посреди исторического великолепия, чудесное разнообразие очертаний и климата, богатая и нетронутая растительность могут сделать возможным современный Эдем, то это именно здесь. Можно представить, что природа

постепенно совершенствовалась в своей работе, когда создавала обрамление трех полуостровов Халкидиды. Самый западный, старый Паллен, где когда-то располагался исторический Олинф, - широкий и плоский, ничем не примечательный, кроме своего плодородия; второй, Ситония, делает некоторую попытку быть живописным, имея очертания мягко зазубренных холмов, которые поднимаются, возможно, до тысячи футов, и усеяны лесами. В любом другом месте Ситония могла бы занять достойное место, но вдали от могучего Олимпа и рядом с гигантским Афоном она остается безвестной и не имеет истории. Афон вдаётся в Эгейское море, его крайний конус возвышается на шесть тысяч пятьсот футов над морем, и как таковой он является (я считаю) самым ярким мысом в Европе. Вы можете увидеть более высокие Альпы, но с высоты и с промежуточными высотами, которые ослабляют эффект; вы можете увидеть более высокие Карпаты, но с унылой равнины в Венгрии. Здесь же вы можете насладиться всем великолепием вершины со стороны моря, от бахромы белых волнорезов вокруг основания до бледно-серого, покрытого снегом купола, уходящего в небо за потоки и леса. [pg 518] За два-три часа можно подняться из садов апельсинов и лимонов, инжира и оливок, через леса арбутуса, мирта, цитиса, вереска, ковры незабудок, ветрениц, ирисов, орхидей, в климат примул и фиалок, к чахлым березкам и сплетенным пихтам, окаймляющим области вечного снега. Кроме того, постепенно повышающийся хребет, составляющий основу полуострова, с обеих сторон изрезан постоянными лощинами и оврагами, в каждом из которых журчащая вода придает движение виду и жизни растительности, которая даже там, где она скрывает в своей роскоши течение потока, не может заглушить его звонкий голос. Здесь целыми днями поет соловей, и растут прекрасные кустарники, не потревоженные стадами бродячих коз, которые являются настоящей саранчой диких земель Южной Европы.

Каждая сторона главного хребта имеет свои особенности растительности: та, что обращена к северо-востоку, более пологая и представляет собой заросли средиземноморского вереска высотой в десять-пятнадцать футов, через которые проложены тропы для мулов, как через лес. Побережье, обращенное к юго-западу, гораздо суровее, диче и обрывистее, но температура здесь почти тропическая, так как растения и фрукты южной Греции процветают без остановки.

Западные монастыри обычно располагаются на обрывистой скале в устье одного из оврагов, откуда открывается вид вверх по склону на [pg 519] великую вершину горы. Чтобы попасть из одного монастыря в другой, нужно либо спуститься по обрыву к морю и объехать его на лодке, которой командует монах-шкипер, либо сесть на мулов и поехать по сгибам и швам обрывов, по тропам, невероятно опасным с виду, но невероятно свободным от каких-либо реальных бедствий. Попав на поток, вы должны спускаться зигзагообразными извилистыми, пока не достигнете подходящего брода у уровня моря, и пересечь его у подножия какого-нибудь звучного обрыва. Но следующий выступ выступает прямо из моря, и вы снова должны преодолеть такой же крутой подъем, пока не достигнете тропы вдоль края головокружительного утеса, где вы проходите одной ногой в воздухе, над морем в тысяче футов под ним, а другой то и дело отталкиваетесь от стены скалы внутри, так что осторожный мул выбирает внешний уступ дороги, поскольку потеря равновесия означает, строго говоря, потерю жизни. Мы постоянно сожалели о том, что никто из нашей группы не мог зарисовать или даже сфотографировать прекрасные сцены, которые постоянно представляли перед нами. Но усилия фотографов до сих пор были весьма разочаровывающими. Есть, правда, фотографии большинства монастырей, сделанные по инициативе русских, но все они так жалко неполноценны, так тщательно сняты с неправильной точки, что мы сознательно избегали принимать их или везти домой. Мистер Райли, человек со вкусом [pg 520] и чувством, тоже занимался этим делом, имея досуг и опыт в своем искусстве, и все же снимки

с фотографий, опубликованные в его книге, также безнадежно неадекватны. Например, когда, приближаясь с севера, мы вдруг увидели Симопетру - стоящую близко от нас, через зияющую пропасть, с ревущим морем в тысяче футов под нами, высоко в воздухе на своем огромном, одиноком утесе, держащемся на суше всего лишь виадуком, а за ним - великие скалы, ущелья и леса, обрамленные снежным куполом Афона на дальнем плане, - мы чувствовали, что мир не может создать более прекрасной сцены, и что самое буйное художественное воображение, такое как у Гюстава Доре, было бы укрощено в ее присутствии неспособностью человеческого карандаша превзойти ее.¹⁸⁷ План этого монастыря и его меньших братьев (я собирался назвать их сестрами!) представляет собой мощную квадратную крепость, поднимающуюся прямо из отвесной скалы, с единственным мостом из камня, ведущим на сушу, и когда стена была доведена до высоты, более чем достаточной для любой атаки, кроме современной артиллерии, вокруг нее начинают устраивать этажи балконов, отстоящих от стены на очень легких деревянных балках, каждый балкон защищен тем, что выше, пока над всем этим не нависает глубоко наклонная крыша. Самый верхний и крайний угол этих балконов - [pg 521] всегда гостевая палата или покои, и из этого возвышенного уголка вы не только смотрите на море и сушу, но между щелями в дощатом полу видите воздух под ногами и думаете, что если бы буря пронеслась над утесом, ваше хрупкое жилище могло бы быть раздавлено, как карточный домик, и улететь в море далеко внизу. По крайней мере, мне было невозможно пройти по этим балконам, не вздрогнув от неожиданности, и все же мы не слышали, чтобы хлипкие опоры когда-нибудь поддались или чтобы кто-нибудь из монахов взлетел в воздух. На диванах вокруг этих воздушных гостевых покоев лежат прекрасные ковры из Смирны и Болгарии, древние дары паломников и крестьян, которые были отброшены в богатых и вульгарных русских заведениях в пользу аляповатых изделий современных Константинополя и Афин, в то время как более древние и простые монастыри довольствовались их мягкими и плавными цветами. Богатство Афона в этих коврах очень велико. На мулах под нами постоянно были седла, которые могли бы составить славу эстетской гостиницы.

Но пора нам поближе рассмотреть внутренность этих диковинных замков, некоторые из которых, Ватопед, Ивирон, Лавра, представляют собой почти города, окруженные большими укреплениями, и обладают не только большими владениями, прилегающими фермами, зависимыми территориями, но и целым населением монахов и их прислужников. Сначала поговорим о [pg 522] сокровищах, накопленных в них, реликвиях древнего искусства и промышленности в виде книг, картин и работ из драгоценных металлов. Читатель, несомненно, поймет, что оценка некоторых из этих вещей во многом зависит от вкуса и образования посетителя. Мистер Райли считает важным в своем превосходном труде перечислить точное количество часовен, содержащихся в каждом монастыре или примыкающих к нему, тогда как мне точное число и имя святого покровителя кажутся последними деталями, которыми я должен беспокоить своих читателей. Так и некоторые сентиментальные путешественники тщательно перечисляют предполагаемые реликвии, а мистер Райли дает понять, что он не только склонен верить в их подлинность, но и что, если это будет доказано, это имеет огромное религиозное значение. Учитывая грубое невежество монахов во всех действительно важных вопросах истории, касающихся реальной даты и основания их нескольких монастырей, приписывание реликвии какому-то спутнику нашего Господа или какому-то достойному представителю первых четырех веков кажется мне нелепым.

С этой преамбулой я перехожу к книгам. В каждом монастыре, который мы посетили, была библиотека, содержащая ССМ. В более крупных было вдобавок много печатных книг; в одном, например, небогатом (Эсфигменю) мы нашли прекрасный переплетенный комплект

"Отцов" Миньи. Библиотечная комната, как правило, представляла собой простой чулан с очень слабым освещением, и не было никаких признаков того, что там кто-то читал. Содержимое [pg 523] действительно состояло из церковных книг, молитвенников, учебников, ритуалов, предназначенных для песнопений, рабочие копии которых находились в их церквях. До сих пор они настолько небрежно относятся к учению своих старых богослужебных книг, что полностью утратили смысл старой музыкальной нотации, которая изображается точками и запятыми (обычно красными) над их старыми текстами, и теперь следуют новой традиции с новой нотацией. Когда видишь несколько сотен этих Евангелий и отрывков из них, созданных на протяжении нескольких веков, некоторые из которых написаны золотыми буквами на титульном листе, с условными изображениями евангелистов на золотом фоне, начинаешь удивляться, что могло заставить добрых монахов снова и снова заниматься тем, что уже было сделано сотни раз и лежало перед ними во множестве адекватных копий. Полагаю, что истинный ответ на этот вопрос подсказывает характер их религиозного поклонения. Как они считают религией повторять снова и снова молитвы и уроки на протяжении всех своих ночных бдений и дней сонливости, так и они, должно быть, считали угодным Богу и достойным делом переписывать честной рукой Евангелия, которые никто не прочтет и которые никто не потревожит на пыльных полках в течение столетий.

В двенадцати библиотеках, которые я осмотрел, я нашел не более полудюжины светских книг, и те позднего времени, а также копии известных текстов. Там [pg 524], конечно, могут быть какие-то бродячие сокровища, все еще спрятанные в уголках и закоулках, хотя хороший ученый, мистер Ламброс из Афин, потратил много труда на классификацию и каталогизацию этих СМС. Но я видел сундуки то тут, то там в заштатных дровяных комнатах, в которых лежало несколько книг, и полагаю, что таким образом все еще может быть спрятано что-то ценное. В целом монахи были дружелюбны и готовы показать свои книги, или, по крайней мере, их безупречные манеры заставляли их казаться таковыми; но в одном монастыре (Ставроникита) они были явно озабочены тем, чтобы ни одно из этих сокровищ не было изучено. Они не только выбросили вместе все свои MSS, которые недавно привел в порядок г-н Ламброс, но и сорвали этикетки, которыми он их пронумеровал, без всякой попытки или, как я полагаю, намерения заменить их новыми.

Поскольку я не обращаюсь сейчас к сведущим читателям, мне нет нужды вдаваться в подробности относительно конкретных книг, которые меня интересовали. Моей главной целью было найти, если это возможно, на горе Афон некую аналогию, некую параллель той великолепной школе орнаментации, которая оставила нам Книгу Келлс, Линдисфарнские Евангелия, Евангелие святого Чада в Личфилде и другие подобные шедевры ирландской иллюминации. Я всегда считал вероятным, что какой-то ранний византийский миссионер попал в Ирландию и дал первый толчок местной художественной школе. То, что между ранними ирландскими и византийскими [pg 525] работами существует семейное сходство, кажется мне неоспоримым. Я не могу сказать, был ли я разочарован или нет, обнаружив, что до Афона ирландская школа была совершенно независимой, и там не было ни одной ранней книги, которая хотя бы отдаленно напоминала бы чудесный дизайн Книги Келлс. Эмблемы евангелистов, похоже, были неизвестны там до XI века. Здесь широко использовалась позолота и хорошо разбирались в красках. В одной или двух мы обнаружили дюжину видов птиц, адекватно изображенных в красках: павлин, фазан, красноногая куропатка, аист и т. д., которые сразу же узнаваемы. Но все капители были выполнены по одному образцу, все полосы орнамента были не более чем голубой пеленой на золотом фоне. Здесь было много книг, написанных косыми унциалами, вероятно, седьмого-девятого веков; иногда

встречались страницы или фрагменты более раннего времени, но ничего ценного для решения проблем с текстом Писания мы не увидели. Аккуратные и красивые почерки на великолепном пергаменте последующих веков были здесь в несметном изобилии. Они ценны как образцы почерка и как ничто другое. Во многих библиотеках ответственный за них монах был достаточно осведомлен о датировке СМС и мог прочитать часто вызывающий недоумение колофон, в котором были указаны век и индиктион. Но количество датированных СМС было, увы, очень невелико.

Теперь я перехожу к κεράμια или сокровищам из драгоценных [pg 526] металлов и драгоценных камней, которые часто описывались и перевозились путешественниками. Каждый посетитель видит что-то, чем восхищается, а остальные молча проходят мимо, или же ему показывают что-то, не замеченное остальными. Поэтому читатель должен обратиться сначала к Керзону, затем к мистеру Тозеру, затем к Дидрону, затем к мистеру Райли, и даже после этого остается много вещей, которые должны быть отмечены новыми наблюдателями. Дело в том, что большинство этих реликвариев, картин и украшений ширмы - безвкусные и вульгарные, сделанные или обновленные в последнее время и в дурном вкусе. Лишь местами встречаются великолепные старинные работы, поражающие своим странным контрастом. Самой интересной из всех иллюстраций, приведенных мистером Райли, является иллюстрация нефа одной из церквей, которые все (за исключением старой церкви Карьес) построены по одному и тому же плану, с небольшими различиями в освещении, внешнем притворе или размерах. Архитектор нашел бы эти вариации весьма интересными; любителю же они кажутся очень похожими друг на друга. Но среди однородных или почти однородных черт выделяется огромный канделябр, не центральный, подвешенный к середине купола, а опоясывающий его, подвешенный на латунных цепях к внутренним краям купола, состоящий из двенадцати (иногда только десяти) прямых полос ажурной латуни превосходного рисунка, соединенных петлями, на которых установлены двойные орлы (византийская эмблема), так что они образуют большие десятиугольники или двенадцатиугольники, [pg 527] в верхнем крае которых по всему периметру установлены свечи. Дизайн и работа этих канделябров показались мне старыми. Но монахи утверждали, что теперь их делают в Карьесе. Я не поверил, и в любом случае мои подозрения относительно древности конструкции подтвердились одним из канделябров, который я нашел в соборе Святого Павла (Агио Павло), где на одном из двуглавых орлов была надпись, что игумены восстановили и украсили церковь в 1850 году. Но этот орел соединялся с латунными лентами, на которых была четкая немецкая надпись, гласящая, что они были сделаны в Дрездене в 1660 году.

Безусловно, самые лучшие вышивки шелком были выполнены в богатом монастыре Ивирон, и действительно, главная церковь там имеет много особенностей, достойных внимания. Пол выложен старинной мозаикой с надписью Георгия Основателя, которую монахи относят к десятому веку. На стенах куполов трансепта есть причудливые родосские дощечки, как вмонтированные в наружную стену, так и уложенные как ковры, с каймой изящного рисунка. Рядом с ними находятся замечательные старинные византийские капители, выполненные в виде голов баранов. Но главным произведением вышивки является πτόβια (или фартук Панагии). Основа - золотой и зеленый шелк, на котором вытканы портреты трех императорских основателей, их короны из жемчуга, платья из белого шелка, бороды из коричневого шелка, а лица написаны самыми изысканными красками по шелку. Никогда в жизни я не видел столь совершенной вышивки и [pg 528] столь драгоценной. Изредка встречались также старинные кресты, отличавшиеся большим совершенством, но описывать их здесь было бы утомительно и бесполезно, разве что для того, чтобы побудить читателя отправиться и увидеть их самому; я не могу рекомендовать этого, если он не

является хорошо подготовленным путешественником, готовым к трудностям и к тому, чтобы встретить с хорошим настроением многие препятствия. Путешествие по Турции, где время не имеет цены, а ограничения свободы произвольны и несправедливы, требует большого терпения.

Что сказать о службах, которые идут большую часть дня и ночи в этих монастырских церквях и которые показались господам Райли и Оуэну такими интересными и такими гармоничными с Англиканской церковью, что они не уставали сожалеть об отделении англиканства от греческого христианства и надеяться на союз или воссоединение между ними? Мистер Оуэн дошел до того, что совершил Евхаристию по англиканскому обряду в одной или двух из этих церквей перед толпой монахов, которые не могли понять ни его слов, ни тем более того духа, с которым наша Церковь подходит к Святому столу.

И все же здесь собрались большие компании людей, которые отказались от мира, чтобы жить на тяжелой работе и по строгим правилам, проводя дни и ночи в служении Богу и отказываясь от обычных удовольствий и отвлечений мира. Несомненно, здесь должен быть какой-то сильный импульс, какая-то живая вера, которая движет столькими жизнями. И все же [pg 529] после долгих и тревожных поисков духовной жизни, после часов, проведенных за молитвами и аскезами монахов, мы не могли не прийти к выводу, что здесь нет настоящей религии; что это гора, если не долина, "полная сухих костей, и, вот, они очень сухие".

Конечно, незнакомому человеку очень опасно утверждать обратное; возможно, даже в этом холодном и бесплодном ритуале есть какое-то реальное дыхание духовной жизни и примеры людей, служащих Богу в духе и истине. Но общее впечатление по сравнению с любой западной религией - римско-католической, протестантской, унитарийской - не самое благоприятное. Очень может быть, что ни один западный человек никогда не будет по-настоящему сочувствовать восточным людям в духовных вопросах, а восточные монахи - это монахи в самом строгом смысле слова. Они делают упор на ортодоксальность как таковую, что для большинства из нас непостижимо. Они считают, что праздность не противоречит самой высокой и святой жизни. Они считают, что конкретный вид пищи, которую они едят, имеет гораздо большее религиозное значение, чем избегание излишеств в еде и питье. Как мы можем судить таких людей по нашим меркам? Для них кажется религией сидеть всю ночь в кабинке, возможно, не смыкая глаз, но в смутном трансе, ни о чем не думая и не следя ни за одним словом, которое им говорят, а учение, проповедь, активная благотворительность, воспитание молодежи они игнорируют как недостойные анкорита и затворника. Для нас [pg 530] ἀγρυπνία, которую мы посещали, казалась самым абсолютным заблуждением в отношении служения Богу; для монахов это было вершиной благочестия.

Я говорил об этом безоговорочно, так как узнал, что этим мягким и гостеприимным душам невозможно угодить в одном отношении - они считают любую критику своей жизни грубой и несправедливой. Они с горечью жаловались мне на книгу мистера Райли, с которой познакомились по отрывкам, опубликованным в греческих газетах, но разве может быть более щедрый и сочувственный отзыв, чем его? Если же мне в любом случае придется (хотя я глубоко сожалею об этом) навлечь на себя их негодование, то лучше сделать это за откровенное суждение, чем пытаться избежать его, написав простой панегирик, который введет читателя в заблуждение, не удовлетворив монахов. В самом деле, в одном вопросе я не мог удовлетворить даже самого себя. Никакой панегирик не смог бы адекватно описать их учтивое и неограниченное гостеприимство.

Сноски

1.

Хотя это утверждение в целом верно, оно требует некоторой модификации. Мне было бы жаль, если бы меня сочли равнодушным к красоте не только Равенны с ее мозаиками и соснами, но и Анконы, великолепного Монте-Гаргано, Трани и Бари, а также богатых садов и виноградников Апулии.

2.

Ср. Strabo, viii. c. 2, ἐστὶ τοίνυν ἡ Πελοπόννησος ἐοικυῖα φύλλῳ πλατάνου τὸ σχῆμα.

3.

Эти слова были написаны в 1873 году. В другой раз наш корабль был вынужден зайти в эту бухту, чтобы укрыться от шторма, и тогда мы обнаружили вдоль берегов возделанные земли и деревню (Корон) с обширными укреплениями над ней, как говорят, венецианскими. Вид был отнюдь не таким пустынным, как кажется при беглом взгляде из-за мыса. Каботажные пароходы теперь заходят сюда (в Каламату) каждый второй день.

4.

Который, по мнению читателя, лучше всего изображен в "Коломбе" Проспера Мериме.

5.

См. замечания Полибия, который сам был свидетелем этой великой перемены, приведенные в последней главе моей книги "Жизнь и мысли греков, от Александра до римского завоевания".

6.

В 1886 году мы напрасно окликали его паровым свистком; возможно, он перешел к какому-то новому и более социальному виду жизни.

7.

При ближайшем рассмотрении Крита мне открылся интересный факт, что остров повернут на север, если говорить о его истории. С юга он отгорожен огромными стенами скал, где почти нет мест для высадки, так что вся торговля и культура должны были начаться со склонов и заливов на северной стороне, где соседствуют Киклады.

8.

Я должен исключить великолепную Венеру Викторину, как ее называют, найденную в Капуе и хранящуюся сейчас в Неаполитанском музее.

9.

В моей книге "Общественная жизнь в Греции от Гомера до Менандра".

10.

Слова принадлежат М. О.

11.

Прошу указать ученому и любезному критику из "Атенеума", который исправил несколько ошибок в написании в первом издании, что именно такая форма названия подтверждается надписями и теперь принимается учеными: ср. Wachsmuth's Stadt Athen, i. p. 49.

12.

Этот прекрасный памятник был настолько обезображен и изуродован, что современные фотографии не дают никакого представления о его убранстве. Тщательные рисунки и реставрация Стюарта и Реветта были сделаны в прошлом веке, когда он был еще сравнительно цел, и только по их книге мы можем сейчас оценить достоинства многих древних зданий Афин. Следует добавить, что в храме Басса была найдена одинокая коринфская капитель, о которой я расскажу в другой главе. Но это все еще остается нерешенной проблемой. Филиппион в Олимпии (построенный знаменитым Филиппом Македонским) также содержал внутренний круг коринфских колонн, в то время как внешний круг был ионическим.

13.

Следующие замечания о полихромии греческого искусства предназначены не для профессоров изящных искусств, для которых, действительно, мало что в этой книге, если это правда, может быть новым, а для обычного читателя, который, возможно, не видел, как это обсуждалось в других местах.

14.

Кстати, название "Храм Тесея" более чем сомнительно. Здание обращено фасадом на восток. Об этом свидетельствует большой размер и более сложное оформление восточного портала. Почти наверняка, согласно старинному схолию о Пиндаре, храмы героев, подобных Тесею, были обращены на запад, в то время как храмы богов-олимпийцев - на восходящее солнце. Храм, таким образом, был храмом не героя, а бога. Вероятно, храм Геракла, которому поклонялись как богу в Афинах и который упоминается в схолиях Аристофана как расположенный в этой части Афин, следует отождествить с рассматриваемым зданием. Но я полагаю, что еще долгие годы нам придется довольствоваться старым названием Тезеон, которое уже слишком давно вошло в обиход, чтобы его можно было легко нарушить.

15.

После этого мне сообщили в Афинах, что эта жалоба не осталась безрезультатной и что принимаются меры, чтобы предотвратить беспорядочную разработку карьеров на классических местах.

16.

Даже мраморная статуя, установленная патриоту Боцари над могилой героев Миссолонги, была так изуродована жителями, что власти убрали ее из простого стыда.

17.

Справедливости ради следует добавить, что для открытий в Микенах было сделано исключение, и почти все они были привезены в Афины; в Олимпии теперь построен прекрасный музей, а из Пиргоса, где есть железная дорога к морю, проложена хорошая дорога.

18.

Со времени написания этой статьи были опубликованы (на немецком языке) два тщательных каталога афинских скульптур В. Сибея и Мильхёфера (1881), а также превосходный "Справочник по Греции" д-ра Лоллинга (Vædeker). Новое издание "Справочника" Мюррея очень дорогое и не очень удовлетворительное. Есть небольшой греческий каталог, опубликованный Стэнфордом, переведенный мисс Агнес Смит. Микенские древности описаны в отдельной книге Шлимана и Шуххардта.

19.

Нет более жалкого примера, чем описанный г-ном Сквайером (в его замечательной работе о Перу) случай с гробницей молодой девушки, которую он сам обнаружил, и где он комментирует различные предметы, положенные вместе с мертвыми: см. Squier's Peru, p. 80. После этого в Мирине, на азиатском побережье, было найдено большое количество этих глиняных фигурок, также находившихся в гробницах. Некоторые из них были сделаны для изображения скульптур фронтона, например, Парфенона или, скорее, восточного фасада храма в Олимпии.

20.

Если я не ошибаюсь, г-н А. С. Мюррей, кажется, склонен датировать их первым веком до н. э. или н. э., таким образом, доводя их примерно до времени Страбона.

21.

В Британском музее уже имеется довольно большая коллекция таких фигурок, например, в зале ваз I., дело 35, где есть много таких фигурок из Танагры. В зале II. есть целый ящик с ними, в основном из Кирины и из Книда.

22.

No. 53, Mus. Pio Clem., в маленькой комнате рядом с Аполлоном Бельведерским и Лаокооном.

23.

В настоящее время существует прекрасная публикация архаических статуй, найденных в Акрополе, выполненная Каввадиасом (Вильберг, Афины).

24.

Я попытался рассмотреть эти барабаны, глядя вниз через отверстие в стене над ними. Они показались мне не рифлеными и скорее похожими на бочки, очень толстые в середине, чем на барабаны колонн в храмах.

25.

Один из греческих авторов утверждает, что храмы, сожженные персами, были оставлены в руинах, чтобы напоминать людям о злодеяниях ненавистных варваров. Но в некоторых случаях у нас есть четкие доказательства того, что это утверждение не соответствует действительности, и, кроме того, использовать материалы для других целей - не одно и то же. Теперь мы знаем, что множество изуродованных статуй было выброшено в качестве мусора в пространство между старым Парфеноном и стеной, чтобы сделать террасу для более нового и великого здания. Здесь они и были найдены в ходе недавних раскопок.

26.

Аристион также упоминается среди художников того периода.

27.

"Vultum ab antiquo rigore variare."-Plin. xxxv. 35.

28.

Они были опубликованы в первой части прекрасного труда о сокровищах Афин, воспроизведенного фототипией братьями Ромайдез, с пояснительным текстом различных афинских ученых.

29.

Я не могу сделать ничего лучше, чем процитировать восхитительное описание М. Ш. Диля: "C'étaient surtout de nouvelles statues de jeunes femmes, au mystérieux sourire, à la parure étincelante, de ces idoles fardées et peintes, bien faites, par leur saveur étrange, pour tenter le pinceau d'un Gustave Moreau ou la plume d'un Pierre Loti. Как и их сестры, эти новые места имеют одинаковые повадки и костюмы, одинаковые кокетки, одинаково бережно относятся к своему телу, одинаково выражают свои мысли; однако к известной серии они добавили еще и несколько прекрасных произведений, и три из них, в частности, заслуживают внимания. L'une est une merveille de coloris; sa tunique à large bande rouge, sa chemisette d'un vert foncé, bordée de pourpre, son manteau orné de méandres du dessin le plus fin, ses vêtements parsemés de croix rouges ou vertes, qui se retrouvent sur le diadème de ses cheveux, sont d'un incomparable éclat. Под тоннами, покрытыми богатым слоем этих цветов, уложенных с изысканной тщательностью, кажется, что мраморное дерево оживает и оседает на стул; и от этой фигуры исходит необыкновенное очарование. Эта фигура (см. пластину), датированная более поздним временем, возможно, одна из самых молодых в серии, свидетельствует об усилиях художника, способного создать оригинальное произведение. В этих формах, в этом маленьком и тонком животике, в этих бюстгальтерах, надвинутых на корпус, чувствуется воля мэтра, который стремится быть таким же, как его ученики; Традиционное настроение стало

почти незаметным, глаза, которые постоянно находились в унисоне левров, перестали отводить в сторону темп; крестообразные движения сменяются и расходятся; с подобными произведениями архаизм готов к завершению.... La troisième enfin est une des œuvres les plus remarquables de l'art attique. Более древняя, чем предыдущая, она обладает высшей художественной ценностью. Модель в ней изысканна, а ее безукоризненная тонкость создает необыкновенный контраст с процедурами, которые еще больше напоминают обычаи школы. В соответствии с традициями старинного искусства, глаза продолговаты и узковаты, взгляд постоянно устремлен на левры; но в глазах нет ничего неподвижного и застывшего; в них светится жизнь и мысль; взгляд этих левров не слишком надежен и длителен, он кажется прислушивающимся к духу. Конечно, в этой скульптуре нет усилий для поиска новых путей; но среди произведений архаического искусства, среди тех, где мэтр послушно прокладывает себе путь, истертый и избитый, эта скульптура с выражением откровенности и почти аристократизма - одна из самых восхитительных" -Excursions archéologiques en Grèce, p. 104.

30.

Когда я вновь посетил Афины весной 1889 года, Национальный музей, представляющий собой прекрасное и просторное здание, был довольно упорядоченным, и было легко увидеть и насладиться хранящимися в нем произведениями искусства. Архаичные вещи, как и в Акрополе, были расставлены сами по себе, как и гробницы, как и большинство портретных бюстов. Не хватало только хорошего и полного каталога.

31.

Панегирики -λόγοι ἐπιτάφιοι, как их называли, - были любимым занятием греческих литераторов. До наших дней сохранилось пять классических панегириков: упомянутый, содержащийся в "Менексене" Платона, Гипереиды, а также приписываемые (справедливо) Лисию и (ложно) Демосфену. Гипереид, очень сильно изуродованный, кажется мне самым лучшим после Фукидида. Но все они построены по одним и тем же принципам, демонстрируя даже здесь тот строгий консерватизм во всех отраслях греческого искусства, который никогда не варьировал ради разнообразия от типа, однажды признанного действительно хорошим.

32.

Памятники Рубильяка в Вестминстерском аббатстве, вызывавшие восхищение его современников, - лучший из известных мне примеров деградации общественного вкуса в этом вопросе.

33.

Я действительно видел один рельеф в Афинах, на котором родственники изображены бросающимися вперед в агонии, как бы для того, чтобы задержать уход теряющей сознание фигуры. Правильно, что это исключение следует отметить, так как оно показывает, что они понимали, что такое сильное горе, и все же избегали изображать его как правило.

34.

Мне кажется, что по единству шрифта на многих из них, они могли быть даже разработаны художником без учета конкретного случая и куплены семьей покойного в готовом виде. Фигуры на них не кажутся мне личными сходствами.

35.

В "Адонаисе" Шелли представляет собой любопытный контраст с несколько нездоровой известностью поэта в рассматриваемом нами случае. Самодовольство Шелли сосредоточило весь наш интерес на его потерянном друге.

36.

Он также предполагал, что башня была франкской и построена задолго до венецианского завоевания. Но здесь он ошибся. На камнях внутри башни, когда их разобрали, были обнаружены явные следы пороха, как было ясно показано в научном опровержении его взглядов, напечатанном в Афинах.

37.

Другие образцы хранятся в маленьком турецком доме на Акрополе, и на них следует обратить внимание посетителю, который может легко пройти мимо.

38.

Я говорю, конечно, о копиях этих знаменитых статуй, которые можно увидеть в Ватиканском музее.

39.

Иллюстрированная работа Михаэлиса, вероятно, является наиболее полным и критическим описанием как плана, так и деталей, которые часто обсуждались, и особенно с большой точностью г-ном Пенроузом, чей монументальный труд "Принципы афинской архитектуры" был недавно переиздан. Среди множества более новых работ я бы обратил особое внимание на первый том уже переведенного на английский язык труда Виолле-ле-Дюка "Entretiens sur l'Architecture", который полон самых поучительных и наводящих на размышления наблюдений о греческой архитектуре; также на "Acropole d'Athènes" М. Э. Бурнуфа.

40.

Их легче всего найти в табличках "Парфенона" Михаэлиса.

41.

Открытие фигур с западного фронтона храма в Олимпии, вырезанных Алькаменом, современником Фидия, вряд ли заставит нас изменить это суждение. Ибо, хотя они демонстрируют большой талант в композиции, дефекты в исполнении настолько серьезны, что заставляют многих критиков подозревать, что перед нами работа простых местных художников, а не мастерских рук, украшавших Парфенон.

42.

Очень сомнительно, а может быть, и маловероятно, что какая-либо из архитектурных скульптур, которыми мы располагаем, была действительно закончена рукой самого Фидия. Но нет никаких сомнений в том, что он руководил ее созданием и, должно быть, разработал большую ее часть в деталях, поскольку общая композиция, безусловно, была его творением.

43.

Именно этот образец, из красного дерева, с тростниковыми сиденьями и приспособленный, как и все греческие стулья, для свободных подушек, часто использовался в работах XVIII века, и его все еще можно найти в старых ирландских особняках, обставленных в ту эпоху.

44.

Я утверждаю это потому, что многие критики сделали противоположный вывод из неправильного перевода отрывка из Платона (Apol. 26, E).

45.

Точное число, согласно Пападакису (см. A. Müller, Bühnenalt., p. 47), составляет 27 500 человек. Но я убежден, что это большое преувеличение. Я бы скорее назвал 15 000 в качестве либеральной оценки; это согласуется с измерениями, сделанными для меня д-ром Дёрпфельдом в 1889 году. Эта ошибка также объясняется непониманием отрывка из "Симпозиума" Платона, где говорится, что "Агафон, которого слышали 30 000 граждан...". Не сказано, что они слышали его одновременно.

46.

Ср. по этому поводу мою "Историю греческой литературы", i. p. 345.

47.

Ср. о деталях греческой живописи в последней главе моей "Социальной жизни в Греции".

48.

Фактический отрывок стоит процитировать: "Au reste, je n'ose encore ajouter que cette pièce soit en effet la meilleure de mes tragédies. Я хочу, чтобы читатели и время определились с его истинной ценой. Я могу заверить, что ни в одном месте не было такого, где бы верность не была так сильно выражена, как в этой книге; самые серьезные ошибки были наказаны; одна мысль о преступлении рассматривается с таким же ужасом, как и само преступление; Любовные несчастья выдаются за настоящие несчастья; страсти не показываются на экране, чтобы показать все те беды, которые они вызывают, а порок закрашивается во все стороны с помощью красок, которые дают понять и скрывают его неидеальность. Именно в этом заключается смысл того, что каждый человек, работающий на публику, должен предлагать; и именно на это смотрели первые трагические поэты. Их театр был школой, где верность преподавалась не хуже, чем в школах философов. Я хотел бы, чтобы наши книги содержали столь же солидные и столь же полезные указания, как и книги этих поэтов. Это будет, возможно, средством примирить трагедию с количеством людей, известных своим благочестием и своим учением, которые осуждали ее в эти последние времена, и которые, несомненно, оценили бы его более благосклонно, если бы авторы стремились не только развлечь зрителей, но и научить их, и если бы они следовали в этом истинному замыслу трагедии."

49.

Расин здесь - исключение.

50.

Альфьери, хотя и начинал с бурного чувства реакции против некоторых недостатков французской драмы, был полностью воспитан на ней, и знал греческие пьесы только по французским версиям до самого конца жизни, когда большинство его работ уже были опубликованы. Поэтому я безоговорочно отношу его к представителям этой школы.

51.

В настоящее время (1891 г.) благодаря исследованиям д-ра Дёрпфельда ведутся споры о высоте греческой сцены и ее устройстве. Я не могу вступать в него здесь.

52.

Это было написано до очень интересных возрождений греческих пьес, которые делают такую честь Кембриджу. Те, кто имел честь видеть их, могут судить не только о том, насколько возможно было воспроизведение, но и о том, насколько оно может быть успешным, ибо никогда еще оно не было предпринято и осуществлено более умело.

53.

Читатель, который потрудится ознакомиться с различными ценами, приведенными в моей "Жизни старой Греции", увидит основания для предположения о некотором изменении стоимости денег в период между четвертым веком до нашей эры в Греции и девятнадцатым веком нашей эры в Англии.

54.

Мне известно, что М. Ренан, которого одного из скептических критиков убеждает, возможно, поразительная живописность сцены, принять ее как историческую, не считает невозможным, что С. Павел мог действительно предстать перед судом. Он замечает, что в более поздние времена он принял общее направление не только в литературе, но и в морали, и что любой новый учитель мог быть справедливо вызван на него для изложения своих взглядов. Это, как мне кажется, не согласуется с ироничным и тривиальным характером всей аудитории, на который намекает историк. Автор работы под названием "Сверхъестественная религия", анализируя в своем третьем томе "Деяния апостолов", фактически умалчивает об этой речи, хотя он подробно обсуждает речи С. Павла, которые он считает составленными как параллели речам С. Петра. Большинство немецких критиков рассматривают этот отрывок, введенный автором, подобно речам Фукидида или Тацита, как литературное украшение, а также как изложение апостольской проповеди ранней Церкви. Они также отмечают его многочисленные контрасты с учением таких документов, как Послание к Римлянам. Я предположил, как это делает даже М. Ренан, что апостол сообщил Тимофею, или Луке, или какому-то другому последователю основную цель этого памятного визита, а также заголовки речи, которая слишком не похожа на его принятые писания, чтобы быть вероятной подделкой.

55.

Тот факт, что название знаменитой пьесы Менандра было Δεισιδαιμον, ускользнул от внимания комментаторов. Св. Павел, должно быть, имел в виду "весьма суеверный", как это сделано в A. V.

56.

Хотя ἄνωτος, несомненно, может иметь такое значение, я не нахожу его ни в одном из комментариев к этому отрывку. Все они предполагают какую-то суеверную предосторожность или случай, когда настоящая надпись стерлась со временем и была нанесена таким образом. Выражение Павсания - боги, называемые неизвестными, τοῖς ὁνομαζομένοις ἄνωτοις - кажется, предполагает это как обычное название, и мы знаем, что существовали божества, чье имя было тайным и не могло быть произнесено. Но перед лицом стольких лучших критиков я не буду настаивать на таком толковании.

57.

Это зависит не от простой случайности, а от существенных черт духовной стороны греческого характера, по поводу которых я процитирую восхитительный отрывок из книги Ренана "С. Павел":

"Ce qui caractérisait la religion du Grec autrefois, ce qui la caractérise encore de nos jours, c'est le manque d'infini, de vague, d'attendrissement, de mollesse féminine; la profondeur du sentiment religieux allemand et celtique manque à la race des vrais Hellènes. Пиетет к греческой ортодоксии заключается в практических действиях и внешних признаках. Ортодоксальные церкви, часто очень элегантные, не имеют ничего общего с готическими церквями. В этом восточном христианстве - точки тревоги, священства, внутренней составляющей. Входы в церковь почти не задерживаются; они происходят вечером, при купеческом солнце, когда

омбре уже затянулось, с песнопениями под музыку и с использованием ярких цветов. Фанатичное притяжение латиноамериканцев распространяется на эти живые, сильные, длинные расы. Инфирма не отступает: он с ужасом ожидает смерти; все замирает вокруг него. Вот в чем секрет этого божественного чувства, присущего гомеровским и платоновским поэтам: рассказ о смерти Сократа в "Федоне" представляет собой не более, чем тинктуру страдания. Жизнь - это дарить свой цветок, а затем свой плод; что еще нужно? Если, как мы можем утверждать, озабоченность смертью является важнейшей чертой христианства и современных религиозных чувств, то греческая раса - самая малорелигиозная из рас. Это поверхностная раса, воспринимающая свою жизнь как некий выбор, не имеющий ни фамилии, ни заднего плана. Такая простота концепции в значительной степени связана с климатом, чистотой воздуха, восхитительной радостью, которой мы дышим, но еще больше - с инстинктами адской расы, восхитительной идиалисткой. Un rien, un arbre, une fleur, un lézard, une tortue, provoquant le souvenir de mille métamorphoses chantées par les poètes; un filet d'eau, un petit creux dans le rocher, qu'on qualifie d'autre des nymphes; один пупс с тассе на марже, одна морская бухта, столь простая, что ее преодолевают папильоны, но при этом судоходная для самых больших водоемов, как в Поросе; несколько орангутангов, несколько кипри, когда омбре опускается на берег, один маленький бурунчик в окружении рошеров - этого достаточно в Греции, чтобы вызвать довольство, которое выдает красоту. Прогуливайтесь по дворам в течение ночи, разглядывайте сигары, наслаждайтесь лунным светом, играя на флейте; идите пить воду в горах, приносите с собой маленькую боль, пуассон и вино, которое пьют, напевая; на семейных праздниках подвешивайте фельетон за портьерой, идите с чашечками цветов; в дни государственных праздников - нести тирсы с гарнитуром из ; проводить дни в танце, в игре с красивыми подарками - вот они, греческие удовольствия, удовольствия бедной, экономной, вечно юной расы, жительницы очаровательной страны, находящей свое счастье в самой себе и в делах, которые совершали ее родители. Пастораль по образцу Феокрита была в адских странах верой; Греция же все время предпочитает этот маленький жанр поэзии, тонкий и привлекательный, один из самых характерных признаков ее литературы, мир ее собственной жизни, почти ниаистской и фактической. Прекрасное настроение, радость жизни - все это греки в превосходной степени. Этой расе уже двадцать лет: для нее потакание гению - это не только назойливый плющ англичан или грубое издевательство французов; это простое понимание того, что природа хороша, что можно и что нужно делать. Для грека, в сущности, природа - это советчик благородства, учитель благоразумия и веры; "уступчивость", эта идея, что природа побуждает нас к дурным поступкам, для него не существует. Готовность к прическе, которая отличает палицу и которая проявляется с такой невинностью в юном греке, - это не помпезное тщеславие барбара, не сопливое пристрастие буржуазии, не упивающейся своим нелепым оргазмом; это чистое и законченное чувство наивных ювенальщиков, считающих себя отцами истинных изобретателей красоты.

"Такая раса, как мы понимаем, приняла Иисуса с душой. Это было то, чему эти исключительные дети не могли нас научить: глубокая любовь, простое почтение, незлобивость, благородство. Сократ - моралист первого порядка: но у него нет ничего особенного в религиозной истории. Грек, как нам кажется, всегда немного замкнут и не имеет своего сердца: у него есть ум, движение, тонкость; у него нет ни капли радости, любви. Мы другие, кельты и немцы, источник нашего знания, это наше сердце. В глубине нас есть фонтан из цветов, прозрачный, зеленый и светлый фонтан, в котором отражается бесконечность. У грека собственная любовь и тщеславие сливаются воедино; смутные чувства ему не свойственны; рефлексия по поводу собственного предназначения ему кажется тусклой. Карикатура, способ, не позволяющий понять жизнь, делает в эпоху романтизма грациозным, грамматичным, артистичным, шарлатаном, акробатом, врачом,

забавником всего мира, аналогом итальянца XVI и XVII веков: В византийскую эпоху - софист-теолог, разлагающий религию на тонкие споры; в наши дни - современный грек, *quelquefois vaniteux et ingrat*, ортодоксальный папа, с его эгоистической и материальной религией. *Malheur à qui s'arrête à cette décadence!* Почтение к тому, кто, стоя перед Парфеноном, говорит о нелепости! Следует помнить: Греция никогда не была христианской; она не является таковой и сейчас. Ни одна раса не была менее романтической, чем та, что была создана в наше время. Платон разрушил всю свою теорию красоты, перейдя от женщины. Почувствовать женщину, чтобы возбудить ее к совершению великих дел! Греки были очень удивлены парейским языком; они думали о людях, собравшихся на Агоре, они думали о родине. В этом отношении латиняне были гораздо ближе к нам. Греческая поэзия, несравненная в таких великих жанрах, как эпос, трагедия, лирическая поэзия, не имела, как кажется, глубокой элегической ноты Тибулла, Вергилия, Лукреция, ноты, столь хорошо гармонирующей с нашими чувствами, столь близкой к тому, что мы хотим.

"Такая же разница существует между пиететом святого Бернара, святого Франсуа д'Ассиза и пиететом святых греческой церкви. Эти прекрасные школы Каппадоса, Сирии, Египта, Перов пустыни - это почти философские школы. Народная агиография греков более мифологична, чем латинская. Большая часть святых, которые изображены на иконостасе греческого дома и перед которыми горит лампада, не являются великими основателями, великими людьми, как святые Запада; чаще всего это фантастические существа, преобразенные древние умирающие или, как минимум, сочетания исторических и мифологических личностей, как святой Жорж. И эта восхитительная церковь Сен-Софи! Это храм ариев; люди всех жанров могут совершать здесь свое священнодействие. Не имея ни папства, ни инквизиции, ни сколастики, ни варварского средневековья, всегда сохраняя за собой левизну арианства, Греция с легкостью, как ни одна другая страна, принимает официальное христианство, *à peu près comme ces Athéniens d'autrefois étaient en même temps, grâce à une sorte de légèreté, mille fois plus profonde que le sérieux de nos lourdes races, le plus superstitieux des peuples et le plus voisin du rationalisme.* Греческие народные песнопения и сегодня несут в себе множество образов и идей, связанных с родиной. В отличие от Запада, на Востоке на протяжении всего Средневековья и вплоть до современности живут настоящие "эллинисты", в основе своей более мирские, чем христиане, живущие культом Великой Греческой Родины и ее писателей. В XV веке эллинисты стали агентами возрождения Запада, которому они придают значение греческих текстов - основы всей цивилизации. Одна и та же сущность руководила и руководит судьбами Новой Греции. Если хорошо изучить то, что в наши дни лежит в основе культивируемой Эллады, то можно заметить, что в ней есть три части христианства: он христианин по форме, как перс - мусульман; но в основе своей он "эллинист". Его религия - поклонение древней греческой религии. Он прощает всякую ненависть к филэллинам, к тем, кто восхищается своим прошлым; он в меньшей степени ученик Иисуса и святого Павла, чем Плутарха и Юлиана".

58.

Читатель найдет в моей последней главе некоторые дополнительные сведения об остатках средневековой Греции.

59.

Я видел ее очень полноводной в июне; я также видел ее почти сухой в апреле, так что от времени года зависит, будет ли путешественник наслаждаться прохладой реки или с разочарованием отвернется от ее каменистого русла.

60.

В один прекрасный летний день на лугах в окрестностях Итона я убедился в истинности этой фразы. Легкий ветерок заставлял дрожать все тополя рядом с огромными вязами, которые стояли в тишине.

61.

Это была военная гавань, по крайней мере, в IV веке до н. э., когда архитектор Филон построил в ее северо-восточном углу знаменитый арсенал (σκευοθήκη), план и даже детали которого были восстановлены д-ром Дёрпфельдом на основании важной надписи, найденной в 1881 году.

62.

Фукидид, за которым следуют современные историки, все же был неточен в использовании выражения "Длинные стены". Иногда он имеет в виду северную и фалерийскую стены, иногда северную и южную параллельные стены, исключая фалерийскую стену. Длинные стены, перестроенные Кононом, были последней парой, а значит, не теми длинными стенами, которые были закончены в 456 году до н. э.

63.

Читатель, желающий увидеть лучшую поэтическую картину современных Афин, должен ознакомиться с десятой главой в "Очерках Италии и Греции" г-на Саймондса - одним из самых прекрасных произведений этого очаровательного поэта в прозе.

64.

IX. § I. p. 244 (Tauchn.).

65.

Он читает, однако, φρίξουσι, вместо φρύξουσι у Геродота.

66.

Сейчас от Афин до рудников проложена железная дорога (1887).

67.

Самое раннее упоминание о них - строка в "Персах" Эсхила, где они фигурируют так своеобразно, без всякого естественного предположения, что, должно быть, в его время они были новым и удивительным источником богатства. Атосса расспрашивает хор об Афинах и о том, обладает ли он значительными богатствами. Хор отвечает (ст. 238):

ἀργύρου πηγή τις αὐτοῖς ἐστὶ, θησαυρὸς χθονός.

Это мое умозаключение, сделанное много лет назад, теперь убедительно подтверждается восстановленной Политикой афинян, в которой говорится (глава xxii.): "В архонтство Никодима [484-3 гг. до н. э.], когда были открыты (ἐφάνη) рудники в Маронее [как он их называет], и от этой работы была получена прибыль в 100 талантов, Фемистокл" и т. д.

68.

Возможно, что во времена величия Эретрии, когда она управляла рядом Кикладских островов, на рудниках работали эретрийцы. Вероятно, эти обитатели предшествовали эгинетянам. Но странно, что рудники и их большие доходы появляются внезапно и как новшество в определенный момент греческой истории.

69.

Arist. Œcon., II. 4.

70.

С тех пор как я посетил это место, для работы в округе было создано пять компаний - две греческие и три французские.

71.

В Страбоне (iii. 3, § 9) есть цитата из Деметрия Фала, подразумевающая их деятельность в III веке до н. э. Плутарх (de defectu or. 43) говорит о них как о недавно потерпевших неудачу.

72.

Байрон, который любил это место больше всех других, я думаю, в Греции, говорит о шестнадцати, как о все еще стоящих в его дни.

73.

Д-р Дёрпфельд впоследствии показал, что мраморный храм в Суниуме был построен на месте более древнего храма, с очень небольшим, но явным расширением плана. Более древний храм был построен из обычного камня poros, найденного на этом месте.

74.

"В наши дни весь этот район находится практически в пустыне; только несколько археологов и несколько художников противостоят этим пронзительным ущельям и скабрёзным местам; а затем по этой дороге можно добраться от Марафона до Халкиса и вернуться в Афины через Декели, между Пентеликом и Парнесом. Памятники Рамнунта имеют несколько любопытных черт, которые делают их интересными для путешественников; кроме того, руины и место находятся в такой же красоте, чтобы отвлечь внимание тех, кто ищет прежде всего пиктореску. Я ни на минуту не забывал о тех нескольких часах, которые я провел здесь, и это было давно, во время лучезарного апрельского утра. Пока мы осматривали то, что осталось от древних святилищ, и их облик, наш проводник заговорил за обедом; он приобрел агно в одном из этих паштетов, называемых Влакес, которые, с их грудями и шеврами, украшенными миртами и лентисками, являются едва ли не единственными обитателями этого кантона. Когда мы вернулись, агнея, укрепленная на двух четвереньках, скрепленных фишечками на земле, молодым сильвестром, служившим брошью, лежала вся в огне, и граис кулевал грубые потроха на горящих чарбонах. На нашем гобелене, натянутом на омбре, была приготовлена жонка из зеленых веток, на которой лежали суккуленты, быстро вырезанные кутикулой одного бергера, и в скором времени можно было обнаружить котелетты и гиготы.

"Ce qui nous fit prolonger là notre halte après que notre appetit fut satisfait, ce fut la vue magnifique dont on jouissait de la plate-forme où nous étions établis, dans un coin de l'acropole. На наших ногах было видно море, в котором отражались чарующие блики от солнца, бриза, нюагов, проходящих по небу. Перед нами возвышались высокие и святы берега Эвбеи, над которыми возвышалась пирамида Дирфиса. Эта свирепая погода была еще не совсем черной, но, напротив, если мы вернемся к ущельям, которые образовались за нами в горах, среди румяных и укрытых солярием марбров, то наступит время расцвета Греции во всем его великолепии и блеске. На дне оврагов, где немного воды проникает в кайму, иудейские деревья и цитисы сочетались своими яркими цветами с нежным оперением дощечек, а на пяточках - миллионы генофондов в цвету - выделялись среди зелени гениев, чонов и франкских оливок.

"В древности эта часть афинской территории, составлявшая часть той, которую называют Дьякрией или "высокой страной", не имея ни больших деревень, ни столь густого населения, как на равнинах Афин или Элевсиса, должна была, тем не менее, иметь совершенно иной

вид, чем тот, который она имеет сегодня"; Я представляю себе, что некоторые районы современной Греции, где стремление избежать контактов с турками оттолкнуло и оттолкнуло эллинов, очень похожи друг на друга: *il en était ainsi du Magne, de la Tzaconie, des environs de Karytena en Arcadie*. В этих местах настойчивая промышленность извлекала прибыль из всего, что могли предложить ресурсы солнца и климата. На обрывистых и почти вертикальных вершинах небольшие болота из пронзенных пирсов пытаются восстановить небольшой участок вегетативной земли; Несмотря на все эти меры предосторожности, сильные ливни в зимнее время и ветры в летнее время опустошают часть долины до самого ее основания; мужчины, женщины, дети работают без устали над устранением этих бедствий. Восхищаясь терпением этих грубых и упорных монтаньяров, я не раз наблюдал за тем, как они затаились, опустив руки на плечи, глядя на саблон или строгие эскалиры, увенчанные тем же самым рошем, который отменяет все проявления солнечного света! В течение нескольких лет в каждом из этих маленьких чампов не было ни одного участка местности, который бы не совершил многократного путешествия, не проскользнул бы до берега торрента, чтобы затем свариться в кастрюле на одной из верхних террас. Эти жертвы вознаграждаются. Вдоль руисс, там, где коты расступаются и оставляют между собой небольшое пространство, вода, тщательно ухоженная, измеряемая по часам и минутам каждым владельцем, синюшная и прозрачная в своих риголах; *elle arrose des vergers où croissent, suivant les lieux, soit l'oranger, le citronnier et le grenadier, soit les arbres de nos climats tempérés, le pêcher, le pommier et le poirier; à leur ombre grossissent la fève et l'énorme courge*. На самом верху, на вершинах, где меньше коры и пронзительности, там, где изящный шар, изобретенный Триптолемом, нашел достаточно места, чтобы проследить за силоном, оргия и сейгл расцветают в предрассветный час, а в благоприятные годы - с пользой для себя, чтобы сберечь тардифные подошвы в автоматическом режиме. А вот то, что в этих горах лучше всего удастся, то, что очень выгодно жителям, - это оливье, его мощные ракины возвышаются над косулей и, кажется, составляют с ней единое целое; это вигна, которая, располагаясь на одном уровне с другими, уродлива вплоть до самой земли. Как одному, так и другому, для того, чтобы подарить уксус и вино, которые были бы самыми вкусными в мире, если бы они были лучше подготовлены, достаточно большого количества солнечного света, немного земли и нескольких переворотов хойяу, которые приходят на помощь, чтобы очистить солнце и уничтожить растения-паразиты.

"Таким образом, в Аттике, в период ее процветания, даже в кантонах, которые в наше время были более пустынными и более суровыми, можно было жить и выращивать растения. Над многими из этих круп, где косуля обитает почти повсюду, где в первые дни весны появляется трава, поникшая от анемонов и цист, и которая растет с мая, до сих пор сохранялась более плотная растительная земля. В оврагах, где я не раз терял свой путь, пробираясь через румяный пердрикс или бекасс через тронутые маки, на протяжении нескольких столетий продавались оливки и маслины; Именно поэтому на пятачках, наиболее подверженных воздействию лучей миди или кушана, сохранились остатки болот и террас, которые можно различить еще раньше, когда они были еще более прозрачными. В тех местах, где культура была невозможна, булыжники, сегодня почти полностью вырубленные, мешали горам разрушаться; В клирах и среди косуль росли сага, кампан и тимьян, все эти ароматные растения, все эти энергичные растения, которые приятно потрошить вмятину от мутонов и шевров."

75.

πολλὰι δ' αὖτ' ὑπερθε κατὰ κρατὸς δονέοντο

αἰγέροι πτελέαι τε- τὸ δ' ἐγγύθεν ἰερὸν ὕδωρ

Νυμφῶν ἐξ ἄντροιο κατειβόμενον κελάρυζε

-Theocr. VII. 135.

76.

Со времени долгого и эффективного правления М. Трикупи разбойничество было настолько эффективно подавлено, что, хотя на горе Олимп вблизи границы разбойников было предостаточно, бродить по Северной Греции вплоть до Темпы было совершенно безопасно. Таково было положение дел в 1889 году. Будет ли его недавний преемник поддерживать такой же хороший порядок, еще предстоит узнать.

77.

Социальная жизнь в Греции, стр. 23.

78.

Xen. Hell., iv., 3, § 1. Приведем параллель из современной истории: один писатель в Pall Mall Gazette (12 июля 1876 г.) пишет: "Я был свидетелем битвы во время войны за независимость Греции. Оно длилось три дня; количество израсходованных боеприпасов было огромным, а результат - один человек ранен!"

79.

Так описывает это Страбон, IX. 1, § 12. Более подробную информацию можно найти в путеводителе Джоанны по Афинам (1888), стр. 201.

80.

De Legg., II. 14, § 36.

81.

в Cer. v. 480.

82.

Thren. (фрагмент.)

83.

CEd. Col. 1042.

84.

Ран. 455.

85.

Phæd. cc. 29, 30.

86.

Paneg. § 6.

87.

Etym. Mag., s. v. τελετή.

88.

Несомненно, некоторые из этих символов, заимствованных из старого поклонения природе, были очень грубыми и совершенно не соответствовали современным представлениям о религии. Но даже они были освящены и облагорожены духом празднующих, чье благоговение ослепляло их глаза и возвышало их сердца.

89.

Во фрагментах "De anima" Плутарха есть несколько поразительных отрывков на эту тему. "После этого, - говорит он, очевидно, описывая какую-то часть церемонии, - появился большой свет, были показаны чистые места и луга, с танцами и всем тем, что было великолепно и свято, чтобы видеть и слышать, в котором тот, кто теперь усовершенствован посвящением и получил свободу и отпущение грехов, присоединяется к богослужениям, с увенчанной головой, в обществе чистых и святых людей, и видит оттуда нечистую непосвященную толпу смертных в глубокой трясине и тумане, попираемых и теснимых друг другом, но в страхе смерти придерживающихся своих бедствий из-за отсутствия веры в блага за гранью. Ибо из этого ясно видно, что соединение души с телом есть принуждение против природы".

90.

Греки всегда считали этих кочевников чужеземцами по происхождению и неспособными к оседлой или цивилизованной жизни. Они наносят большой вред молодым деревьям и заборам, которые никогда не уважают. И все же, когда их арестовывают за причинение вреда, они оказываются под защитой сочувствия греков, которые ненавидят любое принуждение, каким бы разумным оно ни было.

91.

Полковник Лик уже почувствовал эти трудности и переместил Элевтерию на несколько миль к юго-западу. Но СЕное и Eleutheræ должны были находиться недалеко друг от друга, судя по упоминанию в "Антиопе" Еврипида. Ср. Eurip., frag. 179 (изд. Nauck), и процитированные там отрывки.

92.

Согласно Фукидиду, пелопоннесцы сделали это в СЕное; возможно, именно в этом месте.

93.

Во время моего пребывания в Греции не было ни одной фотографии этого прекрасного здания. Единственный рисунок, который я видел, находится в таблицах "Археологического путешествия по Греции" Додвелла - великолепной книги. Форт в Филе, хотя и меньше, обладает всеми чертами, описанными в этом форте, и показывает, что они представляют собой общий тип.

94.

Этот перевал (захваченный персидской конницей перед битвой при Платее, чтобы остановить греческие поезда с провизией) фиванцы называли τρεῖς κεφαλαί, а афиняне - δρυὸς κεφ. (Herod. IX. 39) - очевидно, одно и то же старое имя, по-разному истолкованное различными Volks-etymologien. τρεῖς и δρυὸς произносятся почти одинаково в современном греческом языке, вероятно, поэтому и в древнегреческом тоже. Но я не буду касаться сложного вопроса о древнегреческом произношении.

95.

Ср. то, что я сказал в связи с рассказом Полибия об этом в моей "Греческой жизни и мысли", стр. 534 sq.

96.

Ср., например, цифры в недавнем (1891 г.) "Путеводителе Джоанны", ii. xxxvi.

97.

Действительно, в Фивах франкскими рыцарями было построено великолепное здание, которое было полностью разрушено великой каталонской компанией. Его описывает их летописец Рамон Мунтанер. На этом месте сохранились остатки одной франкской башни.

98.

См. его жизнь в "Афинах" Грегоровиуса, т. i. с. 144 sq.

99.

Легенда об этом имени теперь полностью объяснена во фрагментах "Антиопы", опубликованных мной в папирусах Петри (Williams & Norgate, 1891).

100.

Надеюсь, никто не подумает, что я намерен проявить хоть малейшее неуважение к месье Булгарису, который, согласно гораздо более надежным авторитетам, чем те, что приведены в тексте, был почтенным и уважаемым человеком. Но некоторые из его министров с тех пор были осуждены за недобросовестные действия в отношении некоторых архиепископств, которые были куплены за деньги. Этот процесс теперь является предметом истории, на которую достаточно просто сослаться.

101.

С тех пор главная власть по большей части находилась в руках М. Трикупи, честного патриота. Однако к несчастью страны, М. Делянни довел ее до грани банкротства своей абсурдной военной политикой против Турции. Вполне вероятно, что он не вел, а был увлечен этой политикой, которой были одержимы все афинские "Джинго".

102.

Эта чума кажется неизбежной в южном климате, где дома, какими бы хорошими они ни были, построены из дерева, и не подразумевает никаких неблагодарных размышлений в адрес моих изысканных и щедрых хозяев. В Морее, где дома строят из каменной кладки, даже плохо убранные дома находятся в относительной безопасности.

103.

Ср. изображение Агамемнона у Полигнота (Paus. х. 30, 3), σκήπτρῳ τε ὑπὸ τὴν ἀριστερὰν μασχάλην ἐρείδόμενος.

104.

С тех пор как были написаны эти слова, в результате исследований М. Холло в Акрæфии была обнаружена не только надпись, содержащая речь императора Нерона к грекам, но и множество любопытных останков из храма Аполлона Птооса.

105.

ὅστις δὲ τὰ σὺν τέχνῃ πεποιημένα ἐπίπροσθε τίθεται τῶν ἀρχαιοῦτα ἡκώτων, καὶ τὰδε ἐστὶν οἱ θεάσασθαι. I. 24. 3.

106.

Ср. Plut. Agesilaus, chap. xvii.

107.

Отчет об этом открытии, написанный единственным оставшимся в живых членом партии, мистером Г. Л. Тейлором, был опубликован мистером У. С. Во в Trans. of the Roy. Soc. of Lit.,

2nd series, vol. viii. pp. 1, sqq. Последний джентльмен обратил внимание на свою работу, когда эта тема обсуждалась в Академии в 1877 году. Совсем другая история была рассказана полковнику Мюре и перешла из его "Путешествий" в "Путеводитель Мюррея". Среди греков до сих пор бытует мнение, что греческий патриот по имени Одиссей, заметив камень, торчащий из глины, и ударив по нему, услышав полый звон, выкопал его и разбил на куски, вообразив, что это запись о победе Филиппа над эллинской свободой. Некоторые недоброжелатели добавляли, что он надеялся найти в нем сокровища.

108.

Мистер Тейлор и его друзья считали, что она должна была стоять на месте ныне упраздненного льва на Нортумберленд-хаусе. Нам так не показалось, но решить это трудно. Реставрация Зигеля в *Mon. of the Soc. Arch. of Rome*, за 1856 год, рисунок которой любезно прислал мне мистер А. С. Мюррей, делает позу сидячей, как у сидящего льва перед Арсеналом в Венеции. Маленький сидящий лев из Калимне с такой же позой находится в Британском музее. *Museum*. Греки, когда мой рассказ был впервые опубликован в их газетах, полностью осознали ценность этого памятника и озаботились его восстановлением. Еще во время моего пребывания здесь был назначен смотритель, но во время нашего визита он отсутствовал.

109.

С тех пор как были написаны эти слова, труды греческих археологов открыли великий полиандрион, или общую гробницу мертвых, которую поминал лев. Они лежали рядами, многие из них с переломанными костями, показывающими, как они получили свою смертельную рану, и с ними были фрагменты сломанного оружия. Никогда еще мы не приближались к древней битве и не находили более впечатляющих свидетельств о великой борьбе.

110.

Похоже, это подразумевается в рассказе об убийстве Лаия Эдипом на этой самой дороге, как оно описано в "Эдипе Тиране" Софокла.

111.

Действительно, Триполица лежит между древними городами Мантинея и Тегея, причем довольно близко к последнему.

112.

Это сделали монахи на Афоне, когда Магомет II угрожал Константинополю. Они предвидели его победу и, заблаговременно подчинившись, выдвинули свои условия, сохранив и свои свободы, и свое имущество.

113.

См. также трактат Плутарха *de Pyth. orac.* для подробного описания цицеронов и посетителей в его время.

114.

Ипподром для гонок колесниц находился, однако, на равнине внизу, как рассказывает Павсаний (х. 37, 4).

115.

Это путешествие я с тех пор совершил по железной дороге, в данном месте это безвредное новшество.

116.

Ср. отрывок, процитированный у М. Жоржа Перро выше, с. 185.

117.

С тех пор был построен комфортабельный каменный музей, и сокровища, несомненно, уже перевезены в него. Но сильное землетрясение 1885 года, произошедшее так близко от Олимпии, заставляет нас трепетать за сохранность любой скульптуры в каменном здании под надежной крышей. Как ужасно, если бы дом рухнул на Гермеса!

118.

Это мое суждение впоследствии было подтверждено авторитетом Овербека. Действительно, очень трудно правильно оценить новое открытие такого рода. Я оценил работу Алкамена, возможно, слишком высоко.

119.

Студенту, желающему изучить этот сложный предмет, следует изучить "Историю греческой скульптуры" Овербека или работы г-на А. С. Мюррея или г-на Коупленда Перри по этому же вопросу.

120.

Тот факт, что некоторые из этих публичных собраний связаны с падением тиранов, не опровергает, как мне кажется, того, что здесь выдвигается.

121.

У меня нет места, чтобы полностью изложить причины, по которым я отвергаю раннюю часть Олимпийского реестра, как изготовленную Гиппием Элидским, позднее 400 г. до н. э. Но читатель, которому интересно узнать об этом, может обратиться к моей статье в *Journal of Hellenic Studies* за 1881 год или к приложению к моим "Проблемам греческой истории" (1892). Он увидит, что нет никаких прямых доказательств существования какого-либо раннего списка, и что антиквар Павсаний, охотясь за древними памятниками в Олимпии, не смог найти ничего более раннего, чем так называемая 33-я Олимпиада. Более того, Плутарх в начале своей "Жизни Нумы" прямо говорит нам, что этот список был изготовлен Гиппиасом и не основан на достоверных свидетельствах. Поэтому принимать список перед лицом этих возражений - значит проявлять преступное легковерие.

122.

Так же и при ранней Римской империи изгнанникам на бесплодных островах Эгейского моря, по-видимому, позволялось такое снисхождение. Ср. любопытный отрывок из Плутарха, который я цитировал и объяснял в моем "Греческом мире под римским натиском", стр. 261.

123.

Очень строгие законы, процитированные Эсхином в "Тимархуме", возможно, являются подделкой, поскольку из других упоминаний мы знаем, что они не соблюдались. Но более вероятно, что они существовали как мертвая буква, которую можно было возродить, если бы потребовался случай.

124.

Современные греки и сейчас делают свой сыр для хранения в плетеных корзинах и отличают его от *χλωρός τυρός*, который сейчас означает сливочный сыр и который они несут на рынок в шерстяных мешках. Во времена Аристофана в Афинах существовал специальный рынок для него, но не в шерстяных мешках; ибо, как указал мне мистер Пикеринг (из школы Шрусбери),

сливочный сыр времен Аристофана хранился в плетеных изделиях. Я с радостью отмечаю это исправление примечания в моем прежнем издании.

125.

Я должен, однако, обратить внимание на исключительную вазу в маленьком турецком доме на Акрополе, вероятно, позднего времени, на которой изображен бегун с отведенными назад локтями и сомкнутыми руками, расположенными у его боков, в очень хорошей форме.

126.

Павсаний ответственен за дату, которую он, вероятно, скопировал у Гиппия Элидского. Особое удивление вызывает тот факт, что один и тот же человек выиграл спринт и длинную гонку в Олимпии, что говорит о том, что последняя должна была быть в основном испытанием на выносливость. Спартанец Ладас умер на победном столбе, и такая выносливость считалась довольно удивительным подвигом, но, конечно, его смерть могла быть следствием плохой тренировки или болезни сердца.

127.

"Не знаете ли вы, - говорит святой Павел, - что все бегут, а один получает венец?" - совершенно иное положение вещей, чем в "Илиаде", где каждый участник, подобно мальчикам в частной школе, выходит с призом.

128.

Возможно, этот особый вид борьбы спутали с панкратионом, от которого он мало чем отличался, если вообще существовал постоянно как отдельный вид борьбы.

129.

Отдельные соревнования по бегу и борьбе отличались от соревнований по пятиборью и награждались отдельными коронами.

130.

Именно этот момент выбрал Канова для своего знаменитого изображения этих боксеров в Ватикане, о чем я не знал, пока мне не указал на это, исправляя ошибку, которую я допустил в отношении них, мистер М'Д. Кэмпбелл из Глазго.

131.

Первый случай мошенничества, как говорят, произошел в 98 г. (388 г. до н. э.), когда фессалиец Эвполос был осужден за подкуп трех боксеров, выступавших против него, один из которых победил в предыдущей встрече. Такие преступления отмечались бронзовыми фигурками Зевса (в Элисе их называли Ζῆνες), которые были равны стоимости наложенных штрафов и имели надписи, предупреждающие всех атлетов об опасности и позоре мошенничества.

132.

Читатель найдет несколько иллюстраций этого в моей книге "Социальная Греция", 6-е издание, стр. 96.

133.

Впоследствии она была вставлена из моих заметок в английский перевод "Греции" Бедекера.

134.

Полибий, iv. 70.

135.

К этому времени (1891 г.), вероятно, существует три или четыре конкурента, которые путешественник увидит в своем путеводителе, если он не будет зависеть от "Guide Joanne", который пренебрегает такой информацией. Дом, на который я ссылаюсь в тексте, - это отель "С. Джордж".

136.

Этому не противоречит факт существования отдельных аркадских поэтов, таких как Эчемброт и Аристарх, выдающихся в иностранных школах искусства.

137.

Эклоги Петрарки созданы по образцу эклог Вергилия, за исключением наиболее характерных черт, заимствованных последним у Феокрита.

138.

Следующий отрывок из первого прозаического произведения книги покажет, насколько абсолютно воображаемой является его Аркадия, с ее невозможным сочетанием деревьев и отсутствием зимы: - "Giace nella commomme".

"Giace nella sommità di Partenio, non umile monte della pastorale Arcadia, un dilettevole piano, di ampiezza non molto spazioso, peroche il sito del luogo non consente, ma di minuta e verdissima erbetta sì ripieno, che, se le lascive pecorelle con gli avidi morsi non vi pasceresso, vi si potrebbe d'ogni tempo ritrovare verdura. Ove, se io non m'inganno, son forse dodici o quindici alberi di tanto strana ed eccessiva bellezza, che chiunque le vedesse, giudicherebbe che la maestra natura vi si fosse con sommo diletto studiata in formarli. Li quali alquanto distanti, ed in ordine non artificioso disposti, con la loro rarità la naturale bellezza del luogo oltra misura annobiliscono. Quivi senza nodo veruno si vede il dritissimo abete, nato a sostenere i pericoli del mare; e con più aperti rami la robusta quercia, e l'alto frassino, e lo amenissimo platano vi si distendano, con le loro ombre non picciola parte del bello e copioso prato occupando; ed evvi con più breve fronda l'albero, di che Ercole coronare si solea, nel cui pedale le misere figliuole di Climene furono trasformate: ed in un de' lati si scerne il noderoso castagno, il fronzuto bosco, e con puntate foglie lo eccelso pino carico di durissimi frutti; nell' altro l'ombroso faggio, la incorruttibile tiglia, il fragile tamarisco, insieme con la orientale palma, dolci ed onorato premio dei vincitori. Ma fra tutti nel mezzo, presso un chiaro fonte, sorge verso il cielo un dritto cipresso" и т. д., и т. п. Кроме того, произведение изобилует прямыми подражаниями Вергилию, а не Феокриту, как полагают итальянские комментаторы, поскольку этот поэт не печатался должным образом до 1495 года, что, должно быть, было очень близко к дате фактического создания "Аркадии".

139.

Стоит отметить, что аркадийское видение в "Пастыре Гермы", описывающее сцену двенадцати гор с разнообразными и контрастными аспектами, хотя и предназначено для аллегорической цели, на самом деле точно соответствует природе и предполагает, что автор знал что-то о стране, которую он описывает.

140.

Павсаний помещает исток Алфея выше и ближе к Тегее на восточной равнине.

141.

Так говорит Павсаний, хотя современные ученые в этом сильно сомневаются.

142.

Некоторые детали, такие как необычная длина в соотношении с шириной, задействованные колонны внутри целлы и формы капителей, теперь объясняются как намеренная архаика со стороны Иктина, который копировал здесь гораздо более древние формы. Любопытные ионические и даже коринфские капители могут указывать на старые азиатские или ассирийские модели, а пропорции целлы с ее задействованными колоннами имеют свой прототип или параллель в любопытном старом Гереоне (см. с. 304), найденном в Олимпии. Это кажется мне очень удачным решением трудностей и показывает нам Иктина в новом свете. Другим образцом его искусства, с неожиданными чертами, может быть недавно обнаруженный Зал мистерий в Элевсисе, уже описанный, если это действительно его работа, а не поздняя копия.

143.

То же самое, должно быть, происходило и с Мессеной, которую Эпаминондас заложил в абсурдно больших масштабах, о чем свидетельствуют остатки огромных стен. Похоже, они предназначались для ограждения целого прихода, а не города. Но об этом я еще расскажу, с. 452.

144.

Достигнутые до сих пор результаты остаются неопределенными из-за активной полемики между доктором Дёрпфельдом и английскими исследователями, которая до сих пор (1892) не разрешена. Я не хочу вдаваться в эту тему.

145.

В последних рассказах обычно забывают, что это разграбление города было не более чем возмездием за отвратительную резню всего турецкого населения, включая женщин и детей, хладнокровно устроенную восставшими греками. Подробности можно найти в мемуарах генерала Гордона или в "Истории Финлея".

146.

Страбон упоминает, что новые поселенцы, натываясь на старые гробницы при рытье новых фундаментов, находили там множество изящной керамики, которая была продана римлянам и вошла в моду. Поэтому ее старательно искали и продавали под названием *νεκροκόρινθα*. Мы можем быть уверены, что каждая древняя гробница была разграблена подобным образом.

147.

При основании нового греческого царства серьезно обсуждался вопрос о том, не должен ли Коринф стать столицей; но постоянное распространение лихорадки в этом районе, а также сентиментальные причины определили выбор в пользу Афин.

148.

Даже новая железная дорога не изменила ситуацию. Путешествие вверх и вниз по заливу на каботажном пароходе по-прежнему стоит того, чтобы его совершить.

149.

М. Виолле-ле-Дюк в своих "Записках об архитектуре", т. I, с. 45, объясняет причину этого. Помимо того, что из известняка легче поднимать небольшие блоки, большинство из них имеют дефекты, которые обнаруживаются только при деформации. Поэтому было гораздо безопаснее поддерживать антаблемент на двух отдельных балках, одна из которых могла бы поддерживать здание, хотя бы временно, в случае, если другая треснет.

150.

Ср. стр. 370 и 433.

151.

Страбон, который, по-видимому, мало путешествовал по Греции, с восхищением говорит об этом виде, который он, очевидно, видел. Крепость Карытена расположена на двадцать или тридцать футов выше и гораздо живописнее снизу, но она слишком окружена другими высокими горами, чтобы с нее открывался вид, подобный тому, что открывается с Акрокоринфа.

152.

См. также Guide Joanne, ii. p. 197.

153.

Именно об этом говорит Страбон (viii. 6, § 21): ἔκρυσιν μὲν οὐκ ἔχουσιν μεστήν δ' αἰεὶ διαυγοῦς καὶ ποτίμου ὕδατος, а Коринф был одним из немногих греческих мест, которые он посетил.

154.

Так же говорят об амфитеатре и ученые мужи. Герцберг (ii. 253) говорит: "Seine Ruine steht noch heute". Ср. также Friedländer, ii. 383, но я не смог его найти.

155.

Часть ii. p. 198, sq. (1891).

156.

Читатель, совершивший это путешествие на поезде, может подумать, не является ли нижеследующее более старым и лучшим способом.

157.

πολλὸς δὲ καὶ ὡς ῥόδα κίσθος ἐπανθεῖ.-Theocr. v. 131.

158.

На востоке Италии, примерно на полпути между Анконой и Монте-Гаргано, есть участок морского побережья, который обладает этим теократическим характером в совершенстве. Даже железнодорожный пассажир может оценить любопытный контраст с великолепными садами и огородами Бари, которые находятся еще дальше к югу.

159.

οὐ θέμις, ὦ ποιμήν, τὸ μεσημβρινόν, οὐ θέμις ἄμμιν

συρίσδεν. τὸν Πᾶνα δεδοίκαμες- ἧ γὰρ ἀπ' ἄγρας

τανίκα κεκμηῶς ἀμπαύεται, ἐστὶ γὰρ πικρός,

καὶ οἱ αἰεὶ ὀριμεῖα χολὰ ποτὶ ῥινὶ κάθεται.-Theocr. i. 15.

160.

τοὺς μὴν ὄγε λάεσσιν ἀπὸ χθονὸς ὅσσον αἰείρων

γευγέμην ἄψ ὀπίσω δειδίσσετο, τρηχὺ δὲ φωνῇ

ῆπείλει μάλα πᾶσιν, ἐρητύσασκε δ' ὕλαγμοῦ,

χαίρων ἐν φρησὶν ἧσιν, ὀθούνεκεν αὔλιν ἔρυντο.

ТНЕОСР. xxv. 73, и ср. Odyss. xiv. 29 sq.

161.

Павсаний говорит о Микенах и Тирине как о подобных сооружениях, что не соответствует действительности. Он часто с удивлением упоминает эти стены и размышляет о том, с какой тщательностью греческие историки описывали иностранные диковинки вроде пирамид, в то время как столь же замечательные вещи в Греции оставались незамеченными. Так, он говорит, что ни одна пара мулов не могла сдвинуть с места самый маленький из блоков в стенах Тирина. Ср. ii. 25, 8; и ix. 36, 5.

162.

Тот же эффект можно наблюдать в форте Стайг, в графстве Керри, и это заставило некоторых людей предположить, что его камни были грубо обработаны. См. великолепные фотографии этого ирландского Тирина в "Заметках об ирландской архитектуре" лорда Данрейвена.

163.

полуδίψιον. Фрагмент Гесиода (цитируемый Евстафием в II., р. 350) отмечает этот эпитет, чтобы объяснить, что он больше не соответствует действительности: Ἄργος ἄνυδρον ἔον Δαναὸς ποίησεν ἔνυδρον. Страбон (viii. р. 256) объясняет это тем, что эпитет относится только к городу Аргос, чего Гомер, конечно, не делал, и признает, что страна была хорошо полита. Павсаний (ii. 15, 5) говорит, что все реки пересыхали, за исключением дождливой погоды, что редко встречается сейчас.

164.

ἀλλ' ἀνθηρῶν λειμώνων, φύλλων τ' ἐν κόλποις ναίω,

ἡνίκ' ἄν ὁ θεσπέσιος ὄξυ μέλος ἀχέτας

θάλπεσι μεσημβρινοῖς ἡλιομανῆς βοᾷ. (Aves, 1092-8.)

Малоизвестные строки в "Щите Геракла" также стоит процитировать (393, sqq.):-

ἦμος δὲ χλοερῷ κυανόπτερος, ἡχέτα τέττιξ,

ὄζω ἐφεζόμενος, θέρας ἀνθρώποισιν αἰεδεῖν

ἄρχεται, ὧς τε πόσις καὶ βρῶσις θῆλυς ἐέρση,

καὶ τε πανημέριός τε καὶ ἑῷος χέει αὐδὴν

ἴδει ἐν αἰνοτάτῳ, ὅποτε χροῶ Σεῖριος ἄζει.

165.

Этих циклопов, искусных строителей и даже мастеров по обработке металла, следует тщательно отличать от грубых и диких циклопов, которые в "Одиссее" Гомера изображены как обитатели Тринакрии, расположенной в западных морях.

166.

Во времена написания "Илиады" мы видим, что могущество и величие Микинеи отчетливо выражено властью Агамемнона, который, кажется, правит всей округой и многими островами. Однако великий герой, Диомед, становится владыкой Аргоса и Тирина, расположенных в непосредственной близости от него. Эта трудность заставила некоторых критиков предположить, что все деяния Диомеда были вброшены кем-то из аргивских чтецов "Илиады". Не принимая эту теорию, которая кажется мне экстравагантной, я бы

предположил, что во времена поэта Аргос быстро приобретал первоклассное значение, в то время как все старые легенды свидетельствовали о величии Микен. Таким образом, поэт, который был вынужден собрать воедино материалы, предоставленные ему различными более древними и короткими поэмами, оказался перед необходимостью согласовать более свежие легенды об Аргосе с более древними о Микенах.

167.

Я предпочитаю эту точку зрения даже той, что была получена из театра Таормины на Сицилии, который так справедливо прославлен и который многие считают лучшим в Европе.

168.

Ср. его исчерпывающую статью о средневековой истории Греции в "Энциклопедии" Эрша и Грубера, т. lxxv., и особенно его опровержение теории Фаллмерайера, стр. 100-19.

169.

Великий авторитет, чье мнение я глубоко уважаю, - профессор Сейс - заходит так далеко, что говорит, что язык сам по себе не является доказательством расы, а только социального контакта. Я не рискну отрицать, что есть случаи, когда это так, и когда вторгшиеся чужаки перенимали язык побежденных, хотя он был им совершенно чужд. Но, конечно, это исключение, а не правило, и существует *primâ facie* вероятность того, что хорошо сохранившийся язык указывает на хорошо сохранившуюся расу.

170.

Этот факт укрепляет мою уверенность в том, что в ранний период Эгина работала на серебряных рудниках Лаврии.

171.

Ср. фрагмент Пиндара для коринфского ἑταῖρα.

172.

Бронзовая корова Мирона, по-видимому, также вызвала восхищение, судя по множеству эпиграмм, написанных на ней, которые сохранились до наших дней.

173.

Ср. рассказ о его привычках в его труде "Тирин", сар. I.

174.

Я специально наводил справки о них, но безрезультатно. Похоже, они утеряны.

175.

Ср. с. 389, а также о бесчинствах галатских наемников при Филиппе V Македонском.

176.

Мусенæ, р. 49.

177.

Согласно Павсанию, сокровищница Миния была построена иначе, так как верхний камень ее плоского купола был краеугольным камнем (ἄρμολία) всего здания. Это неправда. Каменные крыши в Ирландии кажутся мне гораздо более любопытными по конструкции по двум причинам: во-первых, потому что используемые камни очень малы; во-вторых, потому что на крышу, конечно, не может быть такого давления, как на подземную камеру сверху.

178.

См. "Древности Кертча" Макферсона.

179.

Существует странное разнообразие мнений о природе этого камня. Додвелл и Лик называют его базальтом. Более того, Додвелл считает его зеленоватым. Кто-то другой считает его желтоватым. Французская экспедиция и Курциус называют его известняком. Доктор Шлиман говорит, что это та же брекчия, что и остальные ворота. Именно перед лицом этих мнений я упорно утверждаю, что это голубоватый известняк.

Именно благодаря этой заметке ворота были вновь критически исследованы мистером Такеттом, который опубликовал свои результаты в "Architect" от 19 января 1879 года, и у которого были проанализированы фрагменты камня, что подтвердило мои наблюдения. Он также отмечает, что несколько наблюдателей ошибались относительно формы центральной колонны, которая не уменьшается в объеме по направлению вниз.

180.

Это, как я понимаю, мнение доктора Шлимана. Он первым показал, что вдоль входной стены тонкое здание с квадратными блоками было лишь облицовкой, положенной на нерегулярное здание с мелкими камнями. Это ясно указывает на два последовательных этапа в работе.

181.

На эти аналогии обращает внимание г-н А. С. Мюррей в "Академии", № 29. Ср. также Дёрпфельд в Schuchhardt, p. 161.

182.

Это не относится к ирландским образцам, которые я тщательно сравнивал с микенскими и не нашел никакой идентичности, хотя и много близкого сходства.

183.

Согласен с мнением Шухардта (в "Раскопках Шлимана", 1891) и Бузольта в новом издании его "Греческой истории", 1892.

184.

Эту мою теорию, изложенную в моем первом издании, решительно поддерживает д-р Адлер в своем предисловии к "Тирину" Шлимана (1885).

185.

Все это было сделано, но, увы, многие золотые кубки были отполированы варварским рвением хранителей, что уничтожило изысканный красный цвет, который делал их столь примечательными.

186.

Афон, или Гора монахов. Ательстан Райли. Longmans, 1887. Это самая новая и лучшая книга по данной теме.

187.

Те немногие путешественники, которые видели это самое живописное из всех европейских зданий, должно быть, с болезненным потрясением узнали, что оно сгорело весной 1891 года.

Примечание транскриптора

Иллюстрации в оригинальном томе были напечатаны на отдельных, не сброшюрованных листах. Подписи к ним были напечатаны на оборотной стороне листов.

В текст внесены следующие изменения:

- стр. 59, добавлен апостроф в словах "à l' Eugénie"
- стр. 101, "Erectheum" заменено на "Erechtheum"
- стр. 125, после слова "Bühnenalt" добавлена точка
- стр. 140, "Анаксгор" заменено на "Анаксагор"
- страница 144, "чем" заменено на "что"
- страница 147, "fueillages" заменено на "feuillages", "caractèristiques" на "caractéristiques"
- стр. 188, "aujhourd'hui" заменено на "aujourd'hui"
- стр. 197, "pollared" заменено на "pollarded"
- стр. 201, точка добавлена после "23", "Ксенофен" заменено на "Ксенофонт", одинарная кавычка заменена на двойную перед "Я был свидетелем"
- стр. 211, "Oed." заменено на "Œd."
- стр. 213, "инициация" заменено на "посвящение"
- стр. 216, "Эмиль" заменено на "Émile"
- стр. 263, после слова "оригиналы" добавлена точка
- стр. 282, запятая заменена на точку после слова "память"
- стр. 369, "Basse" заменено на "Bassæ"
- страница 471, "гаральдический" заменено на "геральдический"
- Стр. 481, кавычки перед "но" удалены
- Страница 519, "до сих пор" заменено на "до"
- стр. 531, запятая добавлена после "Alkamenes", точка добавлена после "154", точка с запятой заменена на запятую после "sq." и "321-324"
- Стр. 532, "plagues" заменено на "plaques", "Copias" заменено на "Copais", точка добавлена после "131" и "246"
- стр. 533, тире добавлено между "425" и "427", точка добавлена после "505", точка с запятой заменена на запятую после "кв."
- стр. 534, "Pausanius" заменено на "Pausanias", "Mycenæn" заменено на "Mycenæan", "151,;" заменено на "151,;"
- стр. 535, точка с запятой заменена на запятую после первого "sq."

Варианты дефисного написания (например, "prehistoric", "pre-historic"; "halfway", "half-way") не были изменены. Не изменены также варианты написания в подписях к таблицам и в указателе.
